Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

Берестов Игорь Владимирович

АРГУМЕНТЫ ПАРМЕНИДА ПРОТИВ МНОЖЕСТВЕННОСТИ СУЩЕГО В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

09.00.03 – История философии

Диссертация
на соискание учёной степени
доктора философских наук

Научный консультант
доктор философских наук, профессор
Горан Василий Павлович

Новосибирск-2021

Оглавление

Введение 5

Глава I Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии 26

§ I.1 Введение к главе I 26

§ I.2. Мотивы конструирования семантики для аргументирующих философских текстов 34

§ I.3 Дискуссия о методологии истории философии и семантике философских убеждений 38

§ I.4 Лексикон и синтаксис языка L_1 55

§ I.5 Условия, задающие модель 58

§ I.6 Вариант функции валюации 68

§ I.7 Условия истинности формул 69

§ I.8 Формализация (7) на языке L_1 73

§ I.9 УЗМ для (7′) 75

§ I.10 Дополнительные типы значений 79

§ I.11 Заключение к главе I 88

Глава II. Интерпретации Парменида, его критика и способы ответить на неё 96

§ II.1 Введение к главе II. Предварительный характер настоящей главы 96

§ II.2 Критический анализ поэмы Парменида в современных историко-философских исследованиях 100

§ II.2.1 Критика 28 B 2.3 DK Л. М. Де Рейком 101

§ II.2.2 Анализ обвинения А. Мурелатосом положения «не-сущее не мыслится» в самореферентной непоследовательности 110

§ II.2.3 Другие дефекты в рассуждении Парменида, обнаруживаемые Г. Оуэном, А. Мурелатосом и другими исследователями 118

§ II.3 Критика Парменида в Античности 133

§ II.3.1 Критика Парменида Платоном 133

§ II.3.2 Критика Парменида Аристотелем из *Phys*. A, 3 144

§ II.3.3 Упрощённая версия критики из *Phys*. A, 3 153

§ II.3.4 Возможный ответ на критику из *Phys*. A, 3 156

§ II. 4 Заключение к главе II *172*

Глава III Первая линия аргументации в пользу немножественности сущего в поэме Парменида **176**

§ III.1 Введение к главе III *176*

§ III.2 Сущее у Парменида как внутренний объект мышления *178*

§ III.3 Три трактовки Первой линии аргументации у Парменида *185*

§ III.4 Свидетельства в пользу (T3) *192*

§ III.5 Свидетельства в пользу (T4) *193*

§ III.6 Свидетельства в пользу (T2) *196*

§ III.7 Формализация 1-го варианта ПЛ – рассуждения (T2a)&(T3a) ⇒ (T4a) *207*

§ III.8 Формализация 2-го варианта ПЛ – рассуждения (T2b)&(T3b) ⇒ (T4b) *227*

§ III.9 Формализация 3-го варианта ПЛ – рассуждения (T2c)&(T3c) ⇒ (T4c). *228*

§ III.10 Внутренний интенциональный объект vs. предикационный монизм *230*

§ III.11 Признание Парменидом положения (T2c) в 28 B 2 DK *233*

§ III.11.1 Варианты формализации ключевых положений из 28 B 2 DK 233

§ III.11.2 Ещё одна формализация (T2*c*) – в виде (HPr^{1}) – и вывод из неё (B2.3), (B2.3´), (B2.5) и (B2.5´) 238

§ III.12 Заключение к главе III *246*

Глава IV Холистическое допущение из ПЛ у Протагора, Горгия, Платона, Секста Эмпирика и Плотина **251**

§ IV.1 Введение к главе IV *251*

§ IV.2 Формализация холизма *253*

§ IV.3 (HPr) в тезисе homo mensura Протагора *261*

§ IV.4 Аргументы Горгия из MXG VI, §§ 23, 25, 26 ..... *267*

§ IV.4.1 Введение к § IV.4 267

§ IV.4.2 *MXG* VI, § 23 269

§ IV.4.3 *MXG*, VI, § 25 272

§ IV.4.4 Заключение аргумента Горгия: *MXG* VI, § 26 274

§ IV.5 (HPr^{b}) и (HPr) у Платона *276*

§ IV.5.1 (HPr) в «Теэтете» 276

§ IV.5.2 (HPr) в «Парменида» 279

§ IV.5.3 (HPr) в «Софисте» 280

§ IV.5.4 (HPr^b) в «Евтидеме» 281
§ IV.5.5 (HPr^b) от «Лахета» до «Филеба» 283

§ IV.6 (HPr) и другие частные случаи (H) у Секста Эмпирика 286

§ IV.7 Признание Плотином частного случая (H^1) для мира Ума 303

§ IV.8 Востребованность (H) и (H^1) в современных семантиках для модальной логики и для пропозициональных установок 311

§ IV.9 ПЛ в контексте аргументации против множественности сущего у Зенона Элейского 319

§ IV.10 Заключение к главе IV 325

Заключение 330

Список сокращений 351

Список использованной литературы 353

Введение

Актуальность исследования.

Рассуждения об аргументах против множественности сущего у элеатов часто трактуются как попытки постановки или решения «проблемы единого–многого в античной философии». Обычно считается, что до сократических школ и Платона «проблему единого–многого» пытались решить философы, относимые к элейской школе: Ксенофан, аргументы которого в пользу единого бога могут быть связаны с избранием Парменидом «единого» как «знака сущего»; Парменид, вероятно, доказывавший в своей поэме «монистический тезис» о немножественности сущего (в некоторых интерпретациях речь идёт о немножественности сущего в определённых аспектах, о специфических видах монизма); Зенон Элейский, вероятно, стремившийся обосновать этот же тезис через доказательство неприемлемости позиции тех, кто признаёт множественность сущего; Мелисс, вероятно, пытавшийся доказать немножественность сущего через невозможность отграничить одно сущее от другого – вероятно, используя рассуждение из поэмы Парменида о том, что отграничить сущее от сущего могло бы только не-сущее, но последнее не существует. Также к философам, работы которых интерпретируются как направленные на решение «проблемы единого-многого», многие исследователи относят Анаксагора, Эмпедокла, Филолая, Диогена Аполонийского, Левкиппа и Демокрита.

Один из способов весьма приблизительной формулировки «проблемы единого-многого» может быть представлен в следующем виде. Парменид изложил аргументы в пользу «монизма» некоторого вида. Зенон Элейский и Мелисс также предложили аргументы в пользу «монизма» (того же вида, что и парменидовский монизм, или другого вида). Однако выводы Парменида, Зенона и Мелисса контрастировали с чувственно-воспринимаемым миром, в котором сущее множественно. Это заставило последующих философов (например,

атомистов) искать способ согласования позиции элеатов с чувственно-воспринимаемым миром, что нелегко сделать.

В общих чертах, описанный подход к «проблеме единого-многого» разделяется в монографии Stokes M. C. One and Many in Presocratic Philosophy. Washington: Center for Hellenic Studies, 1971. ix, 355 p. Однако имеется подход, описанный в монографии Curd P. The Legacy of Parmenides: Eleatic Monism and Later Presocratic Thought. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2004. xxxix, 280 p. (Originally published in 1998 by Princeton University Press), который противостоит подходу М. Стокса. Подход П. Кёрд можно было бы назвать элиминацией «проблемы единого-многого», поскольку приписываемый П. Кёрд Пармениду «предикационный монизм» не запрещает наличие множества различных сущих. Подход П. Кёрд основывается на одной из наиболее значимых историко-философских исследований сохранившихся фрагментов поэмы Парменида Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. Las Vegas, Zürich, Athens: Parmenides Publishing, 2008. (Originally published in 1970 by Yale University Press). I–L, 1–293 p.

Мы видим, что имеются две конкурирующие точки зрения на само существование «проблемы единого-многого», а также на ту роль, которую наследие Парменида играло в последующей древнегреческой философии. Принятие той или иной точки зрения зависит от того, какой именно тезис доказывал Парменид. Скажем, какой именно монизм он пытался обосновать – нумерический, предикационный, или какой-то иной? Это зависит от трактовки дошедших до нас фрагментов поэмы Парменида, и современные историки философии предложили несколько конкурирующих трактовок (G. Calogero, J. Burnet, F. M. Cornford, M. Furth, G. E. L. Owen, A. P. D. Mourelatos, P. Curd, S. Austin, A. F. Lewis, J. Barnes, A. A. Long, G. Vlastos, R. Ketchum, L. Rossetti, M. Marcinkowska-Rosół, J. A. I. Palmer, A. H. Coxon, K. von Fritz, L. Tarán, N.-L. Cordero, I. Crystal, M. J. Henn, T. Robinson, Ch. Kahn, A. Finkelberg, D. J. Furley, М. Н. Вольф, А. В. Лебедев, В. П. Горан, Ю. М. Романенко, В. О. Лобовиков, Ф. Х. Кессиди, А. Ф. Лосев, А. В. Ахутин, М. Хайдеггер,

А. Л. Доброхотов, Н. В. Голбан, А. В. Богомолов, М. А. Монин, В. Г. Рохмистров и др.).

Каждая трактовка Парменида претендует на то, что предлагаемая ею интерпретация более достоверна, позволяет лучше объяснить влияние элеатов на последующих философов и область интересов последних, и т. д. Указанное разнообразие трактовок показывает, что ***тема исследования актуальна для современных историко-философских дискуссий***.

Разнообразие трактовок Парменида требует от исследователя умения *критически* оценивать уже существующие интерпретации – т. е. умения оценивать их в соответствии с чётко прописанными *критериями*. И здесь мы вынуждены коснуться традиционных споров о методологии истории философии.

Среди таких споров о наиболее общих методологических вопросах истории философии важное место занимает спор между контекстуалистами и апроприационистами, идущий, по большей части, среди англоязычных историков философии с 60-х годов прошлого века. Контекстуалисты (к числу которых можно отнести Р. Рорти, Р. Козелика, Дж. Поккока, Кв. Скиннера, М. Бивира), являющиеся современными наследниками историцистов (к последним относят, например, Леопольда фон Ранке и Р. Коллингвуда) и разделяющие бóльшую часть историцистских подходов, требуют трактовать рассматриваемый текст через тщательное изучение ближайшего его контекста (в том числе социального, культурного и проч.). Апроприационисты (к числу которых можно отнести современных исследователей Дж. Пассмора и Дж. Беннетта, во многом являющихся наследниками таких представителей Оксфордской школы реализма, как С. Александер, Г. Причард, Б. Рассел), со своей стороны, требуют трактовать тексты древних философов так, чтобы их можно было встраивать в современные философские дискуссии, и любые исследования, в том числе изучение контекста, должны проводиться только ради этой цели. Использование при интерпретации древних текстов современного концептуального аппарата и технических средств приветствуется апроприационистами, но неприемлемо для контекстуалистов.

Наиболее известные и обсуждаемые интерпретации позиций Парменида, касающиеся не состояния источников и других текстологических вопросов, а собственно философского содержания сохранившихся фрагментов этих философов, с 60-х годов прошлого века содержат современный концептуальный аппарат или современные технические средства, а значит – в большей или меньшей степени – следуют апроприационистскому подходу. Но это означает, что эти исследования не удовлетворяют контекстуалистским критериям. Примеры в значительной степени «апроприационистских» работ, касающихся аргументации Парменида против множественности сущего, являются: Barnes J. The Presocratic Philosophers. London: Routledge & Kegan Paul, 1979. In 2 vols.; Lewis A. F. Parmenides' Modal Fallacy // Phronesis. 2009. Vol. 54. P. 1–8; Wedin M. V. Parmenides' Grand Deduction: A Logical Reconstruction of the Way of Truth. Oxford (UK): Oxford University Press, 2014. x, 275 p.

Аналогично, те работы, которые удовлетворяют контекстуалистским критериям, не удовлетворяют апроприационистским критериям. Примерами таких работ являются: Cordero N. L. By Being, It is: The Thesis of Parmenides. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2004. xi, 215 p.; Coxon A. H. The Fragments of Parmenides. A Critical Text with Introduction, Translation, the Ancient *Testimonia* and Commentary. Assen: Van Gorcum, 1986. viii, 277 p.; Sisko J. E., Weiss Y. A Fourth Alternative in Interpreting Parmenides // Phronesis. 2015. Vol. 60, no. 1. P. 40–59.

Можно сказать, что какой бы ни была историко-философская работа о Пармениде, она не удовлетворяет критериям одного из противостоящих лагерей в методологии истории философии – либо контекстуалистов, либо апроприационистов. Ситуация с работами о других древнегреческих философах аналогична. Особенно ясно это противостояние апроприационистского и контекстуалистского подходов видно в работах об аргументах Зенона Элейского против множественности сущего и против движения; «апроприационистские» работы по этой теме гораздо теснее связаны с современными дискуссиями о континууме, теориях размерностей и о «машинах бесконечности», чем с сохранившимися изложениями зеноновских аргументов. Тем не менее, доводы,

представляемые в защиту своей позиции обоими лагерями, кажутся весьма разумными. Сложившаяся ситуация с полемикой между контекстуализмом и апроприационизмом приводит к тому, что необходимым условием для оценки историко-философской состоятельности имеющихся исследований учения Парменида является разработка методологии, учитывающей подходы контекстуализма и апроприационизма, но формулирующей такие критерии историко-философской работы, удовлетворить которым всё-таки возможно. Только после этого можно оценивать достоинства и недостатки исследований, посвящённых Пармениду, и пытаться решить проблемы, возникшие в современных дискуссиях.

Проблему нашего исследования, в связи с существованием указанной дискуссии о методологии историко-философского исследования, можно сформулировать следующим образом:

можно ли сконструировать методологию историко-философского исследования, которая:

a) была бы устойчива к доводам, выдвигаемым друг против друга апроприационистами и контекстуалистами;

b) была бы способна показать свою работоспособность и преимущества при интерпретациях текстов Парменида, содержащих аргументы против множественности сущего, встраивающая эти аргументы в современные философские дискуссии, но не приписывающая Пармениду исторически недостоверных убеждений.

Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что методология историко-философского исследования, удовлетворяющая указанным условиям *a*) и *b*), может быть построена.

Степень разработанности проблемы исследования.

Попытки решить проблему исследования в представленной формулировке отсутствуют, но многие уже разработанные подходы к историко-философской методологии – а именно, исследования, в которых выявляются недостатки контекстуализма или апроприационизма – могут быть отнесены к

разрабатывающим проблему настоящего исследования, поскольку будут использоваться в предлагаемом нами подходе к решению поставленной проблемы. Также к разрабатывающим проблему настоящего исследования могут быть отнесены современные апроприационистские интерпретации, которые, правда, для успешного решения проблемы настоящего исследования необходимо скорректировать и снабдить защитой от атак контекстуалистов, для чего следует показать, что такие интерпретации не приписывают Пармениду исторически невозможных убеждений.

Недостатки существующих версий контекстуализма и апроприационизма выявляются в ходе полемики между этими лагерями, а также внутри каждого из лагерей. Попытка преодолеть уязвимость контекстуализма наблюдается уже у создателя «истории идей» А. Лавджоя – по крайней мере, в трактовке М. Мандельбаума – поскольку А. Лавджой требует при интерпретации древнего текста учитывать не только прошлое, но также и то, что важно для интерпретатора в настоящем. Однако вопрос Р. Рорти о том, как доказать, что таким апроприационистским способом интерпретированный текст будет иметь отношение к реальной истории остаётся открытым и у А. Лавджоя, и у М. Мандельбуама.

М. Бивир критикует контекстуалистов Дж. Покока и Кв. Скиннера (сторонников направления, называемого «Кембриджской школой интеллектуальной истории»), и предлагает собственную методологию. Методология М. Бивира, однако, целиком остаётся в рамках контекстуалиизма, привязывая смысл философских текстов ко времени, в которых они появились, и поэтому уязвима перед лицом очерченной выше апроприационистской критики.

Другая замеченная исследователями (R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner) проблема с контекстуализмом, связана с неограниченным расширением контекста, который контекстуализм требует учитывать при интерпретации исходного философского текста. Этот текст интерпретируется через тексты, вещи, события, уже не имеющие никакого отношения к собственно философии, в

результате предметом изучения становится не история философии, а практически необозримая «интеллектуальная история».

По И. Ш. Зарке (Y. Ch. Zarka), апроприационизм опасен уходом в субъективное, не подкреплённое историческим анализом, фантазирование об убеждениях древних философов; контекстуализм, настаивающий на интерпретации философских текстов через их контекст, в действительности предлагает нереализуемую методологию, поскольку контекст настолько же нуждается в интерпретации, что и исходный текст. С точки зрения И. Ш. Зарки, назрела необходимость построения такой истории философии, которая объективно состоятельна как с точки зрения философии (объекты которой не привязаны к контексту), так и истории (объекты которой укоренены в контексте); но он не пытается обосновать возможность такой истории философии и представить её методологию. Также во многим декларацией или пожеланием остаётся рассуждение о возможности сохранения философского инструментария при его несомненном изменении у Т. Сорелла (T. Sorell).

П. Кинг (P. King) критикует контекстуалистов, отмечая, что они не могут высказываться об объектах древних философов вообще, поскольку находятся в совершенно другом, современном, контексте, но П. Кинг не предлагает выхода из сложившегося положения. Со своей стороны, многие контекстуалисты (V. Tejera, Q. Skinner, J. Cottinham и др.), защищая свою позицию, критикуют апроприационистов, требуют от последних воздержаться от «антиисторических методов», в том числе – от использования современного концептуального аппарата и технических средств.

Что же касается конкретных историко-философских исследований, затрагивающих тему настоящей диссертации – аргументация против множественности сущего у Парменида, – то имеется значительное количество исследований, *создающих условия* для связывания аргументов Парменида с современными философскими дискуссиями, поскольку эти аргументы трактуются с использованием современного концептуального аппарата и технических средств (M. Furth, G. E. L. Owen, A. P. D. Mourelatos, P. Curd, A. F. Lewis, J. Barnes,

R. Ketchum, M. Wedin и др.). В этом смысле эти исследования можно считать разрабатывающими проблему настоящего исследования. Однако неразрешённость методологических споров между контекстуализмом и апроприационизмом делает эти исследования подверженными контекстуалистской критике.

Кроме того, под влиянием критики контекстуалистов апроприационисты стремятся свести к минимуму использование ими современного технического аппарата, пытаются сделать его как можно более «простым». Такое ограничение на используемые выразительные средства сильно сужает область доступных интерпретаций древних философских текстов. Вследствие этого Парменид приписываются тривиальные ошибки, что делает такие интерпретации неинтересными для обсуждения их современными философами. Всё это говорит о недостаточности апроприационистских подходов (по крайней мере, в их сложившемся виде, без существенной доработки) для построения такой до сих пор отсутствующей интерпретации сохранившихся фрагментов поэмы Парменида, которая была бы доброжелательна по отношению к Парменид, встраивала бы его аргументы в современные дискуссии и не приписывала бы ему убеждений, которых он не мог придерживаться.

Таким образом, в современных интерпретациях аргументов Парменида против множественности сущего и работах по методологии истории философии проблема настоящего исследования разработана недостаточно.

Объектом исследования являются современные интерпретации учения Парменида и методология их построения.

Предметом исследования являются содержащие философский анализ интерпретации аргументов против множественности сущего у Парменида, рассматриваемые в связи со структурно схожими рассуждениями последующих древнегреческих философов и с методологией построения таких интерпретаций.

Диссертация соответствует **специальности 09.00.03 «история философии»**. А именно, в соответствии с *формулой специальности* ВАК, к

содержанию этой специальности отнесены следующие пункты, нашедшие отражение в диссертации:

« – исследование проблем генезиса, развития и современного состояния философского знания как постоянной составляющей в эволюции духовной культуры человечества;

– распознавание и описание первичных предпосылок, инициирующих философский дискурс от древнейших умозрительных построений до современных моделей философствования».

Кроме того, в *паспорт специальности* включены следующие темы исследования, затрагиваемые в диссертации:

«1. *Методологический аспект*:

– понятие историко-философского метода; его отличие от общефилософского метода; пределы и возможности его применения;

– способы и приёмы историко-философского исследования;

– тематизация и проблематизация объектов историко-философской рефлексии;

– аналитический и оценочный подход к реконструкции философских идей;

– деформации историко-философской стратегии: формализация, … .

2. *Предметный аспект*:

– основные фазы и ключевые моменты в эволюции западной философии».

Цель исследования состоит в том, чтобы, используя методологию историко-философского исследования, устойчивую к доводам, выдвинутым в ходе дискуссии контекстуалистов и апроприационистов, построить доброжелательную и философски значимую интерпретацию аргументов Парменида против множественности сущего, которая (*a*) не содержит тривиальных ошибок, (*b*) связывает эти аргументы со структурно схожими рассуждениями последующих древнегреческих философов, а также (*c*) встраивает эти аргументы в современные философские дискуссии, но (*d*) не приписывает Пармениду исторически недостоверных убеждений.

Для достижения заявленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Разработать историко-философскую методологию, устойчивую к взаимной критике контекстуалистов и апропроприационистов, обосновывающую возможность использования современного концептуального аппарата и современных технических средств при интерпретации философских текстов других эпох и указывающую на критерии корректного использования этих средств.

2. Показать недостаточную обоснованность античных и современных интерпретаций строк поэмы Парменида, приписывающих ему тривиальные ошибки, для чего предложить такие интерпретации обсуждаемых строк поэмы Парменида и резюмирующих позицию Парменида положений, в которых эти ошибки отсутствуют.

3. Построить доброжелательную и философски значимую интерпретацию аргументов Парменида против множественности сущего, встраивающую его рассуждения в современные философские дискуссии.

4. Разработать такие интерпретации ряда текстов древнегреческих философов после Парменида, в которых можно проследить случаи использования холистического допущения из нашей интерпретации аргументации Парменида против множественности сущего.

Методология исследования.

Методология настоящего исследования основывается на «проблемном подходе к истории философии», разработанном совместно с М. Н. Вольф. А именно, при разработке методологии настоящего исследования мы развивали «логическую ветвь проблемного подхода», т. е. способ определения значения философских текстов через проблемы, попытки сформулировать и решить которые образуют цепочки философских аргументов, раскрывающих значимость входящих в них аргументов. В настоящей диссертации, отталкиваясь от «логической ветви проблемного подхода», мы обосновываем и создаём методологию, подходящую для интерпретации сохранившихся фрагментов поэмы Парменида, в которых содержатся аргументы против множественности сущего.

Разработанная нами методология позволяет совместить некоторые контекстуалистские и апроприационистские требования к историко-философскому исследованию, каждое из которых выглядит достаточно разумно, но кажется трудносочетаемым с другим: с одной стороны, требуется не впадать в анахронизм, не приписывать древним философам убеждений, удивительно напоминающие современные, а с другой стороны – не предаваться антикваризму, не превращать работу историка философии в описание осколков давно вымершей культуры, не имеющей никакого отношения к тому, что волнует людей сейчас. Это делается посредством устранения во многом ответственного за непрекращающийся спор контекстуалистов и апроприационистов смешения того значения текста, которое историк философии полагает содержавшимся в уме древнего философа, и значения, отражающего «жизнь» содержания этого текста в последующих философских дискуссиях. Мы чётко разводим эти значения; наша интерпретация Парменида призвана проиллюстрировать построение значений последнего типа.

Перед началом моделирования указанных значений любых типов требуется осуществить перевод текста с языка написавшего его философа на технический язык для конструируемой интерпретатором модели. Для осуществления этого перевода используются обычные методы работы с оригинальным древнегреческим текстом, привычные для историков философии: метод сравнительно-исторического анализа, метод логико-исторической реконструкции и текстологической реконструкции. Также был использован метод «обратной реконструкции», разработанный М. Н. Вольф.

Научная новизна исследования.

1. Впервые предложена методология историко-философского исследования, трактующая выявление значения философского текста как построение модели для формального языка и обосновывающая использование современного концептуального аппарата в историко-философских исследованиях, основывающаяся на теоретико-модельном подходе – а именно, на

перспективалистской семантике В. Эдельберга, в которую внесены необходимые изменения и дополнения.

2. Впервые для преодоления критики Парменида Аристотелем в *Phys*. A, 3 использован аппарат теории абстрактных объектов Э. Залты, а для преодоления обвинения Парменида со стороны Г. Оуэна и А. Мурелатоса в самореферентной непоследовательности использовано отнесение обсуждаемых интерпретаторами актов мышления, которые Парменид предположительно подразумевает в поэме, говоря о «сущем» как объекте мышления и о «не-сущем» при наделении смыслом тезиса «не-сущее немыслимо», к различным типам.

3. Впервые применён аппарат теории абстрактных объектов Э. Залты и технические средства доксастической логики с целью трактовки рассуждения Парменида из B 2; 8.22–25; 8.45–48 в виде принципов, которым должны подчиняться сообщения о пропозициональных установках, что позволило представить аргументацию Парменида против множественности сущего в виде корректного умозаключения с приемлемыми для ряда последующих философов посылками.

4. Впервые применён аппарат теории абстрактных объектов Э. Залты и технические средства доксастической логики с целью трактовки некоторых аргументов Протагора, Горгия, Платона и Секста Эмпирика в виде принципов, которым должны подчиняться сообщения о пропозициональных установках, что позволило установить общую посылку в наших интерпретациях аргументов Парменида против множественности сущего и в наших интерпретациях аргументов этих философов.

Положения, выносимые на защиту.

1. Обоснована возможность использования современного концептуального аппарата при интерпретации философских текстов других эпох без приписывания философам прошедших эпох убеждений, которых они не могли придерживаться. Для обоснования этой возможности построена согласительная методология историко-философского исследования (СМ), устойчивая к взаимной критике контекстуалистов (Р. Рорти, Р. Козелик, Дж. Поккок, Кв. Скиннер, М. Бивир,

Дж. Г. Рэнделл) и апроприационистов (Б. Рассел, Дж. Пассмор, Дж. Беннетт и др.), а также позволяющая согласовать их кажущиеся трудносочетаемыми требования к историко-философскому исследованию; эта методология характеризуется следующими основными положениями:

a) СМ основывается на построенной нами семантике сообщений об убеждениях (которая, в свою очередь, опирается на перспективалистскую семантику В. Эдельберга) и не сводит работу по установлению содержания античных философских текстов к текстологии, изучению обстоятельств написания философской работы, и к максимально точной передаче мнений философов прошедших эпох.

b) В СМ определены два типа значения релевантных языковых выражений из текста древнего философа – *генеалогическое значение* и *производное значение*. *Генеалогическое значение* отражает аргументы или понятия из убеждений философов, предшествующих рассматриваемому философу, внёсших вклад в формирование убеждений рассматриваемого философа, или из убеждений кружка философов, окружавших его (но не из убеждений современных философов). *Производное значение* отражает «жизнь» исходного аргумента или понятия, отражённого в тексте рассматриваемого философа, в последующих – вплоть до современных – дискуссиях.

c) Требования апроприационистов (текст древнего философа имеет только то значение, которое ему придаётся в современных дискуссиях) и контекстуалистов (текст древнего философа имеет только то значение, которое понимается лишь через узкий социальный и культурный «контекст» этого текста) противоречат друг другу, если их применить к значению одного и того же типа, но противоречие исчезает, если их требования применять к значениям различных типов – к *производному значению* и к *генеалогическому значению* из СМ, соответственно. Тем самым показано, что использование современного концептуального аппарата в СМ допустимо при построении *производного значения* текстов философов минувших эпох.

2. Показано, что использование для формализации аргументов Парменида против множественности сущего современных технических средств (таких, как теория абстрактных объектов Э. Залты) позволяет заблокировать современную (у А. Мурелатоса, Г. Оуэна, Дж. Барнса, Э. Ф. Льюиса) и античную (из *Theaet.* 189b и *Soph.* 238c–260c Платона, *Phys.* A, 3 Аристотеля) критику корректности этих рассуждений Парменида и критику входящих в эти рассуждения положений. А именно, наиболее интересными проанализированными нами «ошибками», которые критики Парменида ему приписывают, являются следующие:

a) «Самореферентная непоследовательность», приписываемая А. Мурелатосом положению Парменида «не-сущее не может быть помыслено» (B 2 и др.) на том основании, что при мышлении этого положения пришлось бы помыслить не-сущее. Мы проинтерпретировали указанное положение Парменида как вполне «невинный» принцип интенциональности мышления, в соответствии с которым ни один акт мышления (к числу которых не относится акт постижения этого положения) не направлен на то, что для него не существует (т. е. на то, что не является его объектом).

b) Неразличение Парменидом при его гипотетическом обосновании положения «предложения вида “_не есть_” не могут быть помыслены» (как А. Мурелатос трактует B 2.3; 8.2; 8.9) функций имён общих и нарицательных, а также неразделимость для него мышления, речи и именования. Мы показали, что подозрения в неявном использовании сомнительных положений устраняются, если (*i*) трактовать эти положения как принцип интенциональности мышления, и (*ii*) признать, что объектом мышления для Парменида, «сущим (τὸ ἐόν)», является внутренний объект мышления (Г. Оуэн, Дж. Баррингтон), а не реальный объект (М. Фёрт, А. Мурелатос, П. Кёрд).

c) «Модальная ошибка» – вывод из «*x* существует» или из «*x* возможно» положения «*x* существует необходимо» – обнаруживается в B 2; 6 несколькими современными интерпретаторами (Г. Оуэном, Дж. Барнсом, Ф. Э. Льюисом). Мы показали, что в интерпретации Парменида, основывающейся на признании (*i*) и

(*ii*), ни «модальная ошибка», ни какой-либо другой вид некорректного умозаключения не приписывается Парменид.

d) Положение «сущее есть единое (т. е. только одно)», приписываемое Платоном и Аристотелем Парменид, противоречит «очевидному» существованию по меньшей мере двух различных вещей – имени «сущее» и имени «единое» (Платон, *Soph.* 244c8–9), а также различных значений подлежащего и сказуемого предложения «сущее есть единое» (Аристотель, *Phys.* A, 3), – хотя для нашей трактовки «сущего» у Парменида эту критику следует сформулировать как настаивающую на различии понятий «сущего» и «единого» как ментальных объектов. Основываясь на признании (*i*), (*ii*) и теории абстрактных объектов Э. Залты, мы показали, что два рассматриваемых положения не противоречат друг другу, если признать понятия «сущего» и «единого», мыслящиеся различными, кодирующими отношение различия (требование Платона и Аристотеля), и «едиными» в том смысле, что объекты одного акта мышления экземплифицируют тождественность друг с другом (требование Парменида).

3. Построена и обоснована интерпретация релевантных строк поэмы Парменида из B 2; 8 в виде корректной и исходящей из достаточно здравых посылок *Первой линии аргументации в пользу единства (немножественности) сущего* (ПЛ), в которой сущее трактуется как внутренний объект мышления (ВОМ), являющийся абстрактным объектом в смысле Э. Залты. Основными характеристиками ПЛ являются следующие:

a) В ПЛ используются: (*I*) допущение о холистическом характере сложного объекта – а именно, такого объекта, как ВОМ, и (*II*) критерий различия конституент ВОМ. В различных вариантах допущения о холистическом характере сложного объекта утверждается, например, что все конституенты целого определяются друг через друга, или что если два целых различаются хотя бы одной конституентой, то они различаются всеми своими конституентами. В (*II*) утверждается, что если конституенты ВОМ могут мыслиться каждым мыслящим

их актом мышления только все вместе, то они не могут считаться отличными друг от друга.

b) С использованием современной техники формализаций сообщений о пропозициональных установках показано, что ПЛ связывает Парменида с современным обсуждением допущения о холистическом характере сложного объекта: с дискуссиями о ментальном холизме (К. Бах, Н. Блок, М. Эсфельд и др.), о проблеме интенционального тождества (П. Гич, В. Эдельберг и др.) и о допустимости присутствия в двух возможных мирах совпадающих объектов (Я. Хинтикка).

4. Построена и обоснована интерпретация тезиса *homo mensura* Протагора, некоторых текстов Горгия (*MXG* VI, §§ 23, 25, 26), Платона (*Euthydemus* 286a–b; *Laches* 198d–199a, *Meno* 79c; *Thaet*. 154a, 159e–160a; *Parm*. 134d–e; *Soph*. 263a–b), Секста Эмпирика (*Pyrr*. II, 4–6; 109; 117–120; 144; *Adv. math.* VII, 305–307; VIII, 337) и Плотина (V.9.5–6 и др.), в соответствии с которой положения, используемые в этих текстах, выводимы из вариаций используемого в ПЛ допущения о холистическом характере сложного объекта. Также наши интерпретации Парменида и указанных античных философов демонстрируют следующее:

a) *Производное значение* строк поэмы Парменида, трактуемых как ПЛ, может быть обогащено посредством современных дискуссий (указанных в пункте *b*) положения 3) и аргументов вышеперечисленных античных философов.

b) Выявление логической связи указанных дискуссий и аргументов с ПЛ указывает на эффективность и плодотворность использования современных концепций и технических средств для интерпретации релевантных строк поэмы Парменида и указанных текстов античных философов. На эту эффективность указывает также и то, что применение современных концепций и технических средств позволило нам обнаружить такие логические связи между проблемами и тезисами философов, которые трудно распознать при других подходах к истории философии и интерпретации текстов.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Методология историко-философского исследования, представленная в диссертации, может использоваться в других историко-философских работах, нацеленных на изучение философской значимости и корректности аргументов философов различных эпох. Исследование структуры аргументов Парменида против множествоенности сущего, аргументов Горгия, Платона, Аристотеля, Секста Эмпирика, выполненное в диссертации в соответствии с представленной методологией, имеет значение для анализа текстов, которые не рассматривались в настоящей диссертации – например, для анализа обоснования немножественности сущего и невозможности движения у Зенона Элейского. Также настоящее исследование имеет значение для анализа многочисленных случаев холистических допущений в последующей философии – от средневековой до современной. В целом, можно сказать, что настоящая диссертация может быть использована для построения особого жанра истории философии – «проблемной» или «аналитической» истории философии, характерной особенностью которого является философский анализ проблем и аргументов философов различных эпох, анализ, в ходе которого допускается использование концептуального и технического аппарата, недоступного анализируемому философу.

В практическом плане материал диссертации может быть использован в качестве учебной литературы для обучения студентов и аспирантов философских факультетов, специализирующихся как по истории философии, так и по аналитической философии.

Степень достоверности результатов исследования.

Степень достоверности результатов исследования – высокая, что обеспечивается: специально разработанной методологией; обоснованием применимости этой методологии для достижения цели и решения задач настоящего исследования; анализом оригинальных древнегреческих текстов Парменида и др. древнегреческих философов; анализом современных историко-философских работ, посвящённых рассматриваемым философам; использованием при интерпретации текстов древнегреческих философов более выразительных

искусственных языков, чем языки, до сих пор использовавшиеся современными интерпретаторами этих текстов.

Апробация результатов исследования.

Основные результаты диссертационной работы освещались автором в докладах на научных конференциях и других научных мероприятиях, среди которых: Всероссийская научная конференция, посвящённая 30-летию Института философии и права СО РАН (Новосибирск, 2020 г.); Международная научная конференция «uAnalytiCon-2019»: Тождество, индивидные понятия и семантическое единообразие (Екатеринбург, 2019 г.); Всероссийская научная конференция «Классическая традиция и современная философия в диалоге» (Новосибирск, 2019 г.); XIV-я Международная научная конференция «Аристотелевские чтения. Философия Аристотеля в контексте европейского и российского культурного наследия» (Москва, 2018 г.); Международная научная конференция Первый Белорусский философский конгресс «Национальная философия в глобальном мире» (Минск, 2017 г.); XXV-я Международная конференция «Универсум Платоновской мысли. Платон и античная наука» (Санкт-Петербург, 2017 г.); Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы аналитической философии» (Томск, 2017 г.); VI-ая Всероссийская научная конференция «Сибирский философский семинар: Проблемы современной философии» (Томск, 2017 г.); Международная конференция и школа «Перипатетическая традиция: Аристотелевские идеи в философии, науке и литературе» (Новосибирск, 2017 г.); Международная научная конференция «Классическая традиция и аналитическая философия» (Томск, 2016 г.); Московская международная научная конференция «Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности» (Москва, 2016 г.); XXIV-ая Всероссийская научная конференция «Универсум Платоновской мысли. Платон и современность» (Санкт-Петербург, 2016 г.); Международная конференция «Феноменолого-онтологический замысел Г. Г. Шпета и гуманитарные проекты XX–XXI веков. Comprehensio. Шестые шпетовские чтения» (Томск, 2015 г.); Международная конференция «Актуальные проблемы

аналитической философии» (Томск, 2015 г.); XXII-я Международная конференция «Унивесум платоновской мысли. Корпус текстов Платона в истории его интерпретаций (2)» (Санкт-Петербург, 2014 г.); XXI-ая Международная конференция «Универсум Платоновской мысли. Корпус текстов Платона в истории его интерпретаций» (Санкт-Петербург, 2013 г.); III-я Всероссийская научная конференция «Сибирский философский семинар: Интеллектуальный потенциал Сибири для развития России: Философия – Наука – Образование» (Томск, 2013 г.); Всероссийская научная конференция «Инновационный университет: философия – наука – управление», посвящённая XX-летию Философского факультета НГУ (Новосибирск, 2013 г.); II-ая Всероссийская научная конференция «Сибирский философский семинар: Интеллектуальный потенциал Сибири для развития России: философия – наука – образование» (Красноярск, 2012 г.); I-ая Всероссийская научная конференция «Сибирский философский семинар: Интеллектуальные ценности в современной России: Философия. Наука. Инновации» (Новосибирск, 2011 г.); Международный научный семинар «TEXNH. Theoretical Foundations of Arts, Sciences and Technology in the Greco-Roman World» (Новосибирск, 2010–2013 гг.); V-й Российский философский конгресс (Новосибирск, 2009 г.); Международный научный семинар «Teaching Classics. Fundamental Values in the Changing World» (Новосибирск, 2007–2010 гг.); Всероссийская научная конференция «Перечитывая Доддса: Рационализм и иррационализм в античной философской традиции» (Новосибирск, 2007 г.); XIII-я Всероссийская Платоновская конференция «Универсум платоновской мысли. Платоновская и аристотелевская традиция в античности и в европейской философии» (Санкт-Петербург, 2005 г.); научные семинары сектора истории философии и отдела философии Института философии и права СО РАН, (Новосибирск, 2005–2016 гг.).

Материал представленной диссертации на протяжении нескольких лет использовался автором для чтения историко-философских специальных курсов «Античные истоки схоластики» и «Античная эпистемология», а также проведения семинаров по курсу «История философии Античности и Средних веков» для

магистрантов Философского факультета Новосибирского государственного университета (с 2017 г. – Институт философии и права НГУ).

Исследовательская работа, результаты которой представлены в диссертации, была поддержана грантами следующих фондов: РНФ, проект № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях» (2019–2021 гг.), один из основных исполнителей проекта; РФФИ, проект № 18-00-01376 (18-00-00760) «Анализ и моделирование структуры риторических аргументов в естественном языке на примере научно-популярного дискурса» (2018–2020 гг.), один из исполнителей проекта; РГНФ, проект № 14-03-00502а «Аргументированность и обоснованность знания в парадигме античной рациональности» (2014–2016 гг.), руководитель проекта.

Результаты исследования получены лично, опубликованы в 38 научных работах, среди них: 3 научные монографии (в том числе 2 коллективные монографии), 28 статей в научных журналах, включённых в *Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, доктора наук*. Среди статей, опубликованных в журналах, включённых в *Перечень ВАК* – 6 статей в научных журналах, индексирующихся в WoS Core Collection; среди последних статей – 1 статья в научном журнале, индексирующемся в Scopus. Помимо статей, опубликованных в научных журналах, включённых в *Перечень ВАК*, опубликованы 3 статьи в научных журналах, индексирующихся и в WoS Core Collection, и в Scopus, 1 статья в научном журнале, индексирующемся только в WoS Core Collection. Помимо этого, опубликовано 2 статьи в прочих научных журналах, в том числе 1 статья в иностранном журнале. Кроме того, опубликована 1 статья в тематическом сборнике научных статей. Эти публикации в полной мере отражают основное содержание диссертации.

Структура диссертации.

Диссертация состоит из Введения, четырёх глав (содержащих в сумме 37 параграфа, некоторые параграфы содержат подпараграфы, всего 18

подпараграфов), Заключения, Списка сокращений и Списка использованной литературы, включающего 279 наименований. Общий объём диссертации – 377 страниц.

Глава I Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии

§ I.1 Введение к главе I

Как было указано выше, во Введении ко всей диссертации, в нашем исследовании мы ставим перед собой следующую цель: *используя методологию историко-философского исследования, устойчивую к доводам, выдвинутым в ходе дискуссии контекстуалистов и апроприационистов, построить доброжелательную и философски значимую интерпретацию аргументов Парменида против множественности сущего, которая (a) не содержит тривиальных ошибок, (b) связывает эти аргументы со структурно схожими рассуждениями последующих древнегреческих философов, а также (c) встраивает эти аргументы в современные философские дискуссии, но (d) не приписывает Пармениду исторически недостоверных убеждений*. Эту цель мы планируем достичь посредством последовательного решения шести задач, перечисленных во Введении ко всей диссертации выше. В первой главе мы будем решать первую задачу, во второй главе – вторую задачу, в третьей главе – первую часть третьей задачи, в четвёртой главе – вторую часть третьей задачи и четвёртую задачу.

Настоящая – первая – глава диссертации посвящена решению первой из задач диссертации. А именно, в первой главе *разрабатывалась историко-философская методология, устойчивая к взаимной критике контекстуалистов и апропроприационистов, обосновывающая возможность использования современного концептуального аппарата и современных технических средств при интерпретации философских текстов других эпох и указывающая на критерии корректного использования этих средств*.

Анализ современных дискуссий о методологии истории философии позволит нам предложить в настоящей главе способ построения нескольких типов значений термов и формул, написанных на некотором искусственном формальном

языке. Среди прочих значений, мы намерены построить *производное значение*, на которое мы будем ссылаться в последующих главах. Строго говоря, *производное значение* мы намерены определить для лексических единиц и выражений на формальном языке, но в последующих главах мы будем обращаться с *производным значением* более свободно и говорить о *производном значении* текстов (включая содержащиеся в этих текстах лексические единицы и выражения) Парменида и других философов, написанных на естественном древнегреческом языке – подразумевая при этом, что возможен достаточно точный перевод этих текстов на указанный формальный язык.

В первой главе мы намерены предложить способ построения *производного значения* как зависящего не только от того содержания философских текстов, которым их (с точки зрения историка философии) наделял сам написавший их философ, но также и от содержания других философских текстов, которым их (с точки зрения историка философии) наделили написавшие эти тексты другие философы. Последние тексты можно полагать «раскрывающими» содержание тех текстов, *производное значение* которых мы намерены построить.

Вторая глава готовит построение *производного значения* некоторых текстов Парменида. Мы очертим способ, как это значение может быть построено, в третьей главе (где будет представлена наша трактовка некоторых фрагментов поэмы Парменида) и в четвёртой главе (где будет представлена интерпретация текстов других философов – Протагора, Горгия, Платона, Секста Эмпирика и Плотина).

Четвёртая глава необходима для построения *производного значения*, поскольку тот способ построения *производного значения*, который мы намерены описать ниже в первой главе, строит *производное значение* текста на основании содержания других текстов. Наша трактовка фрагментов поэмы Парменида в третьей главе будет составлять *Первую линию аргументации против множественности сущего* (ПЛ). Тексты последующих философов от Протагора до Плотина, анализируемые в четвёртой главе, мы намерены истолковать в виде рассуждений, структурно сходных с ПЛ.

Исследование ПЛ и ВЛ и того, как они выражены в различных текстах позволит нам выявить такие философски значимые связи между текстами различных философов, что их выявление вряд ли было бы возможным без используемой нами методологии работы с философскими текстами, включающей в себя формализацию этих текстов и помещение их в контекст современных философских дискуссий, но не претендующей на раскрытие того, что древний философ думал «на самом деле».

Методология нашего исследования – которую мы планируем описать в первой главе – основывается на «проблемном подходе к истории философии», разработанным совместно с М. Н. Вольф[1]. Точнее говоря, мы здесь следуем «логической ветви проблемного подхода»[2]. Позднее предпринимались попытки уточнить содержание проблемного подхода и апробировать его на различном историко-философском материале[3]. Также при разработке используемой в диссертации методологии использовались работы М. Н. Вольф 2012–2019 гг.[4], недавняя монография, посвящённая методологии истории философии, среди соавторов которой – М. Н. Вольф и автор настоящей диссертации[5]. Помимо этого, при разработке методологии настоящего исследования используются статьи автора диссертации, посвящённые обсуждению методологии историко-

[1] Проблемный подход разрабатывался М. Н. Вольф и автором настоящей диссертации в 2004–2007 гг., за эти годы было опубликовано несколько посвящённых ему статей, результаты этой работы нашли отражение в итоговой статье: Вольф М. Н., Берестов И. В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2007. Том 1, вып. 2. С. 203–246.

[2] См. Вольф М. Н., Берестов И. В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии. С. 203–246.

[3] Вольф М. Н., Бутаков П. А., Берестов И. В. Аналитическая история античной философии // Sententiae. 2013. 1 (28). С. 96–108.

[4] Вольф М. Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. СПб: Издательство Русской христианской гумантитарной академии, 2012. 382 с.; Вольф М. Н. Методологические споры вокруг истории философии: контекстуализм или апроприационизм? // Философия и наука: проблемы соотнесения. Материалы международной конференции Алёшинские чтения – 2016. Издание 2-е, исправленное. Москва: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2017. С. 393–400; Вольф М. Н. Современные дискуссии об истории философии: противостояние текста и контекста // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 3. С. 237–257; Вольф М. Н. Историография истории философии как модус аналитической истории философии // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 2. С. 189–200; Вольф М. Н. М. Мандельбаум и историография философии // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 222–244.

[5] Берестов И. В., Вольф М. Н., Доманов О. А. Аналитическая история философии: методы и исследования / Под общ. ред. М. Н. Вольф. Новосибирск: Офсет ТМ, 2019. xviii, 242 с.

философского исследования, в которых делается попытка применить формальный аппарат для разрешения методологических споров[6].

«Проблемный подход» не является принципиально новым приёмом в истории философии, но он суммирует и объединяет те принципы, которые имплицитно использовались в исследованиях различных историков философии[7], без оговорки их специального методологического статуса. В основании такого подхода лежит тезис о плюрализме философских идей и толерантном плюрализме философских реконструкций. Характерной чертой проблемного подхода является ориентированность не только на идеи и концепции отдельных философов. В первую очередь проблемный подход ориентирован на философские проблемы и аргументы в поддержку той или иной позиции или против неё, рассматриваемые в рамках не одной доктрины, а множества доктрин. Таким образом, проблемный подход предусматривает выход за пределы одного философского учения и одной исторической эпохи.

При разработке проблемного подхода М. Н. Вольф и автор диссертации исходили из того, что ядром всей греческой философии являются проблемы, уже намеченные и поставленные в досократической философии, и раннегреческие философы наметили значительное число возможных философских проблем, тем самым заложив базис для всякой дальнейшей философской деятельности. Понимание проблем в рамках проблемного подхода уточняется с помощью следующих трёх положений.

Во-первых, следует различать проблемы, сформулированные исследователем или интерпретатором античной философии и проблемы, поставленные и решаемые тем или иным греческим философом.

Во-вторых, приоритет отдаётся не реконструкции исходной постановки или формулировки проблемы, а переходу от общего видения проблемы к её

---

[6] Берестов И. В. Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть I: постановка проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2018. Вып. 436. С. 69–81; Берестов И. В. Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть II: Типы значений терминов // Вестник Томского государственного университета. 2019. Вып. 438. С. 62–73.

[7] См., например: Dancy R. M. Plato’s Introduction of Forms. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2004. xii, 348 p.; Owen G. E. L. Eleatic Questions // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. Ithaca: Cornell University Press, 1986. P. 3–26. (Originally published in 1960)

решениям, причём с учётом решений, предложенных современниками (в том числе и поздними современниками) философа, на основании которых условно можно сделать заключение о том, какова была исходная проблема. Однако анализ проблем не ограничивается текстами, написанными современниками философа, для исследования глубины и значимости проблем могут применяться тексты и техники других эпох.

В-третьих, из соотношения формулировок проблем и их решений складываются и две структурные составляющие проблемного подхода, которые задают принципиально различное отношение как к тем или иным концепциям с позиций их интерпретации, так и к результатам, к которым они приводят: историческая и логическая. Например, в монографии М. Н. Вольф[8], была использована историческая ветвь проблемного подхода. В этой монографии подход был нацелен на реконструкцию проблем самих досократиков, при этом особое внимание уделялось затруднению, состоящему в том, что исходная формулировка проблемы либо не сохранилась, либо её вообще на данном этапе развития философии не существовало. Что же касается настоящего исследования, то при разработке его методологии использовалась логическая ветвь проблемного подхода, делающая акцент не на выявление исходных формулировок проблем (положений, аргументов в пользу или против этих положений), но на значимости проблемы для философии и на философском (в отличие от только лишь историко-философского) значении рассматриваемых текстов[9]. При выявлении значимости проблемы и значения философских текстов учитываются тексты не только той эпохи, когда текст был написан или проблема стала впервые обсуждаться, но также и тексты других эпох, с использованием всех разработанных философами

[8] Вольф М. Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. СПб: Издательство Русской христианской гумантитарной академии, 2012. 382 с.

[9] В этом логическая ветвь проблемного подхода отличается от того, что понимает под «проблемном анализом (подходом)», «проблемной реконструкцией» В. П. Горан, для которого важна «реконструкция как воспроизведение *непосредственного* (курсив наш. – *И.Б.*) концептуального содержания понятий, идей, учений…» (Горан В. П. Теоретические и методологические проблемы истории западной философии / отв. ред. В. Н. Карпович. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 148), а не связывание дискуссий различных эпох, на что делается акцент в логической ветви проблемного подхода. То содержание античных текстов, которое выявляется при использовании логической ветви проблемного подхода, *опосредовано* другими текстами, содержащими другой концептуальный аппарат и другие технические средства.

технических средств к тому моменту, когда историк философии приступает к своей работе.

Следуя логической ветви проблемного подхода, мы полагаем, что для приближения к пониманию философского смысла текстов древних авторов необходимо пытаться как можно больше увеличить число логически возможных и философски интересных интерпретаций их текстов и пытаться осмыслить как можно больше логических связей этих интерпретаций с проблемами, поднимаемыми другими философами. Мы полагаем, что философские тексты являются аргументирующими текстами, так что в них выражаются аргументы в пользу или против определённого решения *философской* проблемы, или постановки проблемы, или критика предшествующих аргументов. Философские тексты трактуются как встроенные в «разговор человечества» (по выражению Ричарда Рорти), занимающие место среди других текстов. Для рассматриваемого текста имеются тексты, предшествующие ему, на основании которых в тексте формулируется некоторый аргумент; и имеются тексты, следующие за рассматриваемым текстом, в которых аргумент, выраженный в рассматриваемом тексте, критикуется, подкрепляется, совершенствуется или как-то используется. И первый, и второй набор текстов можно рассматривать как вносящие вклад в смысл рассматриваемого философского текста. В этом тезисе нет ничего противоречащего здравому смыслу: смысл текста зависит от его предшественников, (возможно) повлиявших на него, и от текстов, в каком-то смысле использующих его и являющихся его (возможными) наследниками. Широко известно изречение Л. Витгенштейна «значение слова есть его употребление», и схожий подход можно использовать для описания значения философского текста: «значение философского текста есть его использование в философских дискуссиях (предшествующих времени написания текста и следующих позднее)».

Иногда описанный подход к значению философских текстов довольно очевиден. Вряд ли студент может считаться понявшим смысл поэмы Парменида, если он не умеет связать аргументы из сохранившихся фрагментов поэмы с

текстами Зенона Элейского, Мелисса, Горгия, платоновских диалогов «Парменид» и «Софист». И вряд ли студент сможет хотя бы приблизительно понять смысл «Феноменологии Духа» Гегеля, не потратив времени на изучение её терминологии и её задач, что невозможно без изучения трудов предшественников и современников Гегеля. Но как именно смысл текста связан с другими текстами или их смыслом, имеется ли внятная процедура определения смысла текста? Это важный вопрос, и для ответа на него нам придётся использовать некоторые технические средства современной логики, например, термин «интенсионал».

Как известно, в семантике возможных миров ***интенсионалом*** (intension) фиксированного предложения на фиксированном языке признаётся *множество возможных миров*, содержащее те и только те возможные миры, в которых это предложение истинно[10]. Также интенсионал фиксированного предложения может трактоваться как функция от возможных миров к истинностному значению, которое это предложение имеет в этом возможном мире. Ниже при построении разных типов значений аргументирующих текстов будут использоваться оба понимание интенсионала.

Таким образом, термин «интенсионал» является техническим термином, значение которого зафиксировано более точно, чем значение термина «смысл». Интенсионал имеют языковые выражения, интерпретируемые только на возможных мирах – или, в семантиках, родственных семантике возможных миров, на индексах (ниже в настоящей главе будет объяснено, что понимается под «индексами»). Смысл предложения может трактоваться как его интенсионал, если предложение интерпретируется на множестве возможных миров или множестве индексов. Поскольку текст есть сложное предложение, состоящее из конъюнкции нескольких предложений, об интенсионале текста можно сказать то же самое, что выше было сказано об интенсионале предложения.

---

[10] См., например, стандартное изложение наиболее распространённой семантики С. Крипке в: Символическая логика: Учебник / Под ред. Я. А. Слинина, Э. Ф. Караваева, А. И. Мигунова. Спб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. С. 348.

Эти соображения являются неформальным ядром дальнейших рассуждений. Ниже мы будем уточнять нашу трактовку различных типов значений аргументирующих философских текстов, основываясь на этих соображениях.

В настоящей – первой – главе[11] мы намерены предложить теоретико-модельную семантику для аргументирующих философских текстов. В соответствии с нашим подходом, тексту (упорядоченному множеству предложений) могут быть приписаны значения нескольких типов. Нельзя сказать, что текст имеет эти значения *просто*. Можно лишь сказать, что текст имеет эти значения *относительно модели*, на которой текст интерпретируется, при этом обсуждаемый здесь «текст» далёк от тех, скажем, древнегреческих текстов, с которыми обычно имеет дело историк философии – по крайней мере, на первом этапе своей работы. Во-первых, текст записывается на некотором формальном языке, так что, строго говоря, речь может идти не о предложениях и языковых выражениях текста, а о их формальных эквивалентах – формулах – являющихся пересказом текста, созданного на оригинальном (скажем, древнегреческом) языке, на формальном языке. Во-вторых, этот формализованный текст является в значительной мере истолкованием оригинального древнегреческого текста, содержащим явные сообщения об убеждениях древних философов, т. е. формальные эквиваленты положений вроде *Парменид полагал, что сущее неделимо*. Для того чтобы не перегружать дальнейшее изложение, мы будем рассматривать этап историко-философской работы по переложению текста, созданного на древнегреческом языке, на формальный язык как предварительный, и в известные сложности осуществления такого переложения мы не будем вдаваться. Значения будут назначаться только текстам, уже переложенным на формальный язык, который можно назвать языком интерпретатора.

Для построения указанной семантики аргументирующих философских текстов мы намерены проанализировать в настоящей главе противостояние между двумя методологиями истории философии – историцизмом (контекстуализмом) и

[11] Ниже в настоящей главе I мы будем опираться на ранее опубликованные статьи: Берестов И. В. Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть I…; Берестов И. В. Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть II… .

апроприационизмом. Это необходимо, поскольку в этих двух лагерях принимаются различные позиции по поводу семантики философских текстов. В настоящей главе будет показано, что одним из оснований этого противостояния являются различные в этих двух лагерях ответы на вопрос о возможности использования понятий и концепций философов минувших эпох в современных дискуссиях. Мы изложим эти разногласия в виде, пригодном для формализации с использованием перспективалистской семантики В. Эдельберга и продемонстрируем способ использования этой семантики для решения выявленных в дискуссиях между историцистами (контекстуалистами) и апроприационистами проблем в методологии истории философии.

А именно, мы намерены предложить способ выведения из тупика спора историцистов (контекстуалистов) и апроприационистов о методологии истории философии, показав, что объекты из убеждений античного философа могут использоваться в убеждениях современного философа или историка философии. Однако в убеждениях современных исследователей, в соответствии с нашим подходом, используется не сам объект, а его «близнец (counterpart)», так что не происходит приписывания античному философу модернизированных концепций – в чём историцисты обвиняют апроприационистов.

Предложенный подход поможет нам в проведении конкретного историко-философского исследования в следующих главах, поможет обеспечить и обосновать валидность результатов такого исследования. Мы отдаём себе отчёт в том, что проводимое нами в следующих главах конкретное историко-философское исследование может критиковаться с позиций историцизма и контекстуализма, и в настоящем параграфе мы попытаемся защитить нашу методологию от такой критики, указывая, помимо прочего, на недостатки историцизма и контекстуализма и на трудности, к которым приводит следование их методическим рекомендациям.

§ I.2. Мотивы конструирования семантики для аргументирующих философских текстов

Для того чтобы построить семантику для аргументирующих философских текстов, необходимо занять позицию в дискуссии среди современных историков философии о том, какой должна быть адекватная историко-философская методология, что позволено и что не позволено делать историку философии, каковы критерии качественного историко-философского исследования. Такого рода дискуссии стали весьма распространены в среде современных историков философии. Мы попытаемся внести свою лепту в современные методологические дискуссии, указав на метод, с помощью которого можно вывести из тупика некоторые дебаты, ведущиеся уже несколько десятилетий без значимого продвижения в понимании дисциплинарной специфики истории философии и её миссии. При построении такого метода мы намерены использовать технические средства современной логики, а именно теорию моделей – современную теорию в рамках философской логики, активно используемую в философии языка, в рамках которой определение различных типов значений терминов и предложений осуществляется в соответствии со строгой и последовательной процедурой.

Множество появившихся историко-философских исследований, к сожалению, не привели к надёжному установлению значений философских терминов, использовавшихся различными философами. Продолжающиеся дискуссии о значениях одних и тех же текстов и терминов привели к тому, что в настоящее время большинство историков философии более не рассматривают в качестве единственной цели истории философии установление того, что думал исследуемый ими философ «на самом деле» (что было идеалом исторического образования, заложенного в XIX веке Леопольдом фон Ранке[12]). Однако есть нечто, установленное вполне надёжно: это отсутствие у философов общего языка, с одинаковым значением терминов, употребляемых разными философами – ведь философы не только вводят новые термины, но и наделяют старые своим собственным содержанием. Такая «приватность» языка философов обычно рассматривается как подрывающая коммуникацию между ними, а также как

[12] Об этом идеале см.: Смит Р. История гуманитарных наук. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 274–275; Вольф М. Н. Современные дискуссии об истории философии… С. 241.

делающая невозможным описание одним философом или историком философии убеждений других философов[13].

Затруднение, связанное с «приватностью» языков философов, имеет много общих черт с *Проблемой интенционального тождества*, широко обсуждаемой в современной аналитической философии[14]. Среди многих авторов, участвующих в обсуждении проблемы интенционального тождества, выделяется Вальтер Эдельберг, начавший писать статьи, специально посвящённые этой проблеме, в 1986 г., и продолжающий делать это до сих пор. «Перспективалистская семантика» В. Эдельберга[15], являющаяся подходом в рамках теории моделей, посвящена решению проблемы интенционального тождества в том случае, когда объекты, обозначаемые различными людьми одними и теми же терминами, являются различными. Последнее делает семантику В. Эдельберга пригодной для построения семантики убеждений философов и сообщений об их убеждениях.

Подозрение, что разные люди одними и теми же словами обозначают различные объекты, свойственно, конечно, отнюдь не только методологам истории философии и аналитическим философам, пытающимся решить проблему интенционального тождества. Это подозрение является глубокой и фундаментальной философской проблемой, очень профессионально обсуждавшийся ещё Горгием, писавшим, что «никто не мыслит то же самое, что и кто-то другой» (*MXG* VI, § 26, 980b 19[16]). Это позволяет говорить о глубокой укоренённости этой предпосылки подхода В. Эдельберга в эпистемологии античных философов (особенно у Парменида, Протагора, Горгия, Платона), при

---

[13] King P. Historical Contextualism: The New Historicism? // History of European Ideas. 1995. Vol. 21, no. 2. P. 230.

[14] Своего рода вехами этой дискуссии, включающей в себя десятки статей в престижнейших журналах, являются: Quine W. V. O. Quantifiers and Propositional Attitudes // The Journal of Philosophy. 1956. Vol. 53, no. 5. P. 177–187; Geach P. T. Intentional Identity // The Journal of Philosophy. 1967. Vol. 64, no. 20. P. 627–632; Saarinen E. Intentional Identity Interpreted: A Case Study of the Relations Among Quantifiers, Pronouns, and Propositional Attitudes // Linguistics and Philosophy. 1978. Vol. 2. P. 151–213.

[15] Edelberg W. A Perspectivalist Semantics for Attitudes // Noûs. 1995. Vol. 29, no. 3. P. 316–342.

[16] Трактат «О Мелиссе, Ксенофане, Горгии» (*MXG*), являющийся одним из двух сохранившихся пересказов трактата Горгия «*О не-сущем*, или *О природе*», написан не установленным до сих пор автором. Долгое время *MXG* приписывался Аристотелю, и тогда он входил в собрания сочинений Аристотеля. Мы будем ссылаться на *MXG* по Aristoteles. De Xenophane, de Zenone, de Gorgia // Aristotelis opera / Bekker, I., ed. Vol. 2. P. 202–206. Berlin: Reimer, 1831. Перевод и тщательный анализ изложения трактата Горгия «*О не-сущем*, или *О природе*», входящего в *MXG*, см. в исследовании: Вольф М. Н. Трактат *О не-сущем*, или *О природе* Горгия в De Melisso Xenophane Gorgia, V–VI: Условно-формальная структура и перевод // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8, вып. 2. С. 152–169.

этом многие подходы античной эпистемологии продолжают быть востребованными и в наши дни[17]. Можно сказать, что конструируемая и обосновываемая в настоящем параграфе историко-философская методология, анализируя определённый теоретико-модельный подход к методологическим проблемам истории философии, тем самым косвенно раскрывает значимость приведённого положения Горгия – через указание на его роль в этом подходе.

Как уже указывалось выше, в настоящей – первой – главе мы намерены предложить семантику для аргументирующих философских текстов, лишённую недостатков двух конкурирующих методологий истории философии – историцизма / контекстуализма и апроприационизма. Сторонники этих методологий ведут непрекращающиеся дискуссии. Одной стороной в этих дискуссиях являются те, кто полагает, что значение философских текстов исчерпывается тем и только тем, что вкладывал в этот текст его автор, при том, что для выявления этого значения следует принимать во внимание различные контексты – например, историческую ситуацию, в которой был написан текст, другие тексты этого философа, тексты тех философов, с которыми этот философ полемизировал. Это позиция историцистов и контекстуалистов. В соответствии с этой позицией, объекты каждого философа уникальны – по крайней мере, они различаются для философов, находящихся в различных исторических обстоятельствах и участвующих в различных дискуссиях. С точки зрения этой позиции, эта уникальность объектов *препятствует* их использованию в современных дискуссиях. Сторонников этой позиции, таким образом, можно рассматривать как принимающих (с некоторыми оговорками и ограничениями) приведённый выше тезис Горгия, а также тезис В. Эдельберга о различии объектов из различных систем убеждений.

Другой стороной являются апроприационисты, для которых значение философского текста определяется его использованием для подтверждения или

[17] Берестов И. В. Аргументы Горгия Леонтийского как свидетельство философской значимости проблемы интенционального тождества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. №2 (34). С. 259–268; Берестов И. В. Холистические предпосылки в третьем аргументе трактата Горгия «О не-сущем» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. №4 (36). С. 28–38.

опровержения доводов в современных дискуссиях, а также для генерирования новых подходов, которые ускользнули от замылившегося взгляда современных содискурсантов. В соответствии с этой позицией, объекты античных философов как-то конституируются объектами современных философов.

Как мы намерены показать, имеется такой способ трактовки указанных двух противостоящих позиций с использованием семантики В. Эдельберга, что они окажутся вполне совместимыми – что позволит прекратить повторяющиеся споры между двумя лагерями, надеемся, вывести дискуссии на новый, более продуманный уровень, а также сохранить весьма веские доводы, приводимые обеими сторонами в пользу своих позиций, отбросить которые было бы весьма проблематично. Для этого нам придётся, помимо прочего, ответить на вопросы: «В каком смысле различие объектов различных систем убеждений *не препятствует* их использованию в современных дискуссиях?», «Что является значением предложения и термина из философского текста?».

Ниже в настоящей главе I мы сначала остановимся на условиях, задающих модель для описанного нами формального языка, на котором современный историк философии может формулировать свои сообщения об убеждениях древних философов. Эта модель далее будет построена с использованием одной из моделей В. Эдельберга для описанного им формального языка. Наконец, мы укажем, как именно построенная нами модель даёт ответы на поставленные выше вопросы.

§ I.3 Дискуссия о методологии истории философии и семантике философских убеждений

Характерной чертой философских рассуждений является частое использование положений о специфических объектах, часто называемых «абстрактными объектами», вроде «красота отдельна от чувственно-воспринимаемых вещей» (позиция Платона) и «красота не отдельна от чувственно-воспринимаемых вещей» (позиция Аристотеля). Платон предлагает доводы в поддержку своей позиции, и Аристотель поступает так же. При этом

последний схоларх платоновской Академии, Дамаский, как кажется, придерживается точки зрения Платона. В Средние века, как кажется, были мыслители, отстаивающие точки зрения, близкие как к точке зрения Платона, так и к точке зрения Аристотеля. Можем ли мы на этом основании сказать, что имеется столь длительная, многовековая дискуссия по этому вопросу? Можем ли мы вообще понять то, что думали античные философы, учитывая различия в контекстах, в которые помещали эти предложения о красоте Платон и Аристотель, и помещаем их мы? Может ли сообщение об убеждениях Платона вида «Платон верил, что красота отдельна» вообще быть осмысленным и иметь истинностное значение? Попытаемся понять, как отвечают на эти вопросы методологи истории философии различных направлений.

Весьма влиятельными направлениями в методологии истории философии являются историцизм и контекстуализм. Ключевой фигурой историцизма XIX века является Леопольд фон Ранке[18], среди известных историцистов XX века можно назвать Робина Джорджа Коллингвуда[19], Аласдера Макинтайра[20], Ричарда Рорти[21]. Контекстуализм можно считать более современным видом историцизма; среди современных контекстуалистов можно выделить Джона Покока[22] и Квентина Скиннера[23]. С точки зрения историцистов и контекстуалистов, смысл положений философов из написанного ими текста надо понимать с помощью их непосредственного, довольно узкого, контекста, включающего в себя (в различных вариантах историцизма и контекстуализма) исторические обстоятельства написания рассматриваемого текста, тексты самого рассматриваемого философа или его непосредственных содискурсантов, языковые конвенции того времени, унаследованные автором социальные или

[18] См. Eskildsen K. R. Leopold Ranke’s Archival Turn: Location and Evidence in Modern Historiography // Modern Intellectual History. 2008. Vol. 5, is.3. P. 425–453.

[19] Collingwood R. G. The Idea of History. Oxford: Clarendon Press, 1946. xxvi, 339 p.

[20] MacIntyre A. The Relationship of Philosophy to Its Past // Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy / ed. by Richard Rorty, J.B. Schneewind and Quentin Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 31–48.

[21] Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 1997. 320 с.

[22] Pocock J. G. A. The History of Political Thought: A Methodological Enquiry // Philosophy, Pokitics and Society, second series / Ed. by P. Laslett and W. Runciman. Oxford: Clarendon Press, 1962. P. 183–202.

[23] Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // Meaning and Context. Quentin Skinner and His Critics / Ed. by J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 29–67.

культурные предрассудки и традиции. Как излагает эту позицию Ив Шарль Зарка, «философский текст, для того чтобы он стал понятным, следует поместить в контекст, в котором он был написан»[24]. Кропотливая работа с контекстами нужна для решения основной задачи историка философии, которая для историцистов и контекстуалистов заключается в том, чтобы «обратиться …к тому же самому объекту, что и оригинальный философ»[25].

Обычно для историцистов и контекстуалистов невозможно сопоставление убеждений таких авторов, как Платон и Дамаский (весьма отдалённых друг от друга культурно и исторически), хотя кажется очевидным, что оба признавали истинными довольно много одинаковых предложений и даже сходным образом их понимали. Дело в том, что, если текст имеет содержание только относительно контекста и обстоятельств его написания, то содержание предложения, признаваемого истинным Платоном, не определено относительно контекста Дамаския, так что содержания одного и того же предложения, признаваемого истинным Платоном и Дамаскием, не подлежат сопоставлению. Также для последовательных историцистов и контекстуалистов становится затруднительным обнаружение сквозной проблематики на протяжении значительных периодов истории философии, сходной проблематики в разных школах разных эпох, в разных социальных, культурных и исторических обстоятельствах[26].

Клод Паначчио приводит своё резюме «обобщённой» позиции историцистов и контекстуалистов в трёх тезисах, которые мы приведём ниже. Вряд ли найдётся хотя бы один историк философии, открыто придерживающийся всех этих тезисов (кажется, позиция Ричарда Рорти весьма адекватно передаётся этими тезисами, но не все согласятся назвать Рорти «настоящим» историком философии). Однако, как ни странно, эти тезисы действительно следуют из

---

[24] Zarka Y. Ch. The Ideology of Context: Uses and Abuses of Context in the Historiography of Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G. A. G. Rogers. New York: Oxford University Press, 2005. P. 149.

[25] *Ibid*. P. 150.

[26] Zarka Y. Ch. The Ideology of Context… . P. 150; Бивир М. Роль контекстов в понимании и объяснении // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сборник статей под редакцией Ханса Эриха Бёдекера. Перевод с немецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 121.

положений историцизма и контекстуализма, хотя, конечно, их сторонники не склонны признавать эти следствия в таком виде.

1. Радикальный холизм – в любой философской системе любое утверждение неразрывно связано со всеми остальными утверждениями.
2. Радикальный релятивизм – любая философская система всецело принадлежит тому историческому контексту, в котором она сформировалась.
3. Радикальный дисконтинуизм – невозможно встать на точку зрения философов былых эпох, чтобы обсудить истинность их утверждений, поскольку произошла радикальная смена всех условий философской работы[27].

Среди реальных фигур, придерживающихся п. 1, можно назвать Марка Бивира, прямо называющего себя «семантическим холистом»[28]. При этом М. Бивир в качестве общего содержания вариантов контекстуализма Дж. Покока и Кв. Скиннера выделяет то, что философские понятия для них «не могут удерживать соответствующую идентичность сквозь контексты», так что они также «отрицают наличие исконных проблем в истории идей»[29], т. е. этим общим содержанием оказывается нечто, близкое к п. 2.

Также среди историков философии, придерживающихся п. 2, можно назвать Джона Германа Рэнделла, утверждающего, что «проблемы одного столетия, в конечном счёте не имеют отношения к проблемам другого»[30].

Вероятно, наиболее обескураживающим следствием историцизма и контекстуализма является п. 3 (который просто следует из п. 2), в соответствии с которым мы не можем осмысленно высказываться об убеждениях философов

[27] Panaccio C. De la reconstruction en histoire de la philosophie // La philosophie et son histoire / Boss G., éditeur. Zürich, 1994. P. 19; излагается по: Флаш К. Как писать историю средневековой философии? К дискуссии Клода Паначчио и Алена де Либера о философской ценности историко-философских исследований // Логос. 2009. № 4–5 (72). С. 235.

[28] Бивир М. Роль контекстов… . С. 128.

[29] Бивир М. Роль контекстов… . С. 121.

[30] Randall J. H. The Career of Philosophy. Vol. I: From the Middle Ages to the Enlightenment. New York: Columbia University Press, 1962. P. 7.

минувших эпох: если значения их текстов определяются ближайшими к ним текстами *et vice versa*, то как современный историк философии может определить их значение, ведь значение ни одного из текстов, окружающих исследуемый текст, не известно ему непосредственно, а значит, он вынужден использовать для получения значения одного текста значения других текстов из контекста этого текста и т. д. (что грозит бесконечным регрессом), а для получения значений текстов из контекста он вынужден использовать всё ещё неизвестное ему значение исходного текста (что грозит порочным кругом)? Это проблема очень чётко ставится Престоном Кингом[31]. Тем не менее, по П. Кингу, многие историцисты и контекстуалисты полагают, что историк философии может, если использует правильную (историцистскую или контекстуалистскую) методологию, делать осмысленные высказывания о содержании текстов философов других эпох[32]. Как отмечает П. Кинг, позиция таких историцицистов и контекстуалистов выглядит недостаточно продуманной.

Стороной, противостоящей историцистам и контекстуалистам, являются апроприационисты, предлагающие встраивать древние тексты в обсуждение современных философских проблем. Теоретическое изложение позиции апроприационизма можно найти у Джона Пассмора[33], «проблемно-ориентированный подход» которого довольно близок к тому, что мы называем «апроприационизмом». Бертран Рассел, когда он писал «Проблемы философии»[34], полагал, что философы в разные времена обращались к одним и тем же проблемам, тем самым отвергая историцизм и склоняясь к апроприационизму. Таким образом, признание наличия в истории философии «вечных» или хотя бы долговременных проблем несовместимо с историцизмом и контекстуализмом, но совместимо с апроприационизмом. Следующее признание Джонатана Беннетта выражает одну из важнейших характеристик апроприационизма:

---

[31] См. King P. Historical Contextualism… . P. 210–212, 228.

[32] О притязаниях Дж. Покока и Кв. Скиннера на то, что их метод позволяет понять, что автор минувшей эпохи имел в виду, см.: Бивир М. Роль контекстов… . С. 119–120.

[33] Passmor J. The Idea of a History of Philosophy // The Historiography of the History of Philosophy, History and Theory / Nadel G. H., ed. The Hague: Mouton, 1965. P. 1–32.

[34] Рассел Б. Проблемы философии / Пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск: Наука, 2001. С. 62–74.

> «Я рассматриваю умерших великих [философов. – *И.Б.*] как если бы они были великими и живыми, как личностей, которые имеют что-то сказать нам *сейчас*»[35].

Апрприационисты обычно критикуют историцистов и контекстуалистов за сведение истории философии к истории культуры, следствием чего является отказ от стремления внести хоть какой-то вклад в современные философские дискуссии[36], так что ценность философских трудов минувших эпох низводится до исключительно «исторической ценности» осколков античных амфор. Например, Дж. Пассмор весьма пренебрежительно относится к историцизму, описывая его как «выставку философских теорий в музее культуры как характерных черт определенного периода»[37]. Весьма апроприационистски выглядит мнение Энтони Кенни, полагающего, что «любая серьёзная история философии сама по себе должна быть упражнением как в истории, так и в философии»[38].

Весьма часто историцистов и контекстуалистов обвиняют в самопротиворечивости их позиции. Например, Гэри Хэтфилд[39] пытается показать самопротиворечивость историцизма Ричарда Рорти[40]. По Г. Хэтфилду, Р. Рорти прослеживает метафору «познания как зеркального отражения реальности» сквозь различные эпохи (обнаруживая её использование Платоном, Декартом, Локком, Кантом), нещадно её критикуя и требуя избавить эпистемологию от неё, но присутствие такого понимания познания в различные времена несовместимо с радикальным дисконтиуизмом, вытекающим из историцизма Р. Рорти:

---

[35] Bennett J. Learning from Six Philosophers: Descartes, Spinoza, Leibniz, Locke, Berkeley, Hume. In two vols. Vol. 1. Oxford and New York: Oxford University Press, 2001. P. 1.

[36] Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy / ed. by Mogens Lærke, Justin E. H. Smith, and Eric Schliesser. New York: Oxford University Press, 2013. P. 1.

[37] Passmor J. The Idea of a History of Philosophy. P. 18.

[38] Kenny A. The Philosopher's History and the History of Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G. A. G. Rogers. New York: Oxford University Press, 2005. P. 20.

[39] Hatfield G. The History of Philosophy as Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G. A .G. Rogers. New York: Oxford University Press, 2005. P. 83–128.

[40] Как он представлен в книге: Рорти Р. Философия и зеркало природы.

> «От имени историцизма, Рорти сгладил историю философии. Ему не удалось объяснить, каким образом одновременно может быть истинным, что философия со времён Платона занималась вопросами об отношении познающего и познаваемого, и что теории и цели философов изменялись от эпохи к эпохе и даже от писателя к писателю»[41].

Противоречивость, сходная с подмеченной Г. Хэтфилдом противоречивостью в историцизме Р. Рорти, на самом деле свойственна многим другим разновидностям историцизма, поскольку историк философии, как правило, живёт в другую эпоху, чем исследуемые им философы. Если при этом принимается историцистское и контекстуалистское допущение, что инструменты и объекты философской деятельности в разные эпохи не могут иметь совпадающих характеристик, то из этого следует, что историк философии никогда не сможет приблизиться к постижению объектов своих клиентов. Тем не менее, ни один из известных нам реально работающих историков философии не отрицает, что приближение к пониманию учений исследуемых им философов является необходимым для его работы. Как излагает это следствие Престон Кинг:

> «Поскольку я (современный историк) могу правильно понимать прошлое только на его собственном языке, и поскольку по определению этот язык отличается от моего собственного, *я* (который принадлежит, действует и может влиять только на моё собственное время) неспособен вынести какое-либо *релевантное* суждение о каком-либо минувшем времени»[42].

Универсальность указанного затруднения является знаком его серьёзности, и мы ниже попытаемся предложить своё решение этой проблемы, используя семантику В. Эдельберга.

---

[41] Hatfield G. The History of Philosophy as Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G. A. G. Rogers. New York: Oxford University Press, 2005. P. 100.

[42] King P. Historical Contextualism… . P. 230.

У позиции апроприационистов имеются свои недостатки. Историцисты и контекстуалисты обвиняют апроприационистов в приписывании древним философам того, чего они не думали и не могли думать, в принуждении древних философов к разговору на нашем языке, к использованию наших понятий, концепций, инструментов и стандартов философствования[43]. Часто говорят, что апроприационисты впадают в «анахронизм»[44] или «антиисторизм»[45]. Мы попытаемся показать, в каком смысле можно говорить об использовании объектов древних философов в современных дискуссиях без модернизации этих объектов.

Кроме того, апроприационистов часто обвиняют в том, что они отрывают сложившееся сейчас положение дел в философии от его истоков, что приводит к забвению дискуссий, приведших к современной практике использовать такие-то тезисы как нуждающиеся в обосновании, такие-то – как не нуждающиеся в нём, такие-то – как логические и методологические принципы. Это существенно уменьшает степень проработанности современных философских построений, поскольку

---

[43] См. Philosophy and Its History… . P. 2; Рорти Р. Историография философии: четыре жанра / пер. И. Д. Джохадзе с сокращ. // Джохадзе И. Д. Неопрагматизм Р. Рорти. М., 2001. С. 189–192 (это сокращённый перевод; см. также полый перевод этой статьи Р. Рорти: Рорти Р. Историография философии: четыре жанра / пер. В. В. Целищева // Рассел. Б. История западной философии: В 2-х тт. Т. 2. Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного университета, 1994. С. 305–330); Вольф М. Н. Методологические споры вокруг истории философии: контекстуализм или апроприационизм? // Философия и наука: проблемы соотнесения. Материалы международной конференции Алёшинские чтения – 2016. Издание 2-е, исправленное. Москва: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2017. С. 397; Рокмор Т. Заметки об истории философии и её отношении к философскому «духу времени» (Zeitgeist) // История философии: вызовы XXI века / Под ред. Н. В. Мотрошиловой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 74–75; Вольф М. Н. Историография истории философии как модус аналитической истории философии // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 2. С. 194; Goldenbaum U. Understanding the Argument through Then-Current Public Debates or My Detective Method of History of Philosophy // Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy / ed. by Mogens Lærke, Justin E. H. Smith, and Eric Schliesser. New York: Oxford University Press, 2013. P. 77–89; Tejera V. Introduction: on the Nature of Philosophic Historioraphy // History and Anti-History in Philosophy / T. Lavine and V. Tejera, eds. Dordrecht: Kluver Academic Publishers, 1989. P. 3.

[44] Горан В. П. Теоретические и методологические проблемы… С. 157.

[45] В последнее время в России активно обсуждается методологические проблемы истории философии, однако по большей части корни и суть полемики историцистов / контекстуалистов и апроприационистов не раскрываются, и отстаиваемые позиции часто сводятся к указанной критике апроприационизма. См., например: Звиревич В. Т. Историография истории философии как вспомогательная историко-философская дисциплина. Лекция. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2012. № 4 (109). С. 166–175; История философии: вызовы XXI века / Отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 368 с.; Львов А. А. Историки философии в поиске оснований своей дисциплины: статус истории философии и историко-философская работа // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Том 3 (69), № 4. С. 84–94.

> «…философский аргумент не появляется ниоткуда. Он является частью культурной традиции, которая привела нас к тому, чем мы стали сегодня; и если мы игнорируем эту традицию, то мы потеряем полноту осознания значимости философских шагов, которые мы делаем, с потенциально катастрофическими последствиями»[46].

Ещё одним направлением критики апроприационизма является указание на несовместимость этого похода с широко распространённым сейчас пониманием философской деятельности (особенно среди авторов, склонных к аналитической философии) как не имеющего внутренних ограничений процесса анализа, обоснования или критики теорий. При таком подходе философская деятельность понимается как дискуссия, в которой «за возражениями и ответами *следуют* возражения и ответы, а не определённый ответ» (курсив Т. Сорелла)[47]. В соответствии с таким пониманием, «философствование должно, неизбежно, обладать историческим измерением, чтобы его вообще можно было считать философствованием»[48]. Этот вывод обосновывается тем, что для выполнения анализа современных аргументов необходимо выполнить анализ тех аргументов, на которые они являются ответом, и т. д., т. е. необходимо исследовать их полную генеалогию. Лоренс Крюгер выражает это, говоря о «глобальной историчности» теорий, которая заключается в том, что «открытие, также как и подтверждение теории, требует предшествующей теории, или, скорее, цепи или сети предшествующих теорий»[49].

Однако апроприационисты проявляют интерес к тезисам, которые современные философы пытаются подтвердить или опровергнуть, оставляя без внимания старые аргументы, выдвинутые *pro et contra* этих тезисов, хотя изучение их генеалогии может привести к выводу, что содержание этих тезисов

---

[46] Cottinham J. Why Should Analytic Philosophers Do History of Philosophy? // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G. A. G. Rogers. New York: Oxford University Press, 2005. P. 39.

[47] Sorell T. On Saying No to History of Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G. A. G. Rogers. New York: Oxford University Press, 2005. P. 51.

[48] Cottinham J. Why Should Analytic Philosophers… . P. 30.

[49] Krüger L. Why Do We Study the History of Philosophy? // Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy / ed. by Richard Rorty, J.B. Schneewind and Quentin Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 93.

совершенно не такое, какое им приписывалось без изучения генеалогии. И если два современных философа обсуждают одно и то же предложение, и не пытаются проговорить максимально полно генеалогии, которые каждый из них приписывает этому предложению, то, весьма вероятно, что они наделяют это предложение различным содержанием.

Достоинством же позиции апроприационистов является то, что они, в отличие от историцистов и контекстуалистов, отдают должное современным дискуссиям, полагая, что содержание термина из философского текста зависит, помимо прочего, от дискуссий не только в окружении автора этого текста, но и в наше время, что позволяет историкам философии быть не антикваристски настроенными исследователями уже давно никому не нужных вещей, а быть историками *философии*, вносящими вклад в понимание генеалогии, а значит, структуры и содержания современных концепций.

Полемика между контекстуалистами и апроприационистами ведётся давно и проявляет явные признаки зацикленности: ходы и доводы повторяются уже несколько десятилетий. Можем ли мы говорить о том, что, хотя объекты теорий древних философов отличаются от наших объектов, мы, тем не менее, способны высказывать осмысленные сообщения об убеждениях древних? Этот вопрос можно считать несколько более точной формулировкой поставленного во *Введении* вопроса: каким образом объекты философов минувших лет могут использоваться в современных дискуссиях? Ни историцисты, ни апроприационисты не способны доказать, что на эти вопросы допустим положительный ответ, хотя некоторые историки философии осознают необходимость разработки методологии истории философии, способной дать такие ответы. В качестве примера такого историка философии можно привести И. Ш. Зарку. С его точки зрения, назрела необходимость построения такой истории философии, которая объективно состоятельна как с точки зрения философии (объекты которой не привязаны к контексту), так и истории (объекты

которой укоренены в контексте). Такую историю философии И. Ш. Зарка именует «философской историей философии» или «философской историографией»[50].

Сам И. Ш. Зарка далее описывает свой подход, в котором работа историка философии производится в трёх «регистрах». Но в этом описании нет обоснования логической совместимости «укоренённости в контексте» и «непривязанности к контексту» объектов, о которых говорили философы минувших эпох. Также во многом декларацией или пожеланием остаётся рассуждение о возможности сохранения философского инструментария при его несомненном изменении у Тома Сорелла[51].

Ниже мы намерены продемонстрировать, как можно использовать один из подходов к семантике пропозициональных установок В. Эдельберга, чтобы обосновать возможность использовать объекты философов минувших лет и генеалогию современных философских объектов в современных дискуссиях и возможность высказывать осмысленные сообщения об убеждениях философов других эпох, не приписывая им при этом того, чего они не имели в виду.

Рассмотрим, как, основываясь на перспективалистской семантике В. Эдельберга, можно решить проблемы, поставленные в ходе спора, с одной стороны, истрицистов и контекстуалистов, и, с другой стороны, апроприационистов. Из вопросов, порождённых этой дискуссией, для настоящего исследования представляет интерес следующий:

Следует ли из историцистского и контекстуалистского тезиса

(ИТ) *Античные философы создают теории о своих собственных объектах, отличных от тех объектов, с помощью которых современные историки философии пытаются описать убеждения античных философов*

антиапроприационистский тезис

[50] Zarka Y. Ch. The Ideology of Context… . P. 155–156.
[51] Sorell T. On Saying No to History of Philosophy. P. 45.

(ААТ) *Использование современных философских понятий, концепций и инструментов при интерпретации текстов античных философов недопустимо*?

Очевидно, что (ААТ) противоречит апроприационистскому тезису

(АТ) *Значение философского текста определяется его использованием при подтверждении или опровержении доводов в современных дискуссиях, а также его ролью в генерировании новых подходов*.

Ниже мы попытаемся показать, что в моделях, основывающихся на модели Эдельберга для языка L_1[52], можно показать истинность предложения

(1) Платон верил, что красота отдельна.

Это предложение, как подразумевается, высказывается современным историком философии. Мы попытаемся показать, строго говоря, не истинность положения (1) и приводимых ниже предложений (2)–(7), сформулированных некоторым историком философии на русском языке после того, как этот историк философии, как предполагается, поработал с древнегреческими текстами, но истинность некоторых формул, являющихся переводом русских предложений (1)–(7) на формальный язык L_1. Ради упрощения дальнейшего изложения мы не будем повторять далее такого рода оговорки.

Покажем, что высказать (1) проблематично для историцистов и контекстуалистов. Для историцистов и контекстуалистов объекты людей различных эпох (Платона и современного историка философии) различны, так что современный историк философии может приписать что-то лишь своей

[52] Эта модель описана в упоминавшейся выше статье Edelberg W. A Perspectivalist Semantics for Attitudes. P. 316–342.

собственной «красоте», но не платоновской. Но какое содержание имеет тогда (1)?

Историцисты и контекстуалисты согласны с тем, что (1) истинно, но, чтобы настаивать на его истинности, надо понимать его содержание. А каково это содержание – не очень понятно. Например, о какой «красоте» идёт речь в (1) – о «нашей» красоте или о «платоновской»? Платон не мог иметь убеждений о «нашей» красоте, он имел убеждения только о «платоновской» красоте – о том, что именно он понимал под «красотой». Значит, под «красотой» в (1) надо понимать «платоновскую» красоту. Но каким образом «платоновская» красота просочилась в убеждения современного историка философии, рапортующего об убеждениях Платона? Автор сообщения об убеждениях Платона сообщает об убеждениях последнего на своём языке, слова в котором имеют те значения, которыми автор репортажа их наделяет. Значит, современный историк философии наделяет платоновский термин «красота» некоторым значением в своей собственной системе убеждений (для простоты мы не будем сейчас усложнять ситуацию трудностями перевода с древнегреческого на русский, будем считать, что и Платон, и современный историк философии наделяют значением русский термин «красота»). Но как это совместимо с тезисом (ИТ), отстаиваемым историцистами и контекстуалистами, что ни один объект из системы убеждений Платона не может присутствовать в системе убеждений, определяемой другим, «неплатоновским», контекстом – в частности, не может присутствовать в системе убеждений современных историков философии? С первого взгляда кажется, что присутствие «неплатоновской» красоты в системе убеждений того, кто желает сегодня сообщить об убеждениях Платона несовместимо с (ИТ).

Это является существенной неприятностью для историцистов и контекстуалистов, и с этим они никак не могут согласиться, ведь они считают себя «подлинными» историками философии, а значит теми, кто может и должен высказывать истинные сообщения об убеждениях античных философов. Одной из причин использования нами ниже подхода В. Эдельберга является то, что, в соответствии с этим подходом, в системе убеждений (теории) того, кто сообщает

о системе убеждений (теории) Платона *не могут присутствовать объекты из теории Платона* (как того и требуют историцисты и апроприационисты), но, тем не менее, сообщение об убеждениях Платона (1) истинно – при специально разработанных формальных условиях истинности для сообщений об убеждениях.

Без специальной семантики, достигающей такого результата, историцисты и контекстуалисты не могут претендовать на истинность (1), хотя возможность высказывать истинные предложения вроде (1) критически важна для их подхода. Однако семантика В. Эдельберга даже при принятии (1) не легитимизирует антиапроприационистский тезис (ААТ).

Высказать (1) затруднительно также и для апроприационистов, хотя последние не будут из-за этого расстраиваться. Позицию апроприационистов можно даже представить как происходящую из невозможности получить доступ к аутентичному объекту древнего автора. Как пишет Коэн Вермейер,

> «В соответствии с этими философами [апроприационистами, в качестве примера которых рассматривается Джонатан Беннетт. – *И.Б.*] у нас нет объективного доступа к истории. Историография является только одним дискурсом среди многих, конструирующих прошлое»[53].

Можно предположить, что указанный пессимизм относительно нашего доступа к объектам древнего философа побудил апроприационистов рекомендовать работу исключительно с современными представлениями о древних понятиях, суждениях и теориях, оставив попытки решить проблему определения «подлинных» убеждений античных философов.

Наш подход, использующий семантику В. Эдельберга, сочетает в себе требование историцистов и контекстуалистов осмысленности и истинности положения (1), а также требование историцистов, что термин «красота» имеет, среди прочих, тип значения, учитывающий использование этого термина в

[53] Vermeir K. Philosophy and Genealogy: Ways of Writing History of Philosophy // Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy / ed. by Mogens Lærke, Justin E. H. Smith, and Eric Schliesser. New York: Oxford University Press, 2013. P. 52.

современных дискуссиях. Такой подход сохранит осмысленность работы историков философии, которая невозможна, если они не способны делать претендующие на истину утверждения вроде (1), и, кроме того, продемонстрирует значимость дискуссий, выходящих за рамки одной эпохи и одного контекста, для понимания значения философских терминов и предложений.

Далее, работа историка философии не может быть эффективной без истинности сообщения об убеждениях философа, который не согласен с другим философом по поводу характеристик некоторого объекта. Например, помимо (1), должно быть истинным также и следующее положение:

(2) Аристотель верил, что красота не отдельна.

Если Аристотель спорил с Платоном по поводу характеристик «красоты», то автор сообщений об убеждениях Платона и Аристотеля, как и сам Аристотель, могут отображать этот факт через употребление анафорического местоимения «она же» вместо термина «красота» в сообщении об убеждениях Платона и Аристотеля. Анафора здесь означает, что Аристотель, спорящий с Платоном о красоте, не только верит, что красота отдельна, но также верит, что он имеет в виду оригинальную платоновскую красоту – тот же самый объект, о котором говорил Платон, изрекавший «красота отдельна». А современный историк философии, автор сообщения об убеждениях Платона и Аристотеля, используя в своём сообщении анафорическое местоимение «она же», передаёт эту последнюю веру Аристотеля (разумеется, из того, что Аристотель верит, что красота из его теории совпадает с красотой из теории Платона, не следует, что это имеет место). Таким образом, нашей задачей должно быть объяснение истинности предложения

(3) Платон верил, что красота отдельна, и Аристотель верил, что *она же* не отдельна.

Истинность (3) может показаться сомнительной из-за того, что взаимоисключающие характеристики, приписываемые Платоном и Аристотелем своим объектом, как кажется, влекут, по *Принципу тождества неразличимых* (см. ниже, § III.7), что объект Платона отличен от объекта Аристотеля. Так что Платон и Аристотель говорят каждый о своей «красоте», а значит, анафорическое местоимение «она же» в (3) *кажется* недопустимым. Для того чтобы сохранить осмысленность использования анафоры здесь нам предстоит точно определить истинностные условия для сообщений об убеждениях с анафорой так, чтобы уйти от полного тождества объекта Аристотеля с объектом Платона.

Ещё одно условие успешного написания истории философии – возможность истинных сообщений о том, что современный автор придерживается того же убеждения, что и античный философ, или придерживается его отрицания. Если такие сообщения невозможны, то мы не можем использовать древние тексты для сегодняшней философской работы, что делает бессмысленным само существование дисциплины «история философии». Таким образом, мы должны продемонстрировать, что может быть истинным, например, следующее положение:

(4) Рассел[54] верил, что красота отдельна[55].

Поскольку Рассел соглашается с Платоном по вопросу отдельности красоты, мы можем записать (1), (2) и (4), используя анафорическое местоимение – по аналогии с тем, как это было сделано в (3).

Теперь заметим, что философы имеют обыкновение не просто провозглашать тезисы, а выдвигать аргументы. Это значит, что Платон как-то обосновывал, что красота отдельна, и был убеждён в этом своём обосновании или аргументе. Таким образом, мы должны показать, что следующее положение также может быть истинным:

---

[54] По крайней мере, когда он писал книгу «Проблемы философии», см.: Рассел Б. Проблемы философии / Пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск: Наука, 2001. С. 62–74.

[55] Правда, Б. Рассел полагает здесь, что такие слова как «красота» указывают не на идею или эйдос (как думал Платон), а на универсалию.

(5) Платон верил, что красота отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определённостью.

В (5), как и в (4) и (2), «красота» может быть заменена на анафорическое местоимение.

Наконец, заметим, что та пропозиция, в которую Платон, по (5), верил, является сложной пропозицией. Но философы не только пытаются подтвердить свои убеждения доводами, выдвигая тем самым аргументы, но также и критиковать аргументы, выдвигая сложные аргументы, тем самым выдвигая сложные аргументы, содержащие в себе некоторые аргументы. Таким образом, для того, чтобы гарантировать осмысленность работы историка философии, мы должны показать, как может быть истинным положение вроде следующего:

(6) Аристотель верил, что аргумент ‘красота отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определённостью’ неубедителен, поскольку не только отдельное может наделять причастные ему вещи определённостью.

В (6), как в (5), (4) и (2), может быть использовано анафорическое местоимение. Теперь мы можем окончательно записать одно сложное предложение, которое должно быть истинным для того, чтобы историк философии мог обоснованно претендовать на осмысленность своей работы:

(7) Платон верил, что красота отдельна, *и* Аристотель верил, что *она же* не отдельна, *и* Рассел верил, что *она же* отдельна, *и* Платон верил, что *она же* отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определённостью, *и* Аристотель верил, что аргумент *она же* отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи

определённостью неубедителен, поскольку не только отдельное может наделять причастные ему вещи определённостью.

Ниже мы намерены построить формальную семантику, в которой формула, являющаяся аналогом (7) на формальном языке, истинна. По ходу этого построения мы ответим на поставленный выше вопрос «*Способны ли мы высказывать осмысленные сообщения об убеждениях древних?*», предложим способ трактовки значения древних текстов, сочетающий историцистский и апроприационистский подходы, а также покажем совместимость (ИТ) и (АТ).

§ I.4 Лексикон и синтаксис языка L_1

Теперь создадим язык L_1, восходящий к языку L_1 Вальтера Эдельберга[56], на котором мы намерены переписать (7). После этого построим модель M, в которой будут оцениваться на истинность предложения на языке L_1. Построение модели M, помимо этого, даст нам возможность ответить на сформулированные выше вопросы, касающиеся совместимости историцизма и апроприационизма.

Любая правильно построенная формула (далее – ППФ) Ф языка L_1 имеет истинностное значение не просто, а только относительно индекса и теории. Сначала разберём, что такое «иметь истинностное значение относительно индекса», В. Эдельберг в этом случае выражается «иметь истинностное значение на индексе». Индекс – примитивное понятие, не имеет определения, о нём можно сказать лишь, что на индексе формула оценивается как истинная или ложная. Индекс можно представлять себе как возможный мир (полный или не полный), ситуацию, положение дел. В разных мирах или ситуациях одно и то же значение терма t (термами являются как индивидные константы, так и переменные, но не предикаты) из Ф(t) может указывать на различные вещи, значения предикатов из этой формулы также могут изменяться. Это объясняет, почему формула на одном индексе может оцениваться как истинная, а на другом – как ложная. Очевидно,

[56] Edelberg W. A Perspectivalist Semantics for Attitudes. P. 320–322.

что в одном возможном мире Наполеон носит треуголку, а в другом – нет, так что формула «Треуголконошение (Наполеон)» на одном индексе может быть истинной, а на другом – ложной. Таким образом, истинностное значение формулы релятивизировано к той ситуации, о которой оно высказано: формула не имеет истинностного значения без указания на ситуацию, по отношению к которой оно оценивается.

Язык L_1 совпадает в общих чертах с обычным языком логики предикатов 1-го порядка с предикатом тождества «=», а истинность сформулированных на нём формул может быть определена только относительно модели M. Основным отличием L_1 является использование трёх видов кванторов: константных кванторов вида (c/x), восходящих кванторов вида $(\uparrow\exists x)$ и нисходящих кванторов вида $(\downarrow\exists x)$. Кроме того, в L_1, в отличие от обычного языка логики предикатов 1-го порядка, используется доксастический оператор BEL_s (читается «субъект s верит, что …»).

Константные кванторы используются в формулах с теми же целями, с которыми обычно используются индивидные константы: высказаться о некотором индивиде. Однако при их помощи снимается неоднозначность трактовки формул с индивидными константами, ***если эти формулы находятся под доксатсическими операторами***. Единственным таковым оператором в L_1 является BEL_s. Формула $\mathrm{BEL}_s\Phi(c)$ может трактоваться и *de dicto*, что в L_1 записывается как $\mathrm{BEL}_s(c/x)\Phi(x)$, и она же может трактоваться *de re*, что в L_1 записывается как $(c/x)\mathrm{BEL}_s\Phi(x)$. Если формула не находится под оператором BEL_s, то неоднозначности в её трактовке не возникает, и переписывать формулу обычного языка логики предикатов 1-го порядка $\Phi(c)$ на языке L_1 с помощью константного квантора в виде $(c/x)\Phi(c)$ не обязательно, в этом случае её можно оставить в исходном виде $\Phi(c)$. Например, формулу $\mathrm{BEL}_s(c/x)\Phi(x)$ можно не переписывать в виде $(s/y)\mathrm{BEL}_y(c/x)\Phi(x)$, её можно оставить как есть. Таким образом, хотя L_1 позволяет полностью избавиться от индивидных констант, заменив их выражениями, начинающимися с константных кванторов, чтобы не

делать запись неоправданно громоздкой, в случае $BEL_s(c/x)Ф(x)$ мы ниже не будем избавляться от индивидной константы *s*.

Объясним теперь мотивы для введения кванторов ↑∃ и ↓∃ и принципы их использования. Поскольку истинностное значение формул оценивается на индексе, обычный вид формул с переменными, связанными обычными кванторами существования и всеобщности, оказывается недостаточно информативным для определения истинностного значения формулы. Например, рассмотрим предложение «Некто носит треуголку». На обычном языке логики предикатов первого порядка оно формализуется как (∃*x*) (Треуголконошение(*x*)). В этой формуле нет информации о том, какой именно области принадлежит *x*. Формула с переменной *x*, снабжённая информацией об области пробега *x*, может быть истинна на индексе либо если в ней говорится о вещах, существующих только на этом индексе, либо если в ней говорится о вещах, существующих хотя бы на одном индексе, допустимом в модели *M*. Например, если область пробега *x* определить одним способом, то формула (∃*x*) (Треуголконошение(*x*)) истинна, если в настоящий момент в той ситуации, в которой эта формула оценивается на истинность, скажем, в той ситуации, в которой высказывается эта формула, кто-то носит треуголку. Если же область пробега *x* определить другим способом, то эта формула истинна, если в любой ситуации, полагаемой допустимой тем, кто создаёт модель *M*, например, если среди воображаемых ситуаций, или среди прошлых, настоящих и будущих ситуациях, или среди возможных ситуаций найдётся ситуация, в которой эта формула истинна. Если, как в первом случае, область пробега *x* является «узкой», т. е. если *x* указывает на вещь, имеющуюся в той ситуации, в которой формула оценивается на истинность, то информация о такой области пробега передаётся через использование специального квантора ↓∃, «нисходящего квантора», вместо обычного ∃. В этом случае формула обычного языка логики предикатов первого порядка (∃x) (Треуголконошение(*x*)) передаётся на L_1 в виде (↓∃*x*) (Треуголконошение(*x*)). Если же, как во втором случае, область пробега *x* является «широкой», т. е. если *x* указывает на вещь, имеющуюся в какой-либо из признаваемых в модели *M* ситуаций, не только в той ситуации, в

которой формула оценивается на истинность, то информация о такой области пробега передаётся через использование специального квантора ↑∃, «восходящего квантора», вместо обычного ∃. В этом случае формула обычного языка логики предикатов первого порядка (∃x) (Треуголконошение(x)) передаётся на L_1 в виде (↑∃x) (Треуголконошение(x)).

Как обычно, индивидные переменные или индивидные константы именуются *термами*. Термы обозначаются через t, t_1, t_2,… . Индивидная константа обозначается через c (можно использовать также a, b, d, …, каждую букву можно снабжать подстрочными индексами), переменные первого порядка – через x, x_1, x_2, …, x_n, и также через y, z, w с подстрочными индексами. Одноместный предикат обозначается через P^1 или P, n-местный – через P^n. Вместо P здесь можно использовать любые другие латинские заглавные буквы, кроме того, эти буквы могут иметь подстрочные индексы (в дополнение к надстрочным индексам). Проверить, является ли данная формула ППФ, можно, используя следующие принципы: $P^n(x_1, x_2, \ldots, x_n)$ – ППФ для любого целого n, большего либо равного 1, но меньшего бесконечности; если Ф, Ψ – ППФ, то (Ф & Ψ) – ППФ (то же можно сказать о формулах, построенных с помощью отрицания, дизъюнкции и материальной импликации и признаваемыми ППФ в обычной пропозициональной логике); если Ф – ППФ, то (↑∃x)Ф, (↓∃x)Ф, (c/x)Ф, BEL_xФ – ППФ. Таким образом, в лексиконе языка L_1 могут иметься следующие множества, мощностью от пустого до бесконечного счётного: множество индивидных констант, множество переменных первого порядка, множество предикатов, множество ППФ. Также обычным способом используются скобки (…), […], {…}. Кроме того, используются угловые кавычки ⌜…⌝. Угловые кавычки используются не стандартным способом. В угловые кавычки заключается формула, находящаяся внутри другой формулы. В этом случае формула, заключённая в угловые кавычки, рассматривается как длинное обозначение пропозиции, которую выражает эта формула, т. е. как пропозициональная константа.

§ I.5 Условия, задающие модель

Мы строим модель M для языка L_1 по образцу модели В. Эдельберга[57], отличия нашей модели от модели В. Эдельберга будут оговорены ниже.

Моделью M для языка L_1 является структура $<I, \theta, D, \beta, O, v, \prec>$, удовлетворяющая следующим условиям, на которые в дальнейшем мы будем ссылаться как на «условия, задающие модель» (далее – УЗМ):

1. I есть ***непустое*** множество ***всех*** индексов, включённых в модель M. Индексы обозначаются через i_1, i_2, … . Индексы можно понимать как ситуации и проч., включаемые автором модели в создаваемый им «мир», в свой «универсум рассмотрения».

2. θ есть множество теорий, включаемых автором модели в свой «универсум рассмотрения». Каждая теория является множеством, состоящим из индексов. Теории обозначаются через T_1, T_2,… . Например, если $T_1=\{i_1\}$, $T_2=\{i_1, i_2\}$, $T_1 \in \theta$, $T_2 \in \theta$, то $\theta=\{T_1, T_2\}$. Из такого понимания θ понятно, что любая теория есть какое-либо подмножество множества всех индексов I или само I. θ может быть пустым множеством, но в этом случае приписать убеждения кому-либо будет невозможным, поскольку $BEL_x\Phi$ будет ложным в соответствии с правилами оценки истинности этой формулы, см. ниже. Также отнюдь не обязательно, чтобы в модель M входили ***все*** теории, получаемые описанным способом из I. Теория отражает систему убеждений субъекта, иметь некоторую систему убеждений для субъекта = придерживаться некоторой теории для субъекта, что означает для субъекта признавать некоторый набор ситуаций (индексов), в которых одни и те же объекты могут описываться в разных обстоятельствах.

3. D есть множество, членами которого являются все множества, каждое из которых содержит *домен индекса* из I. Доменом индекса называется множество *элементов домена индекса*. Домен индекса i_1 обозначается через D_{i2}, домен индекса i_1 обозначается через D_{i2}, и т. д. Элементы домена индекса обозначаются через δ_1, δ_2, … . Элементом домена индекса i называется та вещь, которая, так сказать, является проявлением (экземплификацией, инстанциацией) некоторого

[57] См. Edelberg W. A Perspectivalist Semantics for Attitudes. P. 322.

объекта на этом индексе. Например, в различных ситуациях, возможных мирах и проч. объекту, обозначаемому именем «Наполеон», соответствуют различные вещи: в одних случаях это человек в треуголке, а в других это человек без треуголки. D может выглядеть, например, как $D=\{\{\delta_1, \delta_2\}, \{\delta_3, \delta_4\}\}=\{D_{i1}, D_{i2}\}$. Важным условием на D является следующее: ***домены индексов попарно не пересекаются***. Иначе говоря, элемент домена индекса присутствует в одном и только одном домене индекса. Таким образом, если $D_{i1}=\{\delta_1, \delta_2\}$, то допустимо $D_{i2}=\{\delta_3, \delta_4\}$, но недопустимо $D_{i3}=\{\delta_1, \delta_4\}$. Через D^U будет обозначаться множество всех элементов всех доменов всех индексов модели M. Так, если $D=\{\{\delta_1, \delta_2\}, \{\delta_3, \delta_4\}\}=\{D_{i1}, D_{i2}\}$, то $D^U = \{\delta_1, \delta_2, \delta_3, \delta_4\}$.

4. β есть частичная функция из D^U в θ. А именно, β ставит в соответствие специфическим элементам доменов некоторых индексов специфические теории: тем элементам домена индекса, которые являются проявлениями на данном индексе такого объекта o, что o одушевлён и имеет теорию на этом индексе, ставится в соответствие теория, которой o на этом индексе придерживается. Если $\beta(\delta)=T$, то T именуется теорией для δ в M.

5. O есть множество частичных функций, обозначаемых $o_1(i)$, $o_2(i)$, …, из I в D^U, и именуемых «объектами». Каждая из функций из O, или каждый объект, ставит в соответствие каждому индексу, на котором она определена, значение в виде одного элемента домена этого индекса. Например, функция Наполеон(i) ставит в соответствие индексу i_1 человека в треуголке, а индексу i_2 – человека без треуголки. Эти функции удовлетворяют следующим условиям:

(*a*) Для любого объекта o из O и любого индекса i из I, если объект $o(i)$ определён, то $o(i)\in D_i$ (т. е. все значения всех определённых на индексе i объектов, принадлежат домену индекса i).

(*b*) Для любого индекса i из I и любого δ из домена этого индекса D_i, имеется объект o из O такой, что $o(i)= \delta$ (т. е. нет элементов доменов индексов, не являющихся значением хотя бы одного объекта, при этом нет запрета на то, чтобы один элемент домена индекса был значением нескольких объектов, определённых на этом индексе – например,

значение функций Наполеон и Молодой Наполеон совпадают на некоторых индексах, отображающие ситуации с Наполеоном в молодости; на других индексах, отображающие ситуации с Наполеоном в зрелости, Наполеон определён, а Молодой Наполеон – нет).

Важным условием на объекты и теории является следующее: ни один объект не может быть определён на индексах, принадлежащих различным теориям, иначе говоря, ***каждый объект определён на индексах, принадлежащих одной и только одной теории***. При этом один и тот же индекс может принадлежать нескольким теориям, но в этом случае ни один объект не может быть определён на этом индексе.

Объект *o* именуется существующим на индексе тогда и только тогда, когда (далее – тттк) он определён на этом индексе, *o* возможен (возможно существует) на теории *T* тттк o определён на хотя бы одном из индексов теории *T*, o необходим (необходимо существует) в *T* тттк o определён на всех индексах теории *T*.

6. ≈, отношение «_является близнецом по отношению к_» (counterpart relation), есть бинарное отношение эквивалентности (транзитивное, рефлексивное, симметричное) определённое на *O*, такое, что для каждых *o* и *o′* из *O*, и для каждого *i* из *I*, если *o*≈*o′* и *o*(*i*) и *o′*(*i*) оба определены (т. е. значениями функций *o*(*i*) и *o′*(*i*) являются некоторые – совпадающие или нет – элементы домена индекса *i*), то *o*(*i*)=*o′*(*i*). Иначе говоря, если два объекта являются двойниками и определены на одном и том же индексе, то значение первого объекта на этом индексе совпадает со значением второго объекта на этом индексе. Два объекта (которые являются частичными функциями) тождественны друг другу тттк они определены на одних и тех же индексах и значения этих функций (т. е. элементы доменов индексов) на тех индексах, на которых они определены, совпадают друг с другом.

7. *v* есть функция валюации (полная для *a*) и *b*) и частичная для *c*)), такая, что:

а) Каждому терму t (т. е. каждой индивидной константе или каждой индивидной переменной) из L_1 функция $v(\underline{t})$ назначает функцию $v(t)(\underline{T})$ от θ к O. Здесь и далее мы полагаем по определению эквивалентными выражения v и $v(\underline{t})$, $v(t)$ и $v(t)(\underline{T})$, и т. д. Например, дополнение $(\underline{t})$ после v в $v(\underline{t})$ указывает на то, что v является функцией, аргументом которой может быть t, т. е. аргументом которой является некоторый терм. Функция $v(t)(\underline{T})$ тем теориям, на которых она определена, ставит в соответствие объект, являющийся значением терма t в той теории, которая является её аргументом. В этом случае функция $v(t)(\underline{T})$, являющаяся значением функции $v(\underline{t})$ от аргумента t, называется суперинтенсионалом терма t в M. Таким образом, ***суперинтенсионал терма*** t в M есть функция $v(t)(\underline{T})$, аргументами которой являются теории, а значениями – объекты; объект является значением терма t на той теории, на хотя бы одном индексе которой он определён. Таким образом, значение терма зависит от теории, на разных теориях один и тот же терм может принимать различные значения (его значениями на различных теориях являются *различные* объекты). При этом теория есть репрезентация системы убеждений субъекта, придерживающегося этой теории. Это означает, что два различных субъекта, имеющие различные системы убеждений, могут наделять один и тот же терм различным значением, ведь каждый субъект наделяет терм значением *относительно своей теории*. Поскольку один и тот же объект не может присутствовать в двух различных теориях (по УЗМ 5), объекты, являющиеся значением одного и того же терма или двух различных термов на двух различных теориях, *различны*. Таким образом, частичная функция $v(t)(\underline{T})$ не принимает одинакового значения более, чем на одной теории. Функция $v(t)(\underline{T})$ определена на теории T тттк объект $v(t)(T)$ определён на хотя бы одном индексе теории T. Поскольку предполагается, что все термы и предикаты, включённые в L_1, должны иметь значение в M, частичная

функция $\nu(t)(\underline{T})$ должна быть определена на хотя бы одной теории (но также допустимо, что она определена на всех или некоторых теориях из θ, при условии, что её значения на различных теориях различны). ***Интенсионал терма t на теории T*** в модели M есть частичная функция $\nu(t)(T)(\underline{i})$, ***именуемая также объектом*** $o(\underline{i})$. Объект $o(\underline{i})$ каждому индексу из той *единственной* теории T, на которой объект $o(\underline{i})$ определён (по УЗМ 5, объект может быть определён только на одной теории; объект определён на теории тттк он определён хотя бы на одном её индексе), ставит в соответствие элемент домена этого индекса. Видно, что интенсионал терма t на теории T в M есть значение суперинтенсионала терма t на аргументе T. Таким образом, интенсионал терма t на теории T в M есть значение суперинтенсионала терма t на теории T. ***Экстенсионал терма t на теории T на индексе i*** в M есть δ: $\delta=\nu(t)(T)(i)$, где δ является элементом домена индекса i: $\delta\in D_i$. Таким образом, экстенсионал терма t на теории T на индексе i в M есть значение интенсионала терма t на теории T в M на аргументе i. Объект $\nu(t)(T)$ может быть не определён на индексе i; поскольку, по УЗМ 5, объект не может быть определённым на всех или некоторых индексах более, чем одной теории, если i не принадлежит T, то объект $\nu(t)(T)$ не может быть определён на индексе i в M.

b) Каждому n-местному предикату P^n из L_1 функция $\nu(\underline{P^n})$ назначает функцию от индекса из I в множество, членами которого являются упорядоченные n-ки из элементов домена индекса, такие, что элементы каждой n-ки все вместе выполняют предикат P^n. ***Интенсионал предиката*** P^n в M есть значение функции $\nu(\underline{P^n})$, каковым значением является функция $\nu(P^n)(\underline{i})$, которая каждому индексу i ставит в соответствие множество n-ок из домена этого индекса D_i, на каковых n-ках выполнен предикат P^n. Таким образом, значение функции $\nu(\underline{P^n})$ есть такая функция $\nu(P^n)(\underline{i})$, что если $<\delta_1$,

$\delta_2, \ldots \delta_n> \in \nu(P^n)(i)$, то $\delta_j \in D_i$ для $1 \leq j \leq n$. ***Экстенсионал предиката*** P^n в M на аргументе i есть значение интенсионала предиката P^n на аргументе i, т. е. есть значение функции $\nu(P^n)(\underline{i})$, каковым значением является множество n-ок элементов домена индекса i, на которых выполнен предикат P^n. Например: $\nu(Q)(i)=\{\delta_1, \delta_2\}$; $\nu(P^2)(i)=\{<\delta_1, \delta_2>, <\delta_2, \delta_3>, <\delta_4, \delta_1>\}$. Функция $\nu(P^n)(\underline{i})$ есть полная функция, поскольку она определена для любого индекса из M. Если на индексе i в M нет вещей, чьи упорядоченные n-ки составляют экстенсионал предиката P^n или $\nu(P^n)(i)$, то экстенсионал предиката P^n есть пустое множество – $\nu(P^n)(i)=\varnothing$.

c) Ни одной, некоторым или всем ППФ из L_1 частичная функция $\nu(\underline{\Phi})$ назначает частичную функцию $\nu(\Phi)(\underline{T})$. ППФ из L_1 рассматривается нами как сложный терм, точнее – как сложная константа, т. е. как константа, в обозначение которой входит несколько символов. В отличие от $\nu(\underline{t})$, $\nu(\underline{\Phi})$ является частичной функцией: все или некоторые ППФ, написанные на L_1, могут не иметь назначенных им частичной функцией $\nu(\Phi)(\underline{T})$ на каких-либо теориях объектов. Объекты назначаются ППФ Ф частичной функцией $\nu(\Phi)(\underline{T})$ только если Ф истинна на некоторой теории на некотором индексе, т. е. если имеются T_1 и i, такие, что $V[M, T_1, i, \Phi]=1$ (функция V, назначающая истинностное значение формулам, будет описана ниже). При этом частичная функция $\nu(\Phi)(\underline{T})$ может назначать объект формуле Ф не на теории T_1, на индексе которой Ф истинна, а на теории T_2, такой, что не обязательно, чтобы Ф была истинной на T_2. Во всём остальном сказанное о $\nu(\Phi)(\underline{T})$, $\nu(\Phi)(T)(\underline{i})$, $\nu(\Phi)(T)(i)$ совпадает со сказанным о $\nu(t)(\underline{T})$, $\nu(t)(T)(\underline{i})$, $\nu(t)(T)(i)$ в УЗМ 7.*a*). Мы говорим, что функция $\nu(\Phi)(\underline{T})$ ставит в соответствие каждой из тех теорий, на которых она определена, некоторый объект, что частичная функция $\nu(\Phi)(\underline{T})$ есть ***суперинтенсионал формулы Ф*** в M и т. д.

Объект, являющийся интенсионалом формулы Ф на теории T (т. е. объект o: o=ν(Ф)(T)), можно трактовать как пропозицию *что Ф*. Допуская подобные объекты, мы получаем возможность высказываться о пропозициях, ведь значениями переменных и констант в формуле языка L_1 на фиксированной теории являются объекты, определённые на хотя бы одном индексе этой теории. В нашей модели появляются объекты вроде объекта, соответствующего предложению «Положение p обосновано на основании положения q». Т. е. появляются аргументы. Их можно также сравнивать, соотносить, критиковать, подтверждать, опровергать, получая тем самым новые аргументы – более высокого порядка, представленные в других теориях, – для которых также можно получать обсуждающие их аргументы, и т. д.

Можно увидеть, что функция валюации на формулах $\nu(\underline{\Phi})$ описана выше точно так же, как и функция валюации на константах $\nu(\underline{c})$. Поэтому формула Φ_2 может входить в формулу Φ_1, таким способом, что Φ_2 функционирует как единое целое, так что всю Φ_1 можно рассматривать как длинное обозначение некоторой константы, и операции с Φ_2 производится так, как если бы Φ_1 была обычной константой. Это значит, что присутствующая в Φ_1 формула Φ_2 может присутствовать в константном кванторе, т. е. может входить вместо c в выражение $(c/x)\Phi_3$. Если Φ_2 присутствует в Φ_1 указанным способом, то, как мы видели выше, $\nu(\Phi_2)(T)=o$, где o есть объект, являющийся некоторой пропозицией, точнее – пропозицией *что* Φ_2. Однако синтаксический анализ и понимание формулы Φ_1 будут невозможны, если входящая в формулу Φ_1 формула Φ_2 и функционирующая в Φ_1 как пропозициональная константа не будет выделена так, чтобы было понятно, что данная цепочка символов составляет пропозициональную константу, так что входящие в неё термы и предикаты не имеют тех значений, которые им приписываются в

модели. Для этого выделения мы используем угловые кавычки, так что Φ_2, функционирующая в Φ_1 как имя для пропозиции (т. е. как пропозициональная константа), входит в состав Φ_1 только в виде $\ulcorner\Phi_2\urcorner$ (вместо Φ_2 в Φ_1 стоит не имя формулы Φ_2, а сама эта формула). Например, предложение «Обосновано, что Сократ мудр» можно записать на L_1 в виде формулы «$J(\ulcorner W(s)\urcorner)$», здесь Φ_1=«$J(\ulcorner W(s)\urcorner)$», Φ_2=«$W(s)$». Использование угловых кавычек сигнализирует, что заключённая в них формула упоминается, а не используется.

8. $\prec$ есть бинарное отношение строгого частичного порядка (транзитивное, антирефлексивное, антисимметричное), определённое в M на O.

Выражение «$o_1 \prec o_2$» читается как «объект o_2 вторичен по отношению к объекту o_1», или «o_2 зависит от o_1», «o_2 является значением функции, аргументом которой является o_1», «o_2 является пропозицией, содержащей o_1 как свою конституенту». Введение отношения $\prec$ позволяет для каждого философского аргумента[58] / пропозиции, определённого на хотя бы одном индексе теории T_2, соотносимого с другими аргументами, или как-то характеризуемого в теории T_2, указывать те объекты, определённые на хотя бы одном индексе T_1 или других теорий, для обсуждения которых этот аргумент / пропозиция из T_2 вводится.

Другими условиями на $\prec$ из M является:

- если $o_2 \approx o_1$, то $o_2 \prec o_1$ недопустимо;
- если $o_2 \prec o_1$, то $o_2 \approx o_1$ недопустимо;
- $o_1 \prec o_2$ в M тттк
    - *a*) в правильно построенной для языка L_1 формуле Ф содержится терм t, такой, что для T_1, i из M $v(t)(T_1)=o_1$;
    - *b*) Ф истинна в M на теории T_1 на хотя бы одном индексе i – $V[M, T_1, i, \Phi]=1$ (функция V, назначающая истинностное значение формулам, будет описана ниже);
    - *c*) в M $v(\Phi)(T_2)=o_2$.

[58] Мы понимаем аргумент как пропозицию, содержащую несколько пропозиций и отношения между ними. При этом одна из пропозиций объявляется истинной, обоснованной, не противоречащей фиксированному набору пропозиций или выводимой из него, и проч.

Комментарий к УЗМ 8

Последнее УЗМ, УЗМ 8, вводит отношение $\prec$, и для лучшего понимания его назначения полезно небольшое неформальное пояснение. Введение отношения $\prec$ между объектами o_1 и o_2, такого, что $o_1 \prec o_2$ позволяет нам указать, что аргумент в дискуссии, являющийся объектом o_2, опровергает, поддерживает, анализирует и проч. – короче говоря, конструируется на основании объекта o_1, который является пропозицией или объектом, о котором может быть помыслена пропозиция (если o_1 – пропозиция, то o_1 тоже может быть аргументом, поскольку аргументы здесь рассматриваются как пропозиции).

Например, если допустить использование отношения $\prec$ для соотнесения объектов, описываемых не на формальном языке L_1, а на обычном русском языке, то относительно аргумента из (5) мы можем упрощённо записать: *что красота отдельна* $\prec$ *что красота отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определённостью* (здесь *что S* обозначает пропозицию, выраженную предложением *S*).

Помимо этого, некоторая пропозиция может быть связана отношением $\prec$ с тем объектом, которому эта пропозиция что-то приписывает. Например, мы можем упрощённо записать: значение термина «красота» $\prec$ *что красота отдельна*. Далее, при анализе (7), мы покажем, как работать с отношением $\prec$ более точно, учитывая, что терм имеет значение на теории и индексе. Это внесёт в запись усложнения, но мотивы введения отношения $\prec$ достаточно ясны: с помощью этого отношения моделируется деятельность философов, возражающих на аргументы и отвечающих на возражения, что приводит к возникновению постоянно разветвляющихся дискуссий, без окончательных ответов. Иначе говоря, отношение $\prec$ позволяет моделировать в *M* философскую деятельность как дискуссию, в которой «за возражениями и ответами *следуют* возражения и ответы, а не определённый ответ»[59].

[59] Sorell T. On Saying No to History of Philosophy. P. 51.

§ I.6 Вариант функции валюации

Для оценки истинностного значения формул с кванторами нам понадобится понятие варианта функции валюации.

Функция валюации ν′ называется x_1, x_2, …, x_n-вариантом функции валюации ν из модели *M* тттк *ν′* либо совпадает с *ν*, либо *ν′* отличается от *ν* только теми (всеми или некоторыми) значениями (т. е. объектами), которые функции $ν'(x_1)(T)$, $ν'(x_2)(T)$, …, $ν'(x_n)(T)$ назначают теориям, на которых функции $ν'(x_1)(T)$, $ν'(x_2)(T)$, …, $ν'(x_n)(T)$ определены.

Будем считать, что эти функции определены на теориях $T_α$, $T_β$, …, $T_ω$ из множества θ из модели *M*, соответственно. А именно, будем считать, что функция $ν'(x_1)(T)$ определена на теории $T_α$ и назначает теории $T_α$ объект $ν'(x_1)(T_α)$, функция $ν'(x_2)$ определена на теории $T_β$ и назначает теории $T_β$ объект $ν'(x_2)(T_β)$, …, функция $ν'(x_n)$ определена на теории $T_ω$ и назначает теории $T_ω$ объект $ν'(x_n)(T_ω)$. Теория $T_α$ есть та *единственная* теория, на которой функция $ν'(x_1)$ определена, и на хотя бы одном индексе которой объект $ν'(x_1)(T_α)$ определён в *M* (по УЗМ 5, ни один объект не может быть определён на хотя бы одном индексе более, чем одной теории); аналогично для $T_β$, …, $T_ω$. Например, в случае одной переменной *x*, функция валюации *ν′*, являющаяся *x*-вариантом функции валюации *ν*, назначает переменной x объект $ν'(x)(T^*)$, где T^* – та *единственная* теория из множества θ модели *M*, на хотя бы одном индексе которой объект $ν'(x)(T^*)$ определён.

При этом каждая функция $ν(x_j)(T)$, $1≤j≤n$, функция от теорий к тому значению, которое $ν(x_j)(T)$ принимает на теориях, может быть определена или не определена на той теории, на которой определена функция $ν'(x_j)(T)$, хотя, по УЗМ 7, $ν(x_j)$ обязательно существует для любой переменной x_j в модели *M*, т. е. $ν(x_j)(T)$ обязательно должна быть определена на хотя бы одной теории.

Функция *ν′* может быть записана в виде, указывающем на её возможные отличия от *ν*: $ν'=ν[ν'(x_1)(T_α)/x_1][ν'(x_2)(T_β)/x_2]…[ν'(x_n)(T_ω)/x_n]$. В случае одной переменной *ν′* может быть записана в виде $ν'=ν[ν'(x)(T^*)/x]$. Запись $ν[o/x]$

эквивалентна записи $v[v'(x)(T^*)/x]$, поскольку если известно, что функция валюации $v'=v[o/x]$, являющаяся x-вариантом функции валюации v, назначает переменной x объект o, то этот объект назначается функцией $v'(x)$ на некоторой (единственной) теории T^*, на которой объект o определён. Это означает, что предложение «имеется $v[o/x]$» истинно тттк предложение «$v[o/x]$, где $o=v'(x)(T^*)$, T^* – *единственная* теория, на хотя бы одном индексе которой о определён в M» истинно.

Записи «$v'=v[v'(x)(T^*)/x]$» и «$v'=v[o/x]$, где $o=v'(x)(T^*)$» эквивалентны друг другу и могут быть прочитаны как «функция валюации v' во всём совпадает с функцией валюации v, за возможным исключением того, что v' назначает переменной x объект o, определённый *только* на теории T^*, так что $v'(x)(T^*)=o$ и функция $v'(x)(T)$ не определена ни на каких других теориях, кроме T^*».

Аналогично, модель M', ***называемая $x_1, x_2, \ldots, x_n$-вариантом модели M для функции валюации v***, во всём совпадает с моделью M, за исключением того, что M' содержит v' вместо v.

Вместо «модель, во всём совпадающая с моделью M, за возможным исключением того, что она содержит функцию валюации v'» можно записывать: «$M[v']$». Относительно M', являющейся $x_1, x_2, \ldots, x_n$-вариантом модели M для функции валюации v истинно, что $M'=M[v']$. Вместо «модель во всём совпадающая с M, за возможным исключением того, что она содержит вместо функции v функцию v', являющуюся таким $x_1, x_2, \ldots, x_n$-вариантом v, что $v' = v[v'(x_1)(T_\alpha)/x_1][v'(x_2)(T_\beta)/x_2] \ldots [v'(x_n)(T_\omega)/x_n]$» можно записать в виде «$M[v'(x_1)(T_\alpha)/x_1][v'(x_2)(T_\beta)/x_2] \ldots [v'(x_n)(T_\omega)/x_n]$». Таким образом, если M' есть x-вариант модели M для функции валюации v, такой, что в M' вместо v присутствует v' и $v'(x)(T)=o$, то $M'=M[o/x]$.

§ I.7 Условия истинности формул

Задавая условия истинности формул (далее – УИ), мы индуктивно определим функцию V, которая назначает каждой формуле языка L_1 истинностное

значение из {0,1} («истина» и «ложь»), относительно модели M для L_1, теории T и индекса i в M. Выражение «$V[M, T, i, \Phi]=1$» читается как «Формула Ф истинна в модели M на теории T на индексе i». При этом не подразумевается ни того, что $i \in T$, ни обратного. Аналогично, «$V[M, T, i, \Phi]=0$» читается как «Формула Ф ложна в модели M на теории T на индексе i». Для любой модели M для L_1, любой теории T в M, любого индекса i в M, любого n-местного предиката P^n, любых переменных $x, y, x_1, x_2, \ldots, x_n$, любой константы c, и любых формул Ψ и Ф языка L_1:

1. $V[M, T, i, x_1=x_2]=1$ тттк $v(x_1)(T)(i)$ и $v(x_2)(T)(i)$ оба определены и $v(x_1)(T)(i) = v(x_2)(T)(i)$ в M. Из этого следует, что, если $i \notin T$, то $V[M, T, i, x_1=x_2] \neq 1$.

2. $V[M, T, i, P^n(x_1, x_2, \ldots, x_n)]=1$ тттк $v(x_1)(T)(i)$, $v(x_2)(T)(i)$, …, $v(x_n)(T)(i)$ все определены и $<v(x_1)(T)(i), v(x_2)(T)(i), \ldots, v(x_n)(T)(i)> \in v(P^n)(i)$ в M. Из этого следует, что, если $i \notin T$, то $V[M, T, i, P^n(x_1, x_2, \ldots, x_n)] \neq 1$.

3. $V[M, T, i, \sim\Phi]=1$ тттк $V[M, T, i, \Phi]=0$.

4. $V[M, T, i, \Phi \,\&\, \Psi]=1$ тттк $V[M, T, i, \Phi]= V[M, T, i, \Psi]=1$.

5. $V[M, T, i, (c/x)\Phi]=1$ тттк можно построить такую функцию валюации $v'=v[o/x]$, являющуюся x-вариантом функции валюации v из модели M, что для объекта o из M, ***определённого хотя бы на каком-то индексе*** какой-либо (единственной) теории T^* из M $V[M[o/x], T, i, \Phi]=1$, где $o=v'(c)(T^*)$.

6. $V[M, T, i, (\uparrow\exists x)\Phi]=1$ тттк можно построить такую функцию валюации $v'=v[o/x]$, являющуюся x-вариантом функции валюации v из модели M, что для некоторого объекта o из M, ***определённого хотя бы на каком-то индексе*** какой-либо (единственной) теории T^* из M $V[M[o/x], T, i, \Phi]=1$, где $o=v'(x)(T^*)$.

7. $V[M, T, i, (\downarrow\exists x)\Phi]=1$ тттк можно построить такую функцию валюации $v'=v[o/x]$, являющуюся x-вариантом функции валюации v из модели M, что для некоторого объекта o из M, ***определённого на индексе i*** из M, $V[M': v[o/x], T, i, \Phi]=1$, где $o=v'(x)(T)$.

8. $V[M, T, i, \mathrm{BEL}_y\Phi]=1$ тттк

(*a*) $v(y)(T)(i)$ определён в M; v есть функция валюации модели M; $v(y)(T)(i)$ есть некоторый элемент домена индекса i, скажем, δ; $v(y)(T)$ есть

некоторый объект, скажем, o; $o(i)= v(y)(T)(i)=\delta$; объект o является субъектом, имеющим убеждения, значением переменной y в теории T; δ является проявлением этого имеющего убеждения субъекта на индексе или в ситуации i; в различных ситуаций субъект может иметь различные убеждения, т. е. придерживаться различных теорий, на индексах которых истинны различные формулы, или формулы совпадают, но валюации входящих в них термов и/или предикатов могут быть различны; поскольку в T определён объект – обозначаемый в T переменной y – которому приписываются убеждения, такая теория T является теорией, в которой могут быть оценены на истинность сообщения об убеждениях этого субъекта, и называется домашней теорией для y;

(*b*) теория T_y: $T_y=\beta[v(y)(T)(i)]$ определена в M; теория T_y есть теория, которой придерживается одушевлённый и имеющий теории субъект, который в T обозначается через y на индексе i теории T; этот субъект является возможным в теории T объектом, скажем, объектом o: $o=v(y)(T)$;

(*c*) может быть построена ***функция валюации v′, являющаяся x_1, x_2, …, x_n-вариантом функции валюации v из модели M для всех переменных x_1, x_2, …, x_n, свободно и экстенсионально входящих в Ф,*** удовлетворяющая следующим условиям (i) и (ii) (переменная x_j входит в формулу Ф экстенсионально тттк x не находится в Ф в области действия какого-либо эпистемического, доксастического или модального оператора; в L_1 используется только один оператор такого рода – BEL_s):

(i) для каждой переменной x_j, $1\leq j\leq n$, свободно и экстенсионально входящей в Ф, и для *каждой* теории T' из M, такой, что функция $v(x_j)(T)$ определена на T' $v'(x_j)(T_y)\approx v(x_j)(T')$ в M; иначе говоря, значение, назначаемое функцией $v'(x_j)(T)$ на теории T_y переменной x_j (т. е. объект $v'(x_j)(T_y)$), является близнецом

значения (т. е. объекта), назначаемого функцией $v(x_j)(T)$ на теории T' из множества θ модели M, на которой $v(x_j)$ определён;

(ii) объект $v'(x_j)(T_y)$ определён на каждом индексе теории T_y каждой переменной x_j, $1 \leq j \leq n$, свободно и экстенсионально входящей в Ф;

(*d*) $V[M[v'(x_1)(T_y)/x_1][v'(x_2)(T_y)/x_2]\ldots[v'(x_n)(T_y)/x_n], T_y, i', \Phi]=1$ для *каждого* i': $i' \in T_y$ в M и для *каждой* переменной $x_1, x_2, \ldots, x_n$, свободно и экстенсионально входящей в Ф.

Заметим, что, по определению $x_1, x_2, \ldots, x_n$-варианта функции валюации, v' может назначать одной, некоторым или всем переменным то же самое значение, что и v, в последнем случае v' совпадает с v. Кроме того, следует заметить, что, по УЗМ 6, в силу рефлексивности отношения ≈, каждый объект является близнецом самому себе, так что совпадение v' с v не препятствует выполнению условия (i), даже если функция $v(x_j)$ не определена на домашней теории T, и в множестве θ модели M нет, кроме T и T_y, больше никаких других теорий.

9. $V[M, T, i, \Phi] = 0$ тттк $V[M, T, i, \Phi]\neq 1$.

***

Теперь построение модели M для языка L_1 завершено. При её построении мы основывались на подходе В. Эдельберга[60]. В некоторых случаях мы изменили способ записи, пытаясь сделать её проще и понятнее. Но имеются и два существенных отличия.

Первое отличие связано с пониманием объекта. У В. Эдельберга объект является функцией от индексов к элементу домена индексов, причём $o=v(t)$ (и, соответственно, $\delta=o(i)=v(t)(i)$), тогда как у нас объект тоже является функцией от индексов к элементу домена индексов, но $o=v(t)(T)$ (и, соответственно,

[60] Edelberg W. A Perspectivalist Semantics for Attitudes. P. 320–325.

$\delta = o(i) = v(t)(T)(i)$). Это потребовало от нас внесения соответствующих изменений в УЗМ 7. Кроме того, изменены УИ 1–9, поскольку истинность формулы у В. Эдельберга зависела от модели и индекса, а у нас она должна зависеть от модели, теории и индекса. Мы внесли эти изменения, чтобы обеспечить возможность двум разным людям писать и говорить об одном и том же объекте, который они обозначают одни и тем термином. Допущение, что Платон и Аристотель способны писать о том, что каждый из них обозначает одним и тем же термином «красота» подразумевается в положении (7), и без этого допущения невозможно рассматривать (7) как осмысленное. Исходная же версия семантики В. Эдельберга для языка L_1 была несовместима с этим допущением: значением константы «красота» мог быть только один объект, определённый, по УЗМ 5, на всех или некоторых индексах только одной теории – теории Платона либо теории Аристотеля. Рекомендация внести подобное исправление было сделано Евгением Васильевичем Борисовым в докладе «Проблема с собственными именами в перспективистской семантике Эдельберга» (Новосибирск, Институт философии и права СО РАН, 23 марта 2018 г.), и мы в настоящей диссертации с благодарностью приняли эту рекомендацию[61].

Второе отличие состоит в том, что, в дополнение к УЗМ 1–7, присутствующим у В. Эдельберга, мы ввели пункт c) в УЗМ 7, а также ввели УЗМ 8, характеризующее отношение $\prec$. Это нужно для разведения различных типов значений лексических единиц в философских текстах, чтобы преодолеть трудности, вызванные смешиванием разных типов значений в дискуссиях о методологии истории философии. Заметим, что два последних изменения в УЗМ 7 и 8 не влияют на условия истинности формул.

§ I.8 Формализация (7) на языке L_1

Выше мы писали, что для осмысленности работы историка философии необходимо, чтобы предложения вроде следующего могли быть истинными:

[61] См. также критику подхода В. Эдельберга в статье: Борисов Е. В. Об одном дефекте перспективистской семантики Эдельберга // Логико-философские штудии. 2018. Т. 16, вып. 1–2. С. 43–44.

(7) Платон верил, что красота отдельна, *и* Аристотель верил, что *она же* не отдельна, *и* Рассел верил, что *она же* отдельна, *и* Платон верил, что *она же* отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определённостью, *и* Аристотель верил, что аргумент ‘*она же* отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определённостью’ неубедителен, поскольку не только отдельное может наделять причастные ему вещи определённостью.

Запишем (7) на языке L_1 в виде:

(7′) $(b/x)(c_1/y)(c_2/z)(c_3/w)[\mathrm{BEL}_p S(x) \,\&\, \mathrm{BEL}_r S(x) \,\&\, \mathrm{BEL}_a(\sim S(x)) \,\&\, \mathrm{BEL}_p B^2(y, z) \,\&\, \mathrm{BEL}_a U^2(z, w)]$.

В (7′) b – константа «красота», «p» – константа «Платон», «a» – константа «Аристотель», «r» – константа «Рассел», «S» – одноместный предикат «быть отдельным» (определённый на термах, не являющихся пропозициональными константами или пропозициональными переменными), «D» – одноместный предикат «быть определённым» (определённый на термах, не являющихся пропозициональными константами или пропозициональными переменными), «B^2» – двуместный предикат «__истинно, поскольку __истинно» (определённый только на пропозициональных константах или пропозициональных переменных) «U^2» – двуместный предикат «__неубедительно, поскольку __истинно» (определённый только на пропозициональных константах или пропозициональных переменных), $\ulcorner(b/x)[S(x)]\urcorner$, $\ulcorner\sim(b/x)[S(x)] \rightarrow \sim(\exists\uparrow x)[D(x)]\urcorner$, $\ulcorner(\exists\uparrow x)[D(x)] \,\&\, \sim(b/x)[S(x)]\urcorner$ – пропозициональные константы, но в (7′) введены для них сокращённые обозначения: $\ulcorner(b/x)[S(x)]\urcorner = c_1$, $\ulcorner\sim(b/x)[S(x)] \rightarrow \sim(\exists\uparrow x)[D(x)]\urcorner = c_2$, $\ulcorner(\exists\uparrow x)[D(x)] \,\&\, \sim(b/x)[S(x)]\urcorner = c_3$ – пропозициональные константы. Кроме указанных констант, предикатов, переменных x, y, z, w, квантора $\exists\uparrow$, оператора

BEL, пропозициональных связок ~ и &, скобок, а также угловых кавычек ⌜…⌝, в лексиконе языка L_1 больше ничего не содержится.

Теперь запишем модель *M* для L_1, которой является структура <*I*, θ, *D*, β, *O*, *v*, ≺>, удовлетворяющая условиям, задающим модель *M*.

§ I.9 УЗМ для (7′)

УЗМ для (7′) № 1 – условие на I

$I=\{i_p, i_r, i_a, i_h\}$, где i_p – единственный индекс теории Платона T_p, i_r – единственный индекс теории Рассела T_r, i_a – единственный индекс теории Аристотеля T_a, i_h – единственный индекс домашней теории T_h. Домашняя теория – та теория, на индексах которой (7′) оценивается на истинность. Является аналогом теории, соответствующей реальности, а не убеждениям субъектов. Может быть также понята как теория автора сообщения (7′) о пропозициональных установках Платона, Аристотеля и Рассела. Однако сам автор в модели *M* отсутствует.

УЗМ для (7′) № 2 – условие на θ

$\theta=\{T_h, T_p, T_r, T_a\}$, где T_h – домашняя теория, T_p – теория Платона, T_r – теория Рассела, T_a – теория Аристотеля. $T_p=\{i_p\}$, $T_r=\{i_r\}$, $T_a=\{i_a\}$, $T_h=\{i_h\}$. Таким образом, каждая теория – домашняя теория, теория Платона, теория Рассела, теория Аристотеля – содержит только по одному индексу.

УЗМ для (7′) № 3 – условие на D

$D=\{D_h, D_p, D_r, D_a\}$, где D_h – домен индекса i_h домашней теории T_h, D_p – домен индекса i_p теории Платона T_p, D_r – домен индекса i_r теории Рассела T_r, D_a – домен индекса i_a теории Аристотеля T_a.

D_h

D_h={δ_h^p, δ_h^r, δ_h^a}, где элементы домена D_h индекса i_h – δ_h^p, δ_h^r, δ_h^a – являются значениями объектов, определённых на всех индексах домашней теории T_h (т. е. на единственном индексе i_h теории T_h) на этих индексах.

$\delta_h^p=o_h^p(i_h)$, т. е. δ_h^p является значением или проявлением объекта, соответствующего имени p на T_h (Платона из домашней теории) – объекта o_h^p из домашней теории T_h – на индексе i_h.

$\delta_h^r=o_h^r(i_h)$, т. е. δ_h^r является значением или проявлением объекта, соответствующего имени r на T_h (Рассела из домашней теории) – объекта o_h^r из домашней теории T_h – на индексе i_h.

$\delta_h^a=o_h^a(i_h)$, т. е. δ_h^a является значением или проявлением объекта, соответствующего имени a на T_h (Аристотеля из домашней теории) – объекта o_h^a из домашней теории T_h – на индексе i_h.

D_p

D_p={δ_p^b, δ_p^{c1}, δ_p^{c2}}, где элементы домена D_p индекса i_p – δ_p^b, δ_p^{c1} и δ_p^{c2} – являются значениями объектов, определённых на всех индексах теории Платона T_p (т. е. на единственном индексе i_p теории T_p) на этих индексах.

$\delta_p^b=o_p^b(i_p)$, т. е. δ_p^b является значением или проявлением объекта, соответствующего имени b на T_p (платоновской красоты) – объекта o_p^b из платоновской теории T_p – на индексе i_p.

$\delta_p^{c1}=o_p^{c1}(i_p)$, т. е. δ_p^{c1} является значением или проявлением объекта, соответствующего имени c_1 на T_p – объекта o_p^{c1} из платоновской теории T_p – на индексе i_p.

$\delta_p^{c2}=o_p^{c2}(i_p)$, т. е. δ_p^{c2} является значением или проявлением объекта, соответствующего имени c_2 на T_p – объекта o_p^{c2} из платоновской теории T_p – на индексе i_p.

D_r

$D_r=\{\delta_r{}^b\}$, где единственный элемент домена D_r индекса i_r – $\delta_r{}^b$ – являются значением объекта, определённых на всех индексах теории Рассела T_r (т. е. на единственном индексе i_r теории T_r) на этих индексах.

$\delta_r{}^b=o_r{}^b(i_r)$, т. е. $\delta_r{}^b$ является значением или проявлением объекта, соответствующего имени b на T_r (расселовской красоты) –объекта $o_r{}^b$ из расселовской теории T_r – на индексе i_r.

D_a

$D_a=\{\delta_a{}^{c2}, \delta_a{}^{c3}\}$, где элементы домена D_a индекса i_a – $\delta_a{}^{c2}$, $\delta_a{}^{c3}$ – являются значениями объектов, определённых на всех индексах теории Аристотеля T_a (т. е. на единственном индексе i_a теории T_a) на этих индексах.

$\delta_a{}^b=o_a{}^b(i_a)$, т. е. $o_a{}^b$ является значением или проявлением объекта, соответствующего имени b на T_a (аристотелевской красоты) – объекта $o_a{}^b$ из платоновской теории T_a – на индексе i_a.

$\delta_a{}^{c2}=o_a{}^{c2}(i_a)$, т. е. $\delta_a{}^{c2}$ является значением или проявлением объекта, соответствующего имени c_2 на T_a – объекта $o_a{}^{c2}$ из аристотелевской теории T_a – на индексе i_a.

$\delta_a{}^{c3}=o_a{}^{c3}(i_a)$, т. е. $\delta_a{}^{c3}$ является значением или проявлением объекта, соответствующего имени c_3 на T_a – объекта $o_a{}^{c3}$ из аристотелевской теории T_a – на индексе i_a.

УЗМ для (7′) № 4 – условие на β

$\beta(\delta_h{}^p)=T_p$; $\beta(\delta_h{}^r)=T_r$; $\beta(\delta_h{}^a)=T_a$.

УЗМ для (7′) № 5 – условие на O

Эти условия уже были обозначены при объяснении УЗМ 3 – на *D*. Других объектов в *M* нет, все объекты указанные там объекты определены только на указанных индексах, и не определены на других индексах.

УЗМ для (7′) № 6 – на ≈

Красота в теории Платона и красота в теории Рассела являются близнецами. Для отражения этого достаточно двух положений: $o_p{}^b \approx o_r{}^b$ и $o_p{}^b \approx o_a{}^b$. В силу транзитивности ≈, из двух предыдущих положений следует: $o_r{}^b \approx o_a{}^b$. В силу симметричности ≈, из трёх предыдущих положений следует: $o_r{}^b \approx o_p{}^b$, $o_a{}^b \approx o_p{}^b$ и $o_p{}^b \approx o_r{}^b$.

Пропозиция, соответствующая в теории Платона предложению «красота отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определённостью» является близнецом пропозиции, соответствующей этому же предложению в теории Аристотеля: $o_p{}^{c2} \approx o_a{}^{c2}$. В силу симметричности ≈, из предыдущего следует: $o_a{}^{c2} \approx o_p{}^{c2}$.

Кроме того, в силу рефлексивности ≈, каждый объект из *M* является близнецом самому себе.

УЗМ для (7′) № 7 – условие на ν

Валюация констант на теориях

На теории T_h: $\nu(p)(T_h)=o_h{}^p$; $\nu(r)(T_h)=o_h{}^r$; $\nu(a)(T_h)=o_h{}^a$.
На теории T_p: $\nu(b)(T_p)=o_p{}^b$; $\nu(c_1)(T_p)=o_p{}^{c1}$; $\nu(c_2)(T_p)=o_p{}^{c2}$.
На теории T_r: $\nu(b)(T_r)=o_r{}^b$.
На теории T_a: $\nu(b)(T_a)=o_a{}^b$; $\nu(c_2)(T_a)=o_a{}^{c2}$; $\nu(c_3)(T_a)=o_a{}^{c3}$.

На всех теориях, помимо указанных, частичные функции $v(p)(\underline{T})$, $v(r)(\underline{T})$, $v(a)(\underline{T})$, $v(b)(\underline{T})$, $v(c_1)(\underline{T})$, $v(c_2)(\underline{T})$, $v(c_3)(\underline{T})$ не определены.

Валюацией переменных могут быть любые объекты из любых теорий модели *M*; их валюация не используется в дальнейшем, при оценке истинности (7′).

Валюация предикатов на индексах

На индексе $\mathbf{i_h}$: $v(S)(i_h)=\varnothing$; $v(D)(i_h)=\varnothing$; $v(B^2)(i_h)=\varnothing$; $v(U^2)(i_h)=\varnothing$.

На индексе $\mathbf{i_p}$: $v(S)(i_p)=\{\delta_p{}^b\}$; $v(D)(i_p)=\{\delta_p{}^b\}$; $v(B^2)(i_p)=\{<\delta_p{}^{c1}, \delta_p{}^{c2}>\}$; $v(U^2)(i_p)=\varnothing$.

На индексе $\mathbf{i_r}$: $v(S)(i_r)=\{\delta_r{}^b\}$; $v(D)(i_r)=\varnothing$; $v(B^2)(i_r)=\varnothing$; $v(U^2)(i_r)=\varnothing$.

На индексе $\mathbf{i_a}$: $v(S)(i_a)=\varnothing$; $v(D)(i_a)=\varnothing$; $v(B^2)(i_a)=\varnothing$; $v(U^2)(i_a)=\{<\delta_a{}^{c2}, \delta_a{}^{c3}>\}$.

УЗМ для (7′) № 8 – условие на $\prec$

$o_p{}^b \prec o_p{}^{c1}$; $o_p{}^{c1} \prec o_p{}^{c2}$. В силу транзитивности $\prec$, из этих двух положений следует: $o_p{}^b \prec o_p{}^{c2}$.

$o_p{}^{c1} \prec o_a{}^{c2}$; $o_p{}^{c1} \prec o_a{}^{c3}$. В силу транзитивности $\prec$, из этих двух положений и из принятого выше положения $o_p{}^b \prec o_p{}^{c1}$, следуют положения: $o_p{}^b \prec o_a{}^{c2}$; $o_p{}^b \prec o_a{}^{c3}$.

***

Теперь, с помощью многократного использования УИ, мы можем убедиться в истинности (7′) в *M* на T_h и i_h. (7′), т. е. убедиться в том, что $V[M, T_h, i_h, (7')]=1$.

§ I.10 Дополнительные типы значений

Для того чтобы раскрыть возможности, предоставляемые моделью *M* для разрешения споров о методологии истории философии, введём ещё несколько

понятий, не входящих в структуру модели M и не требующихся для её построения, но, напротив, получаемых с помощью этой структуры.

O^o есть множество, состоящее из множеств, таких, что каждое из этих множеств является каким-либо подмножеством O (включая само O), таким, что для любых двух объектов o_1 и o_2 из любого такого подмножества O либо $o_1 \prec o_2$, либо $o_2 \prec o_1$. В соответствии с УЗМ 8, $\prec$ есть бинарное отношение строгого частичного порядка (транзитивное, антирефлексивное, антисимметричное), так что множества, входящие в O^o, являются частично упорядоченными множествами (posets). Также, УЗМ 8, отношение $\prec$ может и не связывать никаких объектов из O вообще, так что O^o может быть пустым множеством. Каждое упорядоченное множество S^o из O^o имеет следующее свойство:

> S^o образовано объектом o_{min} и, кроме того, всеми такими объектами (и только ими), что $o_{min} \prec o$, где o_{min} – некоторый (единственный или нет) *минимальный элемент* множества S^o, причём в M имеется такой терм t и такая теория T, что $o_{min}=v(t)(T)$; объект o_{min} является *минимальным элементом* множества S^o тттк для любого элемента o множества S^o $o_{min} \prec o$; у множества S^o может быть один или несколько минимальных элементов.

Функция v^d есть частичная функция ***производной валюации***, такая, что каждому, некоторым или ни одному терму t из языка L_1 (поскольку каждая правильно построенная формула трактуется как индивидная константа, сказанное о терме t относится также и к формуле Ф) частичная функция $v^d(t)$ назначает частичную функцию $v^d(t)(\underline{T})$ от θ к множеству всех подмножеств множества O^o.

Частичную функцию $v^d(t)(\underline{T})$ мы будем называть ***производным супер-значением*** терма t в модели M.

Значение частичной функции $v^d(t)(\underline{T})$ на теории T мы будем называть ***производным значением терма t на теории*** T в модели M. Значение функции $v^d(t)(\underline{T})$ на теории T – т. е. $v^d(t)(T)$ – есть упорядоченное множество D^t_T из множества O^o, такое, что единственным минимальным элементом частично

упорядоченного множества D^t_T является объект $v(t)(T)$, и D^t_T является *максимальным частично упорядоченным множеством с минимальным элементом* $v(t)(T)$. Частично упорядоченное множество S^o из O^o называется *максимальным частично упорядоченным множеством с минимальным элементом* o_{min} тттк в O^o нет такого частично упорядоченного множества $S^{o\prime}$ с минимальным элементом o_{min} такого, что в $S^{o\prime}$ присутствует объект o, не присутствующий в S^o.

Таким образом, нет необходимости включать O^d и v^d в модель M, поскольку, если в M определено отношение $\prec$ на O, то этого достаточно для получения O^d и v^d. Действительно, если в M определено отношение $\prec$ на O, то определено множество частично упорядоченных множеств O^o. Если в M присутствует непустое множество частично упорядоченных множеств O^o, то мы можем однозначно определить, скажем, $v^d(t)(\underline{T})$ на теории T, проверив, имеется ли в M частично упорядоченное множество с минимальным элементом $v(t)(T)$. Проверка состоит в следующем: если это частично упорядоченное множество отсутствует, то $v^d(t)(\underline{T})$ не определена на теории T; если же оно присутствует, то производное значение терма t на теории T в модели M есть $v^d(t)(T)$. Это значит, что для любого терма t из L_1 опосредованное супер-значение терма t в модели M однозначно определено в M, а также для любого терма t из L_1, для любой теории T из M производное значение терма t на теории T в модели M также однозначно определено в M.

По аналогии с частичной функцией v^d, вводится частичная функция v^g.

Функция v^g есть частичная функция ***генеалогической валюации***, такая, что каждому, некоторым или ни одному терму t из языка L_1 частичная функция $v^g(t)$ назначает частичную функцию $v^g(t)(\underline{T})$ от θ к множеству всех подмножеств множества O^o.

Частичную функцию $v^g(t)(\underline{T})$ мы будем называть ***генеалогическим супер-значением*** терма t в модели M.

Значение частичной функции $v^g(t)(\underline{T})$ на теории T мы будем называть ***генеалогическим значением терма t на теории*** T в модели M. Значение функции

$v^g(t)(\underline{T})$ на теории T – т. е. $v^g(t)(T)$ – есть частично упорядоченное множество G^t_T из множества O^o, такое, что единственным максимальным элементом o_{max} частично упорядоченного множества G^t_T является объект $v(t)(T)$, и G^t_T является *максимальным частично упорядоченным с максимальным элементом* o_{max}. Объект o_{max} является *максимальным элементом* частично упорядоченного множества S^o тттк для любого элемента o частично упорядоченного множества S^o $o \prec o_{max}$. Частично упорядоченное множество S^o из O^o называется *максимальным частично упорядоченным множеством с максимальным элементом* o_{max} тттк в O^o нет такого частично упорядоченного множества $S^{o\prime}$ с максимальным элементом o_{max}, что в $S^{o\prime}$ присутствует объект o, не присутствующий в S^o.

Как и в случае с частичной функцией v^d, и с множествами вида D^t_T, нет необходимости включать G^t_T и v^g в модель M, поскольку, если в M определено отношение $\prec$ на O, то этого достаточно для получения множеств G^t_T и частичной функции v^g.

Частичные функции v^g и v^d можно понимать как отражающие последовательные этапы в деятельности историка философии, строящего свою модель теорий, выдвинутых философами. Сначала историк философии исследует *генеалогию* объектов, обозначаемых термами, используемыми исследуемым им философом в собственной теории этого философа. Для этого используется функция v^g. При этом генеалогию имеют только объекты, обозначаемые пропозициональными константами. В нашем примере объектом теории Аристотеля является аргумент Платона об отдельности красоты, к каковому аргументу Аристотель высказывает своё отрицательное отношение. Рассматриваемый здесь тип значения отражает интуицию: чтобы понять аргумент, необходимо понять, о каких объектах в нём идёт речь. В нашем примере, чтобы понять аргумент Платона в пользу отдельности красоты, которому возражает Аристотель, необходимо наделить значением отстаиваемое в этом аргументе предложение «красота отдельна», а для этого нужно наделить значением термин «красота». Таким образом, $v^g(c_2)(T_a)=\{o_p{}^b,\ o_p{}^{c1},\ o_a{}^{c2} \mid o_p{}^b \prec o_p{}^{c1},\ o_p{}^{c1} \prec o_a{}^{c2},\ o_p{}^b \prec o_a{}^{c2}\}$.

Только после этого историк философии может приступать к оценке роли, которую объекты из теории, например, Платона играют в генеалогии объектов других теорий, вплоть до современных, таких, что эти объекты из других теорий являются *производными* от объектов из теории Платона. В нашем примере имеется один производный от значения «красоты» из теории Платона объект в теории Платона, ещё один объект в теории Платона, производный от последнего, и один – в теории Аристотеля. Для этого используется функция v^d. Таким образом, $v^d(b)(T_p)=\{o_p{}^b, o_p{}^{c1}, o_p{}^{c2}, o_a{}^{c2} \mid o_p{}^b \prec o_p{}^{c1}, o_p{}^{c1} \prec o_p{}^{c2}, o_p{}^{c1} \prec o_a{}^{c2}, o_p{}^b \prec o_p{}^{c2}, o_p{}^b \prec o_a{}^{c2}\}$.

Определяемое с помощью v^g генеалогическое значение терма t на теории T – т. е. $v^g(t)(T)$ – есть частично упорядоченное множество из объектов, нечто подобное «древу Порфирия», ветви которого, растущие снизу вверх, от минимальных объектов (которых может быть несколько) к единственному максимальному, достигают объекта $v(t)(T)$ как максимального объекта. Таким образом, $v^g(t)(T)$ раскрывает генеалогию, родословную объекта $v(t)(T)$, историю порождения этого объекта, или, точнее, историю конструирования этого объекта создателем модели *M*. Можно сказать, что в $v^g(t)(T)$ отражена прошлая история объекта $v(t)(T)$:

> «… для подлинной истории философии, которая принимает требования истории и философии всерьёз, генеалогический подход, как кажется, является наиболее плодотворным путём, который следует пройти»[62].

Конечно, *у нас* речь идёт не об объективной истории, а о некоторой альтернативной истории этого объекта, об истории, которую конструирует создатель модели *M*. И, разумеется, такое значение необходимо для деятельности даже аналитических философов:

[62] Vermeir K. Philosophy and Genealogy… . P. 69.

> «Взгляд на аналитическую философию как на располагающую “позиции” внутри логического пространства поднимает вопрос о том, откуда эти “позиции” появились. “История темы” является частью ответа»[63].

Тезис о необходимости истории философии для современного философствования разделяют также и некоторые историки философии, не склонные к аналитическому стилю. Например, по Иву Шарлю Зарке, присоединяющегося в этом к Эмилю Бутру, либо философия черпает свою жизнь из источника истории философии, либо не существует, поскольку философии,

> «…для того, чтобы существовать как оригинальной науке, необходимо признать свою внутреннюю связь с историей философии»[64].

Определяемое с помощью v^d производное значение терма t на теории T – т. е. $v^d(t)(T)$ – есть значение, в некотором смысле обратное к $v^g(t)(T)$, поскольку $v^d(t)(T)$ имеет дело не с предшествующими $v(t)(T)$ объектами, а с объектами, следующими после $v(t)(T)$, не с генеалогией или родословной объекта $v(t)(T)$, а с производными от него объектами, с последующим использованием объекта $v(t)(T)$, о котором философ, придерживавшийся теории T, и не подозревал. Таким образом, генеалогическое значение и производное значение терма t на теории T в некотором смысле зеркальны. Определяемое с помощью v^d производное значение терма t на теории T – т. е. $v^d(t)(T)$ – есть частично упорядоченное множество из объектов, нечто вроде «древа Порфирия», все ветви которого растут снизу вверх, от единственного минимального объекта $v(t)(T)$ к максимальным (которых может быть несколько). Иначе говоря, минимальным элементом частично упорядоченного множества $v^d(t)(T)$ является объект $v(t)(T)$. Таким образом, $v^d(t)(T)$ раскрывает процесс порождения объектом $v(t)(T)$ производных от него объектов, так сказать, историю объекта $v(t)(T)$ в будущем, или, точнее, историю будущего конструирования объектов, производных от $v(t)(T)$, создателем модели M. Также

[63] Sorell T. On Saying No to History of Philosophy. P. 59.
[64] Zarka Y. Ch. The Ideology of Context… . P. 153.

можно сказать, что $v^d(t)(T)$ раскрывает генеалогию или родословную – вплоть до $v(t)(T)$ – объектов теорий, следующих после T, если эти объекты имеют $v(t)(T)$ в качестве своего предка, или являются производными от $v(t)(T)$.

Использование производного значения терма t на теории T позволяет отразить интуицию многих аналитических философов, что значение позиции философа определяется его ролью в дискуссиях между противниками и сторонниками этой позиции. Например, Дагфинн Фоллесдалл пишет:

> «Аналитический философ, который представляет и оценивает философскую позицию, задаётся вопросом: какие основания имеются для принятия или отклонения этой позиции? Этот вопрос делает необходимым исследование того, что следует из рассматриваемой позиции <…> . Каким образом можно усилить или показать несостоятельность этой позиции? Это имеется в виду, когда спрашивают: какое именно значение имеет эта позиция?»[65].

Разведение генеалогического и производного значений термов на теории помогает прекратить некоторые дискуссии между апроприационистами и контекстуалистами. Действительно, многие дискуссии вызваны попыткой ответить на альтернативный вопрос: что следует считать значением термина (или предложения) для теории древнего философа – *генеалогию* объекта, обозначенного в этой теории этим термином (контекстуалисты), *либо* участие объекта, обозначенного этим термином, в *произведении* других объектов, о которых велись философские дискуссии, со времени введения этого термина этим древним философом и до наших дней (апроприационисты)? С точки зрения описываемого здесь подхода, это ложная альтернатива. И первое, и второе являются вполне легитимными значениями, хотя и значениями различных типов, используемыми на различных этапах построения модели, предлагающей интерпретацию убеждений древних и не очень философов.

---

[65] Føllesdall D. Analytic Philosophy: What Is It and Why Should One Engage in It? // Rise of Analytic Philosophy / H.-J. Glock, ed. Oxford: Blackwell, 1997. P. 7–8.

Наш «примирительный» подход отражает интенции многих историков философии, полагающих, что в работе историка философии деятельность по выяснению того, как философ минувшей эпохи пришёл к своим убеждениям должна сочетаться с деятельностью философа, оценивающего качество аргументации рассматриваемого философа, значимость его взглядов для современности, а значит, и возможность их использования современными философами. В качестве примера приведём точку зрения Энтони Кенни, полагающего, что история философии может изучаться как ради истории, так и ради философии:

> «Мы можем читать философов других эпох либо для того, чтобы решить “вечные” философские проблемы, либо для того, чтобы более полно погрузиться в интеллектуальный мир прошедшей эпохи. Но каким бы ни был мотив, историк философии не может не быть и философом, и историком. … Историческая задача сама по себе заставляет историков философии пересказывать мнения своих клиентов для того, чтобы предложить основания, почему прошлые мыслители придерживались своих мнений, чтобы предполагать предпосылки, оставшиеся неявными в их аргументах, и чтобы оценить согласованность и убедительность тех выводов, которые эти мыслители сделали. Но предоставление оснований для философских заключений, обнаружение скрытых предпосылок в философских аргументах и логическая оценки философских умозаключений сами являются полноценными философскими занятиями. Следовательно, любая серьёзная история философии сама по себе должна быть упражнением как в истории, так и в философии»[66].

[66] Kenny A. The Philosopher’s History and the History of Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G. A. G. Rogers. New York: Oxford University Press, 2005. P. 20.

Далее Э. Кенни рассматривает в качестве примера условного античного философа Архайоса[67], придерживающегося определённого философского взгляда *p*. По Э. Кенни, мы можем рассматривать *p* двумя способами:

1. Можно рассматривать *p* как философский взгляд, интересоваться, истинен он или нет, какие имеются основания для его принятия и какие он имеет следствия.
2. Можно интересоваться тем фактом, что *p* принадлежит именно Архайосу, в тех обстоятельствах, в которых Архайос находился, и объяснять это тем способом, которым объясняют исторические факты[68].

Таким образом, предпринятое нами выделение нескольких типов значений лексических единиц в философских текстах соответствует намерению Э. Кенни и формально показывает, что оба подхода совместимы – в том смысле, что построение модели *M* является деятельностью по наделению лексических единиц философского текста как «историцистским значением» (*генеалогическим значением*), так и «апроприационистским или собственно философским значением» (*производным значением*).

Аккуратное разведение всех описанных выше типов значений и признание легитимности каждого из них может помочь прекратить дискуссии, вызванные тем, что один тип смешивается с другим, безосновательно предполагается, что тип значения может быть только один, или что использоваться значение может только одним способом – например, для определения ментальной системы убеждений философа, того, во что он верил «на самом деле». В описываемом нами сейчас подходе нет претензий на доступ историка философии к тому, что древний философ думал «на самом деле». Наличие у историка философии такого доступа всегда может быть поставлено под сомнение, ведь даже если у нас есть очень точное и ясное изложение его мысли, это не гарантирует нам, что философ

[67] Пример с Архайосом Э. Кенни заимствует из: Frede M. Essays in Ancient Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1987. P. xi.

[68] Kenny A. The Philosopher's History and the History of Philosophy. P. 20.

пытался выразить именно то содержание, которое ему приписывает историк философии, поскольку нет универсальной процедуры установления значений употребляемых философом слов. Историк философии является лишь создателем модели *M*, в которой моделируются убеждения философов – посредством задания теорий этих философов, объектов, возможных и/или необходимых в этих теориях, и других технических средств. Убеждения философов релятивизированы к модели *M*, сконструированной историком философии, изучающим этих философов.

Относительно модели *M*, собственные убеждения философа моделируются посредством интенсионала терма на теории *T* этого философа, т. е. посредством объекта из теории *T*, и других средств. Этот тип значения недостаточен, если мы, например, хотим построить модель эстетических теорий всех античных философов, а не только Аристотеля. В этом случае нам необходим не интенсионал термина «красота» на теории *T*, а супер-интенсионал термина «красота». Значение термина, таким образом, есть инструмент для достижения поставленной интерпретатором текста цели, средство для предоставления интерпретатору того, что он хочет знать, и такие инструменты могут быть разными для разных целей. Генеалогическое значение и производное значение также служат разным целям. Первое служит для раскрытия генеалогии объектов философа, а второе – для раскрытия его вклада в конструирование объектов последующих дискуссий.

§ I.11 Заключение к главе I

Доказательство истинности (7′) в *M* на T_h и i_h позволяет ответить на вопрос: *в каком смысле различие объектов из систем убеждений античных и современных философов не препятствует использованию объектов античных философов в современных дискуссиях*? Мы ответили на этот вопрос посредством построения синтаксиса и семантики языка L_1, восходящих к статье

В. Эдельберга[69]. Если имеется способ перевода предложений с языков философских текстов на язык L_1, и если задана модель M для языка L_1, то тем самым задано несколько различных типов значений термов и переменных языка L_1.

Если излагать результаты настоящей главы I более подробно, то мы строго определили несколько типов значений философских аргументирующих текстов. То, что таких типов несколько, показывает, что интерпретация текста античного философа не сводится к присваиванию лексическим единицам текста значений исключительно из ментальной области этого античного философа, но, помимо этого, состоит в присваивании им значений, которые могут присутствовать в теориях современных философов и историков философии, а также частично упорядоченных множеств, некоторые объекты из которых могут содержаться в убеждениях современных философов и историков философии.

Для строгого определения указанных типов значений нам пришлось построить семантику для сообщений об убеждениях, дополняющую перспективалистскую семантику В. Эдельберга. В этой семантике убеждения философов (в рамках создаваемой историком философии модели) представляются как «теории». Каждая теория является множеством «индексов». Индекс является аналогом возможного мира в семантике возможных миров, на индексе могут быть ложны или истинны предложения (формулы), и у каждого индекса имеется домен этого индекса, т. е. множество вещей, существующих на этом индексе. «Объектом» называется частичная функция, ставящая в соответствие (для некоторых индексов) индексу элемент домена этого индекса. Необходимость введения объектов как функций, в дополнение к элементам доменов индексов, была вызвана тем, что в системе убеждений одного и того же философа один и тот же термин или выражение может указывать на разные понятия, концепции, аргументы – в зависимости от разбираемой этим философом ситуации, от контекста употребления термина или выражения. Две теории не содержат одинаковых индексов; элементы доменов двух индексов различны; два объекта не

[69] Edelberg W. A Perspectivalist Semantics for Attitudes // Noûs. 1995. Vol. 29, no. 3. P. 316–342.

могут быть определены на индексах из различных теорий. Термины, выражения или тексты, выражающие понятия, концепции, аргументы, находящиеся в системе убеждений философа, указывают для этого философа на объекты из его системы убеждений, т. е. на объекты, определённые на некоторых индексах теории этого философа. Для другого философа они указывают на другие объекты. Объекты систем убеждений (т. е. теорий) двух философов различны, но они могут быть «близнецами» (т. е. могут находиться в отношении «_является близнецом по отношению к_»), если они функционируют в системе убеждений философов сходным образом.

Мы частично признали требования спорящих друг с другом апроприационистов и контекстуалистов. В нашем подходе признаётся требование апроприационистов, что при установлении значения древнего текста мы должны использовать объекты современных философов (которые, как предполагается, как-то связаны с неиспользуемыми объектами древних философов). Здесь и ниже вместо громоздкого выражения на нашем техническом языке «объект, определённый на индексах теории, отражающей систему убеждения философа» мы пишем просто «объект философа». Указанное апроприационистское требование мы, используя введённое нами отношение «вторичности» между двумя объектами, истолковали следующим образом.

Объект, скажем, второго философа является «вторичным» по отношению к объекту первого философа, если, например, значением объектов обоих философов (на конкретных индексах из их теорий) являются аргументы из систем убеждений этих философов, причём второй философ как-то использует, подкрепляет или опровергает аргумент первого. В этом случае термин, выражение или текст, с помощью которого описываются убеждения первого философа, может иметь особый тип значения. Значение такого типа удовлетворяет описанному выше апроприационистскому требованию к значению древнего текста. Мы назвали этот тип значения *производным значением*. Если говорить о *производном значении* не строго, применительно к формальному языку, для которого оно было нами определено выше, а применительно к естественному языку, то *производное*

значение термина, выражения или текста есть упорядоченное множество объектов, являющихся вторичными по отношению к объекту данного философа – каковой объект является тем содержанием, которое вкладывал в написанный им текст (термин, выражение) данный философ. Это значение отражает «жизнь» исходного аргумента в дискуссиях, не отражённых в оригинальном тексте данного философа.

Также в нашем подходе признаётся требование контекстуалистов, что при установлении значения древнего текста мы должны использовать объекты из убеждений философов, предшествующих рассматриваемому философу, внёсших вклад в формирование убеждений рассматриваемого философа, или объекты из кружка философов, окружавших его (но ни в коем случае не объекты современных философов). Такое значение мы назвали *генеалогическим значением*. *Генеалогическое значение* термина или выражения есть упорядоченное множество объектов, по отношению к которым объект данного философа является вторичным.

Используя *производное значение*, мы показали, что объекты из убеждений античного философа *могут использоваться* в убеждениях современного философа или историка философии, но не непосредственно, а опосредованно, так что не происходит приписывания античному философу модернизированных концепций, которых он не придерживался и не мог придерживаться – в чём контекстуалисты обвиняют апроприационистов. А именно, в современных рассуждениях могут использоваться объекты, в определённом нами смысле вторичные по отношению к объектам античного философа. Также в современных рассуждениях могут использоваться «близнецы» (т. е. своего рода аналоги) объектов античного философа[70]. Требования апроприационистов и контекстуалистов противоречат друг другу, если их применить к значению одного и того же типа, но противоречие исчезает, если их требования применять к значениям различных типов – к *производному значению* и к *генеалогическому*

[70] Заметим, что, говоря об «античном философе» и «современном философе», объекты из систем убеждений которых либо являются «близнецами», либо связаны отношением втричности, мы имеем в виду не реальных личностей, а объекты в той *модели*, которую создаёт историк философии с целью изучения концептуальных связей между убеждениями различных философов.

значению, соответственно. Поэтому одно из требований и апроприационистов, и контекстуалистов нам пришлось отклонить: мы отказались признавать, что аргументирующие философские тексты имеют единственное значение.

Признание допустимости нескольких типов значений для лексических единиц из текста античного философа позволяет говорить о том, что одно из значений (а именно, производное значение) этих единиц может включать в себя объекты из убеждений современных философов, так что значением в данном случае является объекты современных дискуссий.

Таким образом, *мы показали, при каких условиях можно говорить о наличии аналога объекта из убеждений одного философа в убеждениях другого философа* и как такие аналоги могут использоваться в работе историка философии и современного философа, показали, в каком смысле и при каких условиях мы действительно *способны высказывать осмысленные сообщения об убеждениях древних*. Это значит, что мы указали на способ использования современных философских инструментов, подходов, концептов и концепций для наделения некоторым типом значения текста античного философа. Иначе говоря, *мы продемонстрировали, что из* (ИТ)*, вопреки видимости, не следует* (ААТ)*, и что* (ИТ) *совместимо с* (АТ).

Касаясь места настоящей главы в настоящем исследовании, заметим, что в первой главе решалась первая задача диссертации. А именно, в первой главе *разрабатывалась историко-философская методология, устойчивая к взаимной критике контекстуалистов и апропроприационистов, обосновывающая возможность использования современного концептуального аппарата и современных технических средств при интерпретации философских текстов других эпох и указывающая на критерии корректного использования этих средств*.

Построенная нами семантика сообщений об убеждениях (основывающаяся на перспективалистской семантике В. Эдельберга) позволила нам предложить методологию историко-философского исследования, не сводящуюся текстологии, изучению обстоятельств написания философской работы и стремлению к

максимально точной передаче мнений древнего философа. Осуществление историко-философского исследования в соответствии с предлагаемой нами методологией предполагает перевод текстов с естественного языка на более технический язык и решение обусловленных этим проблем, типичных для историко-философских исследований, связанных с переводами философских текстов, и техническое конструирование различных типов значений аргументирующих философских текстов. Методология, основывающаяся на указанной семантике, позволяет совместить требования к историко-философскому исследованию, каждое из которых выглядит достаточно разумно, но кажется трудносочетаемым с другим: необходимо, с одной стороны, не впадать в анахронизм, не приписывать древним философам убеждений, удивительно напоминающих современные (требование контекстуалистов), а с другой стороны – не предаваться антикваризму, не превращать работу историка философии в описание осколков давно вымершей культуры, не имеющей никакого отношения к тому, что волнует людей сейчас (требование апроприационистов).

Разумеется, *производное значение* (как, впрочем, и *генеалогическое*) отличается от того значения, которое придавал аргументирующему тексту его автор «на самом деле». Поэтому указание процедуры построения *производного значения* не влечёт приписывания древнему философу тех концепций, которых он в его время в принципе не мог придерживаться, не порождает анахронизмы, не означает аисторизма. Подчеркнём, что значение текста является не абсолютным, а относительным в том смысле, что оно релятивизировано к той модели (или к философским аргументам и другим объектам, признаваемым интерпретатором, связанным друг с другом и с рассматриваемым текстом), на которой интерпретатор интерпретирует рассматриваемый им текст.

Итак, в первой главе решена первая задача диссертационного исследования и было обосновано первое положение, выносимое на защиту. А именно, *была обоснована возможность использования современного концептуального аппарата при интерпретации философских текстов других эпох без*

приписывания философам прошедших эпох убеждений, которых они не могли придерживаться. Для обоснования этой возможности построена согласительная методология историко-философского исследования, устойчивая к взаимной критике контекстуалистов (Р. Рорти, Р. Козелик, Дж. Поккок, Кв. Скиннер, М. Бивир, Дж. Г. Рэнделл) и апроприационистов (Б. Рассел, Дж. Пассмор, Дж. Беннетт и др.), а также позволяющая согласовать их кажущиеся трудносочетаемыми требования к историко-философскому исследованию.

Результаты, полученные в первой главе, будут использованы в последующих главах. А именно, обоснованная в первой главе возможность построения *производного значения* позволит нам привести в последующих главах примеры того, как такое значение можно начинать строить. В последующих главах будет показано, как такая интерпретация позволяет связать различные тексты различных школ, направлений и эпох. Это позволит нам выстроить аргументы из этих текстов как этапы одной дискуссии, а также провести интересные структурные параллели между этими аргументами. Но осуществление всего этого вряд ли возможно без назначения текстам только тех значений, которые признаются контекстуалистами. А именно, в последующих главах будет очерчен способ построения *производного значения* некоторых аргументирующих текстов Парменида с использованием текстов последующих философов от Протагора до Плотина. Как мы уже неоднократно отмечали, назначение текстам *производного значения* не претендует на раскрытие того, что авторы философских текстов думали «на самом деле».

Мы не будем пытаться полностью построить описанную в первой главе модель, но постараемся лишь обосновать плодотворность движения применения формальных методов для раскрытия производных значений аргументирующих текстов Парменида, которые в последующих главах конституируются аргументами Платона, Аристотеля, Секста Эмпирика, Плотина и других древнегреческих философов, представимыми как обобщение, поддержка или

опровержение аргументов Парменида, или являющиеся каким-либо аргументированным откликом на них[71].

[71] Семантическая теория, изложенная в главе I, не была бы построена без неоценимой помощи и поддержки Евгения Васильевича Борисова, профессора Философского факультета Томского государственного университета, потратившего много времени и усилий для объяснения автору семантики В. Эдельберга. Разумеется, за все ошибки и недочёты несёт ответственность только автор изложенной семантической теории.

Глава II. Интерпретации Парменида, его критика и способы ответить на неё

§ II.1 Введение к главе II. Предварительный характер настоящей главы

Во второй главе будет решаться вторая задача диссертации. А именно, мы *покажем недостаточную обоснованность античных и современных интерпретаций строк поэмы Парменида, приписывающих ему тривиальные ошибки, для чего были предложены такие интерпретации обсуждаемых строк поэмы Парменида и резюмирующих позицию Парменида положений, в которых эти ошибки отсутствуют*.

В настоящей главе мы коснёмся некоторых интерпретаций сохранившихся фрагментов поэмы Парменида – как античных, так и современных[72]. Как правило, эти интерпретации предъявляют различные претензии Пармениду[73]. Эти претензии можно отнести к различным видам.

---

[72] В настоящей главе использованы следующие ранее опубликованные работы: Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (1) проблема двух способов существования – интерпретация Л. М. Де Рейком фрагмента B 2.3 DK // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. Т. 6, вып. 2. С. 130–137; Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (2) проблема двух способов существования – принципиальная осмысленность фрагмента B 2.3 DK // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. Т. 6, вып. 3. С. 145–151; Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (3) проблематичность интерпретации сущего у Парменида как того, что существует вне мысли // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 1. С. 129–134; Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (4) проблема двух способов существования – свидетельства из поэмы в пользу «существования в мышлении» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 2. С. 85–95; Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (5) некоторые парадоксы в «непарменидовских» подходах к существованию // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 3. С. 89–102; Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (6) доводы в пользу непреодолимой парадоксальности посылок Парменида // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 4. С. 90–96; Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (7) «два способа мышления» как способ преодоления парадоксальности самореферентных положений у Парменида // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2010. Т. 8, вып. 1. С. 125–139; Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (8) достоинства и недостатки «разведения способов мышления» в интерпретациях фрагментов его поэмы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2010. Т. 8, вып. 2. С. 82–88; Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (9) обоснование немыслимости различий «правильным» мышлением через признание соотнесённости акта мышления и ‘*того, что мыслится*’ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2010. Т. 8, вып. 4. С. 119–127; Берестов И. В. Внутренние объекты мышления у Парменида и Платона // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 4. С. 86–98; Рационализм и иррационализм в античной философии / В. П. Горан, М. Н. Вольф, И. В. Берестов, Е. В. Орлов, Е. В. Афонасин, П. А. Бутаков; отв. ред. В. Н. Карпович. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 120–186 (глава III «Способы преодоления парадоксальности самореферентных положений у Парменида» монографии, написанная И. В. Берестовым).

[73] См., например: De Rijk L. M. Did Parmenides Reject the Sensible World? // Graceful Reason: Essays in Ancient and Medieval Philosophy Presented to Joseph Owens, CSSR. Papers in Medieval Studies 4 / ed. Lloyd P. Gerson, Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1983. P 29–53; Owen G. E. L. Eleatic Questions // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. Ithaca: Cornell University Press, 1986. P. 3–26.

Одни критики Парменида говорят, что некоторые положения, из которых исходит или к которым приходит Парменид, являются самопротиворечивыми. Другие говорят, что в аргументах Парменида одно не следует из другого. Третьи говорят, что принимаемые Парменидом допущения, в том числе о разрешённых способах выражения своих мыслей, о значении частей речи (подлежащего, сказуемого, связки «есть») допустимы, и выводы Парменида корректно дедуцируются из его допущений, но, если устранить все неоднозначности, то рассуждение станет неинтересным, поскольку язык оказывается слишком бедным, так что у нас нет оснований соглашаться с допущениями Парменида, но, напротив, много резонов не делать этого.

Анализ этой критики показывает, что даже наиболее доброжелательно настроенные современные интерпретаторы Парменида не ставят своей целью указать на значимость его рассуждения для обсуждения глубоких философских проблем. Также интерпретаторы не пытаются представить его рассуждение и как логически корректное, и как построенное на достаточно разумных основаниях. В главе III ниже мы попытаемся восполнить эти пробелы, предложив философски значимую, логически корректную и достаточно разумную интерпретацию Парменида, а в настоящей главе будет проделана необходимая подготовительная работа для разработки такой интерпретации.

Настоящая вторая глава играет роль критического обзора современной историко-философской литературы по теме нашего исследования – анализу аргументов Парменида против множественности сущего. Мы очертим несколько возможных способов ответить на некоторые претензии, предъявляемые Пармениду его интерпретаторами – современными историками философии и античными философами. Эти способы будут касаться только некоторых претензий, и будут лишь предварительными. Более основательным ответом было бы представление нашей собственной интерпретации рассуждения Парменида, свободной от выявляемых его интерпретаторами недостатков. Мы полагаем, что такую интерпретацию вполне можно представить, и один вариант такой интерпретации можно рассматривать как основывающийся на *Первой линии*

аргументации против множественности сущего, ПЛ. Но мы предпримем попытку представить такую интерпретацию только в следующей главе, в этой же главе мы обрисуем достоинства и недостатки имеющихся интерпретаций, что должно продемонстрировать нужду в новой интерпретации, создать условия для сопоставления нашей интерпретации с её предшественниками, а также для более основательного ответа на критику рассуждения Парменида.

В настоящей главе и последующих главах нашего исследования мы практически не рассматриваем предположения о культурных и исторических основаниях рассуждений Парменида, концентрируясь на анализе приемлемости их посылок и корректности их заключений[74]. Рассуждения Парменида берутся такими, какими они представлены в дошедших до нас фрагментах из текста поэмы; также мы будем использовать комментарии, замечания и критику других античных авторов. При этом мы ограничиваемся обсуждением аргументации в пользу немножественности сущего и связанной с этим тематикой, т. е. принимаем в расчёт не все сохранившиеся фрагменты поэмы, а только лишь 28 B 2 – B 8.49 DK[75].

Поскольку нашей целью в настоящем исследовании является анализ лишь некоторых аргументов Парменида, мы будем привлекать только ту критическую литературу, которая соответствует нашей цели. Поэтому в настоящем исследовании не предпринимается полный анализ сохранившихся фрагментов поэмы Парменида, а также анализ представлений о его учении у последующих древнегреческих философов. Также мы не предпринимаем полный обзор интерпретаций Парменида современными историками философии, и не осуществляем полный анализ появившихся к настоящему времени

[74] Также мы не рассматриваем современные интерпретации Парменида, выявляющие смысл его учения не акцентируясь на извлечении из текста его поэмы аргументов – такие, как Хайдеггер М. Парменид [Лекции 1942–1943 гг.] / Пер. с нем. А. П. Шурбелева. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2009. 384 с.

[75] Ссылка DK означает ссылку на Die Fragmente der Vorsokratiker / Diels H., Kranz W., Hrsg. (=DK). Griechisch und Deutsch H. Diels. Herausgegeben von W. Kranz. Bd I–II. Die sechste Auflage. Hildesheim: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1951–1952. В недавно вышедшем издании и переводе с древнегреческого на английский фрагментов Парменида, включённом в Early Greek Philosophy. Vol. V. Part 2 / Edited and translated by André Laks and Glenn W. Most in collaboration with Gérard Journeé and assisted by Leopoldo Iribarren. Cambridge (Mass., USA), London (UK): Harvard University Press, 2016. 801 p. (Loeb Classical Library; Vol. 528), используется другая система нумерации фрагментов.

комментированных переводов его фрагментов на современные языки[76]. Также за пределами настоящего исследования остаётся весьма важный анализ становления и дальнейшего развития используемой Парменидом техники аргументации[77]. Анализ древнегреческих текстов, переводов и их интерпретаций осуществляется нами только в той мере, в которой он необходим для достижения цели настоящего исследования и решения поставленных в нём задач.

В последнее время активно обсуждается вопрос о том, делает ли наличие «пути истины» (28 B 2 – 28 B 8.49 DK) и «пути мнения» (дальнейший текст B 8 DK и все последующие фрагменты) поэму Парменида несогласованной. Этот вопрос анализировался в литературе достаточно подробно, и имеется исследование, в котором убедительно показывается, что для признания того, что само наличие в поэме «пути истины» и «пути мнения» делает поэму несогласованной у нас нет достаточных оснований[78]. На этот вывод мы и будем полагаться в дальнейшем. Хотя этот вопрос и является весьма обсуждаемым в критической литературе, он прямо не связан с нашей темой – аргументами в пользу немножественности сущего – и мы не будем на нём останавливаться специально.

Подчеркнём, что рассмотрение тех предполагаемых теоретических затруднений и мировоззренческих оснований, которые могли бы рассматриваться как вызвавшие к жизни рассуждение Парменида, а также рассмотрение исключительно логических и действительно имевших место в истории философии последствий рассуждения Парменида, мы в настоящей главе не предпринимаем. В настоящей главе мы лишь постараемся прояснить некоторые аспекты аргументации Парменида и некоторые критические замечания к ней. Это создаст

---

[76] Обзор современных переводов Парменида и их интерпретаций можно найти в недавно вышедшем комментированном переводе фрагментов поэмы Парменида на русский язык: Афонасин Е. В. Поэма Парменида: Перевод и комментарий. Новосибирск: Офсет-ТМ, 2021. 99 с. (Сер. Античная философия и классическая традиция. Приложение к журналу ΣΧΟΛΗ. Т. II).

[77] Об этом см. недавнее обстоятельное исследование: Вольф М. Н. Ранняя греческая философия в поисках объяснительного принципа. Новосибирск: Офсет ТМ, 2021. 191 с.

[78] См. Вольф М. Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. СПб: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. С. 280; 323–340. О *Пути мнения* или *Доксе* (28 B 9–19 DK), не являющемся предметом рассмотрения в настоящей диссертации, см. также: Афонасин Е. В. Парменид о человеческом разумении // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2020. Т. 5. С. 9–16; Афонасин Е. В. Поэма Парменида. Докса. Текст, перевод и комментарий // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2020. Т. 5. С. 17–44.

условия для того, чтобы в следующей (третьей) главе построить более доброжелательную интерпретацию некоторых фрагментов поэмы Парменида. А именно, мы намерены построить в третьей главе такую интерпретацию, которая связывала бы поэму Парменида с обсуждением весьма значимых философских проблем, а также с проблемами, обсуждавшимися некоторыми древнегреческими философами после Парменида, о чём речь пойдёт в четвёртой главе.

В ходе нашего исследования, описываемого в настоящей главе и в последующих главах, мы намерены придерживаться «проблемного подхода к истории философии»[79], в том уточнённом виде, в котором он был очерчен в главе I настоящего исследования. Настоящая глава готовит построение *производного значения* некоторых текстов Парменида. Мы очертим способ, как это значение может быть построено, в третьей главе (где будет предложена наша трактовка некоторых фрагментов поэмы Парменида) и в четвёртой главе (где будет предложена интерпретация текстов других философов, от Протагора до Плотина). Четвёртая глава необходима для построения *производного значения*, поскольку исследования текстов самого Парменида для «раскрытия» их *производного значения* недостаточно: в соответствии с подходом, изложенным в первой главе, *производное значение* текстов Парменида зависит от содержания других философских текстов, которым их наделили написавшие эти тексты другие философы. Последние тексты можно полагать «раскрывающими» содержание тех текстов, *производное значение* которых мы намерены построить. Напомним, что, как мы писали выше, в § I.11, *производное значение* текстов античных философов не претендует на раскрытие того, что авторы философских текстов думали «на самом деле».

§ II.2 Критический анализ поэмы Парменида в современных историко-философских исследованиях

[79] См.: Вольф М. Н., Берестов И. В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии.

Современных интерпретаций поэмы Парменида предложено довольно много, и чтобы в них разобраться и выбрать какую-либо одну, нужно обладать знаниями из множества различных областей. Зависимость интерпретаций от способов перевода поэмы Парменида сильно ограничивает число учёных, способных эти переводы обсуждать. Эта зависимость является препятствием для участия в обсуждении почти всех современных философов, не являющихся также и профессиональными историками древнегреческой философии. Тем не менее, историки философии часто критикуют Парменида с использованием концептуального аппарата современной философии, и приводимые ими аргументы весьма интересны. Эти аргументы зависят от принимаемой *ими* интерпретации рассуждения Парменида, и наш ответ на них тоже будет зависеть от принимаемой *нами* интерпретации. Ниже мы попытаемся показать, что допустима интерпретация рассуждений Парменида – связанных с обоснованием немножественности сущего из 28 B 2–8.49 DK, – которая способна успешно противостоять атакам на её корректность и на приемлемость её посылок. Обоснование же нашей интерпретации с опорой на текст поэмы Парменида мы предпримем ниже, в следующей – третьей – главе настоящей диссертации.

§ II.2.1 Критика 28 B 2.3 DK Л. М. Де Рейком

Многие исследователи считают фрагмент 28 B 2 DK ключевым для определения посылок аргументации Парменида. Поэтому мы начнём с интерпретаций современными исследователями этого фрагмента. Фрагмент 28 B 1 DK, т. н. *Проэмий*, мы не будем специально рассматривать, поскольку он носит характер введения, в котором излагается тема поэмы, её структура, намёки на будущие аргументы и посылки, но без интересующего нас по большей части вывода требующихся Пармениду заключений[80].

[80] Анализ 28 B 1 DK см. в Вольф М. Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. С. 280; 326–335. См. также: Афонасин Е. В. Проэмий поэмы Парменида // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, вып. 4. С. 157-169.

Одним из современных интерпретаторов, трактующих 28 B 2 DK не просто как констатацию положений, принимаемых Парменидом, а как некоторый аргумент, является Л. М. Де Рейк, так что целесообразно начать настоящую главу с изложения его позиции. Л. М. Де Рейк полагает, что в строке 28 B 2.3 DK (ἡ μὲν ὅπως ἔστιν τε καὶ ὡς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι)[81] имеется некорректное *умозаключение*, ибо он понимает это изречение так: «нечто может мыслиться только как сущее, *следовательно*, оно [т. е. то, что является актуально мыслящимся. – *И. Б.*] существует»[82]. И если 28 B 2.3 DK понимать именно так, то это умозаключение, как пишет Л. М. Де Рейк, содержит ошибку: нечто всегда мыслится только как сущее, и никогда – как не-сущее, но это не означает, что мыслимое существует в действительности. «Рассматривать нечто как реальную природу некоторой вещи» – не тождественно «в действительности видеть реальную природу некоторой вещи». Парменид, по Л. М. Де Рейку, ошибался, полагая, что из первого следует второе[83].

Насколько мы можем судить, Л. М. Де Рейк хочет сказать следующее. Примем, что, если нечто является актуально мыслящимся, то оно является актуально мыслящимся как существующее. Тем не менее, *если нечто мыслится только как существующее (или не может мыслиться как несуществующее), то это не значит, что оно действительно существует*. Такую же посылку, как и в 28 B 2.3 DK, Л. М. Де Рейк усматривает также и в 28 B 8.34 DK: «ведь одно и то же – мыслить и мыслить, что (οὕνεκεν) объект мысли есть»[84] (ταὐτὸν δ᾽ ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὕνεκεν ἔστι νόημα); хотя, как пишет Л. М. Де Рейк, здесь, в отличие от 28 B 2.3 DK, нет некорректного вывода положения: «***всё то, что актуально мыслится, существует***»[85]. Аналогичная критика представлена ещё одним знаменитым исследователем античной философии, который указывает, что

[81] Нумерация фрагментов, нумерация их строк и греческий текст фрагментов Парменида соответствуют изданию DK. Номера строк указываются после точки вслед за номером фрагмента.

[82] De Rijk L. M. Did Parmenides Reject the Sensible World? // Graceful Reason: Essays in Ancient and Medieval Philosophy Presented to Joseph Owens, CSSR. Papers in Medieval Studies 4 / ed. Lloyd P. Gerson, Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1983. P. 34.

[83] De Rijk L. M. Did Parmenides Reject the Sensible World? // Graceful Reason: Essays in Ancient and Medieval Philosophy Presented to Joseph Owens, CSSR. Papers in Medieval Studies 4 / ed. Lloyd P. Gerson, Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1983. P. 34.

[84] Пер. Л. М. Де Рейка.

[85] De Rijk L. M. Did Parmenides Reject the Sensible World? P. 34.

важная дистинкция между «стремлением помыслить что-либо или указать на что-либо» и «успешной реализацией этих попыток» была пропущена Парменидом[86].

Насколько мы понимаем, намерение Л. М. Де Рейка состоит в том, чтобы показать, что существование любого мыслимого объекта не доказано у Парменида; вычёркивание же предполагаемой Л. М. Де Рейком парменидовской предпосылки «***всё то, что актуально мыслится, существует***», делает невозможным дальнейшее доказательство того, что рождение и гибель сущего не могут быть помыслены. Действительно, если, как пытается доказать Парменид, положение «***всё то, что актуально мыслится, существует***», то истинно и эквивалентное ему положение «***любое не-сущее не мыслится***». Однако при мышлении рождающегося или гибнущего объекта необходимо помыслить не-сущее, ведь при мышлении рождённого или гибнущего объекта мы должны мыслить то, из чего происходит рождение сущего (т. е. не-сущее) или то, во что сущее преходит (т. е., опять-таки, не-сущее). Поскольку помыслить не-сущее невозможно, невозможно также помыслить рождение и гибель какого-либо существующего объекта. Но если положение «***всё то, что актуально мыслится, существует***», как настаивает Л. М. Де Рейк, не доказано, то не доказана также и невозможность помыслить рождение и гибель какого-либо существующего объекта. Таким образом, если Л. М. Де Рейк прав, то одно из важнейших доказательств Парменида разрушено (с нашей точки зрения, в поэме Парменида можно выделить два важнейших доказательства: доказательство немыслимости рождения и гибели какого-либо объекта и доказательство немножественности сущего, последнее будет подробно разбираться ниже, в главе III). Такое важное следствие побуждает нас присмотреться к позиции Де Рейка несколько подробнее.

****

[86] Nuchelmans G. Theories of Proposition, Ancient and Medieval Conceptions of the Bearers of Truth and Falsity. Amsterdam, London: North-Holland Pub. Co, 1973. P. 9–10.

При анализе трактовки 28 B 2.3 DK Л. М. Де Рейком бросается в глаза, что греческий текст не даёт никаких оснований для того, чтобы рассматривать эту строку как умозаключение – т. е. как претензию на то, что из одного суждения *следует* другое суждение. Если переводить это изречение буквально, то здесь имеется *всего лишь конъюнкция* «***любое актуально мыслящееся кем-либо нечто существует***» & «***любое актуально мыслящееся кем-либо нечто не может не существовать***»[87]. Второй конъюнкт представляет собой более сильное утверждение, чем первый. Именно второй конъюнкт даёт нам намёк на то, как он может быть обоснован.

Действительно, раз нам говорится, что *любое нечто, которое мы актуально мыслим, не может не существовать*, то наиболее естественная попытка опровергнуть это утверждение – попытаться актуально помыслить хоть что-нибудь, заведомо не существующее. Однако, по Парменид у, любая такая попытка обречена на провал, ср.: «нельзя ни высказать, ни помыслить, будто бы [пропущенное подлежащее] не существует» (οὐ γὰρ φατὸν οὐδὲ νοητόν ἔστιν ὅπως οὐκ ἔστι) (28 B 8.8–9 DK). Предположим, у Парменида пропущенным подлежащим здесь является «любой актуально мыслящийся кем-либо объект»; тогда можно сказать, что в 28 B 2.3 DK и 28 B 8.8–9 DK Парменид имеет в виду в качестве подразумеваемого допущения: «***любой актуально мыслящийся кем-либо объект существует***, по крайней мере, в мышлении того, кто его мыслит, ***и в этом смысле – не может не существовать***». Иначе говоря, мы имеем

[87] Большинство исследователей видит в 28 B 2.3 DK не импликацию, а конъюнкцию. Действительно, в буквальном переводе импликацию усмотреть трудно: «[Один путь] – что [любое актуально мыслящееся кем-либо нечто] существует и невозможно [для этого любого актуально мыслящегося кем-либо нечто] не существовать» (пер. наш. – *И. Б.*). А. В. Лебедев переводит: «Один [путь] – что [нечто] есть и что невозможно не быть» – Фрагменты ранних греческих философов / Под. ред. А. В. Лебедева. М.: Наука, 1989. Ч. 1. С. 287. Г. Оуэн переводит: «[Пропущенный субъект] существует и *должен* существовать» – Owen G. E. L. Eleatic Questions // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. Ithaca: Cornell University Press, 1986. P. 11. А. Маковельский переводит: «Первый [путь исследования заключается в том. – *А. М.*], что [бытие. – *А. М.*] есть и не может не существовать» – Досократики (Доэлеатовский и элеатовский периоды) / Пер. с древнегреческого и комментарии А. Маковельского. Минск: Харвест, 1999. С. 458. Там же А. Маковельский приводит переводы П. Таннери и Г. Церетелли: «…что бытие есть, а небытия нет». П. Кёрд переводит: «Первый [путь исследования заключается в том. – *И. Б.*], что оно [«то, что есть» = «what is». – *И. Б.*] есть и ему [«тому, что есть» = «what is». – *И. Б.*] невозможно не быть (the one that it is and that it is not possible not to be)» – Curd P. The Legacy of Parmenides: Eleatic Monism and Later Presocratic Thought. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2004. P. 58–59. Кроме Л. М. Де Рейка, из названных исследователей только Г. Оуэн (Owen G. E. L. Eleatic Questions… P. 3–26) рассматривает 28 B 2.3 DK в свете поиска посылок рассуждения Парменида, поэтому рассмотреть его перевод мы считаем весьма полезным, но поскольку этот перевод следует рассматривать в контексте всего понимания Г. Оуэном рассуждения в поэме Парменида, этот вопрос заслуживает отдельного обстоятельного анализа.

необходимое для дальнейшего обоснования «знаков сущего» положение «***всё то, что актуально мыслится, существует***».

Может ли приведённая выше критика Л. М. Де Рейка поколебать это обоснование положения «***всё то, что актуально мыслится, существует***»? Как мы видели, возражение Л. М. Де Рейка состоит в том, что *если нечто мыслится только как существующее (или не может мыслиться как несуществующее), то это не значит, что оно действительно существует*. И теперь мы можем сказать, что Парменид может без ущерба для своего положения «***всё то, что актуально мыслится, существует***» согласиться с этим тезисом Л. М. Де Рейка. Иллюзия того, что положение Л. М. Де Рейка противоречит положению Парменида, возникает из-за того, что Парменид и Л. М. Де Рейк по-разному понимают «существование» в своих тезисах. Это станет очевидным, если оба тезиса переписать с надлежащими уточнениями: «***всё то, что актуально мыслится, существует тем или иным способом, хотя бы в мышлении***» и *если нечто мыслится только как существующее в реальности (или не может мыслиться как несуществующее в реальности), то это не значит, что оно действительно существует в реальности*. Теперь ясно, что оба тезиса совместимы, так что тезис Л. М. Де Рейка не мешает отстаивать Пармениду его собственный тезис. Но, конечно, это ещё не означает, что тезис Парменида хорошо обоснован.

Теперь рассмотрим, могут ли иметься у Парменида веские доводы в пользу принятия положения «***всё то, что актуально мыслится, существует***». Пусть некто мыслит некий полагаемый им *полностью* несуществующим объект, скажем, сирену. Поскольку он полагает, что эта мыслимая им сирена является *полностью* несуществующей, то можно сказать, что он полагает, что она не существует *во всех возможных аспектах*. Иначе говоря, он принимает посылку: «полностью (= во всех возможных аспектах) не-сущая сирена актуально мыслится». *Полностью* не-сущая сирена (= сирена, не существующая *во всех возможных аспектах*), в соответствии с приведённым выше допущением, не существует также и в его собственной мысли. В силу дополнительного допущения «***то, что не существует (хотя бы) в мысли, не мыслится актуально***», полностью не-сущая

сирена не мыслится актуально. Таким образом, мы пришли к противоречию с исходной посылкой: «полностью не-сущая сирена актуально мыслится»; значит, эта посылка оказалась недопустимой и должна быть отброшена. Следовательно, положение «***всё то, что актуально мыслится, существует***» истинно.

Заметим, что приведённое выше дополнительное допущение «***то, что не существует (хотя бы) в мысли, не мыслится актуально***» подразумевает *возможность говорить об объектах, существующих только в мысли*. Но что это за объекты и имеем ли мы право говорить об «объекте, существующем только в мысли», вообще? Этот вопрос вызывает дискуссии среди философов. Для многих философов такие объекты являются слишком «странными», тогда как разговор об «обычных» объектах, находящихся «вне» нашего сознания, или о «внемысленных» объектах, не вызывает у этих философов затруднения[88]. Но на ситуацию можно посмотреть и с другой стороны: спорным можно считать утверждение о направленности мышления именно на внемысленные объекты, а объекты, существующие только в мышлении, можно признать единственно возможными объектами мышления. Такой подход свойственен Декарту, который признавал (в *Началах философии*, § 13), что суждения, не выходящие за пределы внутреннего мира, более достоверны, чем те, которые рискуют коснуться внешнего мира[89]. Сходные мысли можно обнаружить у Г. Фреге[90]. Другие философы отмечали, что ментальные объекты не нуждаются в реальных коррелятах, и отсутствие таких коррелятов не является препятствием для построения логической теории о ментальных объектах, ибо суждения о таких объектах способны быть истинными и ложными. Среди таких философов следует

[88] Одним из философов, с жаром отстаивающих «смутность» объектов, существующих только в мышлении, равно как и просто возможных объектов, в противоположность реальным объектам, является У. Куайн – см. Quine W. V. O. Quantifiers and Propositional Attitudes // The Journal of Philosophy. 1956. Vol. 53, no. 5. P. 177–187.

[89] Декарт Р. Начала философии // Декарт Р. Избранные произведения: Рассуждение о методе. Метафизические размышления. Начала философии. Луцк: Вежа, 1998. С. 169.

[90] «…мы обнаруживаем во внутреннем мире достоверность, в то время как с переходом во внешний мир сомнение никогда не покидает нас полностью» – Фреге Г. Логические исследования // Фреге Г. Логико-философские труды / Пер. с англ., нем., франц. В. А. Суровцева. Новосибирск: Сибирское Университетское издательство, 2008. С. 48.

отметить, прежде всего, Фр. Брентано[91] и Э. Гуссерля[92]. Можно сказать, что в первом, исходном для Э. Гуссерля аспекте (когда Э. Гуссерль ещё не начал работать с интерсубъективным существованием *ноэмы*), *ноэма* не есть «*ноэма* (мысль) о референте», но определяется, понимается и существует в рамках сознания, как «объект, существующий в сознании и производимый им»[93]. Интенциональные объекты для раннего Брентано являются именно внутренними, ментальными объектами, существующими внутри феноменов сознания, и Фр. Брентано возводит свою точку зрения ко *всей* средневековой схоластической философии, не учитывая различия в трактовках интенциональности у различных средневековых авторов[94]. В действительности для средневековых философов направленность восприятия, воображения и интеллекта на ментальный объект есть лишь одна из обсуждаемых возможностей; эти когнитивные инстанции могут быть направленными и на внешние объекты, с помощью внутренних посредников или без неё[95].

---

[91] См.: Лаврухин А. В. Учение Брентано об «интенциональном внутреннем существовании» объекта и его критическое переосмысление у К. Твардовского и Э. Гуссерля // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 1 (35). С. 6; Бессонов А. В. Теория объектов в логике. Новосибирск: Наука, 1987. С. 18–19. Фр. Брентано вводит ментальные объекты в следующем знаменитом тексте:

«Всякий психический феномен характеризуется посредством того, что средневековые схоласты называли интенциональным (или же ментальным) внутренним существованием предмета (Inexistenz), и что мы, хотя и в несколько двусмысленных выражениях, назвали бы отношением к содержанию, направленностью на объект (под которым здесь не должна пониматься реальность), или имманентной предметностью» – Брентано Ф. Психология с эмпирической точки зрения [перевод избранных глав] // Брентано Ф. Избранные работы / Составл., перев. с нем. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, 1996 (впервые опубл. на нем. яз. в 1874 г.). С. 33.

[92] Pietersma H. Husserl's Concept of Existence // Synthese. 1986. Vol. 66, is. 2. P. 314–315; Husserl E. Aufsätze und Rezensionen (1890–1910). The Hague, 1979. S. 329.

[93] Позиция Э. Гуссерля излагается по: Бессонов А. В. Теория объектов… С. 21.

[94] См.: Брентано Ф. Психология с эмпирической точки зрения. С. 33.

[95] О том, что далеко не все схоласты использовали понятия, сходные по содержанию с «интенциональным внутренним существованием» Фр. Брентано из «Психологии с эмпирической точки зрения», с. 33, а также о последующем изменении позиции самого Фр. Брентано, см.: Перлер Д. Теории интенциональности в Средние века / Пер. с нем. Г. В. Вдовиной. М.: Издательский Дом «Дело», 2016. С. 18–26. Вероятно, интерес Фр. Брентано к «интенциональному внутреннему существованию» основывался на его более ранней работе – Брентано Ф. О многозначности сущего по Аристотелю / предисл. издателя Н. А. Печерской; предисл. к изданию Р. А. Громова; пер. с нем. Н. П. Ильина; коммент. А. Г. Чернякова; науч. ред. и сост. словника А. Ю. Вязьмина. СПб.: Изд-во Института «Высшая религиозно-философская школа», 2012. LXIV, 247 с. (впервые опубл. на нем. яз. в 1862 г.). В этой работе, комментируя *Met.* Γ, 2, 1003b 6–12 Аристотеля, Фр. Брентано указывает, что среди примеров сущего, о которых здесь говорит Аристотель, присутствует «сущее, которое не имеет никакого существования (Existenz) вне рассудка (Verstand) (στερήσεις, ἀποφάσεις)» – Брентано Ф. О многозначности… . С. 12, § 6. Также интерес Фр. Брентано к «интенциональному внутреннему существованию» мог проистекать из другой его ранней работы – Брентано Ф. Психология Аристотеля в свете его учения о νοῦς ποιητικός / перевод и комментарии И. В. Макаровой [перевод §§ 30–33, с сокращениями] // Историко-философский ежегодник 2002. М.: «Наука», 2003. С. 308–340 (впервые опубл. на нем. яз. в 1867 г.). С. 314. Комментируя *De an.* III, 5, 430a 10–19 Аристотеля, Фр. Брентано пишет, что без νοῦς ποιητικός «умопостигаемые формы, находящиеся в чувственной части души, не могли бы восприниматься умом [т. е. претерпевающим умом, νοῦς παθητικός – *И. Б.*]» – Брентано Ф. Психология Аристотеля… . С. 314. Таким образом, умопостигаемые формы здесь трактуются как непосредственные

Парменид использовал слово *ноэма*: «ведь одно и то же – мыслить и мыслить, что объект мысли (νόημα) есть» (ταὐτὸν δ᾽ ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὕνεκεν ἔστι νόημα) – 28 B 8.34 DK[96]. Использовал Парменид и слово *ноэтон*: «не является ни высказываемым, ни мыслимым (νοητόν), что [пропущенное подлежащее] не существует» (οὐ γὰρ φατὸν οὐδὲ νοητόν ἔστιν ὅπως οὐκ ἔστι) – 28 B 8.8–9 DK. Таким образом, лексика поэмы Парменида вполне позволяет интерпретировать некоторые её строки как обсуждение интенциональных объектов в современном смысле, но, к сожалению, релевантные строки не позволяют однозначно определить, являются интенциональные объекты Парменида ментальными или реальными, поэтому возникло несколько различных интерпретаций поэмы современными исследователями. Однако, учитывая последующее развитие философии, ни один вариант не может быть отброшен как абсурдный.

Не следует думать, что в современной философии признавать легитимность ментальных объектов свойственно только философам феноменологического направления, но глубоко чуждо аналитическим философам. Например, можно сказать, что парменидовская «приверженность мышления сущему»[97], в силу того, что Парменид рассматривает не всякий «ментальный акт», но только лишь мышление, отбрасывая чувственное восприятие в 28 B 7 DK, содержит в себе признание того, что сущее как ‘*то, над чем проводятся логические операции*’ должно рассматриваться как исключительно мысленное сущее. Такую позицию в современной философии логики занимает, например, Т. Парсонс. Действительно, теория Т. Парсонса подводит к выводу о том, что допущение существования

интенциональные объекты, причём имеющие ментальный характер. Такой подход может быть связан с трактовкой νοῦς ποιητικός как имеющего нефизический, «духовный» характер – Брентано Ф. Психология Аристотеля… . С. 335. Тот же тезис о нефизическом характере νοῦς ποιητικός отстаивается в исследовании: Sorabji R. Intentionality and Physical Processes // Essays on Aristotle’s *De anima* / M. C. Nussbaum & A. O. Rorty, eds. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 213. О современных трактовках интенциональности у Аристотеля см. статью: Берестов И. В. Дефект в теории передачи форм Аристотеля и Фомы Аквинского // Вестник Томского государственного университета. 2019. Т. 439. С. 73–84. О современных взглядах на понимание Фр. Брентано интенциональности, о эволюции позиции Фр. Брентано и о наследниках его учения об интенциональности см. монографию: Albertazzi L. Immanent Realism: An Introduction to Brentano. Dordrecht: Springer, 2006. xii, 378 p. (Synthese Library, Vol. 333).

[96] Если не оговорено иное, перевод древнегреческих текстов наш – *И.Б.*

[97] Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides: Revised and Expanded Edition; With a New Introduction, Three Supplemental Essays, and an Essay by Gregory Vlastos. Las Vegas, Zürich, Athens: Parmenides Publishing, 2008. (Originally published in 1970 by Yale University Press). P. 170–176.

внемысленных объектов является излишним для обеспечения возможности построения «науки о мышлении». Т. Парсонс создаёт для её формализации особый язык *O*[98]:

> «Но в теории *O* недоказуемо утверждение о том, что имеются существующие [вне мышления. – *И. Б.*] объекты <…>. Кроме того, доказательство непротиворечивости исчисления *O* – это наиболее полное решение логической проблемы логического объекта. Оно прямо доказывает, что несуществующие (чувственно невоспринимаемые) объекты не противоречат логике, что логика – наука о мышлении – вполне совместима с мысленными объектами»[99].

Этот краткий экскурс показывает, что даже с точки зрения многих современных философов объекты, существующие только в мышлении, являются вполне респектабельными объектами. Трактовка Л. М. Де Рейка «сущего» (τὸ ἐόν) в поэме Парменида как реального объекта не является единственно возможной с философской точки зрения. Признание же допустимости приписывания Пармениду убеждений в ментальном или реальном характере обсуждаемого им сущего зависит от трактовки ещё нескольких строк поэмы (к сожалению, эта трактовка неоднозначна, так же как 28 B 2.3 DK) и от того, насколько правдоподобной, корректной, философски интересной и проч. оказывается итоговая интерпретация рассуждений Парменида при той или иной трактовке «сущего». Этих вопросов мы коснёмся ниже. В числе прочего, ниже в настоящей – второй – главе мы укажем на недостатки интерпретаций Парменида, трактующих «сущее» как указывающее на реальный объект. В следующей – третьей – главе мы представим трактовку «сущего» в поэме как указывающего на ментальный объект.

---

[98] См. об этом языке подробнее в: Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven: Yale University Press, 1980. P. 24 и далее.

[99] Позиция Т. Парсонса излагается по: Бессонов А. В. Теория объектов в логике. Новосибирск: Наука, 1987. С. 130–131.

§ II.2.2 Анализ обвинения А. Мурелатосом положения «не-сущее не мыслится» в самореферентной непоследовательности

Одна из наиболее частых претензий к рассуждению Парменида у современных историков философии заключается в том, что некоторые положения, признаваемые им, противоречат сами себе. Наиболее ярким примером такого положения является положение «***не-сущее не мыслится***». Можно привести множество мест в поэме Парменида, которые кажется довольно естественным интерпретировать как это положение (28 B 2.32.6–7; 3; 6; 8.8–9; 8.34 DK). Но, если не-сущее не мыслится, то не противоречит ли себе Парменид, высказывая предложение «не-сущее не мыслится»? Ведь, высказывая это предложение, он должен помыслить пропозицию, которую это предложение выражает, а значит, должен помыслить то, что обозначается термином «не-сущее» – не-сущее как одну из конституент этой пропозиции. Кажется, это представляет проблему для согласованности позиции Парменида. При этом для возникновения противоречия не важно, как именно трактуется тезис Парменида – «***не-сущее не мыслится***», «‘***то, что не есть’ не мыслится***» или «***предложения вида “_не есть_” не мыслятся***» (как склонен трактовать этот тезис Парменида А. Мурелатос). Можно сказать, что Парменид утверждает «‘***то, что не есть’ не мыслится***», но последнее трактуется исследователями или как «***не-сущее не мыслится***», или как «***предложения вида “_не есть_” не мыслятся***», или как то и другое вместе.

На том, что Парменид вынужден неявно признавать мыслимость не-сущего, которое он сам провозглашает немыслимым, основываются и другие возражения Пармениду. Парменид пытается доказать, что ‘*то, что есть*’, которое является объектом «правильного» мышления, не может быть названо рождённым, изменчивым, имеющим различия и проч., поскольку для мышления того, чему присущи названные характеристики, было бы необходимо помыслить ‘*то, что не есть*’, а оно, на основании тезиса «‘***то, что не есть’ не мыслится***», не может быть помыслено.

Действительно, положение «‘***то, что не есть’ не мыслится***» используется при выводе «знаков сущего» в 28 B 8 DK. Не касаясь сейчас деталей этого вывода, относительно хода и согласованности которого имеются различные мнения, всё-таки можно указать на то, что является бесспорным для всех историков философии: положение «не-сущее не мыслится» явным образом указывается как основание (γὰρ в 28 B 8.8 DK) для вывода нерождённости сущего и всей группы знаков, указывающих на отсутствие у сущего темпоральных характеристик. См., например, 28 B 8.6–9 DK:

(6) … τίνα γὰρ γένναν διζήσεαι αὐτοῦ;
(7) πῇ πόθεν αὐξηθέν; οὐδ᾽ ἐκ μὴ ἐόντος ἐάσσω
(8) φάσθαι σ᾽ οὐδὲ νοεῖν· οὐ γὰρ φατὸν οὐδὲ νοητόν
(9) ἔστιν ὅπως οὐκ ἔστι.

(6) … Ибо откуда рождение найдёшь ему?
(7) Как и откуда [‘*то, что есть*’] выросло? Не разрешу «из не-сущего»
(8) Тебе ни сказать, ни мыслить, ибо [что-то] неизречимое и немыслимое
(9) Есть, что [*или*: как] [пропущенное подлежащее] не есть [= a) не существует; b) не является чем-либо]».

В результате, в дополнение к исходному положению «‘***то, что не есть’ не мыслится***» имеем группу столь же самопротиворечивых положений: «***‘то, что рождается’ не мыслится***», «***‘то, что изменяется’ не мыслится***» и т. д. Вообще, самопротиворечивым кажется любое положение вида «***А не мыслится***».

Подобную самопротиворечивость у Парменида Г. Оуэн полагает непреодолимой[100]. Для того чтобы отрицать существование того, чему присуще изменение, указывает Г. Оуэн, необходимо помыслить не-сущее, что невозможно.

Г. Оуэн поэтически подводит итог парадоксальности, приписываемой им Пармениду, следующим образом:

[100] Owen G. E. L. Eleatic Questions. P. 22; Owen G. E. L. Plato and Parmenides on the Timeless Present. P. 30.

> «Итак, повторяя столь памятный образ из Витгенштейна, аргумент Парменида является лестницей, по которой следует взобраться и потом её отбросить. Подобные аргументы не являются, образно говоря, горизонтальными дедукциями; если они выставляются как дедукции, они являются явно опровергающими сами себя»[101].

А. Мурелатос формулирует положение «***всё то, что актуально мыслится, существует***» как «мышление привержено [некоторому] сущему» или как «[некоторое] сущее является необходимым объектом акта мышления»[102]. Утверждение Парменида о приверженности мышления сущему в наиболее ясном виде А. Мурелатос обнаруживает в 28 B 8.34–37 DK:

(34) ταὐτὸν δ᾽ ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὕνεκεν ἔστι νόημα·
(35) οὐ γὰρ ἄνευ τοῦ ἐόντος, ἐν ᾧ πεφατισμένον ἐστιν,
(36) εὑρήσεις τὸ νοεῖν· οὐδὲν γάρ <ἢ> ἔστιν ἢ ἔσται,
(37) ἄλλο πάρεξ τοῦ ἐόντος, …

(34) «Ведь то же самое, поэтому, есть мыслить [о чём-то] и ‘*то, ради чего*’ (οὕνεκεν) есть ‘*то, что мыслится*’;
(35) Ведь без сущего, о котором высказана[103],
(36) Не обнаружишь мышления; ибо ничто [букв.: «ни одно» – οὐδὲν] не есть и не будет
(37) [Чем-то] иным, помимо ‘*того, что есть*’, …»[104].

---

[101] Owen G. E. L. Plato and Parmenides on the Timeless Present. P. 30.

[102] Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 172, 175.

[103] А. Мурелатос считает допустимым парафраз: «…к которому [сущему] она [мысль] привержена» (…to which it stands committed) – Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides // Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. Las Vegas, Zürich, Athens: Parmenides Publishing, 2008. (Originally published in 1970 by Yale University Press). P. 172.

[104] В указанных и других фрагментах (например, 28 B 2.3; 2.5; 8.2–3; 8.9 DK) возможно не экзистенциальное, а копулятивное чтение εἶναι, ἔστι, τὸ ἐόν. В последнем случае Парменид утверждает, что допускаются только предложения вида «_есть_», т. е. суждения «*x* есть *y*» для любых *x* и *y*, а предложения вида «_не есть_»запрещаются. Тогда τὸ ἐόν, ‘*того, что есть*’ из 28 B 8.37 DK трактуется как «то, что о чём говорится в предложении вида “_есть_”». См. подробнее: Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. 2008. P. 70–71; Вольф М. Н. Стандартная англоязычная интерпретация Парменида // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 2. С. 96–105.

Ниже мы подробно рассмотрим в чём именно А. Мурелатос видит непоследовательность Парменида.

А. Мурелатос полагает, что при интерпретации Парменида возникает следующая проблема[105]. С одной стороны, мышление и ум у Парменида «привержены сущему»[106], т. е. придерживаются «истинного пути», на котором нельзя мыслить ‘*то, что не существует*’ (или, в интерпретации ἔστι как «спекулятивной предикации», каковую интерпретацию предпочитает А. Мурелатос, нельзя мыслить ‘*то, что не является чем-то*’[107]). Именно такое понимание мышления (νοεῖν), ума (νόος) и объекта мышления (νόημα) имеется в 28 B 4. 1–2; 6. 1–2; 8. 1; 8–9; 34–37 DK. Мышление только ‘*того, что существует*’, или ‘*того, что является чем-то*’, оказывается возможным, тогда как мышление ‘*того, что не существует*’, или ‘*того, что не является чем-то*’, оказывается невозможным.

С другой стороны, в 28 B 2.2 DK говорится о двух путях поиска, которые «единственно мыслимы», и далее выясняется: первый путь связан с мышлением объекта мышления как необходимо существующего (или являющимся таким-то) (28 B 2.3 DK), а второй – с мышлением объекта мышления как необходимо не существующего (или не являющимся таким-то) (28 B 2.5 DK). И тот, и другой путь оказываются, по 28 B 2.3 DK, *мыслимыми*, хотя последний путь подразумевает мышление не-сущего. Однако далее, в 28 B 2.6–7 DK, второй путь оказывается «непознаваемым» и «невысказываемым», а значит, и «немыслимым». В 28 B 6 DK мы видим сходную картину. В 28 B 6.3 DK богиня советует держаться подальше от того пути, на котором пришлось бы мыслить, что не-сущее существует (28 B 6.2 DK), тем самым вынуждая Куроса *мысленно* отличать этот путь (т. е. первый «ложный» путь) от «истинного» пути, на котором мыслится то и только то, что существует (28 B 6.1 DK), а значит Курос, мысля отличительный признак первого «ложного» пути, вынужден *мыслить* не-сущее.

---

[105] Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. 2008. P. 175.
[106] *Ibid.* P. 172.
[107] См.: *Ibid.* P. 56–60; 70–71.

Далее, в 28 B 6.5–6 DK, читаем: «беспомощность в их [т. е. смертных] груди правит заблуждающимся умом (πλακτὸν νόον)». Всё это плохо согласуется с направленностью мышления исключительно на сущее.

А. Мурелатос формулирует эту проблему так[108]:

> «Более того, в 28 B 16 DK мы обнаруживаем νόος, который изменятся в соответствии с состоянием “многоблуждающих (πολυπλάγκτων) членов”, и в 28 B 7.2 DK и 28 B 8. 17 DK слова, производные от νόος, оказываются в контекстах, которые подразумевают, что ум мог бы в действительности избрать путь “_есть_”, а не “_не есть_”. Как можем мы согласовать это с положением из 28 B 8. 34 DK и далее, при условии принятия той интерпретации этих строк, которая даётся здесь?»[109].

А. Мурелатос обращает внимание на некоторые современные интерпретации – Курта фон Фрица[110] и Леонардо Тарана[111] – которые признают, что рассуждение Парменида в этом пункте не является согласованным[112]. Пытаясь спасти согласованность Парменида, А. Мурелатос предлагает следующую интерпретацию. Он полагает, что «приверженность мышления сущему» выявляется постепенно, в результате рассуждения, которое проводится посредством *другого* мышления. Эта приверженность имеет место как «бессознательная приверженность», которая осознается не сразу, но посредством соответствующей процедуры, заключающейся в строго логическом рассуждении. Поэтому А. Мурелатос именует не мыслящее не-сущее мышление «логическим бессознательным»[113]. «Бессознательное» стремление мыслить сущее и только

---

[108] *Ibid.* P. 175.

[109] Т. е. в параграфе «B 8. 34–38: Интерпретация», итогом которого является: «Итак, ἐόν является не только возможным, но необходимым объектом ума» (Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 175). О специфическом видении указанных путей А. Мурелатосом, см.: Вольф М. Н. Стандартная англоязычная интерпретация Парменида…

[110] Fritz K. von. NOOS, NOEIN and Their Derivatives in Presocratic Philosophy (excluding Anaxagoras) I. P. 12–34.

[111] Tarán L. El significando de NOEIN en Parménides // Anales de filología clássica. 1959. V. 7. P. 123, 134 и далее.

[112] Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides… P. 176, note 30.

[113] *Ibid*. P. 176.

сущее имеется у любого смертного, но они неспособны (ἀμηχανίη – 28 B 6.5 DK) это стремление реализовать[114]. Это стремление ощущается смертными как стремление нормативное или императивное, как ещё не реализованное обязательство[115].

Итоговое выделение А. Мурелатосом «трёх способов мышления» у Парменида выглядит следующим образом.

> «Понятие νοεῖν–νόος возникает здесь на трёх уровнях: на самом глубоком уровне мы начинаем видеть в ясном и строгом смысле, что νοεῖν есть: принадлежащее ‘*тому, что есть*’; [мыслящее] о ‘*том, что есть*’; [имеющее место] по причине или ради ‘*того, что есть*’ (как последнее понимается в 28 B 8 DK). На поверхностном уровне эта “онтологическая приверженность” ощущается как предпочтение выражений, сформулированных в положительных терминах. Но между этими двумя уровнями имеется некоторый зазор – зазор между намерением и исполнением (intention and performance). Ошибка имеет место не на стороне ‘*того, что есть*’, ибо оно имеет πίστις. Именно мы, смертные, так или иначе нарушаем наш неявный обет (ср. πεφατισμένον) [приверженности] реальному»[116].

Несмотря на представленную интерпретацию многозначности «νοεῖν» у Парменида, А. Мурелатос полагает, что «проблема самореферентной непоследовательности у Парменида остаётся при любой интерпретации»[117].

Последнее заявление А. Мурелатоса может показаться непонятным, поскольку предлагаемого им разведения способов мышления, как кажется, достаточно для преодоления предполагаемой противоречивости положения «***не-сущее не мыслится***», или более близко к тексту 28 B 2; 6 DK, положения «‘***то,***

---

[114] *Ibid*. P. 177.
[115] *Ibid*. P. 176, note 31.
[116] *Ibid*. P. 177.
[117] *Ibid*. P. 362, note 18.

что не есть' не мыслится». Что бы ни понимать под '*то, что не есть*' – '*то, что не существует*' или предложения вида "_не есть_", – оно не мыслится правильным или совершенным мышлением, к обладанию которым и к использованию которого богиня в поэме Парменида призывает нас стремиться. Однако блуждающие смертные в 28 B 6 DK пользуются не им, а несовершенным мышлением. Кроме того, несовершенное мышление используется при постижении того пути в 28 B 2 DK, по которому не следует идти, т. е. при мышлении положения «'***то, что не есть' не мыслится***». В этом смысле, несовершенное мышление является мышлением метауровня по отношению к совершенному мышлению. В духе современных (восходящих к Б. Расселу) *теорий типов*, можно сказать, что объекты и акты несовершенного мышления имеют более низкий тип, чем объекты и акты совершенного мышления.

Приведённая защита Парменида напрашивается, но, избавляя Парменида от обвинения в противоречивости *совершенного* мышления, она признаёт противоречивость *несовершенного* мышления. Это вызывает вопрос: что это за когнитивная способность такая – «несовершенное мышление»? Если несовершенным мышлением можно помыслить предложения вида "_не есть_", то это не вызывает возражений, но тогда непонятно, почему мышление таких предложений запрещается для совершенного мышления. Как мы покажем ниже, это является серьёзным доводом против трактовки '*того, что не есть*' в виде "_не есть_". Если же несовершенным мышлением можно помыслить не-сущее, то как это может быть? Ведь мы просто перестанем понимать, что такое интенциональный акт, если он не предполагается направленным на сущее, хотя и не обязательно на реальное сущее.

Возможным ответом является уточнение положения «***не-сущее не мыслится***». На первом этапе этого уточнения, перепишем это положение в виде *Тезиса Парменида* (ТП):

(ТП) *Не-сущее для какого-либо акта мышления не мыслится им*.

Далее, (ТП) эквивалентен следующему тезису, который мы сейчас обозначим через (ТП´):

(ТП´) «*Всё то, что мыслится каким-либо актом мышления, существует для него*».

Тезисы (ТП) и (ТП´) мы будем использовать ниже в настоящей главе при интерпретации возражения Аристотеля Пармениду из *Phys*. A, 3.

На втором этапе уточнения положения «***не-сущее не мыслится***» мы исключим возможность для (ТП) ссылаться на тот акт мышления, которым мыслится пропозиция, выражаемая тезисом (ТП). Для этого мы перепишем тезисы (ТП) и (ТП´), соответственно, в виде эквивалентных тезисов (ТП*) и (ТП´*):

(ТП*) *Не-сущее для какого-либо акта мышления*[118] *низшего типа не мыслится этим актом мышления.*

(ТП´*) *Всё то, что мыслится каким-либо актом мышления*[119] *низшего типа существует для этого акта мышления.*

В (ТП*) выражение «акт мышления низшего типа» есть сокращение для «акт мышления, посредством которого не мыслится содержание предложения (ТП*)»; в (ТП´*) выражение «акт мышления низшего типа» есть сокращение для «акт мышления, посредством которого не мыслится содержание предложения (ТП´*)».

Из тезиса (ТП*) невыводимо противоречие, выводимое из положения «***не-сущее не мыслится***». Действительно, в (ТП*) явным образом запрещается одному и тому же акту мышления одновременно и не быть направленным на не-сущее, и быть направленным на содержание предложения «***не-сущее не***

[118] Более точная и полная формулировка – «…для какого-либо акта мышления какого-либо субъекта (агента)…».

[119] Более точная и полная формулировка – «…мыслится каким-либо субъектом (агентом) посредством какого-либо акта мышления…».

мыслится», т. е., как можно предположить, быть направленным на не-сущее, которое, как кажется, входит в содержание этого предложения. Также исчезает обрисованная выше проблема с интенциональностью «несовершенного мышления», т. е. мышления, посредством которого мыслится содержание предложения (ТП*). Ведь из (ТП*) не выводится, что акт «несовершенного мышления» направлен на то, что вообще не существует, или на то, что не существует для этого акта. Таким образом, использование подхода, применяемого сейчас в многочисленных *теориях типов,* позволяет преодолеть затруднение с «самореферентной непоследовательностью» у Парменида[120]. Это открывает возможность для трактовки текстов Парменида как корректных рассуждений, что облегчает построение их *производного значения*, связывающего эти рассуждения с современными философскими дискуссиями, но, как мы писали выше, в § I.11, назначение текстам *производного значения* не претендует на раскрытие того, что авторы философских текстов думали «на самом деле».

§ II.2.3 Другие дефекты в рассуждении Парменида, обнаруживаемые Г. Оуэном, А. Мурелатосом и другими исследователями

Выше, в § II.2.2, мы показали, что тезис Парменида «‘***то, что не есть’ не мыслится***», если его трактовать как «***не-сущее не мыслится***», может быть понят различными способами, и в некоторых из интерпретаций этот тезис не является самопротиворечивым[121]. Однако этого недостаточно для того, чтобы подход

---

[120] М. Уидин предлагает способ избавления Парменида от обвинения в «самореферентной непоследовательности», выдвинутого Г. Оуэном и А. Мурелатосом, сходный со способом, предлагаемым нами. Можно сказать, что (ТП) М. Уидин трактует не как (ТП*), а как положение (16b*) в его нумерации: (∀*p*)[{(*p* есть пропозиция о ‘*том, что есть*’) & (*p* есть пропозиция о положении дел первого порядка)} → (*p* не может быть помыслена)]. Подразумевается, что (16b*) выражает пропозицию о положении дел второго порядка. Свою защиту Парменида М. Уидин называет «защитой второго порядка» (second-order defense) – Wedin M. V. Parmenides’ Grand Deduction: A Logical Reconstruction of the Way of Truth. Oxford (UK): Oxford University Press, 2014. P. 51–53. Видно, что мы различаем акты мышления различных типов или порядков, тогда как М. Уидин различает положения дел различных типов или порядков.

[121] Положение «‘***то, что не есть’ не мыслится***» есть общая трактовка положений из 28 B 2.3 DK, 28 B 8.8–9 DK и других строк поэмы Парменида, которые мы разбирали выше – § II.2.1 и § II.2.2. Многие современные дискуссии о содержании поэмы можно представить в виде обсуждения того, каким именно способом следует уточнить положение «‘***то, что не есть’ не мыслится***», чтобы оно стало более понятным и содержательным. Один способ уточнения – «***не-сущее не мыслится***» или, более полно, в виде «***то, что не существует (хотя бы) в мысли, не мыслится***» (позиция Г. Оуэна). Другой способ уточнения – «***предложения вида “_не есть_” не***

Парменида можно было назвать обоснованным. Для этого также нужно, например, чтобы это положение было понятно и устойчиво к возможной критике. И это зависит от интерпретации этого положения.

Представленная выше наша интерпретация положения «‘***то, что не есть*** ***не мыслится***» как «***не-сущее не мыслится***» относится исследователями поэмы Парменида к классу экзистенциальных интерпретаций «ἔστι», «есть» в поэме Парменида. Этой интерпретации придерживается, например, Г. Оуэн[122]. Выше мы уже писали, что такая интерпретация вполне понятна, а критиковать её трудно, поскольку она является частным случаем широко признаваемого принципа интенциональности когнитивных актов. Однако имеется и другая интерпретация положения «‘***то, что не есть*** ***не мыслится***», которую обычно называют копулятивной интерпретацией «ἔστι», «есть» в поэме Парменида.

Копулятивная интерпретация весьма популярна у современных англоязычных исследователей Парменида. Однако, с нашей точки зрения, копулятивная интерпретация «ἔστι», «есть» в положении «‘***то, что не есть*** ***не мыслится***», в которой утверждается, что не мыслятся предложения вида «_не есть_», не столь хорошо обоснована, как экзистенциальная интерпретация. Ниже мы кратко опишем эту интерпретацию и укажем на её недостатки.

Копулятивная интерпретация «ἔστι» играет важную роль в том, что А. Мурелатос именует «стандартной интерпретацией» (СИ) поэмы Парменида[123]. В соответствии с СИ, под которую А. Мурелатос подводит интерпретации поэмы Парменида, изложенные во многих работах современных исследователей[124],

---

мыслятся» (позиция А. Мурелатоса). Обоих подходов мы уже касались выше, их анализ будет продолжен в настоящем § II.2.3.

[122] Owen G. E. L. Eleatic Questions // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. Ithaca: Cornell University Press, 1986. P. 3–26.

[123] Mourelatos A. P. D. Some Alternatives in Interpreting Parmenides // The Route of Parmenides. Las Vegas, Zürich, Athens: Parmenides Publishing, 2008. (Originally published in 1979 by Yale University Press). P. 351. Анализ СИ в изложении А. Мурелатоса в контексте других интерпретаций Парменида см. в: Вольф М. Н. Стандартная англоязычная интерпретация Парменида…; Вольф М. Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. СПб: Издательство Русской христианской гумантитарной академии, 2012. С. 265–289; Вольф М. Н. Знаки сущего на пути «есть» Парменида // Идеи и идеалы. 2012. Т. 1, вып. 4. С. 97–110.

[124] Наиболее значимыми работами, приведшими к появлению пользующейся широким признанием СИ, являются: Calogero G. Studi sull’ eleatismo. La prima edizione. Rome: Tipografia del Senato, 1932. P. 16–29; Kirk G. S., Raven J. E. The Presocratic Philosophers. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. P. 269–270; Owen G. E. L. Eleatic Questions // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. Ithaca:

несуществующие вещи и положения дел не могут быть помыслены. Однако основания в пользу этого в СИ отличаются от тех оснований, которые принимаются в нашей интерпретации Парменида.

В нашей интерпретации Парменида то, что не существующие вещи и положения дел не могут быть помыслены, является просто одной из формулировок принципа интенциональности мышления. Этот принцип рассматривается как определение интенционального акта мышления, в соответствии с которым акт мышления всегда направлен на нечто существующее, хотя бы в мышлении. Принцип интенциональности мышления не выводится из других положений и не обосновывается. И в этом принципе не утверждается и никоим образом не подразумевается реального существования мыслящегося объекта.

С точки же зрения СИ, то, что не существующие вещи и положения дел не могут быть помыслены, *выводится* из немыслимости предложений вида «_не есть_»[125]. Здесь спорным является как само это выведение, так и немыслимость предложений вида «_не есть_» (в том виде, как и то, и другое представлены в СИ), об этом мы подробнее напишем ниже. Несомненным достоинством СИ является то, что из немыслимости предложений вида «_не есть_» сразу же следует отсутствие различий в сущем, его единство, обоснование чего является одной из главных целей рассуждения Парменида. Однако отсутствие удовлетворительного обоснования немыслимости предложений вида «_не есть_» в СИ, как мы склонны полагать, не может перевесить это достоинство.

Сравнивая нашу интерпретацию Парменида и СИ, заметим следующее. В СИ подразумевается, что существующие вещи и положения дел, о которых можно мыслить и говорить с помощью предложений вида «_есть_», существуют в реальности. Несколько ниже в настоящем § II.2.3 мы укажем на трудности,

---

Cornell University Press, 1986. P. 14, note 45; P. 20. (Originally published in 1960); Furth M. Elements of Eleatic Ontology // Journal of the History of Philosophy. 1968. Vol. 6. P. 117; 124; 127–129.

[125] Например, «Вася не есть Петя» и проч. Ниже мы более подробно проанализируем, что же представляют собой такого рода предложения.

возникающие при допущении направленности акта мышления на реальный объект или положение дел.

Впервые копулятивная интерпретация «ἔστι» для некоторых положений поэмы Парменида была предложена Г. Калоджеро в 1932 г.[126] По мнению Г. Калоджеро, Парменид утверждает, что в «правильных» предложениях запрещено использовать «не есть» в качестве связки. Близок к этому и один из подходов А. Мурелатоса, в соответствии с которым Парменид признавал мыслимость только предложений вида «_есть_»[127].

С точки зрения Г. Оуэна[128], запрет мыслить предложения вида «_не есть_» эквивалентен запрету мыслить «контрэкзистенциальные» положения дел, которые могут быть выражены, например, «контрэкзистенциальным» предложением следующего вида: «не существует такого положения дел, что (все/некоторые) *S* есть *P*». Однако непонятно, почему такие положения дел не могут мыслиться. Они описываются правильно построенным предложением, выражающим реально существующие «негативные факты» реального мира, признаваемые Б. Расселом[129].

Более подробно, проблема с этим доказательством состоит в том, что, как было показано выше, положение «***не-сущее не мыслится***» в исходном виде проблематично из-за угрозы самореферентной непоследовательности, и приемлемой версией этого положения является (ТП*): *не-сущее для какого-либо акта мышления низшего типа не мыслится этим актом мышления*.

Но, чтобы предложение «не существует такого положения дел, что Ф» было признано не мыслящимся актом мышления *A* на основании (ТП*), его содержание должно быть не-сущим для *A*, или тем, на что *A* не направлен. Но последнее

---

[126] Calogero G. Studi sull' eleatismo. La prima edizione. 1932. P. 16–29.

[127] Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. Las Vegas, Zürich, Athens: Parmenides Publishing, 2008. (Originally published in 1970 by Yale University Press). P. 70–71. О специфическом ви́дении указанных путей А. Мурелатосом, см.: Вольф М. Н. Стандартная англоязычная интерпретация Парменида… .

[128] Owen G. E. L. Eleatic Questions // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. Ithaca: Cornell University Press, 1986. P. 14, note 45; P. 20.

[129] В *Философии логического атомизма* (1956), Лекция III *Атомарные и молекулярные пропозиции*, Б. Рассел признаёт «негативные факты», которые для него являются не чем-то несуществующим, а тем, что делает истинными отрицательные предложения, и в качестве таковых «негативные факты» существуют в реальности – см. подробнее: Wedin M. V. Parmenides' Grand Deduction: A Logical Reconstruction of the Way of Truth. Oxford (UK): Oxford University Press, 2014. P. 26–28.

недоказуемо на основании (ТП*). Видно, что в обосновании немыслимости «контрэкзистенциальных» предложений неявно используется посылка «*просто* не-сущее не мыслится», а не (ТП*). Эта неявная посылка понятна, если «сущим» признаются реальные объекты и положения дел. Но эта посылка сомнительна в силу выявленных выше трудностей с самореферентной непоследовательностью положения «***не-сущее не мыслится***», а также в силу возможности мыслить ментальные объекты.

Но даже если выраженного «контрэкзистенциальным» предложением положения дел не существует в действительности, нет причин считать, что не существует пропозиции, выраженной этим предложением (по крайней мере, для тех пониманий пропозиции, которые не связывают её жёстко с реально существующими объектами и положениями дел, но трактуют её, например, как ментальный объект). И если такая пропозиция существует (например, как ментальный объект), то принцип интенциональности мышления – утверждающий, в случае пропозиционального мышления, что акт пропозиционального мышления всегда направлен на какую-то каким-либо способом существующую пропозицию – не нарушен[130].

Но, может быть, имеются другие основания признать, что контрэкзистенциальные предложения не мыслятся, или что им не соответствует никакая пропозиция? Один из аргументов в пользу немыслимости несуществующей вещи или положения дел, который некоторые современные исследователи (в частности, М. Фёрт) полагают подразумеваемым Парменидом, состоит в том, что мышление сводится к *указанию* (референции) на вещь или

[130] Если же рассматривать сингулярную пропозицию (например, пропозицию, выражаемую предложением «Сократ бел») как целое, состоящее из *реально* существующих вещей, такую, что одной из этих реально существующих вещей является референт собственного имени «Сократ», то немыслимость такой пропозиции в случае, если Сократ не существует в настоящее время, признавалась даже в современной философии. Например, она признавалась Б. Расселом на раннем этапе его философского развития. Как отмечает Дж. Палмер, в *Основаниях математики* (1903) Б. Рассел отвергал возможность мыслить такого рода пропозиции, но уже через два года, в работе *Об обозначении* (1905), Б. Рассел полностью отказывается от этой позиции, полагая собственное имя «Сократ» свёрнутой определённой дескрипцией, которая не имеет референта (при этом входящие в определённые дескрипции переменные пробегают по реально существующим вещам). Позднее, в *Истории Западной философии* (1945), Б. Рассел фактически приписывает Парменидy свою точку зрения 1903 г. – см. Palmer J. Parmenides and Presocratic Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 76–78.

положение дел в реальном мире[131]. При этом предложения вида «(все/некоторые) *S* не есть *P*», «неверно, что (все/некоторые) *S* не есть *P*» *необходимо* записывать как контрэкзистенциальные[132], а термины контрэкзистенциального предложения не могут ни на что *указывать* – ведь, как предполагается, указать можно только на нечто реально существующее, – а значит, контрэкзистенциальное предложение оказывается немыслимым «правильным» способом[133].

На это можно возразить, что сведéние *любого* «правильного» мышления к указанию на реальные вещи или положения дел кажется контринтуитивным, поскольку, вероятно, мышление понятий, т. е. того, что не существует «в реальности», независимо от мышления, тоже следует признать мышлением, и нет никаких оснований (по крайней мере, их нелегко обнаружить и М. Фёрт их не объявляет) не признавать ‘*мышление, направленное на понятия*’, одним из видов «правильного» мышления[134].

Таким образом, признание немыслимости контрэкзистенциальных предложений не имеет хороших оснований. И если Парменид действительно её использовал как одну из посылок в своём рассуждении, то его рассуждение уязвимо. Но признание использования Парменидом такой посылки – лишь одна из возможных интерпретаций Парменида. В нашей интерпретации Парменид такой посылки не принимал.

---

[131] Furth M. Elements of Eleatic Ontology // Journal of the History of Philosophy. 1968. Vol. 6. P. 122. Выше мы уже указывали на это, а также на то, что Л. М. Де Рейк – подобно М. Фёрту – признавал объектом мышления у Парменида реальные вещи.

[132] Furth M. Elements of Eleatic Ontology P. 124–127. Также редукция Парменидом отрицательных атрибутивных суждений к контрэкзистенциальным утверждается в статье Owen G. E. L. Eleatic Questions. P. 14, note 45; P. 20.

[133] Близок к рассмотренной позиции из Furth M. Elements of Eleatic Ontology. P. 124–127 и один из подходов А. Мурелатоса – см. Mourelatos A. P. D. Heraclites, Parmenides and the Naïve Metaphysics of Things // The Route of Parmenides. Las Vegas, Zürich, Athens: Parmenides Publishing, 2008. P. 328, в соответствии с которым «правильное» мышление у Парменида редуцируется к именованию, о чём см. ниже.

[134] Как указывает Дж. Баррингтон, критикуя позицию М. Фёрта, ‘*тем, что мыслится*’ нашим мышлением может быть понятие «единорог» – см. Barrington J. Parmenides’ “The way of Truth” // Journal of the History of Philosophy. 1973. Vol. 11. P. 288, – вне зависимости от того, присутствуют или отсутствуют единороги из плоти и крови в реальном мире, и от того, можем ли мы вообще помыслить последних «правильным» мышлением. Понимание «мышления» у Дж. Баррингтона, как кажется, является гораздо более интуитивно оправданным и соответствующим обычному словоупотреблению. Дж. Баррингтон трактует парменидовское ‘*то, что мыслится*’ или «сущее» как ментальный объект – см. Barrington J. Parmenides’ “The way of Truth”. P. 291–294. В настоящей диссертации мы будем опираться на подход Дж. Баррингтона и развивать его. Интерпретация парменидовского «сущего», предложенная Дж. Баррингтоном, будет подробно обсуждаться ниже, в § III.2.

Имеются и другие способы интерпретация положения «‘***то, что не есть’ не мыслится***». Например, А. Мурелатос для описания соотношения подлежащего и сказуемого (субъекта и предиката) в «правильном» предложении использует выражение «спекулятивная предикация»[135]. В «спекулятивной предикации» всегда имеется «компонент тождества (identity)»[136]. Эта концепция является попыткой существенно ограничить количество тех отношений, которые могут передаваться связкой «ἔστι» – «тождеством» и «указанием на подлинную природу или сущность вещи»[137]. В соответствии с этой концепцией, можно помыслить пропозиции, выраженные предложениями «Утренняя звезда есть Вечерняя звезда», «Вася есть человек», «Человек есть животное разумное». Однако нельзя помыслить пропозиции, выраженные предложениями «Омск не есть Томск», «Вася есть загорелый», «Человек не есть конь», «Род не есть вид». Любые пропозиции, выражаемые предложениями вида «*a* отлично от *b*», «*a* не совпадает с *b*», «*a*≠*b*» оказываются немыслимыми. Столь строгие ограничения кажутся произвольными и контринтуитивными[138]. Если Парменид действительно опирался на такое допущение, то мы могли бы возразить ему, что такое странное допущение следует доказывать, а не принимать в качестве посылки. Если Парменид действительно хотел доказать немножественность сущего и отсутствие в нём каких-либо различных частей, то, принимая в качестве посылки немыслимость предложений вида «*a*≠*b*» он сразу же получает искомое. Такое доказательство есть просто *petitio principii*. В нашей интерпретации Парменид не принимает столь странные допущения.

А. Мурелатос обнаруживает у Парменида ещё один аргумент в пользу положения «‘***то, что не есть’ не мыслится***». Этот аргумент заключается в том, что невозможно говорить о направленности акта мышления, отождествляемого в

---

[135] Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. xx–xxiii; 55–58; 79; 112.

[136] *Ibid*. P. 79.

[137] Kahn Ch. H. The Greek Verb ‘To be’ and the Concept of Being // Foundation of Language. 1966. Vol. 2. P. 245–265; Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides… P. 79; Curd P. The Legacy of Parmenides... P. 39.

[138] О различных смыслах «ἔστι» в греческом и других языках, применительно к аргументации Парменида, см.: Kahn Ch. H. The Greek Verb ‘To be’ and the Concept of Being // Foundation of Language. 1966. Vol. 2. P. 245–265; Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 70–71; Вольф М. Н. Стандартная англоязычная интерпретация Парменида… С. 98–104; Вольф М. Н. Философский поиск… С. 290–304.

этом случае с актом интеллектуального *поиска* (δίζησις – 28 B 2.2 DK)[139] сущности реально существующей вещи, на то, что представляет собой отрицание какой-либо вещи (например, на не-Итаку и проч.).

В первом варианте аргумента утверждается, что для мышления не-Итаки было бы необходимо перебрать и помыслить бесконечное число вещей, не являющихся Итакой[140].

Посылки этого, первого, варианта аргумента сходны с посылками уже рассмотренного выше аргумента, в котором акт мышления сводится к акту указания. Только в этом случае акт мышления сводится к акту именования.

Действительно, у Парменида мышление часто связывается с высказыванием, речью, именованием – см., например, 28 B 1.32; 2.7–8; 6.1; 7.5–6; 8.8; 8. 17; 8.35–36; 8.38; 8.53 DK и проч. А. Мурелатос в своей интерпретации Парменида 1970 г. (первое издание его “The Route of Parmenides”) разводил несколько способов мышления, но после (1973 г., первое издание его статьи “Heraclitus, Parmenides and the Naïve Metaphysics of Things”) сделал акцент на связывании Парменидом мышления, речи и именования[141]. Помимо этого, А. Мурелатос связывал (в 1970 г., первое издание его книги “The Route of Parmenides”) мышление у Парменида не с дискурсивным мышлением, а именно с «интуицией»[142], следуя в данном случае Курту фон Фрицу[143]. Эта «интуиция» привержена, по А. Мурелатосу, сущему и только сущему[144].

---

[139] Об интеллектуальном поиске у Парменида см.: Вольф М. Н. Философский поиск… С. 115–135; 265-340.

[140] Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 17–25; 75–78; Mourelatos A. P. D. Heraclites, Parmenides and the Naïve Metaphysics of Things. P. 329.

[141] Mourelatos A. P. D. Heraclites, Parmenides and the Naïve Metaphysics of Things. P. 328. Впервые эта статья была опубликована в 1973 г.

[142] Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 68–70.

[143] Fritz K. von. NOOS, NOEIN and Their Derivatives in Presocratic Philosophy (Excluding Anaxagoras) I // Classical Philology, 1946. V. 41. P. 12–34.

[144] Говоря о «правильном» мышлении у Парменида как об «интуитивном» и «недискурсивном», мы хотим сказать, что этим мышлением не мыслятся дефиниции и пропозиции. Предмет этого мышления рассматривается не просто как оказывающийся мыслящимся весь и сразу, но как такой, в котором «части» не просто не упорядочены друг по отношению к другу, а как такой, в котором «части» вообще не выделяются. Мы полагаем, что приведённое понимание акта мышления (νοεῖν) у Парменида во многом соответствует одной из познавательных способностей, выделяемых многими античными авторами, в том числе – Гераклитом и Аристотелем. Эта способность может рассматриваться многими авторами как базовая (хотя и не как единственная «правильная» способность, как было у Парменида), т. е. являющаяся необходимым условием для функционирования других познавательных способностей, а значит, она необходима для познания вообще. О νόος у Гераклита как об «интуиции» и «инсайте» см.: Рационализм и иррационализм в античной философии С. 97–108 (§ 2.1 написанной М. Н. Вольф главы II «Эпистемология Гераклита Эфесского», с. 67–119). О том, что νοῦς у Аристотеля предоставляет мыслящему «термин без логоса», т. е. что-то дискурсивно невыразимое, см.: Рационализм и иррационализм в античной

Мы изложим интерпретацию рассуждения Парменида А. Мурелатосом следующим образом. Для того чтобы что-то помыслить, надо помыслить *все* вещи, подпадающие под данное имя (чтобы помыслить не-Итаку, необходимо помыслить все вещи, не являющиеся Итакой; число этих вещей бесконечно). Но мышление сводится к именованию *всех* перебираемых вещей – в том смысле, что, для того чтобы помыслить определённое понятие, необходимо перебрать все подпадающие под него вещи, именуя эти вещи, и, используя имя каждой вещи, приписать ей свойство, мыслимое в этом понятии. Следовательно, если допустить, что невозможно мыслить бесконечное число объектов из-за того, что невозможно совершить бесконечное число актов мышления и/или именования объектов, то общие понятия, под которые подпадает бесконечное множество мыслимых вещей, оказываются немыслимыми. Так что невозможно помыслить содержание предложений «Одиссей находится не на Итаке», «Одиссей ищет не Итаку» или «Одиссей ищет не-Итаку», если трактовать «не-Итаку» как общее понятие, под которое подпадают все вещи, не находящиеся на Итаке. Но, помимо этого, оказывается невозможным помыслить содержание предложения «Сократ есть белый», поскольку под общее понятие «белое» подпадает бесконечное множество мыслимых вещей.

Но нет достаточных оснований признавать, что для мышления понятия необходимо поименовать все подпадающие под него вещи. Например, можно допустить, что общее понятие можно мыслить без указания на подпадающие под него вещи. Иначе говоря, можно признать, что лингвистические выражения «обычного» или «внешнего» языка (слова или знаки которого произнесены или записаны) или внутреннего, ментального языка (слова или знаки которого являются связанными друг с другом ментальными репрезентациями) имеют не «широкое содержание» (wide content), включающее, помимо ментальных объектов, ещё и внементальные вещи, но только лишь «узкое содержание»

философии. С. 271–281 (§ 4 написанной Е. В. Орловым главы V «Расчётливость, рассудительность и мудрость у Аристотеля», с. 249–319). О том, что при мышлении (νοεῖν) «простых» объектов происходит как бы касание (θιγεῖν) их, и только благодаря такому постижению «простых» объектов становится возможным постижение «сложных» объектов, т. е. того, что выразимо в дефиниции и пропозиции, см.: Рационализм и иррационализм в античной философии. С. 290–298 (§ 6 главы V, написанной Е. В. Орловым).

(narrow content), ограничивающееся сферой ментального[145]. Поскольку до сих пор идёт дискуссия о том, что следует предпочесть – узкое содержание или широкое содержание[146] – мы не можем считать надёжно установленным, что лингвистические выражения внутреннего или внешнего языка имеют исключительно широкое содержание. Но это признание необходимо для рассматриваемого аргумента, приписываемого А. Мурелатосом Пармениду.

А. Мурелатос представляет только что рассмотренный аргумент также и несколько другим способом. В этом, втором, варианте аргумента помыслить пропозицию, выраженную предложением вида «*S* есть не-*P*» – а также любыми предложениями с отрицаниями, поскольку их можно переписать в виде «*S* есть не-*P*» – невозможно «из-за невозможности придать смысл отрицанию имени»[147].

Рассматриваемый аргумент исходит из того, что, если мы говорим, например, «Крит есть не-Итака», то мы говорим нечто бессмысленное: есть собственное имя «Итака», но нет собственного имени «не-Итака». Допустим, что это действительно так. Но из бессмысленности предложений вроде «Крит есть не-Итака» не следует бессмысленность *всех* предложений вида «*S* есть не-*P*» – например, «Сократ есть не-критянин» (по-видимому, эквивалентное предложению «Сократ не есть критянин»), или «Сократ есть не-чёрный» (по-видимому, эквивалентное предложению «Сократ не есть чёрный»). Как кажется, в рассматриваемом сейчас аргументе в пользу бессмысленности *всех* предложений вида «*S* есть не-*P*» подразумевается, что сказуемым или предикатом *любого* предложения может быть только собственное имя. Но совершенно непонятно, как это можно было бы обосновать. А. Мурелатос объясняет предполагаемую им склонность Парменида к такого рода экстравагантным допущениям тем, что

---

[145] В этом случае содержание предложений внутреннего или внешнего языка, или, как часто говорят, содержание интенциональных ментальных состояний, ментальное содержание, никак не связано с их референцией (т. е. с тем, на какие реальные объекты они указывают, и указывают ли они на них вообще). Отсутствие такой связи обосновывается в статье: Field H. Mental Representation // Erkenntnis. 1978. Vol. 13. P. 44. О «языке мысли» см. монографию: Fodor J. A. The Language of Thought. N. Y.: Crowell, 1975. x, 214 p. О допустимости интерпретировать античных философов (в частности, Аристотеля, а также развивающего его подход Фому Аквинского) как признающих язык мысли см. статью: Берестов И. В. Дефект в теории передачи форм Аристотеля и Фомы Аквинского // Вестник Томского государственного университета. 2019. Т. 439. С. 73–84.

[146] Подробнее об узком содержании и широком содержании, существующих подходах к ним и полемике о них см. статью: Моисеева А. Ю. Что нам даёт концептуально-ролевая семантика? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 104–106.

[147] Mourelatos A. P. D. Heraclites, Parmenides and the Naïve Metaphysics of Things. P. 328.

Парменид не различал функции имён общих и нарицательных, а также тем, что Парменид был приверженцем древней «наивной метафизики вещей»[148]. Наша же интерпретация немыслимости для Парменида пропозиций, выраженных предложениями вида «_не есть_» как немыслимости различий (в мысленном объекте) – которую мы представим ниже, в третьей главе – не взваливает на Парменида груз столь диковинных допущений, странность которых легко осознать, если обратить внимание на способы выражения в родном для Парменида греческом языке. Греческая грамматика не оставляет сомнений в том, что, для того чтобы говорить на греческом языке, необходимо различать функции имён общих и нарицательных, а также имён прилагательных и проч. То же можно сказать о русской грамматике и грамматике очень многих других естественных языков.

В качестве одной из претензий к Пармениду можно трактовать интерпретацию его рассуждения у Джонатана Барнса[149]. В этой интерпретации то рассуждение Парменида, которое Дж. Барнс анализирует, корректно, но содержит крайне сомнительные посылки[150]. Мы рассмотрим интерпретацию Дж. Барнса в том виде, в которой её уточняет Ф. Э. Льюис[151], который, подобно Г. Оуэну, обнаруживает у Парменида в 28 B 2; 6 DK модальную ошибку, записываемую следующим образом:

1. P, допущение
2. □(P → P), теорема
3. P → □P, из 2, используя *Незаконный Перенос Модальности*
4. □P, из 1 и 3
5. ~◊~P, из 4, по определению ‘□’
6. P → ~◊~ P, из 1–5.

Если вместо P подставить «*x* существует», где *x* – произвольная вещь, то представленный аргумент доказывает тезис ***всё то, что существует,***

---

[148] *Ibid*.

[149] Barnes J. The Presocratic Philosophers. New York: Routledge, 1982. P. 129–131.

[150] Обсуждение подхода Дж. Барнса см. в Ketchum R. A Note on Barnes’ Parmenides // Phronesis. 1993. Vol. 38, no. 1. P. 95–97.

[151] Lewis F. Parmenides’ Modal Fallacy // Phronesis. 2009. Vol. 54, no. 1. P. 1–8.

существует необходимо. Однако, этого тезиса недостаточно для вывода «знаков сущего», для обоснования немножественности всего сущего или всего мыслящегося, что, по-видимому, является целью 28 B 8 DK. Кроме того, посылка 3., утверждающая, что если некая пропозиция истинна, то она необходимо истинна, просто не соответствует нашему обычному употреблению слова «необходимость» и поэтому вряд ли может быть принята. Вывод же 3. из 2. – который, по Ф. Э. Льюису, осуществляется с использованием «*Незаконного переноса модальности*» (т. е. «правила» [□(P → P)] → [□P]), – как правильно отмечает Ф. Э. Льюис, некорректен. Таким образом, рассуждение, являющееся интерпретацией Ф. Э. Льюисом указанных фрагментов, ошибочно.

Некоторое время назад многие исследователи полагали, что смешение экзистенциального и копулятивного смыслов «есть» несёт ответственность за всю доктрину Парменида[152]. Затем, благодаря названным выше работам М. Фёрта, Г. Оуэна, А. Мурелатоса выработалась СИ, в соответствии с которой «аргумент не зависит от смешения между “есть” предикации и “есть” существования»[153]. В нашей интерпретации рассуждения Парменида, которую мы представим в третьей главе, отсутствуют сомнительные посылки и/или некорректные операции с модальностями, присутствующие в интерпретациях рассуждения Парменида Дж. Барнса и Ф. Э. Льюиса, отсутствует и незаконное смешение двух смыслов «есть». Как мы уже отметили, в нашей интерпретации рассуждения Парменида нет и тех неприемлемых допущений, которые присутствуют в интерпретации А. Мурелатоса. Однако оговоримся: как мы писали выше, в § I.11, целью нашей интерпретации текстов античных философов является назначение им *производного значения*, которое не претендует на раскрытие того, что авторы философских текстов думали «на самом деле».

---

[152] См., например: Kirk G. S., Raven J. E. The Presocratic Philosophers. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. P. 270; Rist J. M. The *Parmenides* Again // Phoenix. 1962. Vol. 16. P. 9–10. Интерпретаторы Парменида могли прийти к такой точке зрения под влиянием Аристотеля, который в *Met.* A, 3 984a29–b1 утверждал, что главной ошибкой Парменида является то, что он некорректно выводит из того, что мы не можем говорить о несуществующем *X* то, что мы также не можем сказать «*X* не есть белое».

[153] Mourelatos A. P. D. Some Alternatives in Interpreting Parmenides // The Route of Parmenides. Las Vegas, Zürich, Athens: Parmenides Publishing, 2008. (Originally published in 1979). P. 350.

Интерпретации М. Фёрта и А. Мурелатоса мы уже разобрали выше, что же касается Г. Оуэна, то в его интерпретации Парменида приписывается ошибка, ещё не рассмотренная нами. В заключение настоящего параграфа мы рассмотрим подход Г. Оуэна, которого уже касались выше, более подробно.

Г. Оуэн[154] провозглашает, что единственным истинным путём у Парменида в 28 B 2; 6 DK является: «[Пропущенное подлежащее] существует и *должно* существовать». Кроме него, по Г. Оуэну, Парменид рассматривает два ложных пути. Первый ложный путь: «[Пропущенное подлежащее] не существует и *не может* существовать». Этой формулировкой Г. Оуэн хочет сказать, что в тексте 28 B 2; 6 DK мы не можем обнаружить того, о чём богиня говорит, что оно «не существует и *не может* существовать». Другая формулировка первого ложного пути, эквивалентная первой, если учесть, что ниже Г. Оуэн трактует пропущенное подлежащее как «*то, о чём можно говорить и мыслить*»[155], выглядит так: «ничего вообще не существует». Здесь имеется в виду «ничего вообще не существует актуально», а не «ничего вообще не может существовать». Ложность положения «ничего вообще не существует», по Г. Оуэну, очевидна для Парменида, и Парменид не может предположить, чтобы кто-нибудь не признавал его ложности.

Второй ложный путь, который Г. Оуэн усматривает в 28 B 2; 6 DK состоит в следующем:

> «[Пропущенное подлежащее] *может* существовать, но не должно существовать *необходимо*», т. е. «[Пропущенное подлежащее] может иногда (где-то; при каких-то обстоятельствах) существовать, а иногда – не существовать»[156].

Этот путь, по Оуэну, опровергается в 28 B 6, стр. 1–2:

---

[154] Owen G. E. L. Eleatic Questions // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. Ithaca: Cornell University Press, 1986. P. 11. (Originally published in 1960).

[155] *Ibid*. P. 15.

[156] *Ibid*. P. 11.

χρὴ τὸ λέγειν τε νοεῖν τ᾽ ἐὸν ἔμμεναι· ἔστι γὰρ εἶναι μηδὲν δ᾽ οὐκ ἔστιν.

Перевод Г. Оуэна даёт искомый им смысл – наделяет значение пропущенного подлежащего, если он *может* мыслиться, также и актуальным существованием:

«То, о чём можно говорить и мыслить, должно существовать; ибо оно *может* существовать, тогда как ничто – не может».

Выражение ἔστι γὰρ εἶναι Г. Оуэн трактует как утверждение необходимого существования значения пропущенного подлежащего[157], или значения *S*, значения субъекта, в субъектно-предикатном предложении вида «(все/некоторые) *S* есть *P*». Указанное утверждение необходимого существования *любого* мыслимого объекта, по Г. Оуэну, не является посылкой рассуждения Парменида, но является выводом из того, что пропущенное подлежащее – ‘*то, о чём можно говорить и мыслить*’ – *может* существовать.

Разумеется, этот вывод некорректен. Г. Оуэн показывает его некорректность следующим образом[158]. Рассуждение сводится к следующему. Вещь *A*, которая может существовать, отличается от дефектной вещи *B*, которая не может

[157] *Ibid*. P. 11. Это не единственная трактовка пропущенного подлежащего, рассматриваемая современными историками философии, и широко обсуждаемым фрагментом с пропущенными подлежащими, помимо 28 B 6 DK, является 28 B 2 DK. О трактовках пропущенного подлежащего в 28 B 2 DK см.: Вольф М. Н. Философский поиск… С. 305–308; Афонасин Е. В. Поэма Парменида: Перевод и комментарий. Новосибирск: Офсет-ТМ, 2021. (Сер. Античная философия и классическая традиция. Приложение к журналу ΣΧΟΛΗ. Т. II) С. 33–34. О (весьма недоброжелательной) трактовке пропущенного подлежащего Ф. Корнфордом см. в настоящем § II.2 ниже. Т. Робинсон (Робинсон Т. Парменид на пути истинного знания бытия (on coming-to-know of the real) / Пер. В. А. Кульматова // Универсум платоновской мысли: Рационализм или философская религия? Эпистемология Платона (Материалы IV-й Платоновской конференции 14 мая 1996 г. и историко-философского семинара 29 марта – 2 апреля 1997 г.). СПб: Издательство СПбГУ, 1997. С. 56–58) и Д. Гэллоп (Gallop D. ‘Is’ or ‘Is not’ // The Monist. 1979. Vol. 62. P. 72) полагают, что подразумеваемым значением пропущенного подлежащего является Вселенная как целое. Наша трактовка значения пропущенного подлежащего у Парменида как *произвольного* (в чём мы следуем М. Уидину – Wedin M. V. Parmenides’ Grand Deduction: A Logical Reconstruction of the Way of Truth. Oxford (UK): Oxford University Press, 2014. P. 105) *ментального* объекта (в этом наша трактовка расходится с трактовкой М. Уидина, поддерживающего «гиперэкстенсионалистскую» трактовку Парменидовского «сущего», восходящую к М. Фёрту – *Ibid*. P. 25), который может быть помыслен «правильным» мышлением (этот объект, если он мыслится, Парменид, в нашей трактовке, и называет «сущим») будет представлена ниже – § III.2, § III.10, § III.11.1 и § III.11.2.

[158] *Ibid*. Note 47, p. 15.

существовать; пусть *B* – ничто; следовательно, *A*, как отличное от ничто, есть нечто сущее, т. е. *A* существует. Доказательство некорректно, ибо сказать «ничто не может существовать» не означает приписывать обязательное несуществование чему-либо, но означает высказать труизм или необходимую истину «то, что не существует – то не существует», из чего вовсе не следует существование «того, что может существовать». Ошибку Г. Оуэн квалифицирует как «*de re* интерпретация модальных высказываний»[159]. Иначе говоря, имеет место незаконная замена высказывания «необходимо, что не-ничто существует» (модальное высказывание *de dicto*, означающее: «если мы относим вещь к не-ничто, то мы относим вещь к области сущего») высказыванием «не-ничто существует необходимо» (модальное высказывание *de re*, означающее: «не-ничто существует всегда, везде и во всех обстоятельствах, вне зависимости от чего-либо»).

Итак, по Г. Оуэну[160], Парменид допускает весьма «изощрённую» ошибку, состоящую в «интерпретации в модальности *de re* положений в модальности *de dicto*» в 28 B 6.1–2 DK. При этом Г. Оуэн отвергает обвинение в «лицемерном *petitio principii*», предъявляемое Ф. Корнфордом доказательству Парменида[161]. В третьей главе настоящей диссертации мы представим интерпретацию 28 B 6.1–2 DK и других фрагментов Парменида в виде корректного рассуждения, в котором

---

[159] *Ibid*. Note 47, p. 15.

[160] *Ibid*. P. 15.

[161] *Ibid*. P. 10. Ф. Корнфорд полагает, что тезис «сущее существует» является результатом доказательства Парменида, однако этот тезис принимается с самого начала (Cornford F. M. Plato and Parmenides. Parmenides' Way of Truth and Plato's Parmenides / Translated with an Introduction and a Running Commentary. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. LTD, 1939. P. 29–33). Доказательство, таким образом, исходит из тавтологичной посылки «сущее существует», и она же является доказываемым положением; таким образом, Парменид, по Ф. Корнфорду, ещё плохо понимал, что такого рода «доказательства» неприемлемы (ср. Guthrie W. K. C. A History of Greek Philosophy. Vol. II: The Presocratic Tradition from Parmenides to Democritus. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. P. 14–16). Столь прихотливая интерпретация Ф. Корнфорда, по Г. Оуэну, проистекает из того, пропущенное подлежащее в 28 B 2 DK неправомерно замещается Ф. Корнфордом '*тем, что есть*' или «сущим», тогда как для Г. Оуэна пропущенным подлежащим в 28 B 2 DK является, как мы видели выше, '*то, что может быть помыслено*' (Owen G. E. L. Eleatic Questions… P. 10, 15). Подобно Ф. Корнфорду, на том, что парменидовское описание сущего тавтологично, настаивает также и отечественный исследователь В. Г. Рохмистров: Рохмистров В. Г. Учение Парменида // "AKADEMEIA": Материалы и исследования по истории платонизма. Вып. 4. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. С. 19–20. Критика подхода Ф. Корнфорда, представленная Г. Оуэном, не анализируется и не учитывается В. Г. Рохмистровым. Вероятно, близок к этой позиции и Н.-Л. Кордеро, который полагает, что «подлежащее следует аналитически извлечь из значения ἔστιν в качестве фундаментальной посылки Парменида» (Cordero N. L. By Being, It is: The Thesis of Parmenides. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2004. P. 53).

не допускается ни та, ни другая ошибка[162]. Это получаемое в третьей главе рассуждение необходимо для построения *производного значения* текстов Парменида, но, как мы уже писали, назначение текстам *производного значения* не претендует на раскрытие того, что авторы философских текстов думали «на самом деле».

§ II.3 Критика Парменида в Античности

§ II.3.1 Критика Парменида Платоном

Как кажется, Платон в некотором смысле признаёт парменидовское положение «***не-сущее не мыслится***» (28 B 2.3; 8.8–9; 8.34 DK)[163] в *Theaet.* 189b;

---

[162] Большинство современных исследователей, как мы видели, приписывают рассуждениям в поэме Парменида те или иные ошибки. Впрочем, имеется исключительная работа Wedin M. V. Parmenides' Grand Deduction…, в которой Парменид защищается от обвинения в «модальной ошибке» (*Ibid.* P. 43–47) и других обычно приписываемых ему ошибках. М. Уидин широко использует логический анализ рассуждения Парменида и пытается быть максимально доброжелательным по отношению к нему; в этом мы пытаемся следовать подходу М. Уидина. Однако между нашей трактовкой Парменида (которая будет представлена в третьей главе) и трактовкой М. Уидина имеются существенные различия. М. Уидин полагает, что у Парменида запрет на мышление '*того, что не есть*' (what is) подразумевает «широкую» и «дизъюнктивную» трактовку «есть» (*Ibid.* P. 7; P. 104, note 136), т. е. предполагает запрет на мышление несуществующих объектов *либо* запрет на мышление несуществующих положений дел. К последним сводятся такие положения дел, что $a \neq b$, или такие, что *a* не есть *b*, или такие, что $\neg P(a)$, поскольку они могут быть описаны как «не существует такого положения дел, что $a=b$», или как «не существует такого положения дел, что $P(a)$» (*Ibid.* P. 113–114). При этом «существующим» является то, что существует в реальности (тогда как мы в главе III будем трактовать парменидовское «сущее» как нечто ментальное, а не реальное). Таким образом, М. Уидин интерпретирует Парменида как выводящего единство сущего и другие «знаки сущего» из запрета на положения вида $(\exists x)$(*x* не есть), следующего из положения $(\forall x)$(*x* не есть $\rightarrow$ *x* не может быть помыслен) (*Ibid.* P. 24), а не из *Холистического допущения для внутренних объектов мышления* и *Критерия неразличимости таких объектов* – из которых мы намерены вывести немножественность сущего в главе III ниже. И если для нас неподвижность сущего, вместе с его неподверженностью возникновению и гибели, полнотой, неделимостью и связностью можно трактовать просто как свойства ментальных объектов, которые являются в нашей трактовке абстрактными объектами, всеми задаваемыми приписываемыми им в интенциональном акте характеристиками и не как-либо иначе, то для М. Уидина неподвижность сущего оказывается серьёзной проблемой. Ведь из $(\exists x)$(*x* не есть движущееся), по М. Уидину, следует $(\exists x)$(*x* не есть) (*Ibid.* P. 114) – что в данном случае можно записать как $\neg(\exists x)$(*x* есть положение дел, такое, что *x* движется), – а это недопустимо в его трактовке Парменида. Таким образом, приписывание '*тому, что есть*' в 28 B 8 DK единства, неподвижности, полноты, неделимости, связности (непрерывности), неподверженности возникновению и уничтожению влечёт непреодолимое противоречие в интерпретации Парменида М. Уидина. По признанию самого М. Уидина, такое приписывание является «ахиллесовой пятой» парменидовского *Пути истины* (*Ibid.* P. 192). Наша интерпретация не приписывает Пармениду такой (и какой-либо другой) несогласованности.

[163] Как мы видели выше, положение из 28 B 2.3 DK «Первый [путь исследования заключается в том], что [пропущенное подлежащее] есть и не может не быть» (ἡ μὲν ὅπως ἔστιν τε καὶ ὡς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι) можно истолковать как «Первый путь исследования заключается в том, что объект мышления существует и не может существовать». Положение из 28 B 8.8–9 DK «нельзя ни высказать, ни помыслить, будто бы [пропущенное подлежащее] не существует» (οὐ γὰρ φατὸν οὐδὲ νοητόν ἔστιν ὅπως οὐκ ἔστι) можно истолковать как «неизречимо и немыслимо, что объект мышления не существует». Положение из 28 B 8.34 DK (пер. Л. М. Де Рейка) «ведь одно и то же – мыслить и мыслить, что (οὕνεκεν) объект мысли есть» (ταὐτὸν δ' ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὕνεκεν ἔστι νόημα) можно истолковать как «если нечто мыслится, то оно существует в мышлении». Выше мы

Soph. 238c, 239a[164]. Но Платон всё-таки признаёт также, что не-сущее (τὸ μὴ ὂν) присутствует во всех «величайших родах» (*Soph*. 256d–e). Тем самым Платон, похоже, полагает не-сущее существующим и мыслимым. Однако довольно трудно понять, можно ли рассматривать учение о «величайших родах» Платона как аргумент против учения Парменида. Платон, похоже, говорит, что каждый величайший род отличен от другого, так что мы должны признавать существующими положения дел, соответствующие предложениям вида «*a* не есть *b*» или «*a*≠*b*», и мыслимым содержание этих предложений. В этом смысле, по Платону, мы должны признавать наличие не-сущего (τό μὴ ὂν) как '*того, что не есть* [*что-то*]', и, тем самым, стать «отцеубийцами» (*Soph*. 241d), опровергая положение Парменида[165].

Конечно, Платон мог трактовать положение Парменида «***не-сущее не мыслится***» как утверждение невозможности помыслить содержание предложений, в которых говорится, что что-то не есть что-то, или предложений вида «*a*≠*b*». Как мы видели выше, именно так трактует положение «***не-сущее не мыслится***» А. Мурелатос. Если это положение трактовать именно так, то Платон, действительно, пытается опровергнуть это положение. Но если это положение понимать так, как его понимаем мы – акт мышления всегда направлен на что-то, каким-то способом существующее (в том числе – существующее только в мышлении)[166] – то Платон здесь не опровергает это положение Парменида.

отметили, что среди исследователей идут споры о том, какое существование здесь имеется в виду – существование в реальности (Furth M. Elements of Eleatic Ontology // Journal of the History of Philosophy. 1968. Vol. 6. P. 122) или в мышлении (Barrington J. Parmenides' "The way of Truth" // Journal of the History of Philosophy. 1973. Vol. 11. P. 288). Также выдвинуто весьма обоснованное и многими поддерживаемое предложение трактовать ἔστι в 28 B 2.3; 8.8–9 DK не экзистенциально, а копулятивно, и тогда в этих строках содержится запрет на мышление предложений вида «*a* не есть *b*» или «*a*≠*b*». В следующей – третьей – главе будет выработана наша интерпретация этих и других строк поэмы Парменида.

[164] Ссылки на диалоги Платона даются по: Plato. Platonis opera / Ed. J. Burnet. Vol. I–IV. Oxford: Clarendon Press, 1901–1902.

[165] Имеется множество историко-философских исследований о том, действительно ли у Платона различие между *a* и *b* влечёт наличие не-сущего. См., например: Протопопова И. А. «Иное»: ноэсис и онтология («Софист 255c8–d7») // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2020. Том 14, вып. 2. С. 693–701.

[166] Выше в настоящей главе это наше понимание тезиса Парменида о немыслимости не-сущего обосновывалось в дискуссиях с другими интерпретациями. В третьей главе мы предложим нашу трактовку обоснования Парменидом немножественности сущего, в которой «сущее» понимается более узко – как внутренний объект мышления, являющийся исключительно ментальным объектом.

Впрочем, интерпретируя критику Платона, мы можем попытаться трактовать её как направленную не на положение Парменида о немыслимости несущего, а на *вывод о немыслимости различий*, делаемый Парменидом. Действительно, Парменид (в нашей трактовке релевантных фрагментов поэмы), доказывая немыслимость множественности в сущем, доказывает отсутствие различий в сущем как внутреннем объекте мышления, не являющимся реальным объектом (различные трактовки этого доказательства будут приведены нами ниже). Платон же настаивает, что содержание предложений вида «*a≠b*» успешно мыслится нами во многих ситуациях, например, при различении «величайших родов». Таким образом, вывод Парменида следует отвергнуть.

На это, казалось бы, можно сказать, что Платон здесь не приводит аргументов против вывода Парменида и просто утверждает свою позицию: *очевидно, что содержание предложений вида «a≠b» успешно мыслится нами, что бы там ни говорил Парменид*. Но более внимательный взгляд на ситуацию показывает, что вывод Парменида можно интерпретировать так, чтобы тезис Платона не противоречил ему. Парменид в *этой* интерпретации не утверждает, что *любые* предложения *любых* типов, такие, что в этих предложениях утверждается различие двух сущих, не могут мыслиться. Если использовать способ выражения Э. Залты[167], то вывод Парменида можно изложить следующим образом: абстрактные объекты (являющиеся внутренними объектами фиксированного акта мышления) не *экземплифицируют* отношение различия. Ниже, в третьей главе, мы будем обсуждать этот вывод Парменида в следующей формулировке: *ноэмы, задающие сложный внутренний интенциональный объект, неразличимы*. В такой трактовке вывода Парменида нет запрета на то, чтобы субъект мыслил, что абстрактные объекты *кодируют* отношение различия[168].

---

[167] См.: Zalta E. N. Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics. Dordrecht: D. Reidel, 1983. xii, 193 p.; Zalta E. N. Twenty-Five Basic Theorems in Situation and World Theory // Journal of Philosophical Logic. 1993. Vol. 22, no. 4. P. 385–428; Linsky B., Zalta E. N. Naturalized Platonism versus Platonized Naturalism // The Journal of Philosophy. 1995. Vol. 92, no. 10. P. 525–555.

[168] «Экземплификация» и «кодирование» являются двумя различными способами предикации. Мы полагаем, что те характеристики, которые приписываются ментальным объектам (которые мы полагаем абстрактными объектами) посредством интенциональных актов, кодируются этими объектами. Подробнее о

Действительно, в нашей интерпретации, которую мы подробно опишем ниже, в третьей главе, Парменид доказывает, что даже если внутренние объекты одного акта мышления *a* и *b* мыслятся как *кодирующие* (в терминологии Э. Залты) какие-либо отношения (в том числе – отношение различия), то не выполнено условие для признания их *экземплифицирующими* различия. В этой интерпретации Парменид, утверждая «единство сущего» как неразличимость двух внутренних объектов одного акта мышления, имеет в виду, что невозможно признать мыслимые сущие удовлетворяющими этому условию.

Как ещё один платоновский аргумент против позиции Парменида можно понимать то место в *Софисте*, где Платон подмечает, что из позиции Парменида следует невозможность ложных суждений, ибо «мнить или высказывать несуществующее – это и есть заблуждение, возникающее в мышлении и речах» – *Soph.* 260c[169]. Таким образом, Платон утверждает, что не-сущее всё-таки мыслится.

Но рассматривать суждения как истинные или как ложные можно, только если мы принимаем разведение двух способов существования (в мышлении и вне мышления), ибо только в этом случае «мыслящееся» соответствует или не соответствует «внемысленному». В первом случае мыслится истинная пропозиция, а во втором – ложная. Если же мышление «привержено» сущему в том смысле, что акт мышления *всегда* направлен на сущее в мышлении и *только* на сущее в мышлении (такую мы интерпретацию тезиса Парменида мы уже приводили выше и она будет подробно обсуждаться в третьей главе ниже), то ложные суждения становятся невозможными. Критика Платоном Парменида здесь основывается на признании Платоном возможности помыслить ложное суждение. Ответ Парменида может состоять в том, что при его, Парменида, понимании мышления, помыслить ложное суждение невозможно именно в силу невозможности для акта мышления быть направленным на то, что не является

подходе Э. Залты к абстрактным объектам, и о нашем использовании этого подхода для описания ментальных объектов, см. ниже, § II.3.4, а также главу III.

[169] Перевод «Софиста» здесь цитируется по: Платон. Софист / Пер. С. А. Ананьина // Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 275–345. См. также новейший перевод: Платон. Софист / Исследование, перевод, комментарий, приложения И. А. Протопоповой. СПб.: Платоновское философское общество, 2019. 261 с.

внутренним объектом этого акта мышления, или ментальным объектом этого акта мышления. Из этого следует, что акт мышления не может быть направлен на реальные объекты, существующие вне мышления. Платоновское понимание мышления здесь отлично от его понимания в нашей интерпретации поэмы Парменида. Платон здесь признаёт возможность помыслить внемысленные, реальные объекты, а Парменид (в интерпретации рассуждения Парменида, которую мы представим в третьей главе) – нет[170]. И позиция Парменида может защищаться в том духе, что допущение возможности помыслить реальные объекты ведёт к трудностям, которые были очерчены выше.

Критику Парменида можно усмотреть также и в следующем замечании Платона:

> «ΞΕ. Τό τε δύο ὀνόματα ὁμολογεῖν εἶναι μηδὲν θέμενον πλὴν ἓν καταγέλαστόν που».
>
> «Чужеземец. Соглашаться на два имени [“сущее” и “единое”], когда полагается, что не существует ничего, кроме одного, пожалуй, смешно» – *Soph.* 244c8–9.

Платон здесь обращает внимание на то, что Парменид, чтобы изложить свою позицию – которую, как Платон здесь, вероятно, подразумевает, можно изложить в виде «всё сущее есть абсолютно единое / одно-единственное» (так позиция Парменида была представлена Аристотелем, см. § II.3.2 ниже), – должен отличать имя “сущее” от имени “единое”. Из этого следует, что Парменид должен признавать существование двух различных сущих – при том, что он утверждает, что существует только одно сущее.

---

[170] Это не означает, что в той интерпретации определённых фрагментов поэмы Парменида, которую мы подробно изложим в третьей главе, будет утверждаться невозможность существования реальных объектов, или существование будет сводиться к существованию в мышлении. Речь там будет идти всего лишь о том, что акт мышления – точнее говоря, акт *совершенного* мышления, определённого в § II.2.3 выше – направлен только на ментальные объекты, внутренние объекты этого акта мышления. Трактовка парменидовского «сущего» как ментального объекта восходит к интерпретации Дж. Баррингтона – Barrington J. Parmenides’ “The way of Truth” // Journal of the History of Philosophy. 1973. Vol. 11. P. 291–294. Интерпретация Дж. Баррингтона будет подробно обсуждаться ниже, в § III.2.

Если представить это короткое высказывание из *Soph.* 244c8–9 в виде аргумента, то Платон здеМась выводит противоречие из двух следующих положений:

($P1_1$) *Для любых x и y, если x и y – парменидовские сущие, то x тождественно y* – $(\forall x)(\forall y)[(Ox \,\&\, Oy) \rightarrow x{=}y]$.

В ($P1_1$) и ниже выражения вида «*Ox*» или «*O*(*x*)» следует читать «*x* является [парменидовским, или подлинным] сущим» – или «*x* является парменидовским объектом», чтобы избежать дискуссии о том, является ли существование предикатом. ($P1_1$) является опровергаемым положением в доказательстве *a contrario*.

($P2_1$) *Парменидовские сущие* $\ulcorner O \urcorner$ *и* $\ulcorner B \urcorner$ *(общее имя «сущее» и общее имя «одно» в предложении «сущее есть одно») не тождественны друг другу* – $O(\ulcorner O \urcorner) \,\&\, O(\ulcorner B \urcorner) \,\&\, S(\ulcorner (\forall x)[O(x) \rightarrow B(x)] \urcorner) \,\&\, \ulcorner O \urcorner \neq \ulcorner B \urcorner$, где
$B(x) =_{\text{def.}} (\forall y)\{O(y) \rightarrow y{=}x\}$.

В ($P2_1$) выражение “$O(\ulcorner O \urcorner)$” читается как «предикат “сущее” является сущим», “$O(\ulcorner B \urcorner)$” – как «предикат “одно” является сущим», “$(\forall x)[O(x) \rightarrow B(x)]$” – как “сущее есть одно” (т. е. «любое нечто, если оно является сущим, то оно является одним-единственным сущим»), “ $S(\ulcorner (\forall x)[O(x) \rightarrow B(x)] \urcorner)$” – как «высказано предложение “$(\forall x)[O(x) \rightarrow B(x)]$”», т. е. «высказано предложение “сущее есть одно”».

Положение ($P2_1$) является собственным положением Платона, которое он, вероятно, полагает очевидным и считает, что Парменид должен признавать его, поскольку Парменид, с точки зрения Платона, высказывал в своей поэме входящее в него предложение «сущее есть одно», которое трактуется Платоном как «не существует ничего, кроме одного-единственного сущего».

Поскольку ($P1_1$) & ($P2_1$) влечёт противоречие, Платон заключает, что парменидовское допущение о единстве сущего ($P1_1$) следует отбросить, *Q.E.D.*

Есть ли у Парменида возможность противостоять этому платоновскому опровержению? На наш взгляд, платоновское опровержение основывается на трактовке парменидовского «сущего» как реального объекта, но она перестаёт быть действенной, если придерживаться трактовки «сущего» как ментального объекта. В соответствии с нашей интерпретацией релевантных строк поэмы Парменида, «сущим», которому приписывается единство или единственность, является именно ментальный объект, точнее – абстрактный внутренний объект акта мышления, каковой объект мы полагаем *кодирующим*[171] характеристики, приписываемые ему в этом акте мышления[172]. Поэтому написанные или произнесённые слова (в том числе «имена»), являющиеся не мыслящимися, а чувственно-воспринимаемыми объектами, не могут в нашей интерпретации быть парменидовским «сущим». Но парменидовским «сущим» могут быть выражаемые именами «единое» и «сущее» понятия (как приписываемые в мышлении свойства или отношения), так что анализ аргумента Платона стоит продолжать именно для понятий, выражаемых через термины «единое» и «сущее».

В соответствии с нашей трактовкой «сущего» в поэме Парменида, парменидовское требование единства и единственности сущего ($P1_1$) может быть переписано в виде:

($P1_2$) *Для любых x, y, z, если x и y – внутренние объекты одного и того же акта мышления z, то x и y экземплифицируют отношение тождества: x=y –* $(\forall x)(\forall y)(\forall z)[\{I_m(x, z)\ \&\ I_m(y, z)\} \rightarrow x{=}y]$.

[171] В смысле подхода Э. Залты к абстрактным объектам, в котором разводятся два способа предикации, а именно *экземплификация* и *кодирование*. См., например: Linsky B., Zalta E. N. Naturalized Platonism versus Platonized Naturalism // The Journal of Philosophy. 1995. Vol. 92, no. 10. P. 525–555.

[172] Наша трактовка «сущего» у Парменида как абстрактного ВОМ была подробно изложена в Берестов И. В. Сущее как интенциональный объект мышления и «единство сущего» у Парменида // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2015. № 4. С. 23–36; Берестов И. В. «Единство сущего» у Парменида как неразличимость конституент *ноэмы* // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 240–253.

В ($P1_2$) и ниже выражение «$I_m(x, z)$» читается как «x является абстрактным интенциональным внутренним (ментальным) объектом интенционального акта мышления z» или «акт мышления z направлен на свой абстрактный интенциональный внутренний (ментальный) объект x». Предикат I_m есть, таким образом, двухместный предикат такой, что $I_m(x, z) =_{\text{def.}} I_o(x) \,\&\, I_t(z) \,\&\, I(x, z)$, где «$I_o(x)$» читается как «$x$ является абстрактным интенциональным внутренним объектом», «$I_t(z)$» читается как «z является интенциональным актом мышления», «$I(x, z)$» читается как «z направлен на x».

Платоновское же требование различия понятий, выражаемых именами «сущее» и «единое» ($P2_1$) может быть переписано в виде:

($P2_2$) *Для абстрактных внутренних объектов O и B одного и того же акта мышления a, таких, что O есть понятие, выражаемое именем «сущее», и B есть понятие, выражаемое именем «единое» при мышлении ментального содержания предложения «сущее есть одно», O и B кодируют отношение различия:* $\neq(O, B)$ –

$I_m(O, a) \,\&\, I_{oa}(B, a) \,\&\, \mathbf{T}_a\{(\forall x)(xO \rightarrow xB)\} \,\&\, \neq(O, B)$, где

$B(x) =_{\text{def.}} (\forall y)\{O(y) \rightarrow y{=}x\}$.

В ($P2_2$) и ниже выражения с эпистемическим оператором мышления **T** вида «$\mathbf{T}_a p$» (где p – некоторое предложение) читаются как «посредством акта мышления a мыслится, *что* p» (*что* p здесь – пропозиция, выраженная предложением p).

Видно, что ($P1_2$) и ($P2_2$) не влекут противоречия, возникающего при использовании только одного способа предикации, т. е. в случае признания ($P1_1$) и ($P2_1$). Таким образом, наша интерпретация Парменида устойчива к рассматриваемой критике Платона[173].

[173] М. Уидин также полагает, что критика Платоном в *Soph.* 244c8–9 Парменида терпит неудачу. Однако М. Уидин, в отличие от нас, не предлагает способ ухода Парменида от платоновской критики посредством переформулирования приписываемых Пармениду положений. М. Уидин считает, что в исходной критике Платона содержится ошибка: Платон, по М. Уидину, не имеет права выводить из различия имён «сущее» и «единое» противоречие с «монизмом субъекта [предикатов]» или «субъектным монизмом» (subject monism), какового

Ниже мы ещё коснёмся схожей аристотелевской критики парменидовского положения в редакции «всё сущее есть абсолютно единое / одно единственное».

Представленная критика Платоном положения «всё сущее есть абсолютно единое / одно единственное», а также критика этого положения Аристотелем (см. ниже, § II.3.2) и некоторые другие аргументы критиков Парменида имеют своей целью показать, что Парменид противоречит сам себе. Таких обвинений можно построить много. Например, можно обвинить Парменида в том, что он противоречит сам себе, когда основывается на множестве «знаков сущего» («нерождённость», «неподверженность гибели», «единство» и проч.; см. список в 28 B 8.2–6 DK, обсуждение см. в § III.6 ниже), сама множественность которых, по-видимому, противоречит утверждаемому Парменидом отсутствию в сущем разнообразия, его непрерывности и однородности (28 B 8.4; 8.22–25 DK).

Действительно, Парменид в 28 B 2 DK отличает истинный путь от неистинного, немыслимого, безымянного, ср. также 28 B 8.17–18 DK. Возникает вопрос: каким образом можно мысленно отличить мыслимый путь от немыслимого? Каким образом мы можем приписать первому пути «мыслимость», а второму – «немыслимость», если, в силу отсутствия в сущем как в объекте мышления различий из-за того, что оно «всюду однородно» (28 B 8.22 DK), сущему невозможно предицировать различные характеристики, и вообще, невозможно ничего предицировать в силу неизбежного отличия значения подлежащего от значения сказуемого в акте их мысленного связывания? Эти

монизма, по М. Уидину, придерживался Парменид. По М. Уидину, значениями этих имён (используемых в качестве предикатов) не может быть какое-либо сущее, которое является значением только того субъекта, которому они предицируются. Поэтому наличие двух имён («сущее» и «единое») как предикатов не влечёт множественности сущих как того, чему эти имена предицируются. Полагать, что из наличия двух различных имён как предикатов можно вывести, что существуют различные субъекты, означает, по М. Уидину, путать «использование» (use) этих имён с их «упоминанием» (mention) – Wedin M. V. Parmenides' Grand Deduction: A Logical Reconstruction of the Way of Truth. Oxford (UK): Oxford University Press, 2014. P. 249. Хотя ниже (*Ibid.* P. 250) М. Уидин признаёт, что трактовать аргумент Платона можно и без приписывания Платону указанной путаницы, вывод о том, что множественность имён не влечёт множественности того, что ими поименовано (nominatum), остаётся в силе. Тем самым М. Уидин, как кажется, отвергает трактовку рассматриваемых имён как сущих, т. е. отвергает наше положение ($P2_1$) в интерпретации платоновского аргумента. Заметим, что мы относимся к платоновскому аргументу несколько более серьёзно и доброжелательно. Кроме того, сам М. Уидин утверждает, что Парменид привержен не только «субъектному монизму», но и «предикатному монизму» (predicate monism), утверждающему наличие у парменидовского сущего одного и только одного предиката (*Ibid*. P. 159). И способ защиты Парменида от критики Платона в *Soph.* 244c8–9, трактуемой как атака и на предикатный монизм тоже, у М. Уидина не прописан. Наша же защита Парменида действует также и в случае трактовки любого предиката как сущего и признания единства сущего, т. е. в случае признания Парменидом предикатного монизма (помимо субъектного монизма).

вопросы кажутся вполне законными, ведь при всём разнообразии способов перевода кажется несомненным, что Парменид неоднократно настаивает на «однородности» или «одинаковости» сущего или ‘*того, что есть*’[174]. См., например, 28 B 8. 22–25 DK:

(22) «οὐδὲ διαιρετόν ἐστιν, *ἐπεὶ πᾶν ἔστιν ὅμοιον*[175]
(23) οὐδέ τι τῇ μᾶλλον, τό κεν εἴργοι μιν συνέχεσθαι,
(24) οὐδέ τι χειρότερον, πᾶν δ᾽ ἔμπλεόν ἐστιν ἐόντος.
(25) τῷ ξυνεχὲς πᾶν ἐστιν, ἐὸν γὰρ ἐόντι πελάζει».

(22) «И [сущее] неделимо, так как всё [сущее] существует повсюду равным образом,
(23) и в одном аспекте [сущее] существует не в большей степени, – что препятствовало бы его связности [= непрерывности], –
(24) и [в другом аспекте сущее существует] не в меньшей степени, но всё наполнено сущим,
(25) всё непрерывно. Ведь сущее плотно примыкает к сущему».

И ещё одно указание на «одинаковость» сущего можно усмотреть в 28 B 8.45–48:

(45) «οὔτε τι βαιότερον πελέναι χρεόν ἐστι τῇ ἢ τῇ.
(46) οὔτε γὰρ οὐκ ἐὸν ἔστι, τό κεν παύοι μιν ἱκνεῖσθαι
(47) εἰς ὁμόν, οὔτ᾽ ἐὸν ἔστιν ὅπως εἴη ἐόντος
(48) τῇ μᾶλλον τῇ δ᾽ ἧσσον, ἐπεὶ πᾶν ἐστι ἄσυλον».

[174] В соответствии с уже упоминавшимся выше подходом А. Мурелатоса, во многих строках поэмы Парменида τὸ ἐόν желательно переводить не как «сущее», а как ‘*то, что есть*’. При этом предполагается, что ‘*то, что есть*’ указывает на то, о чём говорят предложения вида «*A* есть *B*», а не предложения вида «*A* не есть *B*». Предполагается также, что предложения вида «*A* есть *B*» могут говорить как о положении дел таком, что *A* есть *B*, так и просто о подлежащем предложения, об *A*.

[175] Перевод выполнен нами в соответствии с рекомендуемым Гвайлимом Оуэном (Owen G. E. L. Eleatic Questions // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. – Ithaca: Cornell University Press, 1986. P. 13) прочтением строки 22. Чтение в DK: «[…], ἐπεὶ πᾶν ἔστιν ὁμοῖον» – «так как [‘*то, что есть*’] всё есть подобное».

(45) «[Сущему] не дóлжно присутствовать *здесь* [= в одном аспекте] менее, чем *там* [= в другом аспекте].

(46) Ведь не существует не-сущее, которое сдерживало бы примыкание [сущего]

(47) к одинаковому с ним [сущему], подобно тому, как сущее не существовало бы

(48) здесь [= в одном аспекте] более, а там [= в другом аспекте] – менее, так как [сущее] всё есть неумаляемое».

Ответ на это обвинение аналогичен предыдущему. Характеристики внутреннего объекта мышления, *кодируемые* им, как его конституенты, не *экземплифицируют* отношение различия. При этом такие «знаки сущего», как «нерождённость», «неподверженность гибели», «единство», «однородность», «соврешенство», имеют различное содержание. Как различные понятия, они отличаются друг от друга. Если выражаться более точно, то в мыслящем, определяющем их, приписывающем им характеристики и соотносящем их друг с другом акте мышления они *кодируют* отношение различия. Таким образом, некоторые характеристики внутреннего объекта мышления, *кодируемые* им, *кодируют* отношение различия. Однако утверждение «*кодируемые* сущим как внутренним объектом мышления характеристики *кодируют* отношение различия» не противоречит утверждению «*кодируемые* сущим как внутренним объектом мышления характеристики не *экземплифицируют* отношения различия».

Помимо указанных попыток Платона (мы ещё подробно проанализируем ниже достаточно интересную критику Парменида Аристотелем в *Phys.* A, 3) обвинить Парменида в непоследовательности, имеются и другие античные критики, но, насколько автору диссертации на данный момент известно, они значительно уступают в серьезности уже разобранным аргументам. Приведём

только один пример – высказывание Симпликия из *Комментария на* О небе *Аристотеля* 559.27[176]:

> «οὐκ ἠγνόει Παρμενίδης, ὅτι γενητὸς αὐτὸς ἦν, ὥσπερ οὐδέ, ὅτι δύο πόδας εἶχειν, ἓν λέγων τὸ ὄν».
>
> «Не знал Парменид, что он сам был рождён, подобно тому, как [он не знал], что две ноги имеет, [ведь если бы знал, то он] сущее не объявил [бы] единым / одним-единственным».

Данное возражение основывается вовсе не на самопротиворечивости какого-либо положения Парменида, а на противоречии выводов Парменида чувственно-воспринимаемой видимости. Подобное же возражение имело место и у Аристотеля в *De gen. et corr*. 325a[177]. Учитывая отказ Парменида в 28 B 7 DK принимать указанную видимость в качестве доводов против своего рассуждения, можно было бы сказать, что задачей Парменида было не «спасти явления» (как это было, например, у Аристотеля), а показать, что «явления» не могут мыслиться. Таким образом, эта критика основывается на посылках, которые Парменид не разделял и поэтому не может быть признана эффективной.

§ II.3.2 Критика Парменида Аристотелем из *Phys.* A, 3

Аристотелевская критика Парменида в *Phys*. A, 3, 186a3–186b12[178], атакующая положение «τὰ ὄντα ἓν εἶναι» (букв.: «[все?] сущие суть [нечто] одно

---

[176] Ссылка на этот комментарий Симпликия даётся по: Simplicius. Simplicii in Aristotelis *De caelo* commentaria // Commentaria in Aristotelem Graeca. Vol. 7 / Edidit I. L. Heiberg. Berlin: Reimer, 1894. 780 p. Ссылка «559.27» означает, что приведённый текст находится на с. 559, строка 27.

[177] Ссылка на трактат Аристотеля «О возникновении и уничтожении» даётся по: Aristote. De la génération et de la corruption / Éd. par C. Mugler. Paris: Les Belles Lettres, 1966. xix, 101 p. Имеется русский перевод: Аристотель. О возникновении и уничтожении / Пер. Т. А. Миллер // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 379–440.

[178] Ссылки на «Физику» Аристотеля даются по: Aristotle. Aristotle’s Physics: A Revised Text with Introduction and Commentary / Ed. by W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1936. xii, 750 p. Имеется русский перевод: Аристотель. Физика / Пер. В. П. Карпова, прим. И. Д. Рожанского // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 61–262. Перевод цитат из «Физики» наш, если не оговорено особо. Автор диссертации благодарен

[и то же?] / [нечто] одно[-единственное?]»), приписываемое Аристотелем Пармениду в *Phys*. A, 3, 186a5, может быть представлена следующим образом.

Посылки:

(1) *Список всех существующих [для акта мышления] вещей содержит только один пункт = всё сущее [для акта мышления] есть одно-единственное* = τὰ ὄντα ἓν εἶναι.

Посылка (1) является положением, приписываемым Аристотелем Пармениду.

Посылка (1) отражает содержание упомянутого выше положения «τὰ ὄντα ἓν εἶναι» – *Phys*. A, 3, 186a5. Несколько ниже Аристотель также пишет:

«ἀλλ᾽ ὑπόκειται τὸ ὂν σημαίνειν ἕν».

«Но, по предположению, сущее означает [= имеет такую характеристику, как] единое [= одно и то же / одно-единственное?]» – *Phys*. A, 3, 186 b3–4.

Добавления в квадратных скобках сделаны для того, чтобы больше привязать пересказ Аристотеля к самой поэме Парменида, в которой, в некоторых интерпретациях, действительно можно усмотреть приписывание единства сущему (28 B 8.6; 8.22 DK). Атрибут «сущее», как Парменид заявляет и пытается обосновать в 28 B 2.7–8; 4.1–2; 6.1–2; 8.8–9 DK, следует приписывать всему ‘*тому, что мыслится*’.

Можно было бы предположить, что ход мысли Парменида является следующим: всё то, что мыслится – существует; всё то, что существует – едино (ἕν). Следовательно, всё мыслящееся едино (ἕν). Заметим, что сам Аристотель

доценту Новосибирского государственного университета Евгению Викторовичу Орлову за обсуждение соответствующего места в «Физике» Аристотеля и предоставление его собственных, ещё не опубликованных, переводов. Мы пытались учесть их в своих интерпретирующих переводах.

мог бы принять вторую посылку («всё то, что существует – едино»), поскольку, с его точки зрения, «о сущем говорится в различных значениях, но всегда по отношению к чему-то одному» (*Met*. Г, 2, 1003a33–34[179]). Но, если доказательство, приписываемое Аристотелем Пармениду, именно таково, то мы получаем смысл «ἕν», явно неподходящий для рассматриваемого аргумента Аристотеля против Парменида. Чтобы этот аргумент был понятен, нужно трактовать «ἕν» как «одно и то же» или «одно-единственное».

Вопрос о том, насколько корректно интерпретировать Парменида как приписывающего «существование» и «единство / единственность (?)» всему ‘*тому, что мыслится*’, а также следует ли относить «знаки сущего» именно к ‘*тому, что мыслится*’, а не к чему-нибудь другому, вызывает споры среди современных исследователей. Также дискуссионным является вопрос о том, следует ли полагать Парменида утверждающим *только лишь* внутреннее единство каждого сущего, являющегося объектом мышления, или Парменид, помимо этого, утверждал, что имеется одно и только одно «правильно» мыслящееся сущее, т. е. утверждал «единство по числу», или единственность, такого сущего[180].

Выше мы уже анализировали современные интерпретации Парменида более подробно, сейчас же заметим, что в нашей интерпретации Парменида, которая будет подробно описана в следующей – третьей – главе, «ἕν» в *Phys*. A, 3, 186 b3–4 можно трактовать и как «одно и то же» или «одно-единственное». Если бы у сущего, которое мы трактуем как внутренний объект мышления, были конституенты, то они не удовлетворяли бы критерию различия их друг с другом, и удовлетворяли бы критерию тождества их друг с другом. Значит, каждая конституента сущего (если допустить наличие у сущего конституент) есть «одна и та же» или «та же самая», что каждая другая конституента, так что сущее не состоит из многих сущих, но является «одним-единственным». Таким образом,

---

[179] «Метафизика» Аристотеля цитируется по: Aristotle. Aristotle’s Metaphysics / Ed. by W. D. Ross. In 2 Vols. Oxford: Clarendon Press, 1924. Имеется русский перевод: Аристотель. Метафизика / Пер. М. И. Иткина; комментарии А. В. Сагадеева // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 63–367.

[180] За подробностями этой дискуссии отсылаем к монографиям: Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides…; Curd P. The Legacy of Parmenides… .

тот смысл «ἕν», который Аристотель использует в своём аргументе, соответствует позиции Парменида (в нашей интерпретации).

Посылка (2) представляет собой конъюнкцию трёх посылок, которые мы запишем ниже: (2) = (2.1) & (2.2) & (3.3). Эти три посылки можно назвать посылками, задающими пропозицию, выражаемую субъектно-предикатным предложением, т. е. предложением, содержащим субъект *S* (подлежащее) и предикат *P* (сказуемое):

(2.1) *При мышлении пропозиции, выражаемой любым субъектно-предикатным предложением, мыслится, что значению подлежащего присуще значение сказуемого*.

(2.2) *При мышлении пропозиции, выражаемой любым субъектно-предикатным предложением, мыслится и значение подлежащего, и значение сказуемого*.

Посылки (2.1) и (2.2) являются положениями, вероятно, подразумеваемыми Аристотелем, но не упоминаемыми им.

(2.3) *Значение подлежащего любого субъектно-предикатного предложения, выражающего мыслящуюся посредством какого-либо акта мышления пропозицию, отлично от значения сказуемого*.

Посылка (2.3) является собственным положением Аристотеля, которое он, вероятно, полагает очевидным и считает, что Парменид должен признавать её. Признание Аристотелем положения (2.3), на наш взгляд, видно из следующей цитаты:

«ἄλλο γὰρ ἔσται τὸ εἶναι λευκῷ καί τῷ δεδεγμένῳ ».

«Ибо иным будет бытие белым и [бытие] тем, что принимает [белое]» – *Phys*. A, 3, 186a28–29.

(3) *Не-сущее для какого-либо акта мышления не мыслится им*.

Посылка (3) совпадает с положением (ТП), полученным нами при интерпретации текста самой поэмы Парменида. Посылка (3) эквивалентна положению «***Всё то, что мыслится каким-либо актом мышления, существует для него***», и совпадает с проанализированным нами ранее положением (ТП′). Аристотель не приписывает посылку (3) Парменидy явно, но, с нашей точки зрения, он полагает, что Парменид придерживался (3). И Аристотель имеет право так считать, ведь это положение засвидетельствовано в нескольких фрагментах, о чём мы писали выше.

Доказательство:

Докажем неприемлемость (1) *a contrario*. Пусть мыслится пропозиция, выражаемая предложением «τὰ ὄντα ἓν εἶναι»; раз Парменид его принимает, он не может сказать, что оно не мыслится им. Таким образом, принимается следующее допущение для доказательства *a contrario*:

(A) *Посредством акта мышления μ мыслится пропозиция, выражаемая предложением «τὰ ὄντα ἓν εἶναι»*.

По (2.1), мы имеем право выделить в предложении «τὰ ὄντα ἓν εἶναι» подлежащее.

Из (2.2) & (3) следует:

(4) *Значение подлежащего любого предложения, выражающего мыслящуюся кем-либо пропозицию, существует*.

На основании (A) & (1) & (4), список всех существующих вещей исчерпывается подлежащим предложения (1) – т. е. «сущими», τὰ ὄντα. Ввиду того, что, по (2.3), в любом предложении подлежащее отлично от сказуемого, по (4) & (1), сказуемое предложения (1) – а именно, «одно-единственное», ἓν – не существует. Таким образом, мы получили следующее положение:

(5) *Значение сказуемого предложения* «τὰ ὄντα ἓν εἶναι» *не существует*.

Положение (5) заключено в следующем тексте Аристотеля:

«τὸ γὰρ συμβεβηκὸς καθ᾽ ὑποκειμένου τινὸς λέγεται, ὥστε ᾧ συμβέβηκε τὸ ὄν, οὐκ ἔσται (ἕτερον γὰρ τοῦ ὄντος) ἔσται τι ἄρα οὐκ ὄν».

«Поскольку ‘*то, что сопутствует*’ [т. е. значение сказуемого «единое» в пропозиции «сущее есть единое»] сказывается о некотором подлежащем [т. е. о значении подлежащего «сущее»], ‘*то, чему сопутствует сущее*’ [т. е. значение сказуемого «единое» в пропозиции, выраженной предложением «сущее есть единое»], не будет [значением подлежащего «сущее»] (ибо [значение сказуемого «единое» есть] другое для [значения] «сущего»); следовательно, [значение сказуемого «единое»] будет чем-то не-сущим» – *Phys*. A, 3, 186a34–186b1.

По (3) & (5), получаем следующее положение:

(6) *Значение сказуемого предложения* «τὰ ὄντα ἓν εἶναι» *– а именно, “одно-единственное”,* «ἓν» *– не мыслится*.

Однако (6) противоречит (2.2). Поскольку все посылки, кроме (1) и (A), признаются надёжными, получившееся противоречие является основанием для признания ложным (1) или (A). В первом случае получаем ¬(1), и доказательство закончено. Во втором случае мы получаем ¬(A), т. е. получаем немыслимость пропозиции, выраженной предложением (1). Но тот факт, что пропозиция, выраженная предложением (1) не может быть помыслена, является основанием для признания (1) бессмысленным или ложным. Итак, в любом случае (1) является либо немыслимым и/или бессмысленным, либо ложным, *Q.E.D.*

Повторим, что Аристотель нигде явно не упоминает (3), так что вся приведённая интерпретация рассуждения Аристотеля, начиная с того места, где упоминается (3) – не более чем домысел, лишь предположение, что Аристотель *мог бы* так думать.

Приведённого рассуждения вполне достаточно для опровержения Парменида, но Аристотель продолжает рассуждение далее. Как же можно понять продолжение рассуждения Аристотеля? Вероятно, его можно представить в следующем виде. Сначала Аристотель доказывает, что при посылках (1) и (4) то, на что указывает сказуемое любого предложения – а значит, и сказуемое «единственное» предложения (1): «сущее есть единственное» – не существует:

> «εἰ γὰρ ἔσται τὸ ὅπερ ὂν [ταὐτὸ] λευκόν, τὸ λευκῷ δ᾽ εἶναι μὴ ἔστιν ὅπερ ὄν (οὐδὲ γὰρ συμβεβηκέναι αὐτῷ οἷόν τε τὸ ὄν· οὐδὲν γὰρ ὃ οὐχ ὅπερ ὄν), οὐχ ἄρα ὂν τὸ λευκόν· οὐχ οὕτω δὲ ὥσπερ τι μὴ ὄν, ἀλλ᾽ ὅλως μὴ ὄν».

> «Ибо если ‘*сущее как* [*оно есть*]’ [т. е. значение подлежащего «сущее» в предложении «сущее есть белое»] [будет ещё и] белое, бытие же белым [т. е. значение сказуемого] не есть ‘*сущее как* [*оно есть*]’ [т. е. не есть значение подлежащего] (ибо [бытие белым] не сопутствует ему [т. е. ‘*сущему как* [*оно есть*]’] таким же способом [а именно, по необходимости], каким [‘*сущему как* [*оно есть*]’ сопутствует] сущее; ибо нет того, что было

> бы не ‘*сущим как* [*оно есть*]’ [ибо значение сказуемого «быть белым» не есть значение подлежащего «сущее» (по (2.3)), а приписывать существование чему-либо, кроме значения подлежащего, Парменид запрещает своим положением «сущее есть единое»]), следовательно, белое не есть сущее [т. е. значению сказуемого «белое» не может быть приписано существование]; не в том смысле, что [значение сказуемого «белое»] есть что-то [*или*: в некотором конкретном отношении] не-сущее, а [в том смысле, что значение сказуемого «белое» есть что-то] полностью [вообще, во всех отношениях] не-сущее» – *Phys*. A, 3, 186b6–10.

Затем Аристотель заключает на этом основании, что посылка (1) может быть переписана в следующем виде: «сущее есть не-сущее» или «сущее не существует»:

> «τὸ ἄρα ὅπερ ὂν οὐκ ὄν· ἀληθὲς γὰρ εἰπεῖν ὅτι λευκὸν, τοῦτο δὲ οὐκ ὂν ἐσήμαινεν».

> «Следовательно, ‘*сущее как* [*оно есть*]’ [т. е. значение подлежащего «сущее» в предложении «сущее есть единое»] не [есть] сущее; ведь истинно говорить, что [‘*сущее как* [*оно есть*]’ есть] белое, но [то, что мы обозначали через “белое”] не есть то, что мы обозначали через “сущее” [ведь значение сказуемого «белое» отличается от значения подлежащего «сущее» – по (2.3)]» – *Phys*. A, 3, 186b10–11.

Вне зависимости от того, признавал ли Аристотель предложение «сущее не существует» тождественно ложным (это весьма вероятно, ибо получение этого предложения, кажется, является последним шагом в аристотелевском опровержении), это предложение можно рассматривать как заключающую в себе следующую мысль: «вообще ничего нет» или «вообще ничего не существует». И если не рассматривать предложение «сущее не существует» как тождественно

ложное, а трактовать его как «вообще ничего не существует», то «дополнительный» аргумент Аристотеля, как кажется, показывает, что из принятых посылок можно заключить не только о немыслимости и/или бессмысленности содержания предложения (1), либо о ложности (1) (что было сделано выше, в «основном» доказательстве, и что избавило бы нас от полученного в ходе доказательства противоречия), но также и о том, что вообще ничего не существует для акта пропозиционального мышления, т. е. вообще никакое содержание субъектно-предикатного предложения не мыслится – включая содержание предложения (1).

Изложенное в таком виде это «дополнительное» рассуждение вполне корректно, хотя могут быть сомнения, насколько оно соответствует исходному тексту «Физики» Аристотеля. Как кажется, в исходном тексте один из шагов, посредством которых Аристотель приходит к своему заключению, вызывает вопросы. А именно, Аристотель переходит от положения «*S* есть *P*» при условии, что «*P* не существует» к положению «*S* не существует». Если связку «есть» заменить связкой «присуще», что, собственно, является аристотелевской интерпретацией связки «есть», то мы получим лишь, что значению подлежащего присуща *некоторая* несуществующая характеристика, из чего не следует, что значение подлежащего не существует. Тем не менее, как мы уже указали, даже если аристотелевское опровержение Парменида в полном виде и вызывает вопросы, то его первая часть – заканчивающаяся признанием (1) либо ложным, либо немыслимым/бессмысленным – логически безупречна.

Таким образом, вывод Аристотеля остаётся в силе: не следует говорить, что «список всех существующих вещей содержит только один пункт» = «всё сущее есть одно-единственное» = «τὰ ὄντα ἓν εἶναι», но сущее является более многочисленным:

«ὥστε καὶ τὸ λευκὸν σημαίνει ὅπερ ὄν· πλείω ἄρα σημαίνει τὸ ὄν».

> «[Если,] чтобы [избежать описанного выше объявления подлежащего предложения «‘*сущее как* [*оно есть*]’ есть белое» – «‘*сущего как* [*оно есть*]’» – несуществующим, мы скажем, что, помимо «‘*сущего как* [*оно есть*]’», также] и «белое» обозначает ‘*сущее как* [*оно есть*]’, то «сущее» обозначает [что-то] более многочисленное [, чем что-то одно-единственное, как утверждал Парменид, поскольку в рассматриваемом случае одним сущим является значение подлежащего «‘*сущее как* [*оно есть*]’», а другим – значение сказуемого «белое», и эти значения различны – по (2.3)]» – *Phys*. A, 3, 186b11–12.

Отметим, что в рассуждении Аристотеля не указывается, что «сущее» следует понимать как «сущее в мышлении», «мыслящееся сущее». В этом смысле рассуждение Аристотеля ведётся в «материальной модальности». Мы изложили это рассуждение именно для случая мыслящегося сущего, в «формальной модальности», поскольку, Парменид, в нашей интерпретации, которую мы изложим ниже, в третьей главе, рассуждает именно о таком сущем. Таким образом, мы показали, как критика Аристотеля может иметь своим объектом положения Парменида (ведь иначе критика теряет смысл), и ниже мы будем анализировать приемлемость аристотелевской критики именно в этой версии, и мы будем разбирать ответы именно на неё.

§ II.3.3 Упрощённая версия критики из *Phys*. A, 3

Следует заметить, что представленная интерпретация опровержения Аристотелем Парменида является излишне сложной, и её смысл можно изложить гораздо проще и короче, если не пытаться учитывать как можно бóльшую часть текста Аристотеля из *Phys*. A, 3, 186a3–186b12.

Заметим, что в разобранном ваше аристотелевском опровержении Парменида сказуемое «ἕν» предложения «τὰ ὄντα ἓν εἶναι» (*Phys*. A, 3, 186a5) используется как несовместимое с какой-либо множественностью или

различённостью в том, о чём оно сказывается. Сказывается оно о том же мыслящемся объекте, о котором сказывается «существование». Можно пояснить, что предицирование мыслящемуся объекту существования является обязательным в силу принципа интенциональности мышления, который можно записать в виде «***всё то, что мыслится, существует***».

Рассмотрим ещё раз положение Аристотеля из *Phys*. A, 3, 186a5 «[всё] сущее есть [абсолютно] единое / одно / единственное (τὰ ὄντα ἓν εἶναι)[181]». Способ выражения Аристотеля допускает несколько трактовок, поэтому ниже мы рассмотрим два способа формализации критики Аристотелем Парменида. Первый способ мы приведём сразу же, в настоящем § II.3.3, второй способ будет приведён в § II.3.4.

Допустим сначала, что сказуемое «ἕν» предложения «τὰ ὄντα ἓν εἶναι» (*Phys*. A, 3, 186a5) имплицирует тождественность друг другу всех свойств того, о чём оно сказывается.

Помимо первого положения “τὰ ὄντα ἓν εἶναι”, являющегося у Аристотеля опровергаемым в доказательстве *a contrario* положением, Аристотель принимает следующее допущение, которое, как можно предположить, содержится в следующем его рассуждении, уже приводившимся выше – см. *Phys*. A, 3, 186b10–11:

> “τὸ ἄρα ὅπερ ὂν οὐκ ὄν· ἀληθὲς γὰρ εἰπεῖν ὅτι λευκὸν, τοῦτο δὲ οὐκ ὂν ἐσήμαινεν”.
>
> «Следовательно, сущее [о котором говорится в обсуждаемом здесь предложении «сущее есть одно»] не есть сущее; ведь истинно говорить, что [сущее есть] белое, но [то, что мы обозначали через “белое”] не есть то, что мы обозначали через “сущее”».

[181] «Сущее» здесь стоит во множественном числе, так что можно переводить и как «[все] сущие суть одно».

Это рассуждение можно истолковать как вывод из первого положения “τὰ ὄντα ἓν εἶναι”, понимаемого как «если *x* есть сущее, то *x* есть единое», второго положения «если *x* есть единое, то все его свойства тождественны друг другу», подразумеваемого третьего положения «*a* есть сущее» и четвёртого положения «свойство ‘*единое*’ отлично от свойства ‘*сущее*’» заключения «*a* не есть сущее». Второе положение является собственным положением Аристотеля, которое он, вероятно, полагал очевидным и считал, что Парменид должен признавать его, поскольку оно просто раскрывает смысл того, что означает «быть единым». Это положение соответствует трактовке парменидовского «единства сущего» в духе «предикационного монизма», отстаиваемого П. Кёрд[182]. Очевидно, что основные положения – первое и второе. Запишем это рассуждение более подробно:

(A1$_1$) *Для любого x, если x является парменидовским сущим, то все свойства x (сколько бы их ни было и какими бы они ни были) тождественны друг с другу –*

$(\forall x)[Ox \rightarrow (\forall P)(\forall Q)\{Px \,\&\, Qx \rightarrow P(\hat{x})=Q(\hat{x})\}]$.

В (A1$_1$) и ниже используются обозначения из *Principia Mathematica* А. Н. Уайтхеда и Б. Рассела вида «$P(\hat{x})$», «$Q(\hat{x})$», «$S(\hat{x})$», «$P^*(\hat{x})$», «$V(\hat{x})$».

Эти выражения являются одноместными предикатами, значениями которых являются пропозициональные функции от одной переменной. Выражения в скобках обозначают «местность», и вместе со скобками могут быть опущены: $P(\hat{x}) = P\hat{x} = P$, и т. д.

(A2$_1$) *Для любого x, если свойства x тождественны друг другу, то x не имеет никаких свойств, отличных от тождественности всех его свойств друг другу –*

$(\forall x)(\forall P)(\forall Q)[\{Px \,\&\, Qx \rightarrow P(\hat{x})=Q(\hat{x})\} \rightarrow \neg(\exists S)\{Sx \,\&\, S(\hat{x})\neq P^*(\hat{x})\}]$,

[182] Curd P. The Legacy of Parmenides: Eleatic Monism and Later Presocratic Thought. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2004. (Originally published in 1998 by Princeton University Press). P. 66–72.

где одноместный предикат P^* есть абстрактный предикат, выражающий свойство ‘*не иметь никаких свойств, отличных от тождественности всех своих свойств друг другу*’, который задаётся следующим образом:

$P^*x =_{\text{def.}} (\forall V)(Vx \rightarrow V(\hat{x})=P^*(\hat{x}))$.

Положение ($A2_1$) кажется раскрывающим смысл свойства ‘*тождественность друг другу всех свойств*’, и претендует на аналитическую истинность.

($A3_1$) *о является парменидовским сущим* –

Oo.

($A4_1$) Свойство ‘*являться парменидовским сущим*’ отлично от свойства ‘*не иметь никаких свойств, отличных от тождественности всех своих свойств друг другу*’ –

$O(\hat{x})\neq P^*(\hat{x})$.

Из ($A3_1$) & ($A1_1$) & ($A2_1$) следует: *о не имеет никаких свойств, отличных от тождественности всех его свойств друг другу* – $\neg(\exists S)(So \;\&\; S\neq P^*)$. Из последнего положения и ($A4_1$) следует: *о не является парменидовским сущим* – $\neg Oo$. Таким образом, мы получили противоречие: *о является парменидовским сущим* & *о не является парменидовским сущим* – $Oo \;\&\; \neg Oo$. Аристотель трактует это противоречие как основание для отбрасывания положения “τὰ ὄντα ἓν εἶναι”, т. е. для отбрасывания ($A1_1$). Значит, утверждение Парменида «τὰ ὄντα ἓν εἶναι» неверно, *Q.E.D.*

§ II.3.4 Возможный ответ на критику из *Phys.* A, 3

Теперь мы покажем, что при всей убедительности возражения Аристотеля, возможен довольно хороший ответ на него. Сначала рассмотрим более сложную трактовку аристотелевской критики, а затем перейдём к упрощённой.

В первой трактовке опровержения позиции Парменида из *Phys.* A, 3 Аристотель принимает, что пропозиция, выраженная предложением «τὰ ὄντα ἓν εἶναι», мыслится кем-то. И закономерно приходит к противоречию, поскольку необходимым условием мыслимости этого предложения является различие его подлежащего и сказуемого, тогда как интерпретация предложения «τὰ ὄντα ἓν εἶναι» в виде (1) запрещает их различие.

Первый способ для Парменида ответить на это рассуждение – почти полностью согласиться с ним. Действительно, в *его* модели мышления пропозиции, выражаемые предложениями, можно признать сложными объектами, а значит, пропозиции не могут мыслиться. Но нет запрета, чтобы пропозиция, выражаемая предложением «τὰ ὄντα ἓν εἶναι» была объектом какой-либо другой когнитивной способности, не той, которую называет *мышлением* Парменид. Следовательно, допущение из опровержения Аристотеля, что пропозиция, выраженная предложением «τὰ ὄντα ἓν εἶναι», мыслится кем-то, необходимо скорректировать: не «мыслится», а, скажем, «постигается», оставив другие допущения без изменения. Но после такой корректировки Аристотель не сможет сделать следующий шаг в своём опровержении – утверждать существование значения подлежащего «τὰ ὄντα» из предложения «τὰ ὄντα ἓν εἶναι». Это значит, что всё опровержение окажется заблокированным.

Представленный ответ на критику Аристотеля имеет тот недостаток, что основания, на которых Парменид утверждает немыслимость сложных объектов, остаются в силе для интенциональных актов любых познавательных способностей, в том числе – и для актов «постижения» пропозиций. Если доказательство невозможности помыслить множественный или сложный внутренний или ментальный объект, как оно будет изложено в следующей – третьей – главе настоящей диссертации, действительно имеет силу, то аналогично можно доказать и невозможность «постичь» пропозиции. В этом случае даже

скорректированное допущение Аристотеля – пропозиция, выраженная предложением «τὰ ὄντα ἓν εἶναι», *постигается* кем-то – следует сразу же признать ложным, и если Аристотель стремится доказать его ложность, то его рассуждения излишни (хотя и корректны), если в посылках и в рассуждении заменить «мыслить» на «постигать».

Получается, что Парменид доказывает тезис «пропозиции, выраженные предложениями, непостижимы», но постичь то, что выражается этим предложением, невозможно. Ситуация оказывается озадачивающей. Парменид утверждает: «все предложения, включая это, непостижимы». Можно, конечно, различать разные типы постижения, тогда получается бесконечный регресс: «пропозиции, выраженные предложениями, непостижимы постижением первого типа», «предложение “пропозиции, выраженные предложениями, непостижимы постижением первого типа”, непостижимо постижением второго типа» и т. д. до бесконечности. Таким образом, этот первый способ защитить положение «τὰ ὄντα ἓν εἶναι», даже если и не влечёт противоречия, всё равно озадачивает – хотя, возможно, странность этого способа не стоит преувеличивать, он, вероятно, не более странен, чем *Теория типов* Б. Рассела[183] и последующие многочисленные теории типов.

Но есть и другой способ ответа. В соответствии с ним отвергается аристотелевская посылка (2.3) – *значение подлежащего любого предложения, выражающего мыслящуюся посредством какого-либо акта мышления пропозицию, отлично от значения сказуемого*. И здесь следует понять, почему положение (2.3) кажется истинным. Действительно, Аристотель, а до него и Платон, как кажется, признавали его истинность[184]. На наш взгляд, стоящая за (2.3) интуиция говорит нам, что невозможно мыслить пропозицию, если не различать значения подлежащего и сказуемого из выражающего пропозицию субъектно-предикатного предложения. Таким образом, акт мышления, направленный на исходную пропозицию, всегда направлен также и на ещё одну

[183] Уайтхед А. Н., Рассел Б. Основания математики: в 3-х тт. / Под ред. Г. П. Ярового, Ю. Н. Радаева. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005–2006. (Впервые опубл. на англ. яз. в 1910–1913).

[184] Как кажется, различие между значением подлежащего и сказуемого Платон признавал в *Soph*. 262a, а Аристотель – в *Phys.* A, 3, 186a31, *De interp.*, 11, 21a7–10, *De interp.*, 11, 21a15–17.

пропозицию. Эта последняя пропозиция утверждает, что значение подлежащего и значение сказуемого предложения, выражающего исходную пропозицию, находятся в отношении различия. Изложить эту интуицию несколько более формально можно следующим способом (для исходных предложений вида $P(a)$ – атомарных предложений с произвольной индивидной константой a и произвольным одноместным предикатом P):

(2.3a) $\mathbf{T}_{\mu}P(a) \rightarrow \mathbf{T}_{\mu}a{\neq}P$.

Выражение «$\mathbf{T}_{\mu}P(a)$» из (2.3a) читается как «посредством акта мышления μ мыслится, что $P(a)$».

При этом исходной формулировке (2.3) соответствует следующая формализация:

(2.3b) $\mathbf{T}_{\mu}P(a) \rightarrow a{\neq}P$.

Однако (2.3a) и (2.3b) не эквивалентны, и из (2.3a) не следует (2.3b), поскольку следующий принцип (T) не является законом доксастической или эпистемической логики (здесь и далее p – произвольное предложение):

(T) $\mathbf{T}_{\mu}p \rightarrow p$.

Принцип (T) отвергается потому, что не вызывает возражений, что из того, что мыслится, что p, не следует p. Ведь можно мыслить, что определённый объект обладает характеристикой, которой он *на самом деле* не обладает. Из всех эпистемических операторов такое следование признаётся только для оператора знания: если известно, что p, то p:

(K) $\mathbf{K}_{\mu}p \rightarrow p$.

Принцип (K) есть формализация понимания знания как *истинного* мнения.

Так что из того, что некто мыслит, что $a \neq b$, не следует $a \neq b$, и, поэтому, из того, что мыслится, что $P(a)$ и (2.3a) не следует $a \neq P$. Таким образом, (2.3b) не имеет надёжного обоснования и может быть отброшено. Поэтому (2.3) нужно скорректировать, заменив его на (2.3a).

Но принятие (2.3a) вместо (2.3) заблокирует рассуждение Аристотеля. Действительно, из того, что посредством μ мыслится, что значение подлежащего отлично от значения сказуемого, $S \neq P$, не следует $S \neq P$, а значит, при условии, что S существует и S является единственным мыслящимся посредством μ сущим, не следует, что P не существует в качестве интенционального объекта μ, так что дальнейшее рассуждение невозможно[185].

Но предложенное обоснование неприемлемости (2.3b) может быть оспорено. Это обоснование основывается на неприемлемости (T), но в нашей интерпретации Парменида всё, что мыслится, существует, а значит, если мыслится, что p, то p истинно, что эквивалентно просто p. Именно это и утверждается в (T). В этом смысле мышление у Парменида «веридикально»[186], мыслящееся соответствует действительному, так что оператор мышления **T** в (T) ведёт себя так же, как и оператор знания **K** в (K). Но, если (T) принимается, то мы вынуждены признать также и (2.3b), как следующее из (T) и вполне надёжного (2.3a), а это означает, что опровержение Аристотелем Парменида сохраняет свою силу.

Приведённая защита (T) основывается на том, что (T) является следствием следующего положения, которое Парменид, утверждающий, что «мыслить и быть – одно и то же» (…τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστίν τε καὶ εἶναι, 28 B 3 DK), как кажется, признаёт:

---

[185] Разумеется, Аристотель не включает в логику предложения с индивидными константами. Использование вместо $P(a)$ предложений с кванторами было бы ближе к подходу Аристотеля. Однако ход рассуждения и выводы в обоих случаях одинаковы, так что мы приводим только запись с индивидными константами ради некоторого упрощения рассуждения.

[186] О том, что одним из смыслов греческого «ἐστίν» является «веридикальный» смысл, пишет Чарльз Кан: Kahn Ch. H. The Greek Verb ‘To be’ and the Concept of Being // Foundation of Language. 1966. Vol. 2. P. 252. По Ч. Кану, при «веридикальном (verity or veridical)» использовании «ἐστίν» следует трактовать как «имеет место» (what is the case), что мы видим в 28 B 2 DK.

(Ta) $\mathbf{T}_{\mu}p \leftrightarrow p$.

По (Ta), объект, мыслящийся посредством акта мышления μ, имеет те и только те характеристики, которые в этом акте мышления приписываются ему. Пусть посредством акта мышления μ мыслится, что $P(a)$ – $\mathbf{T}_{\mu}P(a)$. Тогда, по (Ta), объекту a не может быть приписана характеристика $\mathbf{T}_{\mu}P(a)$, ведь эта характеристика не мыслится посредством акта мышления μ. Это значит, что если (Ta) истинно, то оно ложно. Это является основанием для поиска другой формализации парменидовского «мыслить и быть – одно и то же», чем (Ta).

Мы предполагаем, что для формализации подхода Парменида можно использовать подход Э. Залты к абстрактным объектам[187]. Мы предлагаем рассматривать парменидовское сущее как внутренний объект мышления, являющийся абстрактным объектом в смысле Э. Залты. При этом те характеристики, которые приписываются абстрактному объекту в направленном на него акте мышления, именуются характеристиками, кодируемыми этим абстрактным объектом. Те характеристики, которыми абстрактный объект обладает, но они не приписываются ему каким-либо интенциональным актом, именуются характеристиками, экземплифицируемыми абстрактным объектом. Тем самым разводятся два способа предикации[188]: кодирование и экземплифицирование. Это позволяет приписывать объекту характеристики, отличающиеся от тех характеристик, которые приписываются ему в направленном на него акте мышления. Например, при таком подходе окажется возможным сделать то, что запрещает положение (Ta): наделять внутренний объект мышления характеристикой «быть мыслящимся актом мышления μ»

[187] Linsky B., Zalta E.N. Naturalized Platonism versus Platonized Naturalism…; Zalta E. N. Abstract Objects… ; Zalta E. N. Twenty-Five Basic Theorems in Situation and World Theory… .

[188] Выше в § II.2.2 и § II.2.3 мы уже говорили о современных исследователях, интерпретирующих ἔστι в поэме Парменида как «спекулятивную предикацию», отличающейся от обычной тем, что выражает сущностные характеристики вещи – Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. 2008. P. xx–xxiii; 55–60; 70–71; 79; 112. Различие между двумя типами предикации, характерное для современных теорий абстрактных объектов – в том числе для теории Э. Залты – может быть возведено к тщательно проработанному различию между ними у Аристотеля, о чём см. исследование: Орлов Е. В. К вопросу о «двух типах предикации» у Аристотеля // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. вып. 1. С. 41–45.

(экземплифицируемая этим объектом характеристика), хотя она и не приписывается этому объекту актом мышления μ (т. е. не входит в число кодируемых этим объектом характеристик).

При этом можно трактовать «мыслить и быть – одно и то же» так же, как трактуется положение «***всё то, что мыслится, существует в качестве объекта направленного на него акта мышления***» – как принцип интенциональности мышления. Этот принцип можно трактовать как частный случай *Принципа экзистенциального обобщения*, о чём мы уже писали выше, но теперь мы уточним его формализацию, учитывая, что акты мышления направлены на пропозиции, утверждающие, что абстрактные объекты кодируют определённые характеристики:

(ТЕ) $\mathbf{T}_{\mu}(a)P \rightarrow (\exists x)(\mathbf{T}_{\mu}(x)P)$.

В отличие от предыдущей версии, в (ТЕ) говорится не о субъекте (агенте), интенциональный акт которого направлен на пропозицию, а об акте мышления, направленном на пропозицию. Этот способ выражения более точен, поскольку субъект (агент) может иметь несколько интенциональных актов, и интенциональные объекты определены для конкретного интенционального акта. Выражение «$\mathbf{T}_{\mu}(a)P$» читается как «посредством акта мышления μ мыслится, что a *кодирует* характеристику P». Трёхместное отношение «посредством _ мыслится, что _ кодирует _» является отношением, *экземплифицированным* упорядоченной тройкой $<\mu, a, P>$. Таким образом, интенциональный абстрактный объект a экземплифицирует одну характеристику, и кодирует другую характеристику.

В соответствии с предложенным подходом, положение (2.3*a*) следует переписать в виде:

(2.3*c*) $\mathbf{T}_{\mu}(a)P \rightarrow \mathbf{T}_{\mu}(a, P)\neq$.

В (2.3*c*) выражение «(*a*, *P*)≠» читается как «упорядоченная пара <*a*, *P*> кодирует отношение различия».

Аналогично, положение (2.3*b*) в соответствии с предложенным подходом переписывается в виде:

(2.3*d*) $\mathbf{T}_{\mu}(a)P \rightarrow a \neq P$.

В (2.3*d*) выражение «*a*≠*P*» читается как «упорядоченная пара <*a*, *P*> экземплифицирует отношение различия», или просто как «*a* отлично от *P*». Но, в соответствии с теорией абстрактных объектов Э. Залты, из того, что абстрактный объект кодирует некоторую характеристику, не следует, что он экземплифицирует её. В нашем случае, фундаментальным свойством пропозициональных установок является то, что мыслящиеся характеристики объекта могут не совпадать с теми характеристиками, которыми он обладает. Так что вывести (2.3*d*) из общих принципов не удастся. Не удастся вывести его и из (T*a*), поскольку, как мы показали, для описания позиции Парменида следует принять (TE) вместо (T*a*). Поэтому в аристотелевском опровержении Парменида (2.3*c*) можно считать приемлемой формализацией (2.3), а (2.3*d*) нельзя считать таковой. Но принятие (2.3*c*) вместо (2.3) блокирует рассуждение Аристотеля, аналогично тому, как его блокирует принятие (2.3*a*) вместо (2.3), как было показано выше.

Перейдём теперь к анализу упрощённой версии критики Парменида Аристотелем – через ($A1_1$), ($A2_1$), ($A3_1$) и ($A4_1$). Наш анализ, как анализ аргумента Платона и анализ (2.3), будет состоять в уточнении рассматриваемых положений с помощью введения между двумя видами предикации – экземплификацией и кодированием.

С учётом нашей трактовки «сущего» у Парменида как абстрактного ВОМ и «расщепления» предикации на *экземплификацию* и *кодирование*, положение ($A1_1$) может быть переписано в следующем виде:

(A1$_2$) *Для любых x и z, если x экземплифицирует бытие внутренним объектом акта мышления z, то x экземплифицирует тождественность друг другу всех кодируемых им свойств –*

$(\forall x)(\forall z)[I_m(x, z) \rightarrow (\forall P)(\forall Q)\{xP \,\&\, xQ \rightarrow P(\hat{x})=Q(\hat{x})\}]$.

Посылку (A2$_1$) тоже следует скорректировать, чтобы учесть признаваемое нами различие *экземплификации* и *кодирования*. Однако записать «с ходу» такой вариант (A2$_1$) довольно трудно. Как кажется, имеется несколько возможных альтернативных способов переписать положение (A2$_1$):

(A2$_2$) *Для любого x, если все свойства, экземплифицируемые x, экземплифицируют тождественность друг другу, то x не экземплифицирует никаких свойств, отличных от тождественности друг другу всех экземплифицируемых им свойств –*

$(\forall x)(\forall P)(\forall Q)[\{Px \,\&\, Qx \rightarrow P(\hat{x})=Q(\hat{x})\} \rightarrow \neg(\exists S)\{Sx \,\&\, S(\hat{x})\neq P^*(\hat{x})\}]$,

$P^*x =_{\text{def.}} (\forall V)(Vx \rightarrow V(\hat{x})=P^*(\hat{x}))$.

Положение (A2$_2$) кажется раскрывающим смысл свойства ‘*тождественность друг другу всех экземплифицируемых свойств*’, и претендует на аналитическую истинность.

(A2$_2'$) *Для любого x, если все свойства, кодируемые x, экземплифицируют тождественность друг другу, то x не экземплифицирует никаких свойств, отличных от тождественности друг другу всех кодируемых им свойств –*

$(\forall x)(\forall P)(\forall Q)[\{xP \,\&\, xQ \rightarrow (\hat{x})P=(\hat{x})Q\} \rightarrow \neg(\exists S)\{Sx \,\&\, S(\hat{x})\neq P^*(\hat{x})\}]$,

$P^*x =_{\text{def.}} (\forall V)((x)V \rightarrow (\hat{x})V=(\hat{x})P^*)$.

Положение (A2$_2'$) не кажется столь убедительным, как (A2$_2$).

(A$2_2''$) *Для любого x, если все свойства, кодируемые x, экземплифицируют тождественность друг другу, то никакие свойства, кодируемые x, не экземплифицируют различия –*

$(\forall x)(\forall P)(\forall Q)[\{xP \,\&\, xQ \rightarrow (\hat{x})P{=}(\hat{x})Q\} \rightarrow \neg(\exists S)(\exists F)\{xS \,\&\, xF \; S(\hat{x}){\neq}F(\hat{x})\}]$.

Положение (A$2_2''$), как и (A2_2), кажется претендующим на аналитическую истинность – как раскрывающее смысл свойства '*тождественность друг другу всех кодируемых свойств*', или как утверждение «если члены всех упорядоченных пар, составленных из свойств, кодируемых некоторым объектом, тождественны друг другу, то ни в одной из этих пар вещи не различны друг с другом».

Оставшиеся положения (A3_1) и (A4_1), учитывая различие *экземплификации* и *кодирования*, могут быть переписаны в следующем виде:

(A3_2) *o экземплифицирует бытие абстрактным интенциональным внутренним объектом акта мышления a –*

$I_m(o, a)$.

(A4_2) *Свойство 'являться абстрактным интенциональным внутренним объектом' I_o и свойство P^* экземплифицируют различие друг с другом –*

$I_o(\hat{x}){\neq}P^*(\hat{x})$.

Из (A3_2) получаем $I_m(o, a)$, из чего – по приведённому выше определению $I_m(x, z)$, – следует $I_o(a)$. Но из (A1_2) & (A2_2) & (A3_2) & (A4_2) противоречия не следует. Чтобы противоречие возникло, вместо (A2_2) нужно использовать (A$2_2'$).

В (A$2_2'$) требуется, чтобы экземплифицирование объектом тождественности друг другу всех *кодируемых* им свойств имплицировало невозможность для этого объекта экземплифицировать другие свойства. Основания для этого привести трудно. Кажется очевидным, что если мы хотим выразить один из аспектов «абсолютного единства» абстрактного объекта, *кодирующего* свои свойства – а именно, единство *кодируемых* им свойств, – то для этого достаточно указать, что

он *кодирует* одно и только одно свойство (или, может быть, не более одного свойства), или что все *кодируемые* им свойства неразличимы друг с другом или тождественны друг другу. Но на основании этого соображения невозможно получить ($A2_2'$).

Пояснить неприемлемость ($A2_2'$) можно, если сформулировать его в виде положения:

(P^*_A) *Для любого x, если x обладает свойством P^*_A, $P^*_A \in A$, то x не обладает никаким свойством из A, отличным от P^*_A.*

В (P^*_A) множество A трактуется как множество свойств, *экземплифицируемых* объектом a. Пусть множество B, не пересекающееся с множеством A, есть множество свойств, *кодируемых* объектом a. Свойство P^*_A в этом случае можно трактовать как ‘*не иметь различных свойств из B*’ или как ‘*иметь все свойства из B тождественными друг другу*’ или как ‘*иметь все кодируемые свойства тождественными друг другу*’. По (P^*_A), если a *экземплифицирует* свойство P^*_A, то неверно, что a экземплифицирует бытие парменидовским сущим (индекс «$_A$» указывает, что свойство или отношение принадлежит множеству A): $P^*_A \neq_A O_A \rightarrow (P^*_A a \rightarrow \neg O_A a)$. Но $\neg O_A a$ неприемлемо, поскольку при изложении тезиса Парменида “τὰ ὄντα ἓν εἶναι” нельзя не принять $O_A a$. Кроме того, по (P^*_A), признающий $P^*_A \neq_A O_A$ & $P^*_A a$ вынужден и признавать $\neg O_A a$, и отрицать $P'a$, такое, что $P'x =_{def.} \neg Ox$, и бесконечное количество других характеристик a, получаемых из $\neg O_A a$, $P^*_A \neq_A O_A \rightarrow (P^*_A a \rightarrow \neg O_A a)$ с использованием тавтологий пропозициональной логики. Это кажется неприемлемым, поэтому (P^*_A) и ($A2_2'$) принимать не следует.

Заметим, что неприемлемость ($A2_2$) может быть показана аналогично – если B трактовать как множество свойств, *экземплифицируемых* объектом a (т. е. если B трактовать так же, как и A), и P^*_A из (P^*_A) трактовать как ‘*не иметь различных свойств из B*’ или как ‘*иметь все свойства из B тождественными друг другу*’ или как ‘*иметь все экземплифицируемые свойства тождественными друг другу*’.

Хотя это и излишне, поскольку из ($A1_2$) & ($A2_2$) & ($A3_2$) & ($A4_2$) противоречия не следует. При трактовке и *A*, и *B* как одного и того же множества свойств, *экземплифицируемых* объектом *a*, и трактовке свойства P^*_A как '*иметь все экземплифицируемые свойства тождественными друг другу*' мы получаем обоснование неприемлемости положения ($A2_2$), совпадающее с представленным выше обоснованием неприемлемости ($A2_2'$). Действительно, по (P^*_A), если *a* *экземплифицирует* свойство P^*_A, то неверно, что *a* экземплифицирует бытие парменидовским сущим: $P^*_A \neq_A O_A \rightarrow (P^*_A a \rightarrow \neg O_A a)$. Но $\neg O_A a$ неприемлемо, поскольку при изложении тезиса Парменида "τὰ ὄντα ἓν εἶναι" нельзя не принять $O_A a$. Кроме того, по (P^*_A), признающий $P^*_A \neq_A O_A$ & $P^*_A a$ вынужден и признавать $\neg O_A a$, и отрицать $P'a$, такое, что $P'x =_{\text{def.}} \neg Ox$, и бесконечное количество других характеристик *a*, получаемых из $\neg O_A a$, $P^*_A \neq_A O_A \rightarrow (P^*_A a \rightarrow \neg O_A a)$ с использованием тавтологий пропозициональной логики. Это кажется неприемлемым, поэтому (P^*_A) для принятой трактовки *A* и P^*_A принимать не следует. Но (P^*_A) с принятой трактовкой *A* и P^*_A есть другой способ изложения ($A2_2$). Поэтому ($A2_2$) также принимать не следует.

Таким образом, мы получили трактовку вывода противоречия из ($A1_1$) & ($A2_1$) & ($A3_1$) & ($A4_1$) в исходном рассуждении Аристотеля как доказательство *a contrario* неприемлемости ($A2_1$) – а не неприемлемости ($A1_1$), как трактовал получившееся противоречие сам Аристотель.

Впрочем, с трактовкой пропозициональной функции P^* в ($A2_1$), ($A2_2$) и ($A2_2'$) имеется и ещё одна трудность. Рассмотрим ещё раз тот способ, которым задаётся функция P^* в ($A2_1$), ($A2_2$) – для способа из ($A2_2'$) рассуждение аналогично:

$P^*x =_{\text{def.}} (\forall V)(Vx \rightarrow V(\hat{x})=P^*(\hat{x}))$.

В терминологии А. Н. Уайтхеда и Б. Рассела, функция P^* не является предикативной относительно *x*, поскольку P^* в левой части определения относится ко второму порядку, а в правой части – к первому. Иначе говоря, функция P^* определяется через саму себя – через множество *всех* функций, среди которых находится сама функция P^*, поскольку явно не прописан запрет

включать в область пробега переменной V функцию P^*. Такая ситуация запрещается А. Н. Уайтхедом и Б. Расселом в *Principia Mathematica*[189] ради блокировки известных парадоксов, таких, как Парадокс Рассела, Парадокс Лжеца, Парадокс Греллинга. Подход из *Principia Mathematica* может показаться излишне радикальным – на чём настаивают сторонники *Теорий нефундированных множеств*[190], – однако нельзя не отметить, что использование в формализации аргумента Аристотеля против Парменида указанного определения P^* приводит к значительным трудностям, требует анализа весьма трудных дискуссионных вопросов. Поэтому формализаций аристотелевского аргумента, приводящих к таким трудностям, желательно избегать.

У нас остался последний нерассмотренный вариант трактовки ($A2_1$) – в виде ($A2_2''$). Видно, что к ($A2_2''$) невозможно предъявить те претензии, которые были предъявлены к ($A2_2$) и ($A2_2'$). Более того, ($A2_2''$) производит впечатление тождественно истинного положения, указывающего на общепринятые характеристики отношений «тождества» и «различия». Но приписывание Пармениду ($A2_2''$) не поможет Аристотелю опровергнуть Парменида, поскольку из ($A1_2$) & ($A2_2''$) & ($A3_2$) & ($A4_2$) противоречия не следует. Таким образом, наша трактовка сущего у Парменида как абстрактного внутреннего объекта мышления, и трактовка положения «сущее есть единое» в виде ($A1_2$) блокирует критику Аристотеля.

Осуществлённый анализ критики Аристотелем положения Парменида «сущее есть единое» показывает, что наша трактовка «сущего» у Парменида хотя

---

[189] См. русский перевод: Уайтхед А. Н., Рассел Б. Основания математики: в 3-х тт. / Под ред. Г. П. Ярового, Ю. Н. Радаева. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005–2006. Т. 1. С. 58. (Впервые опубл. на англ. яз. в 1910–1913). См. также формулировки используемого здесь «принципа порочного круга», используемые самим Б. Расселом: «целостность не может содержать элементы, определённые в терминах её самой» – Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // Логика, онтология, язык / Сост., пер. и предисл. В. А. Суровцева. Томск: Издательство Томского Университета, 2006 (Библиотека аналитической философии). С. 33; «То, что включает в себя *всё* из [какой-либо] совокупности, не должно быть элементом [этой] совокупности» – там же. С. 25–26. Разъяснение разветвлённой теории типов понятия предикативных функций см. также в монографии: Суровцев В. А. Ф. П. Рамсей и программа логицизма. Томск: Издательство Томского Университета, 2012. С. 40–52.

[190] Речь идёт о теориях множеств, в которых не признаётся *Аксиома фундирования*, из которой следует запрет для множества принадлежать самому себе. Одна из *Теорий нефундированных множеств* излагается, например, в монографии: Aczel P. Non-well-founded sets / With a forew. by J. Barwise. Stanford, CA: Stanford Univ., Center for the Study of Language, Information, 1988. P. xx, 137. Оценку философской значимости таких теорий см. в статье: Доманов О. А. Онтология Бадью и структурная теория множеств // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 2. С. 141–147.

и успешно нейтрализует критику Аристотеля, делает это с привлечением довольно сложных положений, длинных рассуждений и грозит вовлечением в дискуссии о допустимости непредикативных функций, а также множеств, принадлежащих самим себе. Но мы можем представить критику Аристотелем указанного положения Парменида и способ блокировать эту критику в более простом виде.

Критику Аристотелем Парменида представим как выведение противоречие из следующих двух положений ($A1_3$) и ($A2_3$), где ($A1_3$)=($P1_1$):

($A2_3$) *Парменидовские сущие a и B (B есть свойство ‘быть одним’), такие, что a находится среди сущих, о которых утверждается «сущее есть одно», не тождественны друг другу –*

$O(a)$ & $O(B)$ & $(\forall x)[O(x) \rightarrow B(x)]$ & $a \neq B$, где

$B(x) =_{\text{def.}} (\forall y)\{O(y) \rightarrow y=x\}$.

Положение ($A1_3$) можно считать одним из следствий положения “τὰ ὄντα ἓν εἶναι” – если его трактовать как «сущее есть одно», т. е. как утверждение, что в мире имеется не более одного сущего вне зависимости от типов, к которым мы могли бы отнести сущие. Это положение утверждает «нумерическое единство» (или «единство по числу») сущего, что является одной из известнейших среди историков философии интерпретаций тезиса Парменида о единстве сущего из 28 B 8.5; 8.22–25 DK[191].

Положение ($A2_3$) является собственным положением Аристотеля, которое он, вероятно, полагает очевидным и считает, что Парменид должен признавать его, поскольку считает истинным входящее в него положение “τὰ ὄντα ἓν εἶναι” – т. е. «сущее есть одно» или $(\forall x)[O(x) \rightarrow B(x)]$ в нашей записи. Аристотель здесь мог бы рассуждать так. Признавая положение “τὰ ὄντα ἓν εἶναι”, Парменид

[191] Эту точку зрения, именуемую «нумерическим монизмом», отстаивают М. Фёрт, Г. Оуэн и многие другие. Анализ и критику различных современных трактовок парменидовского «монизма» см. в Sisko J. E., Weiss Y. A Fourth Alternative in Interpreting Parmenides // Phronesis. 2015. Vol. 60, no. 1. P. 40–59.

считает его осмысленным. Но условием его осмысленности для Аристотеля является различие значений сказуемого и того, о чём оно сказывается.

Признание Аристотелем положения ($A2_3$), на наш взгляд, видно из следующей цитаты из *Phys*. A, 3, 186a28–29:

“ἄλλο γὰρ ἔσται τὸ εἶναι λευκῷ καί τῷ δεδεγμένῳ”.

«Ибо иным будет бытие белым и [бытие] тем, что принимает [белое]»[192].

В общем виде сформулировать это второе положение Аристотеля можно в следующем виде:

Пропозициональная функция отлична от любого своего аргумента.

Видно, что ($A2_3$) структурно схоже с ($P2_1$). Как и ($P1_1$) & ($P2_1$), ($A1_3$) & ($A2_3$) влечёт противоречие, что для Аристотеля является основанием для отбрасывания ($A1_3$), а значит, и “τὰ ὄντα ἓν εἶναι”.

Однако, если отказаться от трактовки «сущего» у Парменида как реального объекта, и трактовать его как ВОМ, то выраженные в ($A1_3$) и ($A2_3$) принцип абсолютного единства сущего и принцип различия подлежащего и сказуемого можно выразить и иначе – в виде ($A1_4$) и ($A2_4$), где ($A1_4$)=($P1_2$):

($A2_4$) *Абстрактные внутренние объекты a и B (B есть свойство ‘быть одним’) одного и того же акта мышления A, такие, что a находится среди сущих, о которых посредством A мыслится пропозиция, выражаемая предложением «сущее есть одно», кодируют отношение различия:* $\neq(a, B) – I_{oa}(a, A) \,\&\, I_{oa}(B, A) \,\&\, \mathbf{T}_A\{(\forall x)(xO \rightarrow xB)\} \,\&\, \neq(a, B)$, где

[192] См. также *Phys*. A, 3, 186a31; *De interp.*, 11, 21a7–10; 21a15–17. Ссылка на трактат Аристотеля «Об истолковании» даётся по: Aristotle. *Categories* and *De Interpretatione* / Tr. with Notes by J. K. Ackrill. Oxford: Clarenden Press, 1963. viii, 162 p. Русский перевод: Аристотель. Об истолковании / Пер. З. Н. Микеладзе // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 91–116.

$B(x) =_{\text{def.}} (\forall y)\{O(y) \rightarrow y{=}x\}$.

В ($A2_4$) и ниже выражения с эпистемическим оператором мышления **T** вида «$\mathbf{T}_{\mu}p$» (где p – некоторое предложение) читаются как «посредством акта мышления μ мыслится, *что* p» (*что* p здесь – пропозиция, выраженная предложением p).

Видно, что ($A1_4$) и ($A2_4$) не влекут противоречия, возникающего при использовании только одного способа предикации, т. е. в случае признания ($A1_3$) и ($A2_3$). Положение ($A2_4$) следует из признания того, что при мышлении содержания предложения посредством акта мышления *A*, значения подлежащего и сказуемого как ментальные объекты должны быть не *просто* различны, а различны *именно для A*, что, как мы условились, в формальной записи означает, что они должны кодировать (а не экземплифицировать) различие. Таким образом, наша интерпретация Парменида устойчива к критике Аристотеля. Также легко заметить, что аргумент Аристотеля в трактовке, использующей ($A1_3$) и ($A2_3$), структурно совпадает с аргументом Платона в трактовке, использующей ($P1_1$) и ($P2_1$), причём ($A1_3$)=($P1_1$). И способы блокирования этих аргументов посредством корректировки положений ($P1_1$) & ($P2_1$) и ($A1_3$) & ($A2_3$) и их замены на положения ($P1_2$) & ($P2_2$) и ($A1_4$) & ($A2_4$) – где ($A1_4$)=($P1_2$), – соответственно, также структурно совпадают друг с другом.

Заметим, что без использования современных технических средств вряд ли было бы возможно оценить логическую состоятельность опровержений Аристотеля, выбрать наиболее приемлемый способ изложения этих опровержений, указать на неэффективность этих опровержений при трактовке парменидовского «сущего» как ментального объекта. Таким образом, проделанный в настоящем § II. 3.3 анализ показывает, во-первых, плодотворность использования современных технических средств для интерпретации античных философских текстов (что подтверждает плодотворность избранной нами методологии, и, в частности, конструирования *производного значения*

философских текстов), и, во-вторых, указывает на преимущества нашей трактовки «сущего» у Парменида как ментального объекта.

§ II. 4 Заключение к главе II

Во второй главе решалась вторая задача диссертации. А именно, мы стремились *показать недостаточную обоснованность античных и современных интерпретаций строк поэмы Парменида, приписывающих ему тривиальные ошибки, для чего были предложены такие интерпретации обсуждаемых строк поэмы Парменида и резюмирующих позицию Парменида положений, в которых эти ошибки отсутствуют*.

В настоящей главе мы уделили внимание анализу современными историками философии положения Парменида «*не-сущее не мыслится*» (28 B 2 DK и др.) и корректности вывода из него положения «*только единое сущее мыслится*». Оба положения допускают несколько трактовок. Мы согласились с А. Мурелатосом и другими сторонниками «стандартной интерпретации Парменида» в том, что не следует приписывать Пармениду вывода из первого положения второго с использованием некорректного вывода из положения «*A* не есть *B*» положения «*A* не существует». Также мы показали, что современными историками философии (Л. М. Де Рейком, Г. Оуэном, А. Мурелатосом, П. Кёрд, М. Фёртом, Э. Ф. Льюисом, Дж. Барнсом, Р. Кетчумом) Пармениду приписываются «модальные» и другие ошибки. Мы показали, что при нашей интерпретации Парменида, которая будет подробно представлена в третьей главе, можно обойтись без приписывания Пармениду этих ошибок.

Касаясь критики Л. М. Де Рейком рассуждения Парменида в 28 B 2 DK, мы показали, что в 28 B 2.3 DK нет некорректного вывода положения «*всё то, что актуально мыслится, существует*». Далее мы проанализировали обвинение Парменида в «самореферентной непоследовательности», предъявляемое ему Г. Оуэном и А. Мурелатосом. В соответствии с этим обвинением, Парменид, утверждая *Положение Парменида* (ПП) *не-сущее не мыслится*, тем самым делает

невозможным мышление самого ПП, а это означает, что ПП неприемлемо. Мы записали ПП в виде ПП1 *не-сущее для какого-либо акта мышления низшего типа не мыслится им* (здесь «акт мышления низшего типа» есть акт мышления, о котором высказывается ПП1, отличный от акта мышления, которым мыслится пропозиция, выраженная в ПП1; ‘*не-сущее для акта мышления A*’ трактуется как ‘*то, на что A не направлен*’, или ‘*то, что не является интенциональным объектом акта A*’).

Мы разобрали ещё несколько «ошибок», которые, по мнению современных исследователей, совершил Парменид. Мы показали, что подозрения в некорректном выводе и в использовании сомнительных положений устраняются, если (*a*) принять отстаиваемую Г. Оуэном экзистенциальную интерпретацию «ἔστι», «есть» в тех высказываниях поэмы Парменида (28 B 2.3; 8.2; 8.9 DK), которые обычно трактуются как ПП, и которые ближе к греческому тексту могут быть записаны как ПП2 ‘*то, что не есть*’ *не мыслится*, и (*b*) признать, что объектом мышления для Парменида является внутренний объект мышления, ментальный объект (как доказывают Г. Оуэн и Дж. Баррингтон), а не реальный объект (такова позиция М. Фёрта, и, по крайней мере, в некоторых отношениях, А. Мурелатоса и П. Кёрд).

Признание (*a*) и (*b*) важно потому, что многие недостатки, приписываемые Пармениду современными исследователями, связаны с восходящей к Г. Калоджеро и пользующейся ныне широким признанием благодаря работам А. Мурелатоса копулятивной интерпретации «есть» в ПП2. В этом случае ПП2 трактуется как тезис о немыслимости предложений с «не есть» (т. е. о невозможности помыслить то, что такие предложения выражают), или как тезис *предложения вида «_не есть_» не мыслятся* (НЕНМ), если использовать способ записи А. Мурелатоса.

Копулятивная интерпретация играет важную роль в том, что А. Мурелатос именует «стандартной интерпретацией» (СИ) поэмы Парменида. С точки зрения СИ, то, что несуществующие вещи и положения дел не могут быть помыслены, выводится из НЕНМ. В СИ из НЕНМ выводится также немыслимость различий в

сущем, его немножественность или единство – обоснование чего является одной из главных целей рассуждения Парменида. Обоснование НЕНМ в СИ состоит в сведе́нии предложения «*S* не есть *P*» к предложению «не существует такого положения дел, что *S* есть *P*», в котором речь идёт о не-сущем, а помыслить не-сущее невозможно.

Проблема с этим доказательством состоит в том, что, как было показано, ПП в исходном виде проблематично из-за самореферентной непоследовательности, и приемлемой версией ПП является ПП1, но, чтобы предложение «не существует такого положения дел, что Ф» было признано не мыслящимся актом мышления *A* на основании ПП1, его содержание должно быть не-сущим для *A*, или тем, на что *A* не направлен. Но последнее недоказуемо на основании ПП1. Видно, что в обосновании немыслимости предложения «не существует такого положения дел, что Ф» неявно используется посылка о немыслимости *просто* не-сущего, а не не-сущего *для акта мышления* (т. е. ПП), а не ПП1. ПП понятно, если «сущим» признаются реальные объекты и положения дел. Но ПП сомнительно в силу выявленных выше трудностей с самореферентной непоследовательностью, а также в силу возможности мыслить ментальные объекты. Если Парменид признавал ПП, то его рассуждение является сомнительным, но этот недостаток вполне устраним, если принять (*a*), (*b*) и трактовать ПП2 не как НЕНМ, а как ПП1.

Также мы показали, что 28 B 2; 6 DK могут быть истолкованы как содержащие «безобидное» положение ПП1, и не содержащие «модальную ошибку», обнаруживаемую в этих фрагментах Г. Оуэном, Дж. Барнсом и Ф. Э. Льюисом.

Мы проанализировали некоторые античные трактовки учения Парменида. Античные философы выдвинули несколько контраргументов к принимаемым ими интерпретациям учения Парменида. Мы показали, что эти интерпретации приписывают Пармениду различные ошибки.

Мы разобрали тексты Платона (*Theaet.* 189b; *Soph.* 238c, 239a, 244c8–9, 256e, 260c) и Аристотеля (*Phys.* A, 3), содержащие критику тезиса Парменида о

единстве сущего. Используя разведение двух способов предикации, которое начал применять уже Аристотель и которое положено в основу современной теории абстрактных объектов Э. Залты, мы указали на открытый для Парменида способ ответить на критику Платона и Аристотеля – при условии трактовки парменидовского «сущего» как абстрактного внутреннего объекта некоторого акта мышления.

Выполненный во второй главе анализ критики положений Парменида показывает, что вторая задача диссертации решена, и, тем самым, обосновано второе положение, выносимое на защиту. А именно, было показано, что *использование для формализации аргументов Парменида против множественности сущего современных технических средств (таких, как теория абстрактных объектов Э. Залты) позволяет заблокировать современную (у А. Мурелатоса, Г. Оуэна, Дж. Барнса, Э. Ф. Льюиса) и античную (из Theaet. 189b и Soph. 238c–260c Платона, Phys. A, 3 Аристотеля) критику корректности этих рассуждений Парменида и критику входящих в эти рассуждения положений*.

Наш анализ античной и современной критики тезиса Парменида о единстве сущего во второй главе продемонстрировал, что такая интерпретация Парменида, которая была бы достаточно доброжелательна по отношению к нему, не приписывая ему тривиальных ошибок, до сих пор не предложена, что показывает оправданность работы по созданию такой интерпретации в следующей – третьей – главе.

Глава III Первая линия аргументации в пользу немножественности сущего в поэме Парменида

§ III.1 Введение к главе III

В третьей главе диссертации мы будем решать первую часть третьей задачи диссертации. Третья задача диссертации формулируется следующим образом: *построить доброжелательную и философски значимую интерпретацию аргументов Парменида против множественности сущего, встраивающую его рассуждения в современные философские дискуссии*. В настоящей главе мы будем заниматься построением интерпретации, удовлетворяющей указанным условиям. Обсуждение места этой интерпретации в современных (как, впрочем, и античных) философских дискуссиях будет осуществлено в следующей – четвёртой – главе.

Интерпретацию, удовлетворяющую указанным условиям, мы будем называть *Первой линией аргументации против множественности сущего* (ПЛ). В настоящей главе мы укажем способ трактовки фрагментов 28 B 2 – B 8.48 DK поэмы Парменида как содержащих ПЛ. Неформально, ПЛ состоит в обосновании того, что *конституенты внутреннего объекта мышления (ВОМ) неразличимы* через выведение этого положения из двух положений: *конституенты ВОМ могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе* (Холистическое допущение для ВОМ) и *конституенты ВОМ неразличимы, если и только если они могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления лишь все вместе* (Критерий неразличимости конституент ВОМ).

В настоящей главе мы предложим более доброжелательную интерпретацию Парменида, чем рассмотренные интерпретации античных философов и современных историков философии. Конечно, это не означает, что наша интерпретация окажется текстологически и исторически более достоверна, чем уже предложенные интерпретации. Но она возможна (в том смысле, что имеется процедура её построения), хотя, может быть, не слишком вероятна. В

соответствии с представленным выше, в главе I, нашим пониманием смысла философского текста, мы планируем предложить такую интерпретацию, которая внесла бы вклад в раскрытие смысла текста сохранившихся фрагментов поэмы Парменида тем, что связала бы положения и аргументы Парменида с положениями, аргументами и теориями, обсуждаемыми в современной философии – такими, как теории абстрактных объектов, теории интенциональных актов, теории пропозициональных установок. Это означает, что мы намерены обрисовать способ построения производного значения для рассматриваемых строк поэмы Парменида. Мы продолжим очерчивать этот способ в четвёртой главе.

В настоящей главе мы предпримем попытку трактовать «сущее» некоторых фрагментах поэмы Парменида не как реальный объект, а как *ноэму*[193] или внутренний (ментальный) объект акта мышления, или внутренний интенциональный объект акта мышления, продолжающую уже упоминавшиеся выше подходы Дж. Баррингтона и Г. Оуэна. Можно также сказать, что в третьей главе будет обсуждаться акт *совершенного* мышления – определённый в § II.2.3 выше, – который не направлен на не-сущее в том смысле, что он направлен только на существующие для этого акта объекты, каковыми объектами являются только внутренние объекты этого акта мышления. Парменидовский тезис о «неделимости (неразличимости) сущего» мы будем понимать следующим образом: конституенты *ноэмы* неразличимы друг с другом[194]. Мы попытаемся

---

[193] Парменид использует термин *ноэма* (νόημα) в 28 B 8.34 DK. Мы используем кальку *ноэма* для обозначения внутреннего (ментального) объекта мышления, или, лучше сказать, ‘*того, что мыслится*’, поскольку ниже будут представлены различные аксиоматизации рассуждения Парменида, в которых ‘*тем, что мыслится*’ являются объекты разных типов – пропозиции, индивиды и отношения между индивидами – именование некоторых из которых «объектами» непривычно и может вызвать путаницу.

[194] Таким образом, наш подход отличается от подхода Т. Робинсона, в соответствии с которым Парменид, рассуждая о «сущем», в действительности рассуждал о тотальности всего сущего (или «сущем в его тотальности (τὸ πᾶν)»), доказывая, что, помимо этой тотальности, других тотальностей всего сущего нет, а также эта тотальность лишена недостатка в чём-либо, и проч. (Робинсон Т. Парменид на пути истинного знания бытия (on coming-to-know of the real) / Пер. В. А. Кульматова // Универсум платоновской мысли: Рационализм или философская религия? Эпистемология Платона (Материалы IV-й Платоновской конференции 14 мая 1996 г. и историко-философского семинара 29 марта – 2 апреля 1997 г.). СПб: Издательство СПбГУ, 1997. С. 56–58). Во многим похожую позицию занимает и В. П. Горан (Горан В. П. Зенон Элейский: радикальное преобразование учения Парменида под видом его защиты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 4. С. 101). Также Т. Робинсон (Робинсон Т. Парменид на пути… с. 57) утверждает, что Парменид использовал в поэме (B 8.33–34) *Принцип тождества неразличимых*; ниже, в § III.7, мы укажем другие строки поэмы, которые можно трактовать как подразумевающие этот принцип. Вопроса о «внутренних различиях» – т. е. о различиях между конституентами этой тотальности – Парменид, по Т. Робинсону, не касался

показать, что обоснование этого тезиса у Парменида может быть проинтерпретировано как формально корректное и философски интересное доказательство. Заметим, что предлагаемая нами в настоящей главе трактовка «сущего» в некоторых фрагментах поэмы Парменида как внутреннего объекта мышления разрабатывается нами ради установления интересных параллелей с аргументами других философов от Протагора до Плотина, о чём пойдёт речь в четвёртой главе, а не ради установления того, что Парменид думал «на самом деле».

Наша интерпретация Парменида разрабатывается нами для того, чтобы очертить процедуру построения *производного значения* для некоторых текстов Парменида. Как было показано в первой главе, *производное значение* не претендует на то, чтобы раскрыть то содержание аргументов философа, которое сам этот философ им придавал. *Производное значение* текстов Парменида зависит от значений текстов других философов, которые в этом случае «раскрывают» содержание исходных текстов. В соответствии с определением *производного значения* в первой главе, исследования текстов самого Парменида для «раскрытия» их *производного значения* недостаточно, и поэтому для его «раскрытия» необходима следующая, четвёртая глава, где *производное значение* исходных текстов Парменида будет «раскрываться» через значение текстов Протагора, Горгия, Платона, Секста Эмпирика и Плотина.

§ III.2 Сущее у Парменида как внутренний объект мышления

(там же. с. 61). Напротив, с точки зрения П. Кёрд (Curd P. The Legacy of Parmenides: Eleatic Monism and Later Presocratic Thought. Las Vegas, Parmenides Publishing, 2004 (Originally published in 1998 by Princeton University Press). P. xxi–xxiii; 94–97) Парменид отвергал лишь «внутренние различия», понимаемые у неё как различия внутри одного сущего, а отсутствие «внешних различий», которые у неё можно трактовать как различия между конституентами τὸ πᾶν, Парменид признавать отказывался. При этом П. Кёрд признаёт, что этот отказ делает позицию Парменида противоречивой (см. ниже, § III.10). Наша интерпретация Парменида отличается и от интерпретации Т. Робинсона, и от интерпретации П. Кёрд. В отличие от обоих этих авторов, мы не трактуем парменидовское сущее как реальный объект. Для нас оно – ментальный объект, ВОМ, неразличимость конституент которого доказывается Парменидом. В предлагаемой в настоящей главе трактовке Парменида нет запрета на тождество и различие ВОМ разных актов мышления, но, в отличие от трактовки П. Кёрд, это не делает нашу трактовку Парменида противоречивой. В следующей главе (см. ниже, § IV.2) мы укажем на трактовку Парменида, в которой ВОМ разных актов мышления могут быть только различными – если трактовать B 3 Парменида (см. подробный анализ ниже, § III.4) как утверждение строгого тождества акта мышления и того, на что он направлен, ВОМ.

Выше, во второй главе, мы уже обсуждали интерпретацию «сущего» (τὸ ἐόν) у Парменида как такого интенционального объекта, который является именно «внутренним», ментальным объектом, характеристики которого полностью задаются в том акте мышления, посредством которого он мыслится[195]. Такая интерпретация парменидовского «сущего» восходит к интерпретации Дж. Баррингтона[196].

Как указывает Дж. Баррингтон, для Парменида '*тем, что мыслится*' нашим мышлением может быть понятие «единорог»[197], вне зависимости от того, присутствуют или отсутствуют единороги из плоти и крови в реальном мире, и от того, можем ли мы вообще помыслить последних. По Дж. Баррингтону, Парменид разрешал мыслить то, что «субсистирует», или находится в области ментального, но не разрешал мыслить то, что «экзистирует», или находится в области реального, и даже помыслить различие субсистирующих и экзистирующих сущих мы не можем[198], ведь наше мышление всегда направлено на субсистирующие объекты и только на них[199], но «субсистирующий» объект, или объект, имеющий «интенсиональное внутреннее существование (intensional inexistence)»[200] не тождественен экзистирующему, экстенсиональному, внешнему или реальному объекту (это положение Дж. Баррингтон предлагает в качестве трактовки 28 B 4 DK), а также объекту когнитивного акта какой-либо другой познавательной способности[201].

Действительно, во фрагменте B 28 B 4.1–2 DK читаем:

---

[195] В настоящем параграфе используется ранее опубликованная статья Берестов И. В. Внутренние объекты мышления у Парменида и Платона // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2014. Т. 12. Вып. 4. С. 86–98.

[196] Barrington J. Parmenides' "The way of Truth" // Journal of the History of Philosophy. 1973. Vol. 11. P. 291–294. Наша трактовка противостоит трактовкам М. Фёрта, А. Мурелатоса, П. Кёрд и Многим другим. Некоторые намёки на трактовку Парменида как «субъективного идеалиста» в том смысле, что сущее у него имеет ментальный характер, можно найти в некоторых процитированных выше высказываниях Г. Оуэна, а также у Ч. Кана, Дж. Барнса, Э. Лонга, Д. Сидли. Несколько изменяя формулировку М. Уидина (Wedin M. V. Parmenides' Grand Deduction: A Logical Reconstruction of the Way of Truth. Oxford (UK): Oxford University Press, 2014. P. 210), эту позицию можно записать в виде $(\forall x)(\forall y)(x$ мыслит $y \rightarrow x$ является строго ментальным объектом), или в виде $(\forall x)(\forall y)(x$ мыслит $y \rightarrow x$ существует в качестве строго ментального объекта), где строго ментальный объект не может быть также и физическим объектом. Сам М. Уидин отклоняет «субъективно-идеалистическую» трактовку Парменида Ч. Кана, Дж. Барнса, Э. Лонга, Д. Сидли, склоняясь к позиции М. Фёрта – *Ibid*. P. 203–229.

[197] Barrington J. Parmenides' "The way of Truth". P. 288.

[198] *Ibid*. P. 292–294.

[199] *Ibid*. P. 291.

[200] *Ibid*. P. 294.

[201] *Ibid*. P. 293–294; 297.

(1) «λεῦσσε δ᾽ ὅμως ἀπεόντα νόῳ παρέοντα βεβαίως·
(2) οὐ γὰρ ἀποτμήξει τὸ ἐὸν ἐόντος ἔχεσθαι…».

На наш взгляд, в соответствии с подходом Дж. Баррингтона, эти строки можно трактовать следующим образом:

(1) «Созерцай же умом, что отсутствующие [т. е. реальные, внешние объекты] суть, тем не менее, непоколебимо присутствующие [как внутренние объекты].
(2) Ведь [отсутствующие реальные объекты] не отсекут [внутреннее] сущее от ‘*того, чтобы оставаться*’ [внутренним] сущим…».

Можно допустить, что Парменид пишет эти две строчки, поскольку имеет в виду следующее рассуждение. Если бы внешний, экзистирующий, реальный объект был бы тождественен внутреннему, субсистирующему объекту, то он не был бы «отсутствующим [в мышлении]». Т. е., как можно предположить, реальный объект не имел бы характеристики, несовместимой с характеристикой ментальных объектов – он не мог бы существовать вне зависимости от мыслящего его акта мышления.

***

Рассмотрим следующее допущение: если излагать точку зрения Парменида в современных терминах, то свойством внутренних, ментальных или интенсиональных (как выражается Дж. Баррингтон) объектов мышления является то, что каждый из них полностью задаётся (кодируется) теми и только теми характеристиками, которыми этот объект наделяется направленным на него актом

мышления[202]. Надёжных свидетельств того, что Парменид представлял себе сущее способом, похожим на этот, у нас нет; в качестве косвенной поддержки этого допущения можно представить лишь несколько небесспорных трактовок нескольких фрагментов поэмы, но каждый из этих фрагментов допускает множество толкований. В указанном смысле можно трактовать весьма распространённый в англоязычном мире способ переводить 28 B 3 DK:

«…τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστίν τε καὶ εἶναι»

«…ведь одно и то же есть для постижения и для бытия
(for the same thing is for conceiving as for being[203])».

В этой трактовке парменидовское сущее существует именно таким, каким оно мыслится – т. е. таким, каким оно задаётся направленным на него актом мышления. Мы могли бы отразить эту трактовку в следующем переводе:

«…ведь то же самое есть «мыслить» [нечто] и «существовать» [для этого нечто]».

Можно трактовать 28 B 3 DK как основание для приведённого выше 28 B 4.1–2 DK, где утверждается, что мыслятся всегда внутренние объекты и только они, и их мышление не зависит от наличия внешних объектов. В этом случае в 28 B 3 DK утверждается следующее: для любого объекта *x*, для любого акта мышления *y*: «*x* мыслится посредством *y*» ↔ «*x* существует». Одной из возможных трактовок так понимаемого «существования» является «интенсиональное внутреннее существование» (как выражается Дж. Баррингтон) или «существование в мышлении».

---

[202] Аналогичным свойством обладают абстрактные объекты в Linsky B., Zalta E. N. Naturalized Platonism versus Platonized Naturalism…; Zalta E. N. Twenty-Five Basic Theorems in Situation and World Theory… .

[203] Перевод из Coxon A. H. The Fragments of Parmenides. A Critical Text with Introduction, Translation, the Ancient *Testimonia* and Commentary. Assen: Van Gorcum, 1986. P. 180.

Однако упоминание «акта мышления *y*» в приведённой трактовке 28 B 3 DK не имеет оснований в тексте этого фрагмента. Поэтому мы до сих пор не ответили на вопрос, о котором упоминали выше: на каком основании мы полагаем, что Парменид рассматривал свои внутренние объекты как задаваемые одним и только одним актом мышления? Прямых или сколько-нибудь надёжных свидетельств в пользу этого нет, но обратим внимание на 28 B 8.34 DK:

«ταὐτὸν δ᾽ ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὕνεκεν ἔστι νόημα·»

«Ведь то же самое, поэтому, есть мыслить [о чём-то] и ‘*то, благодаря чему*’ (οὕνεκεν) есть ‘*то, что мыслится*’».

Это высказывание можно понимать так, что «мыслить» (νοεῖν) совпадает с единственным основанием для существования (οὕνεκεν ἔστι) своего внутреннего интенционального объекта (νόημα). Вполне можно предположить, что «мыслить» (νοεῖν) здесь следует понимать как один акт мышления, поскольку мышление имеет место и при одном акте. Однако мы не найдём в тексте поэмы прямых свидетельств в пользу этого предположения.

Даже если у нас нет надёжных свидетельств в пользу того, что внутренний объект задаётся одним и только одним актом мышления, мы всё равно можем обнаружить такие трактовки некоторых строк поэмы, которые подтверждают тезис о том, что внутренний объект полностью закончен или завершён, в том смысле, что он задаётся фиксированным набором мысленных характеристик, так что никакие новые характеристики не могут быть добавлены, а старые отняты. Можно сказать и так: внутренний объект неизменен в том смысле, что список его характеристик не может быть изменён. Например, Парменид пишет в 28 B 8.32–33 DK:

(32) «οὕνεκεν οὐκ ἀτελεύτησον τὸ ἐὸν θέμις εἶναι·
(33) ἔστι γὰρ οὐκ ἐπιδευές· ἐὸν δ᾽ ἂν παντὸς ἐδεῖτο».

(32) «По этой причине не незаконченным [мыслящемуся через задание его характеристик] сущему повелевается быть:

(33) Ведь [мыслящееся сущее] не нуждается [в чём-либо] – [поскольку, если бы мыслящееся] сущее [нуждалось хоть в чём-то, то оно] нуждалось бы во всём».

В этом фрагменте мы видим утверждение «совершенства» сущего как «законченности», «завершённости», «полноты», ср. ниже, 28 B 8.42 DK:

«τετελεσμένον ἐστίι»

«[Сущее в мышлении] есть завершённое [204]».

Вероятно, в смысле так понятого совершенства внутреннего объекта – который либо задаётся через все свои характеристики и в этом смысле существует полностью, либо не существует вовсе, т. е. не может задаваться частично – можно трактовать и другие строки, например, 28 B 8.11 DK:

«ἢ πάμπαν πελέναι χρεών ἐστιν ἢ οὐχί»

«Либо до́лжно [сущему в мышлении] быть полностью, либо никак».

Ту же мысль можно при желании разглядеть и в 28 B 8.16 DK:

«ἔστιν ἢ οὐκ ἔστιν»

[204] О «совершенстве» сущего у Парменида см. Owen G. E. L. Eleatic Questions // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. Ithaca: Cornell University Press, 1986. P. 20–21; Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides // Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides: Revised and Expanded Edition; With a New Introduction, Three Supplemental Essays, and an Essay by Gregory Vlastos. Las Vegas, Zürich, Athens: Parmenides Publishing, 2008. P. 122–123.

«[Сущее в мышлении либо] есть [полностью], либо не есть [вообще]».

В некоторых других строках мы также можем обнаружить намёки на предложенное выше истолкование «сущего» как внутреннего объекта, полностью конституируемого актом мышления. Например, в 28 B 8.22 DK утверждается, что «всё [сущее в мышлении] есть повсюду равным образом» (ἐπεὶ πᾶν ἔστιν ὅμοιον[205]), что можно трактовать как то, что все сущие, о которых идёт речь в поэме, относятся к одному роду (ср. со «знаком сущего» μουνογενές в 28 B 8.4 DK[206]), к роду сущих, существующих в мышлении и только в нём. О том, что сущие суть «одинаковые» (ὁμόν), Парменид пишет также и в 28 B 8.47 DK. Кроме того, в рассуждениях из 28 B 8.22–25 DK и 28 B 8.45–48 DK речь идёт о том, что «здесь» сущее присутствует не в большей степени, чем «там», «так как [сущее в мышлении] всё есть неприкосновенное» (ἐπεὶ πᾶν ἐστι ἄσυλον). Это опять можно понимать как указание на то, что какое бы ‘*сущее в мышлении*’ мы ни взяли (и «здесь», и «там»), набор его характеристик остаётся «жёстким», его нельзя ни уменьшить, ни увеличить. Как такую «неприкосновенность» мысленного сущего можно трактовать и указание на совершенство (τέλειον) в списке «знаков сущего» – 28 B 8.4 DK. Также как указание на такую «неприкосновенность» ‘*сущего в мышлении*’ можно трактовать многочисленные упоминания Парменида о нерождённости, неподверженности гибели, бездрожности, неподвижности и неизменности сущего – 28 B 8.3–5, 10, 13–14, 19–21, 26, 40–41 DK.

Надо отдавать себе отчёт в том, что отстаиваемая Дж. Баррингтоном трактовка сущего у Парменида как внутреннего объекта мышления пользуется довольно малым признанием у историков философии – несмотря на то, что, как мы уже указывали, имеется хорошо обоснованная точка зрения Г. Оуэна, что предметом исследования Парменида были не физические вопросы, не

---

[205] Перевод выполнен нами в соответствии с рекомендуемым в работе Owen G. E. L. Eleatic Questions… P. 13 прочтением строки 22. Чтение в DK и в Coxon A. H. The Fragments of Parmenides: «ἐπεὶ πᾶν ἔστιν ὁμοῖον» – «так как [сущее] всё есть подобное».

[206] Мы следуем чтению «знаков сущего» из Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 281. Подробнее о «знаках сущего» в начале B 8 см. ниже, § III.6.

космология, но ‘*всё то, что может быть помыслено*’[207]. Именно в этом, по Г. Оуэну, заключается новаторский подход Парменида, ведь такого предмета исследования не было ни у кого из его предшественников[208]. Интерпретация Г. Оуэна основывается на многократных утверждения Парменида, что мышление всегда направлено на нечто существующее [хотя бы в мышлении] – 28 B 2.5; 2.7–8; 6.2; 8.8–9; 8.16 DK. Парменид, по Г. Оуэну, не пытался доказать, что Вселенная вечна и сферична[209], но говорил о том, что объектом акта мышления может быть только сущее, все характеристики которого положительны и фиксированы, в этом смысле оно не имеет изъянов и совершенно, и по своему совершенству «*подобно* глыбе хорошо закруглённого шара» (εὐκύκλου σφαίρης ἐναλίγκιον ὄγκῳ, 28 B 8.43 DK).

В этой интерпретации Парменида каждое сущее «совершенно» или «по́лно» в том смысле, что набор его свойств закончен, непополняем и неуменьшаем. «Неделимость» или «неразличимость» сущего у Парменида здесь трактуется как неразличимость пропозиций о каждом фиксированном внутреннем интенциональном объекте, что можно рассматривать как основание для утверждения, что свойства каждого фиксированного внутреннего интенционального объекта также неразличимы.

Ниже, в §§ III.4–III.6, мы ещё раз коснёмся упомянутых в настоящем параграфе строк 28 B 3; 8.32–33 DK и других, представим более точную их трактовку и укажем на их роль в парменидовском доказательстве упомянутого выше тезиса о «неделимости (неразличимости) сущего».

§ III.3 Три трактовки *Первой линии аргументации* у Парменида

В оставшейся части настоящей главы мы намерены предложить такую интерпретацию релевантных фрагментов поэмы Парменида, в соответствии с

---

[207] Owen G. E. L. Eleatic Questions… P. 16; Owen G. E. L. Plato and Parmenides on the Timeless Present // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. Ithaca: Cornell University Press, 1986. P. 28.

[208] Owen G. E. L. Eleatic Questions… P. 16.

[209] Owen G. E. L. Eleatic Questions… P. 23.

которой Парменид доказывает упомянутый выше тезис о «неделимости (неразличимости) сущего», который более точно можно сформулировать следующим образом:

(T1) *Пропозиции о сущих, как не являющиеся конституентами сложного (целого) внутреннего (ментального) интенционального объекта, так и являющиеся ими, неразличимы; характеристики таких объектов, их конституенты и характеристики таких конституент (если таковые имеются) также неразличимы.*

Попытаемся связать (T1) с текстом поэмы Парменида[210]. Конечно, углядеть в поэме (T1) в представленной формулировке затруднительно. Но мы полагаем, что некоторые высказывания Парменида можно трактовать как признание следующих двух положений (T2) и (T3), являющихся посылками в его доказательстве.

(T2) *Ноэмы (внутренние или ментальные интенциональные объекты актов мышления определённого типа, иначе говоря, содержания этих актов), являющиеся конституентами сложного внутреннего объекта мышления (или задающие, определяющие его), могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе (полностью, неумаляемо, совершенным образом, как нечто законченное, равным образом, для всех ноэм одинаково)*.

Можно обнаружить довольно много высказываний в поэме, свидетельствующих о возможном признании Парменидом (T2).

---

[210] В этом и последующих параграфах настоящей главы использованы опубликованные нами ранее статьи: Берестов И. В. Принцип «неразличимости тождественных» в парменидовском обосновании немыслимости множественности и различий в сущем // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9, вып. 3. С. 135–144; Берестов И. В. Сущее как интенциональный объект мышления и «единство сущего» у Парменида // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2015. № 4. С. 23–36; Берестов И. В. «Единство сущего» у Парменида как неразличимость конституент *ноэмы* // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 240–253.

(Т3) *Ноэмы неразличимы, если и только если они могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе.*

Текстуальные свидетельства в пользу признания Парменидом (Т3) весьма скудны, однако одна из интерпретаций современными исследователями *Пути Мнения* в 28 B 8.51–61 DK предоставляет некоторые основания в пользу этого признания.

Из (Т2) & (Т3) следует заключение:

(Т4) *Ноэмы, задающие сложный внутренний интенциональный объект, неразличимы.*

Выведение (Т4) из (Т2) & (Т3) мы называем *Первой линией аргументации против множественности сущего* (ПЛ). Положение (Т2) является более точной и приближенной к тексту поэмы Парменида приведённого выше *Холистического допущения для внутренних объектов мышления (ВОМ)*, а положение (Т3) – *Критерием неразличимости конституент ноэмы (т. е. конституент ВОМ)*. Ниже будут анализироваться способы формализации выведения (Т4) из (Т2) & (Т3). Заметим, что ниже мы укажем на более общие формулировки холистических допущений, чем (Т2), не ограничивающиеся только целыми, конституентами которых являются внутренние объекты мышления. А именно, мы покажем, что (Т2), как и рассматриваемые ниже его уточнения, частные случаи и формализации могут быть получены с использованием рассматриваемых нами ниже, в § III.11.2, холистических допущений (Н) и ($Н^1$).

По поводу представленной версии ПЛ и других её версий, которые будут рассматриваться ниже, следует заметить, что они получаются на основе анализа оригинальных текстов, но могут содержать скрытые посылки, без которых аргумент не состоялся бы, но текстуальные свидетельства в пользу которых слабы или отсутствуют. Однако скрытые посылки необходимо вводить, поскольку без

них аргумент оказался бы несостоятельным, даже если у нас нет надёжного способа убедиться, что Парменид или другой античный философ их подразумевал. И даже посылки, как-то связанные с оригинальным текстом, не являются наиболее точными или наилучшими в текстологическом смысле его интерпретациями. Однако, в соответствии с методологией настоящего исследования, представленной в первой главе, мы не стремимся выявить, что думал древний философ «на самом деле», но лишь пытаемся указать на возможное значение древних текстов для последующих – в том числе современных – философских дискуссий. Как мы показали в первой главе, для достижения этой цели допустимо использовать не самые текстологически вероятные интерпретации.

В поэме имеются некоторые текстуальные свидетельства в пользу того, что Парменид доказывал (T4), хотя для этого нужно проинтерпретировать «[сущее] неделимо» из 28 B 8.22 DK как «[сущее] неразличимо [в мышлении]». Ниже, при формализации (T3) и (T4), мы будем, кроме того, считать, что «неразличимость» можно заменить «тождественностью».

Заметим, что помимо прямых текстуальных свидетельств в пользу признания Парменидом (T2), можно привести ещё и присутствующее уже у Платона в диалоге «Парменид» и излагаемое персонажем Парменидом понимание «целого», которого вполне мог бы придерживаться также и исторический Парменид, и которое при некоторых условиях влечёт (T2).

Указанное понимание целого мы сформулируем в следующем виде:

(T5) *В целом объекте все его части (конституенты, характеристики) соотнесены друг с другом*.

Положение (T5) можно считать выражающим один из аспектов того, что подразумевается под «частью» и «целым» в обыденном греческом языке (как, впрочем, и в русском).

Положение (T5) совместимо с любой подразумеваемой концепцией сложного объекта (по крайней мере, если речь идёт о двух классических теориях объекта[211], во всех их многочисленных модификациях), поэтому принимающий (T5) не подвергается риску быть оспоренным приверженцами альтернативной концепции. Вероятно, рассуждения Платона о целом и частях из *Parm*. 137c7–8[212], где утверждается, что целое является целым, состоящим из частей, а части являются частями целого (ср. с *Theaet*. 205a4–7) можно трактовать как признание чего-то в этом роде. То же самое относится к пояснению Аристотеля в *Met*. Δ, 26, 1023b 26–27. Во всех этих случаях речь идёт о том, что целое (τὸ ὅλον) – то, что не лишено ни одной из своих частей, или то, в чём ничто не отсутствует[213].

Можно сказать, что в (T5) утверждается невозможность для каждой части целого существовать без других вещей – ведь при изменении их связей части приобретают другие характеристики, а значит, утрачивают свою идентичность. Если под «существованием» здесь мы будем понимать «существование в мышлении», то можно сказать, что (T5) влечёт следующее:

(T6) *Часть внутреннего интенционального целого объекта мыслится фиксированным актом мышления если и только если этим же актом мышления мыслятся все части этого объекта*.

Положение (T6) есть просто другая формулировка положения (T2).

Рассуждению Парменида можно дать несколько интерпретаций, каждая из которых логически корректна и имеет схожие доводы в пользу используемых в

[211] В первой теории, возводимой к Аристотелю, объект понимается как носитель свойств, или субстрат и *все* свойства объекта (*Met*. Z, 3, 1029a 1–25); ссылки на «Метафизику» Аристотеля даются по Aristotle. Aristotle's Metaphysics / Ed. by W. D. Ross. In 2 Vols. Oxford: Clarendon Press, 1924. Во второй теории, возводимой к Д. Юму, Б. Расселу, Э. Дж. Айеру объект понимается как пучок, содержащий *все* свойства объекта и только их, без какого-либо субстрата. См., например, Loux M. J. Substance and Attribute: A Study in Ontology. Dortrecht (Holland): D. Reidel Publishing Company, 1978. P. 107–115.

[212] Ссылки на диалоги Платона даются по: Plato. Platonis opera / Ed. J. Burnet. Vol. I–IV. Oxford: Clarendon Press, 1901–1902.

[213] См. также обсуждение этого в Harte V. Plato on Parts and Wholes: The Metaphysics of Structure. Oxford New York: Clarendon Press, 2002. P. 43. По *ibid*., P. 277, Платон придерживался «холистского» понимания целого, так что часть для него характеризуется её отношениями с этим целым и с другими его частями.

ней посылок. Эти интерпретации соответствуют возможным трактовкам *ноэмы* в (Т2), (Т3) и (Т4). Ниже мы разберём три интерпретации.

В первом случае *ноэма* – пропозиция. Для этого случая положения (Т2), (Т3) и (Т4) можно сформулировать следующим образом:

(Т2*a*) *Пропозиции, задающие сложный внутренний интенциональный объект, могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе*.

(Т3*a*) *Пропозиции неразличимы, если и только если они могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе*.

(Т4*a*) *Пропозиции, задающие сложный внутренний интенциональный объект, неразличимы*.

Вторая возможная трактовка *ноэмы* в (Т2), (Т3) и (Т4) – внутренний (ментальный) интенциональный индивид, на который направлен некоторый интенциональный акт мышления. Такими индивидами являются задаваемые мысленно внутренние (ментальные) интенциональные объекты. И задаются они тем, что связываются друг с другом мыслящимися отношениями. Таким способом связанные интенциональные индивиды составляют один сложный внутренний интенциональный объект; конституентами последнего, помимо индивидов, являются мысленно приписываемые им характеристики – свойства и отношения. В этом случае положения (Т2), (Т3) и (Т4) можно сформулировать следующим образом:

(Т2*b*) *Внутренние интенциональные индивиды, содержащиеся в сложном внутреннем интенциональном объекте, могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе*.

(Т3*b*) *Внутренние интенциональные индивиды неразличимы, если и только если они могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе*.

(Т4*b*) *Внутренние интенциональные индивиды, содержащиеся в сложном (целом) внутреннем интенциональном объекте, неразличимы*.

Третья возможная трактовка *ноэмы* в (Т2), (Т3) и (Т4) – конституента сложного внутреннего (ментального) интенционального объекта, на который направлен некоторый интенциональный акт мышления. Конституента сложного внутреннего интенционального объекта – такой интенциональный объект, о котором можно сказать, что сложный внутренний интенциональный объект задаётся посредством него. Конституента может быть несобственной, т. е. она может совпадать с тем объектом, конституентой которого она является. Также конституентами сложного внутреннего интенционального объекта являются:

– внутренние интенциональные индивиды, содержащиеся в сложном ментальном интенциональном объекте (последний также является интенциональным индивидом);

– свойства и отношения, приписываемые внутренним интенциональным индивидам в интенциональном акте;

– пропозиции, задающие сложный внутренний интенциональный объект.

В этом случае положения (Т2), (Т3) и (Т4) можно сформулировать следующим образом:

(Т2*c*) *Конституенты внутреннего интенционального объекта, посредством которых этот объект задаётся, могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе*.

(Т3*c*) *Конституенты каких-либо внутренних интенциональных объектов неразличимы, если и только если они могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе*.

(Т4*c*) *Конституенты внутреннего интенционального объекта, посредством которых задаётся сложный (целый) внутренний интенциональный объект, неразличимы*.

Видно, что третье рассуждение является более общим, чем первое или второе рассуждение, первые два рассуждения являются его частными случаями при интерпретации «конституенты интенционального объекта» в третьем рассуждении как «пропозиции» (первое рассуждение) или как «интенционального индивида» (второе рассуждение). Все три рассуждения, соответствующие трём трактовкам *ноэмы*, корректны, но на основании имеющегося текста поэмы мы вряд ли можем отдать предпочтение какому-либо одному из них. Поэтому далее мы будем говорить о свидетельствах из текста поэмы Парменида в пользу (Т2), (Т3) и (Т4), без уточнения, как именно следует интерпретировать *ноэму*. После рассмотрения текстуальных свидетельств из 28 B 8 DK, с целью уточнения аргументации в ПЛ и выявления её оснований, а также для раскрытия связи ПЛ, являющейся интерпретацией 28 B 8 DK, с 28 B 2 DK, мы рассмотрим формализации трёх только что полученных версий ПЛ: вывода (Т4*a*) из (Т2*a*) & (Т3*a*); вывода (Т4*b*) из (Т2*b*) & (Т3*b*); и вывода (Т4*c*) из (Т2*c*) & (Т3*c*).

§ III.4 Свидетельства в пользу (Т3)

Некоторые намёки на то, что Парменид мог бы иметь в виду нечто до известной степени похожее на (Т3), можно обнаружить в обсуждении *Пути мнения* из 28 B 8.51–61 DK в современных историко-философских исследованиях. С точки зрения А. Мурелатоса и П. Кёрд, противоположности Огонь и Ночь не могут быть поименованы отдельно друг от друга. Об этом свидетельствует

высказывание Парменида в 28 B 8.54 DK: «ни одну из каковых [противоположностей; *sc*. Огонь и Ночь] не до́лжно [именовать]» – τῶν μίαν οὐ χρεών ἐστιν [ὀνομάζειν][214]. Предполагаемым интерпретаторами основанием для этого является то, что противоположности определяются (а значит, и мыслятся) только друг через друга. Таким образом, каждая из противоположностей не мыслится «сама по себе», не является подлинным, полностью определённым объектом, могущим быть постигнутым независимо. В этом смысле взаимоопределяемые объекты не являются подлинными или подлинно мыслящимися объектами[215].

§ III.5 Свидетельства в пользу (T4)

Приведём теперь те строки поэмы, в которых, с нашей точки зрения, содержится заключение доказательства Парменида – (T4). Наша трактовка последующих строк будет основываться на приведённой выше трактовке 28 B 8.15–16 DK. Рассмотрим фрагмент 28 B 8.22–25 DK:

(22) «οὐδὲ διαιρετόν ἐστιν, ἐπει πᾶν ἔστιν ὅμοιον[216]
(23) οὐδέ τι τῇ μᾶλλον, τό κεν εἴργοι μιν συνέχεσθαι,
(24) οὐδέ τι χειρότερον, πᾶν δ᾽ ἔμπλειόν ἐστιν ἐόντος.
(25) τῷ ξυνεχὲς[217] πᾶν ἐστιν, ἐον γὰρ ἐόντι πελάζει».

---

[214] Наш перевод следует переводу П. Кёрд из Curd P. The Legacy of Parmenides… P. 110: «not one of which is it right to name». Перевод и трактовка этого высказывания являются предметом оживлённых дискуссий у исследователей, обсуждение полемики и альтернативные точки зрения см. в Curd P. The Legacy of Parmenides… P. 109–110; Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 80–87.

[215] Это наше утверждение основывается на исследованиях: Curd P. The Legacy of Parmenides…; Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 106–110; 80–87; 131–132; Mourelatos A. P. D. Determinacy and Indeterminacy, Being and Non-Being in the Fragments of Parmenides // Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides: Revised and Expanded Edition; With a New Introduction, Three Supplemental Essays, and an Essay by Gregory Vlastos. Las Vegas, Zürich, Athens: Parmenides Publishing, 2008. P. 347–348.

[216] Перевод выполнен нами в соответствии с рекомендуемым в Owen G. E. L. Eleatic Questions // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. Ithaca: Cornell University Press, 1986. P. 13 прочтением строки 22. Чтение в DK и у А. Мурелатоса: «ἐπει πᾶν ἔστιν ὁμοῖον» – «так как [сущее] всё есть подобное».

[217] В ξυνεχὲς повторяется знак сущего συνεχές из 28 B 8.6 DK, смысл ξυνεχὲς здесь также совпадает со смыслом συνεχές, который мы описали выше.

(22) «И [сущее *A*, являющееся сложной *ноэмой*, мысленно] неделимо [= конституенты *A* – пропозиции «a_1 *есть* P_1», «a_2 *есть* P_2», … или внутренние интенциональные объекты a_1, a_2, … – мысленно неразличимы друг с другом], так как всё [сущее *A* как внутренний интенциональный сложный объект] есть [= задаётся через свои конституенты] повсюду [= во всех аспектах, для любой своей конституенты] равным образом,

(23) И здесь [=сущее *A* в аспекте одной своей конституенты] есть не в большей степени [, чем сущее *A* есть в аспекте другой своей конституенты], – что препятствовало бы его [= сущего *A* как целого] плотности (связности, непрерывности, неразрывности), –

(24) и не в меньшей степени [сущее *A* есть в аспекте одной своей конституенты, чем сущее *A* есть в аспекте другой своей], но всё [сущее *A* как целое] наполнено сущим [т. е. наполнено своими конституентами – *ноэмами* как пропозициями «a_1 *есть* P_1», «a_2 *есть* P_2», …, или как внутренними интенциональными объектами a_1, a_2, …, такими, что a_1 *есть* P_1, a_2 *есть* P_2, …; «наполнено» в том смысле, что нельзя ни добавить новые конституенты, ни отнять уже имеющиеся].

(25) Благодаря этому всё [сущее *A* как целое] есть плотное (связное, непрерывное, неразрывное). Ведь сущее [пропозиция «a_1 *есть* P_1», или внутренний интенциональный объект a_1 такой, что a_1 *есть* P_1] плотно примыкает к сущему [к пропозиции «a_2 *есть* P_2», или к внутреннему интенциональному объекту a_2 такому, что a_2 *есть* P_2]».

В 28 B 8.22–25 DK мы видим утверждение мысленной «неделимости» или «неразличимости» (διαιρετόν) конституент *ноэмы* как целого – (T4) – на основании того, что эта *ноэма* как целое всегда «наполнена» (ἔμπλειόν) своими конституентами, «плотно примыкающими» (πελάζει) друг к другу, так что *ноэма* как целое не может мыслиться без мышления всех своих конституент. В этом же смысле *ноэма* как целое «неразрывна» (ξυνεχὲς), в каждом направленном на неё акте мышления существует в одном аспекте не больше и не меньше, чем в

другом, т. е. каждая конституента *ноэмы* как целого мыслится не в большей и не в меньшей степени, чем другая, так что *ноэма* как целое «существует вся равным образом» (πᾶν ἔστιν ὅμοιον). Таким образом, (T4) провозглашается на основании (T2).

Теперь рассмотрим фрагмент 28 B 8.45–48 DK:

(45) οὔτε τι βαιότερον πελέναι χρεόν ἐστι τῇ ἢ τῇ.
(46) οὔτε γὰρ οὐκ ἐον ἔστι, τό κεν παύοι μιν ἱκνεῖσθαι
(47) εἰς ὁμόν, οὔτ᾽ ἐὸν ἔστιν ὅπως εἴη ἐοντος
(48) τῇ μᾶλλον τῇ ἧσσον, ἐπεὶ πᾶν ἐστι ἄσυλον.

(45) [Сущему *A* как сложной *ноэме*] не до́лжно присутствовать [в мышлении] здесь [= в аспекте одной своей конституенты] менее, чем там [= в аспекте другой своей конституенты].
(46) Ведь не есть не-сущее [= для мышления не существует ‘__не есть__’, т. е., если при мышлении *A* каким-либо актом мышления им мыслится «a_1 *есть* P_1», то ни один акт мышления, мыслящий *A*, не обходится без мышления «a_1 *есть* P_1»; иначе говоря, *ноэма A*, мыслящаяся посредством мышления некоторой своей конституенты, не может быть помыслена без мышления этой конституенты[218]], которое сдерживало бы примыкание [сущего, являющегося конституентой *A*]
(47) к одинаковому [= тождественному] с ним [сущему, также являющемуся конституентой *A*], подобно тому, как сущее [*A* как целое] не есть
(48) здесь [= в аспекте одной своей конституенты], более, а там [= в аспекте другой своей конституенты] – менее, так как [сущее *A* как целое] всё [= полностью, во всех аспектах] есть неумаляемое [в том смысле, что у сущего *A* как целого нельзя отнять имеющиеся у него конституенты].

[218] Наша трактовка фразы «ведь не есть не-сущее» (οὔτε γὰρ οὐκ ἐον ἔστι) близка к нашей трактовке 28 B 2.7–8 DK, см. выше.

Смысл 28 B 8.45–48 DK весьма близок смыслу 28 B 8.22–25 DK. Здесь утверждается, что каждая конституента *ноэмы* как целого, если *ноэма* как целое вообще может быть помыслена, «одинакова» или «тождественна» (ὁμόν) с другой её конституентой, что является заключением доказательства, (T4), и является другой формулировкой тезиса о мысленной «неразличимости» (οὐδὲ διαιρετόν) этих конституент из 28 B 8.22 DK. Основанием для этого является то, что каждая конституента может мыслиться только вместе со всеми другими, т. е. каждая «примыкает» (ἱκνεῖσθαι) к каждой (28 B 8.46 DK).

Та же мысль излагается способом, повторяющим способ её изложения в 28 B 8.22–25 DK: *ноэма* как целое существует в одном аспекте не больше и не меньше, чем в другом, т. е. каждая конституента *ноэмы* как целого мыслится не в большей и не в меньшей степени, чем другая. Здесь, в 28 B 8.45–48 DK, мы видим перефразировку утверждения из 28 B 8.22–25 DK о том, что сущее как *ноэма* «наполнено» (ἔμπλειόν) сущими, являющимися её конституентами, а значит, не допускает ни увеличения, ни уменьшения их числа: сущее как *ноэма* объявляется «неумаляемым» (ἄσυλον), т. е. не допускающим уменьшения числа своих конституент, в 28 B 8.48 DK. Таким образом, здесь, как и в предыдущей цитате, мы видим провозглашение (T4) на основании (T2), и (T2) даётся в форме утверждений о «полноте» и «неразрывности» *ноэмы*, смысл которых близок к смыслу утверждений о «совершенстве» *ноэмы*, которые были приведены выше.

§ III.6 Свидетельства в пользу (T2)

Можно предположить, что Парменид, утверждая в исходном списке «знаков сущего» из 28 B 8.3–6 DK

(3) «[…], ὡς ἀγένητον ἐὸν καὶ ἀνώλεθρόν ἐστιν,
(4) οὖλον μουνογενές τε καὶ ἀτρεμὲς ἠδὲ τέλειον·
(5) οὐδὲ ποτ᾽ ἦν οὐδ᾽ ἔσται, ἐπεί νῦν ἐστιν ὁμοῦ πᾶν

(6) ἕν, συνεχὲς·…[219]»

(3) «[…], что/как нерождённое сущее [как *ноэма*] и негибнущее есть,
(4) целиком моногенное, и бездрожное и совершенное:
(5) оно не было и не будет, так как есть сейчас всё вместе
(6) единое, связное (непрерывное, неразрывное) …»

подразумевал нечто подобное положению (T2). Сущее как *ноэма* является «целиком моногенным» (οὖλον μουνογενές), т. е. имеет одно генерирующее, осуществляющее его начало (= акт мышления, посредством которого оно мыслится). Это следует понимать так: каждым мыслящим некоторое сущее актом мышления сразу же и все вместе мыслятся также и конституенты этого сущего (также являющиеся *ноэмами*). Из этого следует, что запрещается следующая ситуация: несколько актов мышления (один или более) мыслят конституенты целого (одну, несколько или все), не мысля само целое, при этом имеется ещё один акт мышления, который синтезирует помысленные предыдущими актами мышления конституенты в одно целое, т. е. мыслит и целое, и его конституенты.

В этом же духе можно трактовать и другие «знаки сущего» из 28 B 8.4–6 DK[220]. Сущее есть «нерождённое и негибнущее» (ἀγένητον καὶ ἀνώλεθρόν), оно «не было и не будет» (οὐδὲ ποτ᾽ ἦν οὐδ᾽ ἔσται), как не допускающее изменения в наборе задающих его конституент. Сущее «бездрожно» (ἀτρεμὲς) в смысле его «непоколебимости», ведь всё, что его конституирует, мыслится только всё вместе. Сущее «совершенно» или «закончено» (τέλειον) как не допускающее изменения в наборе задающих его конституент, которые могут мыслиться только все вместе.

[219] Греческий текст 28 B 8.4–6 DK приводится по А. Мурелатосу – Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides // Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides: Revised and Expanded Edition; With a New Introduction, Three Supplemental Essays, and an Essay by Gregory Vlastos. Las Vegas, Zürich, Athens: Parmenides Publishing, 2008. (Originally published in 1970 by Yale University Press). P. 279–284, – в DK текст существенно отличается. Если не оговорено обратное, то греческие цитаты из других фрагментов поэмы Парменида в настоящей главе также приводится по А. Мурелатосу.

[220] В настоящее время «знаки сущего» активно обсуждаются исследователями Парменида. См., например: Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides… P. 94–114; Curd P. The Legacy of Parmenides… P. 67–76; Вольф М. Н. Философский поиск… С. 305–323; Вольф М. Н. Знаки сущего на пути «есть» Парменида. С. 97–110; Вольф М. Н. Метод гипотез и обоснование знаков сущего у Парменида // Платоновские исследования. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 45–67.

Мыслящееся сущее «есть сейчас всё вместе единое, связное» (νῦν ἐστιν ὁμοῦ πᾶν ἕν, συνεχὲς) в том смысле, что все его конституенты задаются и мыслятся только все вместе.

Представленное истолкование означает, что многочисленные высказывания о неизменности и неподвижности сущего можно трактовать так же, как мы только что истолковали бездрожность, нерождённость и неуничтожимость сущего. См., например, запрет происходить чему-либо, помимо него самого́ (γίγνεσθαί τι παρ᾽ αὐτό), от сущего (ἐκ τοῦ ἐόντος) (или от не-сущего (ἐκ μὴ ἐόντος) – в разных редакциях)[221], рождаться и гибнуть сущему (οὔτε γενέσθαι οὔτ᾽ ὄλλυσθαι) – 28 B 8.12–13 DK. О том, что сущее не становится, не «было» и не «будет», но только «есть», так что рождение (γένεσις) и гибель (ὄλεθρος) сущего недопустимы, Парменид пишет в 28 B 8.19–21 DK. «Неподвижным» (ἀκίνητον), или, если переводить этот термин более широко, «неизменным» Парменид называет сущее в 28 B 8.26 DK. Как не подверженное ни рождению (γένεσις), ни гибели (ὄλεθρος), оно «безначально» (ἄναρχον) и «непрекратимо» (ἄπαυστον) – 28 B 8.27 DK. Также о неприменимости к сущему «рожаться», «гибнуть», «быть [в прошлом]», «не быть», «изменять место» и «изменять яркость цвета» (γίγνεσθαί τε καὶ ὄλλυσθαι, εἶναι τε και οὐχί, καὶ τόπον ἀλλασσειν διά τε χρόα φανὸν ἀμείβειν) Парменид пишет в 28 B 8.40–41 DK.

Поскольку список «знаков сущего» находится в самом начале 28 B 8 DK, есть основания считать (T2) одной из посылок, из которых исходит последующее доказательство неразличимости конституент сущего как внутреннего интенционального объекта мышления.

Признание (T2) можно обнаружить в поэме во многих местах, как во фрагментах, предшествующих 28 B 8 DK, так и в 28 B 8 DK, до и после утверждения (являющегося доказываемым тезисом) о неразличимости *ноэм*, задающих сложный внутренний интенциональный объект в 28 B 8.22; 8.47 DK. В качестве примера приведём цитату – в некоторой степени оправдывающую использование нами кальки *ноэма* – из 28 B 8.32–36 DK:

[221] Обсуждение разночтений см. в: Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 101, note 11.

(32) «οὕνεκεν οὐκ ἀτελεύτητον τὸ εὸν θέμις εἶναι·
(33) ἔστι γὰρ οὐκ ἐπιδευές· εὸν δ᾽ ἂν παντὸς ἐδεῖτο.
(34) ταὐτὸν δ᾽ ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὕνεκέν ἐστι νόημα·
(35) οὐ γὰρ ἄνευ τοῦ ἐόντος, ἐν ᾧ πεφατισμένον ἐστίν,
(36) εὑρήσεις τὸ νοεῖν·»

(32) «По этой причине не незаконченным сущему [как *ноэме*] повелевается быть:
(33) ведь [сущее как *ноэма*] не нуждается [в чём-либо] – [поскольку, если бы] сущее [как *ноэма* нуждалось хоть в чём-то, то оно] нуждалось бы во всём.
(34) Ведь то же самое, поэтому, есть мыслить [*ноэму*] и ‘*то, благодаря чему*’ есть *ноэма*.
(35) Ибо без сущего [как *ноэмы*], о котором [предложение] высказалось,
(36) ты не найдёшь мышления».

А. Мурелатос считает возможным перефразировать «ἐν ᾧ πεφατισμένον ἐστίν» как «to which it stands committed» – «к каковому [*sc*. ‘*тому, что есть*’] оно [*sc*. мышление] привержено)»[222]. А. Мурелатос переводит τὸ ἐόν как «what-is» – ‘*то, что есть*’. Это позволяет говорить об «обязательстве» (commitment) мышления мыслить (т. е. иметь в качестве *ноэмы*) ‘*то, что есть*’. Если под «приверженностью к ‘*тому, что есть*’» понимать не «приверженность к реальности», а «приверженность к утвердительным предложениям, вида ‘_есть_’» (А. Мурелатос принимает оба толкования), то эта «приверженность» может означать невозможность для какого-либо акта мышления «достичь», т. е. помыслить, пропозицию, соответствующую предложению ‘*S* не есть *P*’, если некоторый акт мышления мыслит пропозицию, соответствующую предложению ‘*S* есть *P*’ об *одном и том же* внутреннем интенциональном объекте *S*. Эта

[222] Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 172.

трактовка «приверженности» является следствием (Т3*а*). Возможно, Парменид утверждает нечто подобное в 28 B 2.7–8 DK:

(7) «οὔτε γὰρ ἂν γνοίης τό γε μὴ ἐὸν (οὐ γὰρ ἀνυοστόν)
(8) οὔτε φράσαις».

(7) «Ведь [ты] не познал бы, право же, ‘_не есть_’ (ведь [‘_не есть_’] недостижимо [для мышления]),
(8) ни высказал бы [‘_не есть_’]».

Способ перевода, при котором τὸ ἐόν передаётся как ‘_есть_’, а τὸ μὴ ἐόν – как ‘_не есть_’, мы заимствуем у А. Мурелатоса[223], который полагает возможным переводить ἔστιν в 28 B 2.3 DK и многих других случаях как обозначение для определённой структуры предложения: ‘_есть_’. Тем не менее, наша трактовка получившегося текста отличается от его трактовки.

Мы видим здесь утверждение, что сущее является «не незаконченным» или «законченным» (οὐκ ἀτελεύτητον), что мы трактуем как осознание Парменидом того, что *ноэма* может мыслиться каждым из актов мышления, посредством которых она мыслится, только вся и сразу, т. е. все задающие её *ноэмы* (если таковые имеются) могут мыслиться посредством какого-либо акта мышления только все вместе, симультанно. Из этого, по *modus tollens*, следует, что если бы *ноэма* не была задана полностью, т. е. нуждалась бы в чём-то, то она не могла бы мыслиться, т. е. её не существовало бы как *ноэмы*, как внутреннего интенционального объекта мышления, и в этом смысле она «нуждалась бы во всём» (ἂν παντὸς ἐδεῖτο) (28 B 8.32 DK). Довольно загадочную строчку 28 B 8.34 DK можно истолковать как утверждение того, что *ноэма* имеет в качестве единственного основания для своего существования тот акт мышления, который на неё направлен, так что, опять, всё, что мыслится о фиксированной *ноэме,* мыслится полностью каждым актом мышления, внутренним интенциональным

[223] Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 70–71.

объектом которого она является. B 28 B 8.35–36 DK утверждается, что основанием существования акта мышления является существование мыслящейся им *ноэмы*. Таким образом, из 28 B 8.34–36 DK можно заключить, что акт мышления существует тогда и только тогда, когда существует мыслимая им *ноэма*. Это утверждение можно, на наш взгляд, рассматривать как одну из возможных интерпретаций 28 B 3 DK:

«…τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστίν τε καὶ εἶναι».

«…ведь для любого акта мышления и для любой *ноэмы* акт мышления направлен на *ноэму* тогда и только тогда, когда *ноэма* существует».

Это положение можно рассматривать как задающее «существование» как, в терминологии Дж. Баррингтона, «интенсиональное внутреннее существование»[224] или «существование в мышлении».

Хорошо известная проблема с интерпретацией 28 B 3 DK состоит в лапидарности этого фрагмента, затрудняющей его истолкование и порождающей множество трактовок. Чтобы обосновать нашу трактовку нужно разобрать другие интерпретации. Наиболее близким к тексту переводом этого фрагмента будет следующий:

«…τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστίν τε καὶ εἶναι».
«…ибо то же самое есть “мыслить [*ноэму*]” и “быть [*ноэмой*]”».

Перевод 28 B 3 DK не представляет трудностей, но как это следует понимать? Л. М. Де Рейк отмечает следующее обстоятельство. Как и в 28 B 3 DK, ταὐτον встречается в 28 B 8.34 DK, где тождество является, как полагает Л. М. Де Рейк, наиболее тесным соотношением мышления и Сущего (Being), которое далее описывается в терминах коэкстенсивности (одинакового объёма

[224] Barrington J. Parmenides’ “The way of Truth” // Journal of the History of Philosophy. 1973. Vol. 11. P. 294.

этих понятий). Поэтому 28 B 3 DK уместно, по Л. М. Де Рейку, в свете 28 B 8.34–38 DK пересказать в виде: «…ибо мышление не может быть обнаружено, если оно не затрагивает Сущее (Being)»[225]. Данный перевод отражает ту концепцию «приверженности мышления сущему», которую усмотрел у Парменида А. Мурелатос[226].

Так же как А. Мурелатос и Л. М. Де Рейк, П. Кёрд переводит и трактует 28 B 3 DK, исходя из своей (восходящей к А. Мурелатосу) интерпретации 28 B 8.34–38 DK. Действительно, в 28 B 8.34 DK в переводе П. Кёрд говорится следующее:

> «Одна и та же вещь есть для мышления и [есть] ‘*то, ради чего*’ / ‘*то, из-за чего*’ имеется мышление
> (The same thing is for thinking and wherefore there is thought[227])».

Отстаивая свой перевод 28 B 8.34 DK, П. Кёрд пытается избавиться от отождествления акта мысли о ‘*том, что есть*’ с самим ‘*тем, что есть*’. Смысл 28 B 8.34 DK, по П. Кёрд, заключается в следующем:

> «Здесь Парменид утверждает, что мышление и ‘*то, что есть*’ являются сущностно связанными и являются таковыми способом, который исключает возможность того, чтобы ‘*то, что не есть*’ могло мыслиться»[228].

В своём понимании этих строк П. Кёрд полностью следует А. Мурелатосу, который, правда, изложил свою позицию при их интерпретации[229], но сам перевод оставил «буквальным»:

---

[225] De Rijk L. M. Did Parmenides Reject the Sensible World? // Graceful Reason: Essays in Ancient and Medieval Philosophy Presented to Joseph Owens, CSSR. Papers in Medieval Studies 4 / Ed. by Lloyd P. Gerson, Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1983. P. 45.

[226] Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 75, n. 4; P. 172, 175. Напоминаем, что первое издание книги А. Мурелатоса “The Route of Parmenides” вышло в свет ранее статьи Л. М. Де Рейка – в 1970 г.

[227] Curd P. The Legacy of Parmenides... P. 32.

[228] *Ibid*. P. 32.

[229] Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides... P. 170–175.

«…одно и то же быть мыслящимся и быть
(…the same is there to be thought of and to be[230])».

Тот же смысл П. Кёрд полагает заключённым и в 28 B 6.1–2 DK[231].

Основываясь на своей (восходящей к А. Мурелатосу) трактовке 28 B.34–38 DK, П. Кёрд переводит 28 B 3 DK следующим образом:

«одна и та же вещь есть для мышления и существования (бытия)»

или

«одно и то же подлежит мышлению и существованию (бытию)»
(the same thing is for thinking and for being[232]).

В этом последнем фрагменте, с точки зрения П. Кёрд, Парменид провозглашает не «тождество акта мышления и сущего», а положение «то и только то, что есть что-то, мыслимо и познаваемо»[233].

Это позволяет П. Кёрд поддерживать интерпретацию Парменида, предложенную А. Мурелатосом, в которой признаётся немыслимость не-сущего, но не признаётся, что у Парменида нечто существует тогда и только тогда, когда оно актуально мыслится. Мы, напротив, трактуем 28 B 3 DK как утверждающий, что нечто существует для акта мышления тогда и только тогда, когда оно актуально мыслится этим актом мышления. И мы, и П. Кёрд трактуем B 3 совместно с B 8.35–37, однако это не помогает однозначно решить вопрос о содержании этих фрагментов поэмы, ведь B 8.35–37 также можно трактовать разными способами.

Л. Таран переводит 28 B 3 DK следующим образом:

---

[230] *Ibid*. P. 75, n. 4.
[231] Curd P. The Legacy of Parmenides… P. 49.
[232] *Ibid*.
[233] *Ibid*.

«ибо одна и та же вещь может быть мыслящейся и может существовать (быть)»[234].

К этому переводу примыкает и процитированный выше перевод А. Мурелатоса (…одно и то же быть мыслящимся и быть).

Относительно переводов Л. Тарана и А. Мурелатоса Л. М. Де Рейк верно замечает следующее: они оба имеют один общий недостаток, который заключается в том, что и Л. Таран, и А. Мурелатос трактуют активные инфинитивы νοεῖν и εἶναι по-разному. Действительно, εἶναι передаётся как активный инфинитив «быть», а νοεῖν – как пассивный инфинитив «быть мыслящейся»[235].

Наш перевод 28 B 3 DK – «… ибо то же самое есть “мыслить [*ноэму*]” и “быть [*ноэмой*]”» – подразумевает, что единственным сущим является ‘то, на что́ мысль направлена’ = объект мышления = νόημα из 28 B 8.34 DK[236]. В соответствии с нашим «буквальным» переводом 28 B 8.34 DK, νόημα тождественна с актом мышления. Заметим, что, поскольку далее, в 28 B 8.35–37 DK, имеется «доказательство от противного», то исходное и опровергаемое в дальнейшем допущение этого доказательства можно сформулировать как «мыслимое является иным по отношению к акту мышления». Теперь мы получаем две возможные трактовки 28 B 3 DK, возможно, обе они подразумевались Парменидом.

Во-первых, «мыслить» для любого акта мышления есть не что иное, как «существовать» для этого акта мышления. Действительно, акт мышления не может реализоваться, если он не существует, и не может существовать, если он не реализуется именно как акт мышления. В этой трактовке мы не видим положения

---

[234] Tarán L. Parmenides: A Text with Translation, Commentary and Critical Essays. Princeton: Princeton University Press, 1965. P. 41.

[235] De Rijk L. M. Did Parmenides Reject the Sensible World? // Graceful Reason: Essays in Ancient and Medieval Philosophy Presented to Joseph Owens, CSSR. Papers in Medieval Studies 4 / Ed. by Lloyd P. Gerson, Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1983. P. 45, note 63.

[236] Мы трактуем νόημα здесь как то, что создаётся актом мышления или зависит в своём существовании от акта мышления (= то, существование чего невозможно без направленного на него или соответствующего ему акта мышления). Эта трактовка *ноэмы* не предрешает ответа на вопрос: тождественен ли у Парменида акт мышления и ‘*то, что мыслится*’ им?

«***всё то, что мыслится*** (если таковое имеется)***, существует*** (хотя бы в мышлении)», но видим что-то вроде попытки указать на существенную или необходимую характеристику акта мышления.

Во-вторых, «мыслить» для любого акта мышления не что иное, как «существовать» для ‘*того, на что́ мысль направлена*’ в качестве внутреннего объекта мышления, т. е. того, что́ актуально мыслится и создаётся направленным на него актом мышления. При этом существование в качестве внутреннего объекта мышления является единственным способом существования. Очевидно, что положение «***всё то, что мыслится*** (если таковое имеется)***, существует*** (хотя бы в мышлении)» подразумевается в этой второй трактовке, но является более «слабым» утверждением[237]. Обоснованию положения, заявляемого второй трактовкой, через указание на трудности, возникающие при попытке помыслить то, что существует вне мысли, с нашей точки зрения посвящено «доказательство от противного» из 28 B 8.34–37 DK.

Как мы уже указывали, текст фрагмента 28 B 3 DK не позволяет уверенно говорить о решающем преимуществе нашей трактовки этого фрагмента, или трактовки его другими исследователями – такими, как П. Кёрд, – даже если трактовать этот фрагмент в увязке с другими фрагментами поэмы Парменида[238]. Но преимуществом нашей трактовки является то, что она используется при выводе такого «знака сущего», как ἕν, в 28 B 8 DK, поскольку полностью или частично совпадает с содержанием используемого в этом выведении положения (T2).

Возвращаясь к связи (T2) с текстом поэмы Парменида, заметим, что, характеризуя сущее, чаще всего Парменид говорит о нём как о «совершенном»

---

[237] Иначе положение о существовании всего мыслящегося можно сформулировать как $(\forall x)$(*x* существует → *x* мыслится). В такой формулировке лучше видны сходства и различия нашей трактовки этого положения с трактовкой 28 B 3 DK в монографии М. Уидина в виде положения (4) в нумерации М. Уидина: $(\forall x)$(*x* может быть → *x* может мыслиться) – Wedin M. V. Parmenides’ Grand Deduction: A Logical Reconstruction of the Way of Truth. Oxford (UK): Oxford University Press, 2014. P. 23–24; 202. Под «быть» М. Уидин подразумевает как «существовать», так и «быть чем-либо». При этом М. Уидин исключает возможность того, что парменидовским объектом мышления, сущим, является ментальный объект, существующий в мышлении (как склонны трактовать Парменида мы). По М. Уидину, «сущим» для Парменида является реальное сущее, реальный объект, на который указывает имя «сущее» (*Ibid*. P. 25).

[238] Развёрнутый анализ современных трактовок 28 B 3 DK и их критику см. в Wedin M. V. Parmenides’ Grand Deduction… . P. 202–229.

(τέλειον – 28 B 8.4 DK) и использует другие производные от τέλειον или близкие по значению слова. Мы уже видели, что Парменид называет сущее «не незаконченным» (οὐκ ἀτελεύτητον) в 28 B 8.32 DK. Ниже мы встречаем слово, производное от τέλειον ещё раз: «[сущее] есть завершённое» (τετελεσμένον ἐστί) – 28 B 8.42 DK[239]. В следующей строчке Парменид *уподобляет* сущее «глыбе повсюду хорошо закруглённого шара» (πάνθοθεν εὐκύκλου σφαίρης ἐναλίγκον ὄγκῳ). К сожалению, это метафорическое выражение мало даёт для понимания «совершенства» сущего. Но имеются и другие высказывания на тему «совершенства», более прямые и ясные. Так, Парменид пишет в 28 B 8.11 DK:

(11) οὕτως ἢ πάμπαν πελέναι χρεών ἐστιν ἢ οὐχί.

(11) Таким образом, [сущему как *ноэме*] до́лжно быть либо полностью, либо никак.

Мы можем истолковать эту строчку как указание на существенную черту *ноэмы* как внутреннего интенционального объекта: любым актом мышления, направленным на *ноэму*, каждая конституента этой *ноэмы* мыслится только вместе со всеми другими, о чём и говорится в (T2).

В этом же духе «либо–либо» можно истолковать следующее изречение в 28 B 8.15–16 DK:

(15) «ἡ δὲ κρίσις περὶ τούτων ἐν τῷδ᾽ ἔστιν·
(16) ἔστιν ἢ οὐκ ἔστιν· »

(15) «Решение же об этом [т. е. о сущем как *ноэме*] состоит вот в чём:
(16) либо [сущее как *ноэма*] есть, либо [сущее как *ноэма*] не есть».

[239] Наше понимание «совершенства» сущего у Парменида основывается на исследованиях: Owen G. E. L. Eleatic Questions // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. Ithaca: Cornell University Press, 1986. P. 20–21; Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 122–123.

Можно предположить, что Парменид отрицает здесь возможность того, что сущее *есть* частично: оно либо *есть* полностью, во всех отношениях, либо не *есть* вовсе. Иначе говоря, сущее как *ноэма* полностью задаётся каждым направленным на неё актом мышления. Можно сказать, что *ноэма существует* в мышлении только как полностью мыслящаяся. И также можно сказать, что каждым мыслящим её актом мышления сложная *ноэма A* задаётся через «a_1 *есть* P_1» только если она задаётся через «a_2 *есть* P_2», «a_3 *есть* P_3», … – т. е. задаётся через все свои конституенты вместе. В случае (Т3*a*) *ноэма A* есть некоторый внутренний интенциональный сложный (целый) объект, конституентами которого являются пропозиции «a_1 *есть* P_1», «a_2 *есть* P_2», «a_3 *есть* P_3», … . В случае (Т3*b*) *ноэма A* есть некоторый внутренний интенциональный сложный (целый) объект, конституентами которого являются внутренние интенциональные индивиды a_1, a_2, a_3, …, такие, что a_1 *есть* P_1, a_2 *есть* P_2, a_3 *есть* P_3, … Видно, что при предложенной трактовке и экзистенциальное, и копулятивное чтение «ἔστι» в 28 B 8.16 DK одинаково приемлемо и даёт одинаково хороший результат[240].

§ III.7 Формализация 1-го варианта ПЛ – рассуждения (Т2*a*)&(Т3*a*) ⇒ (Т4*a*)

Чтобы проанализировать набросанные выше рассуждения более детально, нам придётся прибегнуть к некоторой формализации. В используемой нами ниже записи используются переменные первого порядка – *x*, *y*, …, *X*, *Y*, *W*, *λ*, *μ*, *ν* (возможно, с индексами). Также используются переменные второго порядка – *P*, *Q*, *F*, Φ, Ψ (возможно, с индексами). Константами, значениями которых могут быть объекты, по которым пробегают переменные *x*, *y*, …, являются *a*, *b*. Ниже мы будем использовать как формулы, так и схемы формул. В тех случаях, когда это не создаёт путаницы, все указанные переменные, кроме *x*, *y*, …, *X*, *Y*, могут использоваться как константы.

---

[240] Дискуссия о значении «ἔστι» во фрагментах Парменида весьма обширна, см., например, Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 50–72; Curd P. The Legacy of Parmenides… P. 34–42; Вольф М. Н. Стандартная англоязычная интерпретация Парменида… .

Выражения вида «xP» или «$(x)P$» читаются как «абстрактный индивид x кодирует свойство P».

Оператор мышления применяется к высказываниям о кодировании внутренними интенциональными индивидами своих свойств и выделяется жирным шрифтом – **T**. Переменные первого порядка λ, μ, ν будут использоваться в том числе и в виде подстрочных индексов под оператором мышления – $\mathbf{T}_\lambda$ и т. д. Выражения вида «$\mathbf{T}_\mu xP$» или «$\mathbf{T}_\mu(x)P$» читаются как «посредством акта мышления μ мыслится, что абстрактный индивид x кодирует свойство P»[241]. Если речь идёт не о мышлении, а о другой пропозициональной установке, то вместо «**T**» используется другой эпистемический (или доксастический, или булетический и проч.) оператор, например, «**G**» – «интеллектуальное схватывание, или постижение, или понимание»[242].

Переменные первого порядка X, Y обозначают упорядоченные наборы или упорядоченные n-ки ($n \geq 1$) или кортежи аргументов пропозициональных функций. По таким пропозициональным функциям пробегают переменные второго порядка Φ, Ψ. Также можно сказать, что переменные второго порядка Φ, Ψ играют в формулах роли одноместных или многоместных предикатов, определённых на внутренних интенциональных объектах, по которым пробегают переменные первого порядка x, y, … . Объекты, по которым пробегают переменные x, y, …, составляют кортежи, по которым пробегают переменные первого порядка X, Y.

Переменные W, W_1, W_2, W_3 пробегают по сложным или целым объектам.

---

[241] Или «… мыслится, что $(x)P$», или «… мыслится пропозиция *что* $(x)P$». Следует заметить, что в соответствии с таким чтением формальная запись «$\mathbf{T}_\mu(x)P$» не вполне точна, более точно было бы писать «$\mathbf{T}_\mu[\![(a)P]\!]$», где сдвоенные квадратные скобки вместе с формулой внутри них обозначают пропозицию. То же самое можно сказать не только о формулах с оператором **T**, но также и о формулах с любым эпистемическим, доксастическим, булетическим и проч. оператором, и о любых формулах, стоящих под такого рода операторами. Однако мы удерживаем запись вида «$\mathbf{T}_\mu(x)P$» ради упрощения нотации, а также для того, чтобы сохранить традиционную запись приписывания пропозициональных установок, которая приемлема также и в случае такого синтаксиса формул с указанными операторами, в котором обозначения для пропозиций не используется. В последнем случае для любой формулы φ «$\mathbf{T}_\mu\varphi$» читается как «посредством акта мышления μ мыслится, что φ», но не как «посредством акта мышления μ мыслится пропозиция *что φ*». Аналогично читаются формулы с другими операторами, и с подстрочными индексами при операторе, указывающими не на интенциональный акт, а на когнитивного субъекта или агента. В этом отношении в формулах вида «$\mathbf{T}_\mu\varphi$» сохраняется то же синтаксическое правило, что и в рассматривавшихся выше формулах с оператором BEL из первой главы (см. § I.4 и далее), а также в формулах с операторами **T** и **K** из § II.3.4 выше.

[242] Используемые нами здесь и ниже во всём тексте диссертации операторы (выделяемые жирным шрифтом) имеют приоритет в связывании над логическими связками. Так, например, $\mathbf{T}_\mu xP$ & $\mathbf{T}_\nu yQ$ эквивалентно $\mathbf{T}_\mu(x)P$ & $\mathbf{T}_\nu(y)Q$, и эквивалентно ($\mathbf{T}_\mu(x)P$) & ($\mathbf{T}_\nu(y)Q$), и эквивалентно [$\mathbf{T}_\mu\{(x)P\}$] & [$\mathbf{T}_\nu\{(y)Q\}$].

Выражение «*X*Ф» читается как «кортеж абстрактных индивидов *X* кодирует характеристику Ф».

Выражение «*I*!» играет роль одноместной предикатной константы, определённой на объектах, по которым пробегают переменные *x, y,* …, и на составленных из таких объектов кортежах. Выражение «*I*!*x*» читается как «*x* является внутренним интенциональным индивидом». Выражение «*I*!*X*» читается как «каждый член упорядоченного набора (кортежа) *X* является внутренним интенциональным индивидом». Точнее говоря, «каждый член упорядоченного набора *X* экземплифицирует свойство '*быть внутренним интенциональным индивидом*'»[243]. Такое прочтение выражений вида «*I*!*X*» может быть задано так:

(I!Xx) $(\forall X)[I!X \leftrightarrow (\forall x)\,(x \varepsilon X \rightarrow I!x)]$.

В (I!Xx) подразумевается, что переменная *X* пробегает по кортежам, отношение "ε" означает не «принадлежит множеству», а «принадлежит кортежу (конечному или бесконечному)».

Переменные λ, μ, ν пробегают по всем возможным актам мышления.

Выражение «$\mathbf{T}_{\mu}X$Ф» читается как «посредством акта мышления μ мыслится, что кортеж абстрактных индивидов *X* кодирует характеристику Ф»[244].

Для дальнейших рассуждений нам понадобится *Критерий тождества для внутренних интенциональных объектов* (ВИО). Этот критерий вводится на основании *Закона Лейбница*, является некоторым усложнением его классической

[243] Мы следуем здесь терминологии и способу записи Б. Линski и Э. Залты, в соответствии с которой «обычные» объекты «экземплифицируют» свои свойства, тогда как «абстрактные» объекты их «кодируют» – Linsky B., Zalta E. N. Naturalized Platonism versus Platonized Naturalism...; Zalta E. N. Twenty-Five Basic Theorems in Situation and World Theory… . Также здесь были введены записи «*A*!*x*» для «*x* является абстрактным индивидом»; «*xF*» для «*x* кодирует свойство *F*». Абстрактные индивиды обязательно кодируют свои характеристики, но могут и экземплифицировать некоторые характеристики, не становясь из-за этого реальными индивидами: ни один абстрактный индивид не является реальным объектом, и из того, что имеется абстрактный индивид, кодирующий некоторые характеристики, не следует, что имеется реальный индивид, их экземплифицирующий. В некоторых отношениях мы конструируем внутренние интенциональные индивиды по аналогии с абстрактными. При этом внутренний интенциональный индивид может быть охарактеризован через тот акт мышления, посредством которого он задаётся как кодирующий свои характеристики; аксиоматика абстрактных объектов этого не предполагает.

[244] Или «… мыслится, что *X*Ф», или «… мыслится пропозиция *что X*Ф».

версии, поэтому сначала мы разберём *Закон Лейбница* в его классическом виде, а затем перейдём к усложнениям.

Закон Лейбница, представляющий собой конъюнкцию *Принципа неразличимости тождественных* (*Если вещи тождественны друг другу, то они неразличимы*) и *Принципа тождества неразличимых* (*Если вещи неразличимы, то они тождественны друг другу*)[245]. Неформально, *Закон Лейбница* утверждает, что две вещи тождественны друг другу тогда и только тогда, когда все их *характеристики* совпадают, или, точнее, тогда и только тогда, когда для любой характеристики, первая вещь обладает характеристикой тогда и только тогда, когда вторая вещь обладает этой же характеристикой.

В зависимости от того, что мы полагаем «характеристиками» вещей, мы можем получить различные варианты и формализации *Закона Лейбница*. По-видимому, в исходном варианте, предложенным Г. В. Лейбницем, в число «характеристик» включались только свойства вещей, т. е. то, что в формальной записи выражается одноместными предикатами. Однако можно сформулировать *Закон Лейбница* также и для более общего случая, когда вещи могут характеризоваться не только их свойствами, но также и отношениями между ними произвольной «местности».

В этом случае *Закон Лейбница* формулируется так:

> две вещи a и b *тождественны друг другу на основании их свойств и отношений между ними* тогда и только тогда, когда
>
> для любого свойства, a обладает свойством тогда и только тогда, когда b обладает этим же свойством;
>
> и для каждой вещи x_1, для каждой вещи x_2, для каждого n и m, n, n=1, 2, и m, m=1, 2, и для каждого двухместного отношения R^2, a и x_1, и b и x_2 образуют две упорядоченные пары такие, что для $m \neq n$ первая пара содержит вещь a на месте n, вещь x_1 на месте m, и вторая пара содержит вещь b на месте n, вещь x_2 на месте m, истинно следующее: **двухместное отношение**

[245] Некоторые тексты Парменида (см. в настоящем § III.7 ниже) и Платона (*Parm*. 130b1–7; 131b1–2; 132b3–c10; 133c3–6; 133e4–5; 134e8–135a2; 135b2–c2) можно рассматривать как рассуждения, основывающиеся на *Принципе неразличимости тождественных* и/или *Принципе тождества неразличимых*.

R^2 применяется к первой паре тогда и только тогда, когда оно применяется ко второй паре;

и для каждой вещи x_1, для каждой вещи x_2, для каждой вещи y_1, для каждой вещи y_2, для каждого n и m, n, n=1, 2, 3, m, m=1, 2, 3, m, k=1, 2, 3, и для каждого трёхместного отношения R^3, a и x_1 и y_1, и b и x_2 и y_2 образуют две упорядоченные тройки такие, что для $m \neq n$, $k \neq m$, $k \neq n$ первая тройка содержит вещь a на месте n, вещь x_1 на месте m, вещь y_1 на месте k, и вторая пара содержит вещь b на месте n, вещь x_2 на месте m, вещь y_2 на месте k, истинно следующее: **трёхместное отношение R^3 применяется к первой тройке тогда и только тогда, когда оно применяется ко второй паре**;

аналогично – для упорядоченных четвёрок и четырёхместных отношений, упорядоченных пятёрок и пятиместных отношений, и т. д.[246].

В представленной формулировке *Закона Лейбница* задаются условия не просто тождества друг другу двух вещей, а *тождества их друг другу на основании их свойств и отношений между ними,* поскольку мы здесь должны говорить о двух отношениях тождества: о просто тождестве, которое задаётся изначально, а не строится на основании свойств и отношений вещей, и о тождестве, выводимым из обладания вещами определёнными свойствами и отношениями. Если два вида тождества не разводить, то мы получим, что $a=b$ влечёт $a \neq b$.

Для справки, приводим стандартные формализации приведённых двух принципов и *Закона Лейбница* для того случая, когда в число характеристик вещей включаются только свойства вещей, т. е. то, что в формальной записи выражается одноместными предикатами, и не включаются отношения, выражающиеся в записи многоместными предикатами.

Принцип неразличимости тождественных:

---

[246] О введении Лейбницем *Закона Лейбница*, его современных формализациях и обсуждении современными философами см.: Mates B. The Philosophy of Leibniz: Metaphysics and Language. New York: Oxford University Press, 1986. P. 132–136; Wiggins D. Sameness and Substance. Oxford: Blackwell, 1980. P. 18–23; Ishiguro H. Leibniz's Philosophy of Logic and Language (2-nd edition). Cambridge: Cambridge University Press, 1990. x, 251 p.

(Id→In) $(\forall x)(\forall y)[x=y \rightarrow (\forall P)(P(x) \leftrightarrow P(y))]$.

Принцип тождества неразличимых:

(In→Id) $(\forall x)(\forall y)[(\forall P)(P(x) \leftrightarrow P(y)) \rightarrow x=y]$.

Закон Лейбница:

(Id↔In) $(\forall x)(\forall y)[x=y \leftrightarrow (\forall P)(P(x) \leftrightarrow P(y))]$.

Перед тем, как перейти к *Критерию тождества для ВИО* целесообразно разобрать свойства представленного *Критерия тождества объектов (Закон Лейбница) на основании их свойств и отношений между ними* более подробно. Заметим, что критерий может быть сформулирован для определения тождества объектов на основании их свойств и отношений между ними (это отношение мы далее будем обозначать как $=_R$) для определения наличия тождества указанного типа между объектами из (совпадающих или различных) систем взаимосвязанных объектов – например, из различных теорий или систем убеждений. Поскольку ВИО-ы присутствуют в системах убеждений различных субъектов или их интенциональных актов, такое обобщение рассматриваемого критерия тождества поможет нам в дальнейшем, при рассмотрении *Критерия тождества для ВИО*.

Рассмотрим формализацию критерия для $a =_R b$.

Выражение «Descr(S)⊨φ» можно читать как «предложение (формула) φ присутствует в описании системы S, т. е. является одним из из конъюнктов в конъюнкции всех предложений, истинных о системе S».

Пусть R – переменная, пробегающая по функциям от натуральных чисел к произвольным отношениям, «местность» которых равна аргументу этой функции. $R(n)$ – значение произвольной функции R от натуральных чисел к произвольным n-местным отношениям, «местность» которых равна аргументу этой функции, т. е. произвольное n-местное отношение. Переменная $R(1)$ пробегает по

одноместным отношениям. Например, значением $R(1)$ может быть значение одноместного предиката «белый». Переменная $R(2)$ пробегает по функциям от натурального числа 2 к одному из двухместных отношений. Например, значением $R(2)$ может быть значение двухместного предиката «любит». И т. д.

Пусть c – переменная, пробегающая по функциям от натуральных чисел к произвольным кортежам, длина которых равна аргументу этой функции. Переменная $c(1)$ пробегает по одноместным котрежам объектов (т. е. по единичным объектам). Например, значением $c(1)$ может быть значение индивидной константы «Сократ». Переменная $c(2)$ пробегает по двухместным котрежам объектов. Например, значением $c(2)$ может быть упорядоченная пара из значений индивидных констант «Вася» и «Маша» – <Вася, Маша>. Переменная $c(n)$ пробегает по кортежам длины n.

Через $c(n)[a/i]$ обозначим кортеж длины n, являющийся значением функции $c(n)$, в котором на i-м месте стоит объект a, $1 \leq i \leq n$.

В этом случае *Критерий тождества объектов на основании их свойств и отношений между ними* для объекта a из системы S_a и b из системы S_b можно записать в виде:

$$(\mathrm{Id}\leftrightarrow\mathrm{In}_{\mathrm{R1}}) \quad a =_{\mathrm{R}} b \leftrightarrow (\forall n)(\forall i)(\forall R)(\forall c)\{\mathrm{Descr}(S_a)\vDash R(n)(c(n)[a/i]) \leftrightarrow \mathrm{Descr}(S_b)\vDash R(n)(c(n)[b/i])\}.$$

Критерий $(\mathrm{Id}\leftrightarrow\mathrm{In}_{\mathrm{R1}})$ можно эквивалентно переписать в виде:

$$(\mathrm{Id}\leftrightarrow\mathrm{In}_{\mathrm{R1.1}}) \quad a =_{\mathrm{R}} b \leftrightarrow (\forall n)(\forall i)(\forall R)(\forall c)\{(\mathrm{Descr}(S_a)\vDash R(n)(c(n)[a/i] \;\&\; \mathrm{Descr}(S_b))\vDash R(n)(c(n)[b/i])) \vee (\neg\mathrm{Descr}(S_a)\vDash R(n)(c(n)[a/i] \;\&\; \neg\mathrm{Descr}(S_b))\vDash R(n)(c(n)[b/i]))\}.$$

Соответствующий $(\mathrm{Id}\leftrightarrow\mathrm{In}_{\mathrm{R1.1}})$ *Критерий различия объектов на основании их свойств и отношений между ними* может быть записан в виде:

(Dif↔Dis$_{R1.1}$) $a \neq_R b \leftrightarrow (\forall n)(\forall i)(\forall R)(\forall c)\{(\text{Descr}(S_a) \vDash R(n)(c(n)[a/i] \;\&\; \neg\text{Descr}(S_b)) \vDash R(n)(c(n)[b/i])) \vee (\neg\text{Descr}(S_a) \vDash R(n)(c(n)[a/i] \;\&\; \text{Descr}(S_b)) \vDash R(n)(c(n)[b/i]))\}$.

Указанные критерии не являются единственно возможными. Например, вместо (Id↔In$_{R1.1}$) можно принять следующий критерий:

(Id↔In$_{R2.1}$) $a =_R b \leftrightarrow (\forall n)(\forall i)(\forall R)(\forall c)\{(\text{Descr}(S_a) \vDash R(n)(c(n)[a/i] \;\&\; \text{Descr}(S_b)) \vDash R(n)(c(n)[b/i])) \vee (\text{Descr}(S_a) \vDash \neg R(n)(c(n)[a/i] \;\&\; \text{Descr}(S_b)) \vDash \neg R(n)(c(n)[b/i]))\}$.

Соответствующий (Id↔In$_{R2.1}$) *Критерий различия объектов на основании их свойств и отношений между ними* может быть записан в виде:

(Dif↔Dis$_{R2.1}$) $a \neq_R b \leftrightarrow (\forall n)(\forall i)(\forall R)(\forall c)\{(\text{Descr}(S_a) \vDash R(n)(c(n)[a/i] \;\&\; \text{Descr}(S_b)) \vDash \neg R(n)(c(n)[b/i])) \vee (\text{Descr}(S_a) \vDash R(n)(c(n)[a/i] \;\&\; \text{Descr}(S_b)) \vDash \neg R(n)(c(n)[b/i]))\}$.

Можно заметить, что указанные критерии дают различные результаты. Например, пусть мы сравниваем два объекта a и b из одной и той же системы S_1. Пусть в описании S_1 присутствует только одно предложение $F(a, b)$, F не является отношением тождества. По (Id↔In$_{R1.1}$), $\neg(a =_R b)$. По (Dif↔Dis$_{R1.1}$), $a \neq_R b$. По (Id↔In$_{R2.1}$), $\neg(a =_R b)$. По (Dif↔Dis$_{R2.1}$), $\neg(a \neq_R b)$.

Имея в виду приведённые рассуждения, сначала запишем *Критерий тождества для ВИО* в следующем виде, соответствующем (Id↔In):

Два ВИО двух возможных актов мышления тождественны друг другу тогда и только тогда, когда эти объекты кодируют в точности тот же самый набор характеристик.

Формализовать этот *Критерий* можно с помощью положения (Id↔In$_I$)[247]:

(Id↔In$_I$) $(\forall x)(\forall y)(\forall \mu)(\forall \nu)[(I(x, \mu) \,\&\, I(y, \nu)) \rightarrow \{(x=y) \leftrightarrow (\forall F)(\mathbf{T}_{\mu}xF \leftrightarrow \mathbf{T}_{\nu}yF)\}]$.

Выражение «$I(x, \mu)$» читается как «x является абстрактным внутренним интенциональным индивидом интенционального акта μ». Мы признаём, что для любого эпистемического (доксастического, булетического и проч.) оператора **A**, для любого интенционального акта μ, для любого индивида x и для любого свойства F в положении $\mathbf{A}_{\mu}xF$ подразумевается, что x является абстрактным внутренним интенциональным индивидом интенционального акта μ, т. е. подразумевается $I(x, \mu)$.

Положение (Id↔In$_I$) можно считать формализацией вырожденного случая *Критерия тождества для ВИО-ов*, в котором предполагается, что единственными характеристиками внутренних интенциональных объектов являются кодируемые ими свойства, т. е. кортежи ВИО-ов (или, в нашем случае, внутренних интенциональных индивидов, ВИИ-ов) не кодируют отношения, выражаемые в формальной записи многоместными предикатами. Положение (Id↔In$_I$) является применением *Закона Лейбница* (в формулировке, признающей в качестве характеристик только свойства) к внутренним интенциональным абстрактным объектам. Положение (Id↔In$_I$) сконструировано нами на основании третьей из трёх аксиом, задающих понятие «кодирование» у Б. Лински и Э. Залты[248]:

> *Если x и y являются абстрактными индивидами, то они тождественны друг другу тогда и только тогда, когда они кодируют те же самые свойства –*

(LZ3) $(\forall x)(\forall y)[(\mathrm{A!}x \,\&\, \mathrm{A!}y) \rightarrow \{(x=y) \leftrightarrow [(\forall F)(xF \leftrightarrow yF)]\}]$.

---

[247] От «**Id**entity» и «**In**distinguishability». Индекс «$_I$» означает, что речь идёт об внутренних интенциональных объектах.

[248] Linsky B., Zalta E. N. Naturalized Platonism versus Platonized Naturalism… P. 536.

В (LZ3) выражение «A!x» читается как «x является абстрактным индивидом».

Назовём «доменом интенционального акта μ» или «доменом ВИИ-ов интенционального акта μ» домен, содержащий ВИИ-ы, на которые направлен интенциональный акт μ. При этом кортежи ВИИ-ов из этого домена могут кодировать или экземплифицировать свойства или отношения. Если кортеж ВИИ-ов из домена интенционального акта μ *кодирует* некоторое отношение, то это отношение можно назвать приписываемым интенционального акта μ этому кортежу.

Пусть имеются два интенциональных акта μ и ν, каждым из которых мыслятся, что произвольные кортежи произвольной длины из ВИИ-ов из домена каждого интенционального акта кодируют отношения «местности», совпадающей с длиной кортежа. Обозначим домен ВИИ-ов интенционального акта μ как D_μ, домен ВИИ-ов интенционального акта ν как D_ν:

$(\forall x)(\forall \mu)(I(x, \mu) \leftrightarrow x \in D_\mu)$;

$(\forall y)(\forall \nu)(I(y, \nu) \leftrightarrow y \in D_\nu)$.

Пусть домен кортежей интенционального акта – домен, включающий те и только те кортежи интенционального акта, которые используются данным интенциональным актом как кортежи, кодирующие какое-либо отношение. Обозначим домен кортежей интенционального акта μ как D^c_μ, домен кортежей интенционального акта ν как D^c_ν:

$(\forall \mu)(\forall X)[X \in D^c_\mu \leftrightarrow (\exists \Phi)(\mathbf{T}_\mu X \Phi)]$;

$(\forall \nu)(\forall Y)[Y \in D^c_\nu \leftrightarrow (\exists \Phi)(\mathbf{T}_\nu Y \Phi)]$.

Обозначим через $\bar{D}^c_\mu$ функцию от D_μ к некоторому подмножеству множества D^c_μ, такую, что $(\forall x)(\forall \mu)(x \in D_\mu \rightarrow (\bar{D}^c_\mu(x)=\{X \in D^c_\mu \mid x \varepsilon X\}))$. Здесь «ε» – отношение «принадлежит кортежу» (в отличие от отношения «∈» – «принадлежит множеству»).

Аналогично, обозначим через $\bar{D}^c_\nu$ функцию от D_ν к некоторому подмножеству множества D^c_ν, такую, что $(\forall y)(\forall \nu)(\bar{D}^c_\nu(y)=\{Y \in D^c_\nu \mid y \varepsilon Y\})$.

Обозначим через f функцию от домена кортежей, содержащих в себе индивид x интенционального акта μ, к домену кортежей, содержащих в себе индивид y интенционального акта ν:

f: $\bar{D}^c_\mu(x) \rightarrow^f \bar{D}^c_\nu(y)$.

Функция f есть функция от $\bar{D}^c_\mu(x)$ к $\bar{D}^c_\nu(y)$, ставящая в соответствие каждому кортежу из $\bar{D}^c_\mu(x)$ кортеж из $\bar{D}^c_\nu(y)$, той же длины, что и кортеж из $\bar{D}^c_\mu(x)$, причём порядковый номер места x в X совпадает с порядковым номером y в Y.

Обозначим через g функцию, обратную к f функцию:

$g=f^{-1}$.

Это значит, что g есть функция от домена кортежей, содержащих в себе внутренний интенциональный индивид y интенционального акта ν, к домену кортежей, содержащих в себе индивид x интенционального акта μ:

g: $\bar{D}^c_\nu(y) \rightarrow^g \bar{D}^c_\mu(x)$.

Функция g есть функция от $\bar{D}^c_\nu(y)$ к $\bar{D}^c_\mu(x)$, ставящая в соответствие каждому кортежу X из $\bar{D}^c_\nu(y)$ кортеж Y из $\bar{D}^c_\mu(x)$, той же длины, что и кортеж X, причём порядковый номер места x в X совпадает с порядковым номером y в Y.

Указанные условия на f и g можно записать в следующем виде, соответствующем ($\mathrm{Id}\leftrightarrow\mathrm{In}_{\mathrm{R1}}$):

$$(\forall x)(\forall y)(\forall \mu)(\forall \nu)(\exists f)(\exists g)[\{x\in D_\mu \,\&\, y\in D_\nu \,\&\, (f\colon \bar{D}^c_\mu(x) \rightarrow^f \bar{D}^c_\nu(y)) \,\&\, (g\colon \bar{D}^c_\nu(y) \rightarrow^g \bar{D}^c_\mu(x)) \,\&\, g=f^{-1}\} \rightarrow (\forall X)(\forall Y)\{X\in\bar{D}^c_\mu(x) \,\&\, Y\in\bar{D}^c_\nu(y) \,\&\, N(X)=N(f(X)) \,\&\, N(Y)=N(g(Y)) \,\&\, n(x, X)=n(y, Y)\}].$$

Здесь N есть функция, определённая на кортежах и ставящая в соответствие кортежу его длину. Также n есть функция от двух аргументов – внутреннего интенционального индивида и кортежа, в который этот индивид входит – ставящая в соответствие индивиду и тому кортежу, в который этот индивид входит, порядковый номер места индивида в этом кортеже.

Для функций f и g как для обратных друг по отношению к другу функций выполнены условия:

$f(g(Y))=Y$ для любого кортежа Y из $\bar{D}^c_\nu(y)$;

$g(f(X))=X$ для любого кортежа X из $\bar{D}^c_\mu(x)$;

$g=f^{-1}$;

$f=g^{-1}$.

Теперь мы можем предложить следующую формализацию *Критерия тождества для ВИО*, более общую, чем приведённое выше положение ($Id\leftrightarrow In_I$). Мы обобщим положение ($Id\leftrightarrow In_I$) так, чтобы в этом критерии учитывались не только свойства, но и отношения, выражаемые в записи предикатами произвольной «местности», кодируемые ВИИ-ами. Такое обобщение положения ($Id\leftrightarrow In_I$) можно записать следующим образом:

($Id\leftrightarrow In_I'$) $(\forall x)(\forall y)(\forall \mu)(\forall \nu)[\{x\in D_\mu \ \& \ y\in D_\nu\} \rightarrow \{x=y \leftrightarrow (\exists f)(\exists g)(\forall \Phi)(\forall X)(\forall Y)$
$[(X\in\bar{D}^c_\mu(x) \ \& \ \mathbf{T}_\mu X\Phi \ \& \ X=g(Y)) \leftrightarrow (Y\in\bar{D}^c_\nu(y) \ \& \ \mathbf{T}_\nu Y\Phi \ \& \ Y=f(X))]\}]$.

Положение ($Id\leftrightarrow In_I'$) является применением *Закона Лейбница* (в формулировке, признающей в качестве характеристик не только свойства, но также и отношения произвольной «местности») к внутренним интенциональным абстрактным объектам.

Наши дальнейшие рассуждения будут проводиться на основании более простого, чем положение ($Id\leftrightarrow In_I'$), положения ($Id\leftrightarrow In_I$). Способ рассуждения и выводы, к которым можно прийти при использовании вместо ($Id\leftrightarrow In_I$) полного (и более сложного) критерия тождества ($Id\leftrightarrow In_I'$), аналогичны способам рассуждения и выводам, к которым мы придём ниже, при использовании ($Id\leftrightarrow In_I$).

Из ($Id\leftrightarrow In_I$) следует, что ВИО не могут задаваться несколькими актами мышления *совместно*, если при этом подразумевать, что каждый акт вносит свой «частичный» вклад в задание таких объектов. Ведь, по ($Id\leftrightarrow In_I$), объект, задаваемый одним актом мышления, совпадает с объектом другого акта мышления если и только если эти объекты кодируют полностью совпадающий набор характеристик.

Положение ($Id \leftrightarrow In_I$) есть не что иное, как конъюнкция *Принципа неразличимости тождественных* и *Принципа тождества неразличимых* (эта конъюнкция часто именуется *Законом Лейбница*) для абстрактных интенциональных объектов. Ниже мы намерены представить трактовки Парменида, в соответствии с которыми он неявно использовал *Принцип неразличимости тождественных* и/или *Принцип тождества неразличимых* в своих аргументах. Для обоснования этой нашей позиции мы уделим некоторое внимание обсуждению современными исследователями вопроса об использовании Парменидом этих принципов.

Дж. Барнс обращает внимание на то, что при интерпретации Парменида может прийти мысль об использовании им *Принципа тождества неразличимых*:

> «Заманчиво обнаружить изощрённый и сильный аргумент в 28 B 8.5b–6a DK[249]. Парменида можно понять как молчаливо опирающегося на принцип “тождества неразличимых” Лейбница, применённый к событиям во времени:
>
> > ‘Два момента в карьере *O* являются отдельными только если они “различимы”: только если нечто истинно относительно *O* в один момент и не истинно относительно *O* в другой момент. Но *O* никогда не изменяется в каком-либо отношении – оно “всё вместе” “или подобно во всех отношениях”[250] – и, таким образом, ничто не могло быть истинным относительно него в любой момент его карьеры, что не было бы истинным в любой момент. Следовательно, нет различных моментов в карьере *O*; и мы не можем разумно говорить о нём, что оно было или что оно будет’»[251].

[249] См. греческий текст и перевод выше, § III.4.
[250] См. 28 B 8.11; 22–25; 45–48 DK.
[251] Barnes J. The Presocratic Philosophers. New York: Routledge, 1982. P. 152.

В этом рассуждении принимается допущение для доказательства *a contrario*: два сущих имеют различные характеристики. Тогда можно сказать, что этом случае, например, первое сущее есть что-то (какое-то, как-то), а второе сущее не сущее есть что-то (какое-то, как-то). Однако это невозможно в силу принимаемого Парменидом запретом на мыслимость пропозиций, выражаемых предложениями вида «_не есть_», см. выше. Например, нельзя, помимо прочего, сказать, что одно было (некогда), но не есть (сейчас), а другое будет (когда-то), но не есть (сейчас). А из того, что каким-либо двум сущим приписываются одни и те же характеристики, на основании *Принципа тождества неразличимых*, выводится, что эти сущие тождественны друг другу.

Дж. Барнс не признаёт, что Парменид действительно использует здесь это рассуждение, склоняясь к тому, что для Парменида вообще нет времени – как того, что подразумевает прошлое, настоящее и будущее. По Дж. Барнсу, Парменид признаёт лишь настоящее[252].

Помимо трактовок поэмы Парменида, в которых используется *Принцип тождества неразличимых*, возможны трактовки, в соответствии с которыми Парменид использует *Принцип неразличимости тождественных*. См., например, опровержение возможности «возникновения и уничтожения» сущего из 28 B 8.19–21 DK:

(19) «πῶς δ᾽ ἂν ἔπειτα πέλοι τὸ ἐόν; πῶς δ᾽ ἄν κε γένοιτο;
(20) εἰ γὰρ ἔγεντ᾽, οὐκ ἔστ(ι), οὐδ᾽ εἴ ποτε μέλλει ἔσεσθαι.
(21) τὼς γένεσις μὲν ἀπέσβεσται καὶ ἄπυστος ὄλεθρος».

(19) «Как же [появившееся некогда сущее] сущее могло бы появиться позднее? Как [не существовавшее некогда сущее] возникло бы?
(20) Ведь если [сущее] порождено, [то уже порождённое сущее] не есть, и также [‘*то, что будет существовать*’] не [есть ‘*то, что ещё не существует*’], если [сущее] намеревается быть [в будущем].

[252] *Ibid*. P. 153.

(21) Право же, [описанным способом] задушено рождение (становление), и [стала] не слышна гибель (уничтожение, исчезновение)».

Это рассуждение кажется довольно естественным истолковать следующим образом:

> «Произнесём его [аргумент Парменида. – *И.Б.*] для случая исчезновения: если оно [сущее. – *И.Б.*] исчезнет, то, как предполагается, оно существует до того; но ничего не попадает в [область. – *И.Б.*] не-сущего, кроме не-сущего; таким образом, то, что, как мы говорили, есть сущее, есть не-сущее»[253].

Мы видим, что П. Манчестер подразумевает использование Парменидом здесь *Принципа неразличимости тождественных*. Пусть первое сущее существует (т. е. находится в области сущего), а второе не существует (т. е. находится в области не-сущего). Это значит, что эти два сущих различимы. По *Принципу неразличимости тождественных* и *modus tollens*, из их различимости следует их нетождественность друг другу. Значит, то, что исчезло, не тождественно тому, что существовало, а это значит, что исчезновение не имело места.

Заметим, что использование при копулятивной трактовке «есть» в 28 B 8.19–21 DK можно представить трактовку этого фрагмента, совпадающую с приведённой выше трактовкой 28 B 8.5b–6a DK Дж. Барнсом, основывающей существование сущего в «вечном настоящем» на невозможности произнести и помыслить высказывания вида «*a* не есть [т. е. не существует сейчас]», поскольку любая пропозиция об *a* мыслится только вместе с дополнительной пропозицией «*a* есть [т. е. не существует сейчас]»[254]. В случае такой трактовки в 28 B 8.19–21 DK используется не *Принцип неразличимости тождественных*, а *Принцип тождества неразличимых*. Предложенный способ трактовки 28 B 8.19–21 DK

[253] Manchester P. B. Parmenides and the Need of Eternity // The Monist. 1979. V. 62, no. 1. P. 92.
[254] Barnes J. The Presocratic Philosophers. 1982. P. 163.

через *Принцип неразличимости тождественных* делает возможным так же трактовать и строки 28 B 8.5b–6a DK, которые Дж. Барнс трактует через *Принцип тождества неразличимых*.

Как кажется, П. Манчестер и Дж. Барнс признают здесь за парменидовским сущим исключительно реальное существование (хотя и атемпоральное); но выше мы уже показали, что возможна и другая интерпретация сущего – как ВОМ.

Могут быть предложены трактовки поэмы Парменида, в соответствии с которыми Парменид, в соответствии с описанными выше двумя способами трактовать 28 B 8.19–21 DK, использует *Принцип тождества неразличимых* или *Принцип неразличимости тождественных* в качестве основания утверждений невозможности перехода из не-сущего в сущее и наоборот в других местах поэмы – 28 B 8.8–11; 8.29–30; 8.37–41 DK[255].

Заметим, что косвенным свидетельством использования *Принципа неразличимости тождественных* Парменидом является достаточно ясное его признание Ксенофаном – по крайней мере, с точки зрения пересказывающего Ксенофана автора трактата *О Мелиссе, Ксенофане, Горгии*: «равные вещи имеют все свои свойства совпадающими» (21 A 28 DK).

По (Id↔In$_I$), ВИО *a*, мыслящийся как кодирующий *P* посредством μ, отличается от ВИО *b*, не мыслящегося как кодирующий это свойство посредством ν. Иначе говоря, ВИО-ы актов мышления, кодирующие различные свойства посредством этих интенциональных актов, различны:

(¬Id↔¬In$_I$) $(\forall x)(\forall y)(\forall \mu)(\forall \nu)[(I(x, \mu) \,\&\, I(y, \nu)) \rightarrow \{(x \neq y) \leftrightarrow (\exists F)(\mathbf{T}_{\mu}xF \veebar \mathbf{T}_{\nu}yF)\}]$.

Также из (Id↔In$_I$) следует:

(Id↔In$_I^1$) $(\forall x)(\forall \mu)(\forall \nu)[I(x, \mu) \,\&\, I(x, \nu) \rightarrow \{(\forall F)(\mathbf{T}_{\mu}xF \leftrightarrow \mathbf{T}_{\nu}xF)\}]$.

[255] Трактовки поэмы Парменида, в соответствии с которыми Парменид использовал *Принцип неразличимости тождественных*, были ранее представлены нами в статье: Берестов И. В. Принцип «неразличимости тождественных» в парменидовском обосновании немыслимости множественности и различий в сущем // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9, вып. 3. С. 135–144.

Приведённые выше положения (Id↔In_I), (Id↔In_I'), (¬Id↔¬In_I) и (Id↔In_I^1) показывают, что внутренние (ментальные) интенциональные объекты – включая внутренние объекты мышления – являются вполне легитимными объектами, удовлетворяющими знаменитому критерию У. Куайна *No entity without identity*. Это оправдывает рассматриваемые положения (Т2*a/b/c*), (Т3*a/b/c*) и (Т4*a/b/c*) – по крайней мере, доказывает, что их невозможно отвергнуть «с ходу», ссылаясь на то, что они не удовлетворяют критерию У. Куайна[256].

Теперь, если говорить об упорядоченных наборах объектов, содержащих более одного объекта, то можно принять следующий *Критерий тождества кортежей объектов,* основывающийся на том, что два кортежа совпадают, если совпадают их элементы, находящиеся на соответствующих местах:

(CrIdCor) $(\forall X)(\forall Y)[(N(X)=N(Y)) \rightarrow X=Y \leftrightarrow (\forall x)(\forall y)\{x\varepsilon X \,\&\, y\varepsilon Y \,\&\, n(x, X)=n(y, Y) \rightarrow x=y)\}]$.

В (CrIdCor) подразумевается, что переменные *X* и *Y* пробегают по кортежам.

***

После этих вступительных замечаний, перейдём непосредственно к формализации положений (Т2*a*), (Т3*a*) и (Т4*a*). Положение (Т2*a*) мы формализуем в виде *Требования взаимного кодирования* (**R**eciprocal en**C**oding) *пропозиций, задающих сложный ВИО*:

(RCPr) $(\forall X)(\forall Y)(\forall \Phi)(\forall \Psi)[(I!X \,\&\, I!Y) \rightarrow \{RCPr([\![X\Phi]\!], [\![Y\Psi]\!]) \leftrightarrow (\forall \lambda)[\mathbf{T}_\lambda X\Phi \leftrightarrow \mathbf{T}_\lambda Y\Psi]\}]$[257].

[256] Сам У. Куайн, правда, не был склонен признавать такого рода объекты, но анализ его мотивов увёл бы нас далеко в сторону от задач настоящего исследования.

[257] Здесь и далее сдвоенные квадратные скобки ⟦…⟧ обозначают пропозицию. Так, выражения ⟦*X*Φ⟧ и ⟦*Y*Ψ⟧ означают пропозиции *что X*Φ и *что Y*Ψ, соответственно. Как пропозиция, ⟦*X*Φ⟧ есть значение предложения «*X*Φ», или то, что выражается предложением «*X*Φ».

Положение (ТЗ*а*) мы формализуем в виде *Критерия тождества пропозиций, задающих сложный ВИО*:

(CrIdPr) $(\forall X)(\forall Y)(\forall \Phi)(\forall \Psi)[(I!X \ \& \ I!Y) \rightarrow \{[\![X\Phi]\!]=[\![Y\Psi]\!] \leftrightarrow \{(\forall \lambda)[\mathbf{T}_{\lambda}X\Phi \leftrightarrow \mathbf{T}_{\lambda}Y\Psi]\}\}]$.

Из (RCPr) & (CrIdPr) сразу же следует являющийся формализацией положения (Т4*а*) *Тезис о тождестве пропозиций, задающих сложный ВИО*:

(IdPr) $(\forall X)(\forall Y)(\forall \Phi)(\forall \Psi)\{(I!X \ \& \ I!Y \ \& \ \mathrm{RCPr}([\![X\Phi]\!], [\![Y\Psi]\!])) \rightarrow [\![X\Phi]\!]=[\![Y\Psi]\!]\}$.

В (RCPr), (CrIdPr), (IdPr) подразумевается, что переменные X и Y пробегают по кортежам.

В (IdPr) утверждается, что пропозиции, задающие сложный (целый) ВИО, совпадают друг с другом.

Трактовать (IdPr) можно следующим образом. Пусть на множестве абстрактных внутренних интенциональных объектов $\{a_1, a_2, \ldots, b_1, b_2, \ldots\}$ заданы отношения, такие, что $(a_1, a_2, \ldots)R_1$ и $(b_1, b_2, \ldots)R_2$. Это означает, что пропозиции $[\![(a_1, a_2, \ldots)R_1]\!]$ и $[\![(b_1, b_2, \ldots)R_2]\!]$ задают сложный ВИО, являющийся некоторым целым, содержащим ВИО-ты $a_1, a_2, \ldots, b_1, b_2, \ldots$, которые связаны отношениями R_1 и R_2, так, как было сказано: $<a_1, a_2, \ldots>$ кодирует R_1, а $<b_1, b_2, \ldots>$ кодирует R_2. В этом случае (IdPr) утверждает, что $[\![(a_1, a_2, \ldots)R_1]\!] = [\![(b_1, b_2, \ldots)R_2]\!] = \mathrm{Pr}$. Сингулярную атомарную пропозицию Pr можно понимать, например, как состоящую из кортежа $<a_1, a_2, \ldots, b_1, b_2, \ldots>$ такого, что $(a_1, a_2, \ldots)R_1$ и $(b_1, b_2, \ldots)R_2$. Эта характеристика – «быть таким, что $(a_1, a_2, \ldots)R_1$ и $(b_1, b_2, \ldots)R_2$» – является *единственной* характеристикой кортежа $<a_1, a_2, \ldots, b_1, b_2, \ldots>$, на основании которой элементы этого кортежа кодируют характеристики. И в этом смысле позиции, связанной с подходом Парменида, может быть приписан «предикационный монизм» – утверждение, что *любое* сущее имеет один и только один предикат; то, что Парменид придерживался именно *предикационного*

монизма, отстаивает П. Кёрд[258]. Несколько ниже мы укажем на преимущества, которые имеет наша интерпретация предикационного монизма, связанная с признанием сущих у Парменида внутренними объектами мышления, перед исходной его трактовкой у П. Кёрд, в которой сущее является «обычным», реальным объектом.

Заметим, что положение (CrIdPr) не является беспрецедентным, есть основания считать, что некоторой его вариации придерживался Г. Фреге. Действительно, *Критерий различия пропозиций* (**Dis**cernibility for **Pr**opositions), который можно считать восходящим к некоторым замечаниям Г. Фреге – если заменить фрегевскую «мысль» (Gedanke) на «пропозиция» – можно записать следующим образом: две пропозиции различны тогда и только тогда, когда возможно, что одна из них мыслится, а другая не мыслится[259]. Иначе говоря, две пропозиции различны тогда и только тогда, когда имеется такой возможный акт мышления λ, посредством которого одна из них мыслится, а другая – нет:

(DisPr) $(\forall p)(\forall q)\{[\![p]\!]\neq[\![q]\!] \leftrightarrow [(\exists\lambda)(\mathbf{T}_{\lambda}p \veebar \mathbf{T}_{\lambda}q)]\}$

В (DisPr) переменные p и q пробегают по предложениям, а переменная λ – по всем возможным актам мышления. Выражение «$\mathbf{T}_{\lambda}p$» следует читать как «посредством возможного акта мышления λ мыслится, что p» или «посредством возможного акта мышления λ мыслится пропозиция *что p*».

---

[258] Curd P. The Legacy of Parmenides... P. xx, 66, 68, 72.

[259] Фреге Г. Логические исследования. С. 36–38. Если использовать современную терминологию, то кажется, что Г. Фреге здесь основывает этот свой вывод на возможном различии значений имён собственных в выражениях, приписывающих различным агентам пропозициональные установки. По Г. Фреге, если агенты A1 и A2 согласны с предложением «Герберт ранен», при этом A1 знает дату рождения Герберта, а A2 не знает её, то для A1 и A2 предложение «Герберт ранен» выражает различные «мысли» (Gedanken). Вероятно, Г. Фреге подразумевает, что, если агент, как выражается Г. Фреге, «считает истинным смысл предложения ["Герберт ранен"]», то он должен в то же самое время считать истинным также и всё, что он связывает с именем «Герберт», т. е., в современной терминологии, всё содержание своего ментального досье (mental file) на Герберта. Для этого рассуждения Г. Фреге не имеет значения, знает ли A1 дату рождения Герберта, только предполагает её, или просто понимает предложение об этой дате, не наделяя его истинностным значением. Также агенты могут не «считать истинным смысл предложения» – предложения «Герберт ранен» или любого предложения, описывающего содержание ментального досье, – а просто понимать его. Поэтому мы изложили позицию Г. Фреге в упрощённом виде, и ограничились исключительно «мышлением», которое можно трактовать как не подразумевающее «признание истинным».

Для логики предикатов, если элементы отношения не экземплифицируют, а кодируют отношения, (DisPr) можно записать в виде:

(DisPr^1) $(\forall X)(\forall Y)(\forall \Phi)(\forall \Psi)[(I!X \,\&\, I!Y) \rightarrow \{[\![X\Phi]\!] \neq [\![Y\Psi]\!] \leftrightarrow \{(\exists \lambda)(\mathbf{T}_\lambda X\Phi \veebar \mathbf{T}_\lambda Y\Psi)\}\}]$.

В (DisPr^1) подразумевается, что переменные X и Y пробегают по кортежам.

Легко видеть, что из (DisPr^1) следует (CrIdPr).

***

Продолжим рассмотренное рассуждение несколько далее. Примем *Покомпонентный* (**C**omponent-**W**ise) *критерий тождества сингулярных атомарных пропозиций*, в соответствии с которым пропозиции совпадают тогда и только тогда, когда совпадают значения термов и предикатов соответствующих им формул. Для пропозиций, которым соответствуют предложения о кодировании объектами характеристик, этот критерий может быть записан следующим образом:

(CrIdPr$_{CW}$) $(\forall X)(\forall Y)(\forall \Phi)(\forall \Psi)[([\![X\Phi]\!]=[\![Y\Psi]\!]) \leftrightarrow (X=Y \,\&\, \Phi=\Psi)]$[260].

В (CrIdPr$_{CW}$) подразумевается, что переменные X и Y пробегают по кортежам.

Из (CrIdPr$_{CW}$) & (CrIdCor) следует, что каждому предложению из совокупности предложений, совместно задающих какую-либо

[260] В (CrIdPr$_{CW}$) признаётся, что пропозиция является неким целым, компоненты которого связаны определённым способом и в определённом порядке. Выражаясь языком Г. Фреге, пропозиция является насыщенной пропозициональной функцией, являющейся некоторым «полным целым»; компонентами этого целого являются (*a*) аргументы насыщенной пропозициональной функции и (*b*) то, что их связывает – ненасыщенная пропозициональная функция. См. объяснение В. А. Суровцевым позиции Г. Фреге в: Фреге Г. Логические исследования. С. 116, прим. 17. Таким образом, (CrIdPr$_{CW}$) есть частный случай критерия тождественности сложных (целых) объектов, в соответствии с которым такие объекты совпадают если и только если у них совпадают и все части, и способ соединения частей и, кроме того, соединяемые этим способом части соединяются в том же самом порядке. Последний критерий может быть возведён к Аристотелю, у которого «всем» (τὸ πᾶν) называется то, у чего положение частей не создаёт различие (ἡ διαφορά), а «целым» (τὸ ὅλον) – то, у чего оно создаёт различие – *Met.* Δ, 26, 1024a 1–3.

последовательность объектов, содержащую все или некоторые объекты, являющиеся конституентами определённого целого, соответствует одна и та же пропозиция, при мышлении которой мыслятся в точности одни и те же объекты – все описываемые этими предложениями конституенты этого целого.

§ III.8 Формализация 2-го варианта ПЛ – рассуждения (Т2*b*)&(Т3*b*) ⇒ (Т4*b*)

Об условиях тождества объектов фиксированного интенционального акта полученные до сих пор положения ничего не говорят. Но это условие можно получить при формализации рассуждения (Т2*b*)&(Т3*b*) ⇒ (Т4*b*).

Положение (Т2*b*) мы формализуем в виде *Требования взаимного кодирования ВИИ-ов, задающих сложный ВИО*:

(RCInd) $(\forall X)(\forall Y)[(I!X \ \& \ I!Y) \rightarrow \{\mathrm{RCInd}(X, Y) \leftrightarrow (\forall\Phi)(\forall\Psi)(\forall\mu)(\forall\nu)[(\mathbf{T}_{\mu}X\Phi \ \& \ \mathbf{T}_{\nu}Y\Psi) \leftrightarrow (\mathbf{T}_{\nu}X\Phi \ \& \ \mathbf{T}_{\mu}Y\Psi)]\}]$.

Положение (Т3*b*) мы формализуем в виде *Критерия тождества ВИО-ов, задающих сложный ВИО*:

(CrIdInd) $(\forall x)(\forall y)(\forall X)(\forall Y)[\{I!X \ \& \ x\in X \ \& \ I!Y \ \& \ y\in Y\} \rightarrow \{x=y \leftrightarrow (\forall\Phi)(\forall\Psi)(\forall\mu)(\forall\nu)[(\mathbf{T}_{\mu}X\Phi \ \& \ \mathbf{T}_{\nu}Y\Psi) \leftrightarrow (\mathbf{T}_{\nu}X\Phi \ \& \ \mathbf{T}_{\mu}Y\Psi)]\}]$.

Из (RCInd) & (CrIdInd) сразу же следует являющийся формализацией положения (Т4*b*) *Тезис о тождестве ВИИ-ов, задающих сложный ВИО*:

(IdInd) $(\forall x)(\forall y)(\forall X)(\forall Y)[\{I!X \ \& \ x\varepsilon X \ \& \ I!Y \ \& \ y\varepsilon Y \ \& \ \mathrm{RCInd}(X, Y)\} \rightarrow x=y]$.

В (RCInd), (CrIdInd), (IdInd) подразумевается, что переменные X и Y пробегают по кортежам.

В (IdInd) утверждается, что все интенциональные объекты, принадлежащие совокупности интенциональных объектов, совместно кодируемых посредством предложений с одноместными и многоместными предикатами, тождественны друг другу – т. е. экземплифицируют отношение «тождество».

Из (IdInd) также следует, что ВИО-ы, задаваемые как соотнесённые произвольным отношением, которое они, таким образом, кодируют, тождественны друг другу – т. е. экземплифицируют отношение «тождество».

§ III.9 Формализация 3-го варианта ПЛ – рассуждения (Т2*c*)&(Т3*c*) ⇒ (Т4*c*)

Будем считать, что в (Т2*c*) утверждение, что конституенты ВИО мыслятся только все вместе, означает, что, например, две конституенты ВИО-ов a и b «постигаются друг через друга», т. е. находятся в отношении CG(a, b). В этом случае положение (Т2*c*) формализуется в виде следующего *Принципа совместного постижения конституент одного целого*:

(CG) $(\forall x)(\forall y)(\forall W)[(I!W) \rightarrow \{(x \Subset W \,\&\, y \Subset W) \rightarrow \mathrm{CG}(x, y)\}]$.

В (CG) и далее подразумевается, что переменная W пробегает по сложным или целым объектам. Отношение «$\Subset$» – отношение принадлежности конституенты сложного или целого объекта этому объекту. Таким образом, «$x \Subset W$» читается как «конституента x принадлежит целому W». Среди конституент целого могут быть: индивиды; свойства 1-го порядка, которыми обладают индивиды и отношения 1-го порядка, связывающие индивиды; свойства и отношения 2-го порядка – между исходными частями и свойствами и/или отношениями 1-го порядка между ними; свойства и отношения 2-го, 3-го и т. д. порядков. Также среди (несобственных) конституент целого может быть оно само – в этом случае «$W \Subset W$» читается как «целое W является (несобственной) конституентой себя самого».

В (CG) выражение «$I!W$» читается, в соответствии с введённым выше значением предиката «$I!$», как «W является абстрактным интенциональным объектом». Выражение «$x \Subset W$» читается как «x является конституентой W», причём, в соответствии с нашим пониманием «конституенты внутреннего интенционального объекта» и отношения «$\Subset$», конституента внутреннего интенционального объекта также является внутренним интенциональным объектом. Свойства и отношения, *кодируемые* внутренними интенциональными объектами в направленном на них интенциональном акте, также являются внутренними интенциональными объектами:

(I!W) $(\forall x)(\forall y)(\forall W)[(I!W) \rightarrow \{(x \Subset W \,\&\, y \Subset W) \rightarrow (I!x \,\&\, I!y)\}]$.

Положение (ТЗ*c*) мы формализуем в виде следующего *Критерия тождественности друг другу совместно постигаемых объектов*:

(CrIdIO) $(\forall x)(\forall y)[(I!x \,\&\, I!y) \rightarrow \{\mathrm{CG}(x, y) \leftrightarrow x{=}y\}]$.

Положение (CrIdIO) можно рассматривать как обобщение *Критерия различия пропозиций* Г. Фреге, который мы выше формализовали как (DisPr). Действительно, из *Критерия различия пропозиций* следует, что такие внутренние интенциональные объекты, как пропозиции, тождественны друг другу тогда и только тогда, когда они постигаются только совместно. При этом в (CrIdIO) утверждается, что ВИО-ы *произвольного типа* тождественны друг другу тогда и только тогда, когда они постигаются только совместно.

Из (CG) & (I!W) & (CrIdIO) следует следующий *Принцип тождественности ВИО-ов*, являющийся формализацией (Т4*c*):

(IdIO) $(\forall x)(\forall y)(\forall W)[(I!W) \rightarrow \{(x \Subset W \,\&\, y \Subset W) \rightarrow x{=}y\}]$.

B (IdIO) подразумевается, что переменная *W* пробегает по сложным или целым объектам.

Ниже мы ещё вернёмся к (IdIO), и укажем на то, как не рассматривавшийся сейчас фрагмент 28 B 2 DK может интерпретироваться как утверждающий один из частных случаев (IdIO). Кроме того, ниже мы намерены показать, что некоторые весьма важные для эпистемологии утверждения Протагора, Горгия, Платона, Секста Эмпирика, Плотина также могут интерпретироваться как частные случаи (IdIO).

§ III.10 Внутренний интенциональный объект *vs*. предикационный монизм

Парменидовский «монизм», в нашей интерпретации, включает в себя часть утверждений «предикационного монизма», приписываемого Пармениду П. Кёрд. Например, П. Кёрд утверждает, что подлинные сущие у Парменида постигаются одним и только одним познающим актом, посредством которого постигается природа сущих или их (одна-единственная) видовая характеристика[261]. Знак «οὖλον μουνογενές» (28 B 8.4 DK) П. Кёрд трактует как «некоторое целое одного-единственного вида» (a whole of a single kind)[262]. Но всё-таки наша интерпретация отличается от интерпретации П. Кёрд, так что приписываемый нами Пармениду «монизм» не совпадает полностью с «предикационным монизмом», приписываемым Пармениду П. Кёрд[263]. Приписываемый нами Пармениду вид монизма также не является, в терминологии П. Кёрд[264], ни «нумерическим» монизмом (нет запрета на то, что различные акты мышления задают разные внутренние интенциональные объекты), ни «субстанциальным» монизмом (нет рассуждения о субстанции мира)[265].

---

[261] Curd P. The Legacy of Parmenides… P. 72.
[262] *Ibid*. P. 68.
[263] *Ibid*. P. 66.
[264] *Ibid*. P. 65–66.
[265] Дискуссия о том, какого именно монизма придерживался Парменид, продолжается вплоть до последнего времени, см., например, недавнее исследование Sisko J. E., Weiss Y. A Fourth Alternative in Interpreting Parmenides // Phronesis. 2015. Vol. 60, no. 1. P. 40–59. Здесь отстаивается взгляд на Парменида как на

В интерпретации П. Кёрд, Парменид утверждает, что каждое сущее может описываться с помощью одного и только одного предиката, характеризующего его природу, и, в то же время, утверждать, что сущие, помимо этого, связаны также и отношением различия, что позволяет Пармениду и его последователям по предикационному монизму (ими П. Кёрд считает Анаксагора, Эмпедокла, Левкиппа, Демокрита) не отказываться от множественности сущих в мире[266]. П. Кёрд отвергает приемлемость для Парменида высказываний вида «*a*≠*b*» и «*a* не есть *b*». С точки зрения П. Кёрд, такие высказывания неприемлемы, поскольку высказывания «*a* не есть *b*» и «*a* есть не-*b*» не в состоянии ухватить подлинную природу или сущность вещи, ухватываемую только утвердительными высказываниями. Отрицательное же высказывание

> «погружено в неопределённость, которая не даёт [мыслящему субъекту (агенту)] ничего, к чему он мог бы прикрепить мысль, и, таким образом, [его] *noos* остаётся блуждающим»[267].

Эта интерпретация неприемлемости для Парменида высказываний вида «*a* не есть *b*» и «*a* есть не-*b*» восходит к А. Мурелатосу[268]; об интерпретации Парменида А. Мурелатосом, в соответствии с которой предложения вида «_не есть_» не могут быть помыслены тем совершенным или правильным мышлением, использовать которое в поэме Парменида богиня призывает Куроса, мы уже писали выше.

субстанциального или материального мониста, и опровергаются точки зрения: (*a*) М. Фёрта, Г. Оуэна и многих других (нумерический монизм); (*b*) П. Кёрд (предикационный монизм); (*c*) Дж. Палмера (нумерический монизм в отношении необходимого сущего – существует только одно единичное необходимое сущее).

[266] Curd P. The Legacy of Parmenides… P. xx. Подход П. Кёрд противостоит более привычному взгляду (см., например: Stokes M. C. One and Many in Presocratic Philosophy. Washington: Center for Hellenic Studies, 1971. ix, 355 p.), что, хотя атомы Демокрита и наследуют такую характеристику парменидовского сущего, как неразрушимость, всё-таки множественность атомов несовместима с учением Парменида.

[267] *Ibid*. P. 61.

[268] *Ibid*. P. 50; Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 78–80; Mourelatos A. P. D. Heraclites, Parmenides and the Naïve Metaphysics of Things. P. 326–330; Mourelatos A. P. D. Determinacy and Indeterminacy, Being and Non-Being in the Fragments of Parmenides. P. 342–348; Mourelatos A. P. D. Some Alternatives in Interpreting Parmenides // Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides: Revised and Expanded Edition; With a New Introduction, Three Supplemental Essays, and an Essay by Gregory Vlastos. Las Vegas, Zürich, Athens: Parmenides Publishing, 2008 (Originally published in 1979). P. 358–361.

Провести хоть сколько-нибудь убедительное обоснование этой неприемлемости, как мы писали выше, кажется довольно трудным. В несколько более поздней терминологии, речь здесь может идти, по-видимому, о неприемлемости отрицательных дефиниций и круговых дефиниций (если противоположности определяются через взаимное отрицание друг друга), а также о невозможности придать смысл высказываниям с отрицанием собственного имени (например, «Одиссей ищет не-Итаку»). Но, во-первых, требование к дефинициям, хотя и признавалось Аристотелем, теперь существенно смягчено, и нам привычно говорить, что высказывания, не удовлетворяющие строгим требованиям к определениям, всё же вносят некоторую определённость. Во-вторых, непонятно, почему все высказывания следует сводить к дефинициям. Что же касается высказывания «Одиссей ищет не-Итаку», то придать смысл ему можно, отказавшись рассматривать «не-Итаку» как собственное имя. Кроме того, можно усомниться в возникновении «*a* есть не-*b*» при трактовке «$a \neq b$».

На каком бы основании ни отвергались высказывания вида «$a \neq b$» и «*a* не есть *b*», получается, что высказывания о различии сущих (= приписывание нескольким сущим «внешних различий») так же незаконны, как и высказывания о наличии у одного сущего различных свойств (= приписывание одному сущему «внутренних различий», терминология П. Кёрд). Однако П. Кёрд утверждает, что Парменид отвергает лишь внутренние различия и не имеет ничего против высказываний о внешне различных сущих. П. Кёрд признаёт, что здесь имеется противоречие, которого, с её точки зрения, Парменид (и его последователи по предикационному монизму: Анаксагор, Эмпедокл, Левкипп, Демокрит) не разглядел. По П. Кёрд, это противоречие было осознано лишь во времена Платона и Аристотеля, когда стали явно выделяться различные смыслы глагола «быть», а также были разведены акцидентальная и сущностная предикации[269].

В нашей же интерпретации такой проблемы не возникает: ВИО-ы, будучи абстрактными объектами, *кодируют* свои характеристики, а признавая их различными, мы наделяем их характеристикой, которую они *экземплифицируют*.

[269] Curd P. The Legacy of Parmenides… P. xxi–xxiii; 94–97.

Наличие экземплифицируемых характеристик не влияет на идентичность абстрактных объектов[270]. Таким образом, возможно существование различных ВИО-ов, удовлетворяющих (¬Id↔¬In_I), т. е. экземплифицирующих различие.

§ III.11 Признание Парменидом положения (T2*c*) в 28 B 2 DK

§ III.11.1 Варианты формализации ключевых положений из 28 B 2 DK

Перейдём теперь к анализу фрагмента Парменида 28 B 2 DK, которого мы ещё не касались. Мы представим интерпретацию, в которой этот фрагмент будет трактоваться как утверждающий несколько положений, которые можно рассматривать как частные случаи (T2*c*).

Приведём текст и перевод 28 B 2 DK, используя способ записи, предложенный А. Мурелатосом[271]:

(1) «εἰ δ᾽ ἄγ᾽ ἐγὼν ἐρέω, κόμισαι δὲ σὺ μῦθον ἀκούσας,
(2) αἵπερ ὁδοὶ μοῦναι διζήσιός εἰσι νοῆσαι·
(3) ἡ μὲν ὅπως ἔστιν τε καὶ ὡς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι,
(4) ΠειΘοῦς ἐστι κέλευθος (ἀληθείῃ γάρ ὀπηδει)
(5) ἡ δ᾽ ὡς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὡς χρεών ἐστι μὴ εἶναι,
(6) τὴν δή τοι φράζω παναπευθέα ἔμμεν ἀταρπόν·
(7) οὔτε γὰρ ἂν γνοίης τό γε μὴ ἐὸν (οὐ γὰρ ἀνυοστόν)
(8) οὔτε φράσαις».

(1) «Приди и я скажу тебе, а ты слушай и сохраняй мои слова о том,
(2) какие пути поиска единственно мыслимы:
(3) один, что / как «_есть_», да и как «_не может не быть_»;

[270] Linsky B., Zalta E.N. Naturalized Platonism versus Platonized Naturalism…; Zalta E. N. Twenty-Five Basic Theorems in Situation and World Theory… .
[271] Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 71.

(4) это – путь Убежденья (ибо оно сопутствует Истине);

(5) другой – что / как «_не есть_», да и как до́лжно «_не быть_»,

(6) эта тропа, указываю тебе, совершенно непознаваема.

(7) Ведь [ты] не познал бы, право же, «_не есть_» (ведь [«_не есть_»] недостижимо [для мышления]),

(8) ни высказал бы [«_не есть_»]».

С нашей точки зрения, запрет на мышление выражений вида «_не есть_» в 28 B 2 DK допускает следующую интерпретацию[272]. В некоторых случаях этот запрет означает посылку рассуждения Парменида, заключающуюся в том, что объект мышления «совершенен» в том смысле, что он мыслится только полностью, целиком, сразу. Это можно сформулировать следующим образом: если один акт мышления наделяет объект мышления *o* характеристикой *P*, то никакой другой акт мышления (того же самого или другого субъекта) не будет наделять *тот же самый* объект *o* характеристикой *Q*, отличной от *P*. Таким образом, здесь утверждается следующее положение, которое мы склонны считать интерпретацией *отказа от* второго пути, описанного в 28 B 2.5–6 DK[273]:

(B2.5) $[\mathbf{T}_{\mu}(a)P \,\&\, \mathbf{T}_{\nu}(b)Q \,\&\, P{\neq}Q] \rightarrow \neg\mathbf{T}_{\nu}(a)Q.$

Напомним, что выражения вида «$\mathbf{T}_{\mu}(a)P$» можно читать как «посредством акта мышления μ мыслится, что [внутренний интенциональный абстрактный объект] *a* кодирует *P*».

Таким образом, в нашей интерпретации Парменид говорит в (B2.5) не о мышлении реальных объектов, а о мышлении *абстрактных* объектов, которые, в соответствии принимаемым нами подходом к абстрактным объектам Э. Залты, идентифицируются только по кодируемым ими характеристикам. При этом ВИО

[272] При переводе и интерпретации 28 B 2 DK использована ранее опубликованная статья Берестов И. В. Внутренние объекты мышления у Парменида и Платона // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 4. С. 86–98.

[273] Ниже в настоящем параграфе используется ранее опубликованная статья Берестов И. В. Эпистемический холизм в 28 B 2 DK Парменида и в «Евтидеме» Платона // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 2. С. 104–114.

полагается нами кодирующим характеристику если и только если эта характеристика приписывается ему в когнитивном акте.

Можно сказать, что в (B2.5) немыслимость «_не есть_» означает, что при мышлении объекта *a*, задаваемого через пропозицию ⟦(*a*)*P*⟧, *не есть* мыслящаяся и *не может быть* мыслящейся пропозиция ⟦(*a*)*Q*⟧, такая, что *P* не есть *Q*. Именно так, на наш взгляд, можно трактовать 28 B 2.5–6 DK, где Парменид описывает «второй путь»:

(5) «ἡ δ᾽ ὡς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὡς χρεών ἐστι μὴ εἶναι,
(6) τὴν δή τοι φράζω παναπευθέα ἔμμεν ἀταρπόν·»

(5) «другой [путь –] что / как «_не есть_», да и что / как до́лжно «_не быть_»,
(6) эта тропа, указываю тебе, совершенно непознаваема».

Напротив, при мышлении объекта *a*, задаваемого через пропозицию ⟦(*a*)*P*⟧, как характеризующегося также и через пропозицию ⟦(*a*)*Q*⟧, выполнено условие: в пропозиции ⟦(*a*)*Q*⟧ *Q есть P* и *Q должно быть P*. В нашей интерпретации это положение соответствует «первому пути», описываемому Парменидом в 28 B 2.3–4 DK:

(3) «ἡ μὲν ὅπως ἔστιν τε καὶ ὡς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι,
(4) ΠειΘοῦς ἐστι κέλευθος (ἀληθείῃ γάρ ὀπηδεῖ)»

(3) «один [путь –] что / как «_есть_», да и что / как «_не может не быть_»;
(4) это – путь Убежденья (ибо оно сопутствует Истине)»;

Формальную запись «первого пути» можно представить в следующем виде:

(B2.3) $[\mathbf{T}_{\mu}(a)P \;\&\; \mathbf{T}_{\nu}(a)Q] \rightarrow P{=}Q$.

Кроме того, с нашей точки зрения, смысл обоих путей можно передать также и следующими способами:

(B2.5′) $\{(\mathbf{T}_{\mu}(a)P \,\&\, \mathbf{T}_{\nu}(b)Q \,\&\, [\![(a)P]\!] \neq [\![(b)Q]\!]\} \rightarrow \neg\mathbf{T}_{\nu}(a)Q$.

(B2.3′) $[\mathbf{T}_{\mu}(a)P \,\&\, \mathbf{T}_{\nu}(a)Q] \rightarrow [\![(a)P]\!] = [\![(a)Q]\!]$.

Текст 28 B 2.7–8 DK чуть ниже можно интерпретировать как содержащий положение (B2.5) или положение (B2.5′):

(7) «οὔτε γὰρ ἂν γνοίης τό γε μὴ ἐὸν (οὐ γὰρ ἀνυοστόν)
(8) οὔτε φράσαις».

(7) «Ведь [ты] не познал бы, право же, «_не есть_» (ведь [«_не есть_»] недостижимо [для мышления]),
(8) ни высказал бы [«_не есть_»]».

Заметим, что наша интерпретация 28 B 2 DK отличается от многих получивших широкую известность интерпретаций. Как мы уже писали выше, с точки зрения Г. Оуэна[274], Парменид допускает «модальную ошибку», пытаясь вывести положение «‘*то, что может мыслиться*’ существует» из некорректного «не существующее ‘*то, что может мыслиться*’, не может мыслиться», тогда как корректным положением было бы «не существующее ‘*то, что может мыслиться*’, не мыслится»[275].

Наша интерпретация 28 B 2 DK стоит несколько особняком и от наиболее популярной в англоязычном мире сейчас интерпретации (или семейства интерпретаций) этого и других фрагментов Парменида, которую А. Мурелатос

[274] Owen G. E. L. Eleatic Questions P. 15.

[275] Помимо Г. Оуэна, как мы уже указывали выше, модальные ошибки приписывают Пармениду и другие исследователи – см. Barnes J. The Presocratic Philosophers. London: Routledge & Kegan Paul, 1979. In 2 vols. Vol. 1. P. 155–175; Lewis A. F. Parmenides' Modal Fallacy // Phronesis. 2009. Vol. 54. P. 1–8; Ketchum R. A Note on Barnes' Parmenides // Phronesis. 1993. Vol. 38, no. 1. P. 95–97.

именует «стандартной интерпретацией» – СИ[276]. Сторонники СИ, как мы уже писали выше, полагают, что признание невозможности помыслить пропозиции вида «_не есть_» следует из запрета мыслить пропозиции вида «Не существует такого положения дел, что *S* есть *P*» или «*S* не существует», которые полагаются подразумеваемыми в суждениях вида «_не есть_» [277]. Рассуждение в СИ, таким образом, использует допущение о том, что не существующие объекты не мыслятся. Это допущение оказывается спорным, если, например, единственными «существующими» объектами признаются объекты, существующие в реальности (а не в мышлении). Другим спорным допущением, используемым в СИ, является вывод из пропозиции вида «_не есть_» некоторой контрэкзистенциальной пропозиции.

Мы же, в настоящей интерпретации, полагаем, что Парменид, действительно, доказывает немыслимость пропозиций вида «_не есть_», но доказывает способом, отличным от доказательства в СИ. Наша интерпретация позволяет обойтись без приписывания Пармениду «модальных ошибок» и спорных допущений из СИ. Наша интерпретация утверждений Парменида в виде (B2.3), (B2.3´), (B2.5) и (B2.5´) позволяет предложить для них корректное обоснование, основывающееся на довольно здравом допущении (T2*c*). Напомним, что на (T2*c*) мы основывали выше один из вариантов трактовки вывода единства сущего в 28 B 8 DK. Наше обоснование положений (B2.3), (B2.3´), (B2.5) и (B2.5´) использует одну из возможных формализаций положения (T2*c*), отличающуюся от рассмотренной выше формализации в виде (CG). Несколько ниже мы подробно рассмотрим указанное обоснование.

Теперь же заметим, что в поэме Парменида и после 28 B 2 DK имеется несколько выражений, которые допускают трактовку в виде (B2.5) или (B2.5´). Таким способом можно трактовать утверждения из 28 B 6.1–2 DK (после

[276] В общих чертах содержание СИ уже было очерчено нами выше. См. также: Mourelatos A. P. D. Some Alternatives in Interpreting Parmenides. P. 350–353. Сам А. Мурелатос далее критикует СИ и вносит в неё ряд поправок – *Ibid*. P. 354–363.

[277] Анализ СИ и полемики вокруг неё см. также в Вольф М. Н. Стандартная англоязычная интерпретация Парменида; Берестов И. В. Довод *regressus ad infinitum* в обосновании немножественности сущего у Парменида и Зенона Элейского // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10, вып. 1. С. 82–111.

применения *modus tollens*) и из 28 B 8.7–9 DK. Утверждения из 28 B 8.2; 8.35–36 DK можно трактовать как содержащие положение (B2.3) или положение (B2.3´). Как мы уже писали выше, о том, что для Парменида мыслится именно *внутренний объект мышления* (ВОМ) – который мы рассматриваем как объект, задаваемый *сразу всеми* характеристиками, которые приписываются ему посредством какого-либо акта мышления – можно заключить на основании 28 B 3; 4.1–2; 8.34 DK. В этом смысле ВОМ «совершенен» (28 B 8.4; 8.11; 8.32–33; 8.42 DK), «одинаков» (28 B 8.22 DK), «однороден» (28 B 8.4 DK), «неизменен» (28 B 8.22; 8.26; 8.32–33; 8.41 DK) и «неприкосновенен» (28 B 8.48 DK).

§ III.11.2 Ещё одна формализация (T2*c*) – в виде (HPr^1) – и вывод из неё (B2.3), (B2.3´), (B2.5) и (B2.5´)

Напомним положение (T2*c*):

(T2*c*) *Конституенты внутреннего интенционального объекта, посредством которых задаётся сложный внутренний интенциональный объект, могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе.*

Положение (T2*c*) было формализовано выше в виде следующего *Принципа совместного постижения конституент одного целого*:

(CG) $(\forall x)(\forall y)(\forall W)[(I!W) \rightarrow \{(x \in W \,\&\, y \in W) \rightarrow \mathrm{CG}(x, y)\}]$.

В (CG) переменная W пробегает по сложным объектам или целым.

Теперь же мы намерены предложить для (T2*c*), если *сложным ВИО-м* является мыслящаяся пропозиция, следующую формализацию:

(HPr^1) $[\mathbf{T}_{\mu}(a)P \,\&\, \mathbf{T}_{\nu}(b)Q] \rightarrow [\{[\![(a)P]\!]=[\![(b)Q]\!] \vee P=Q \vee a=b\} \leftrightarrow \{[\![(a)P]\!]=[\![(b)Q]\!] \,\&\, P=Q \,\&\, a=b\}]$.

Также подразумевается, что a и b являются *произвольными* внутренними интенциональными абстрактными объектами, и что P и Q являются *произвольными* свойствами, кодируемыми *произвольными* внутренними интенциональными абстрактными объектами. Также подразумевается, что μ и ν являются произвольными интенциональными актами. Иначе говоря, подразумевается универсальная квантификация по a, b, P, Q, μ, ν перед всей формулой (HPr^1). Для упрощения записи мы не будем всё это прописывать в явном виде.

Положению (HPr^1) эквивалентно следующее положение:

(HPr^2) $[\mathbf{T}_{\mu}(a)P \;\&\; \mathbf{T}_{\nu}(b)Q] \rightarrow [\{[\![(a)P]\!] \neq [\![(b)Q]\!] \vee P \neq Q \vee a \neq b\} \leftrightarrow \{[\![(a)P]\!] \neq [\![(b)Q]\!] \;\&\; P \neq Q \;\&\; a \neq b\}]$.

Теперь посмотрим, какие основания могут быть приведены в пользу (HPr^1). С нашей точки зрения, (HPr^1) может быть обоснован через указание на то, что это положение является частным случаем холистической трактовки сложного объекта – а именно, холистической трактовки сложного ментального объекта.

Перед тем, как начинать анализ сложного ментального объекта, было бы разумно определить, что мы будем понимать под холистической трактовкой сложного объекта. Мы будем подразумевать под холистической трактовкой сложного объекта (или холистической трактовкой целого) следующий тезис:

(Н) *Какая-либо конституента первого целого отличается от каждой конституенты второго целого если и только если каждая конституента первого целого отличается от каждой конституенты второго целого*.

Под (несобственными) конституентами целого в (Н) и далее мы будем понимать объекты (части), связываемые в целое какими-либо отношениями, свойства объектов и отношения между ними, а также само это целое. Положение

(Н) для такого целого, как система убеждений агента, признаётся в качестве следствия холистического понимания такого целого М. Эсфельдом, утверждающим, что изменение одного убеждения в этой системе вызывает изменение во всех остальных убеждениях из этой системы[278]. Последний тезис часто называют *Тезисом о нестабильности* или *Принципом нестабильности* холистических систем. Широко известными следствиями (Н) для систем убеждений являются: невозможность для различных людей (предполагается, что системы убеждений различных людей всегда в чём-то различны) иметь одинаковые убеждения[279]; невозможность для кого-либо изменить свою систему убеждений так, чтобы не изменились все убеждения в этой системе; невозможность для различных людей обсуждать один и тот же тезис, спорить о нём, соглашаться и не соглашаться относительно него; невозможность для одного человека признавать тезис, а для другого – его отрицание; невозможность для одного и того же человека сначала признавать тезис, а потом его отрицание[280]. Подобные следствия признаются многими философами неприемлемыми[281], и делаются попытки показать, что *Тезис о нестабильности* может не выполняться в некоторых видах ментального холизма и холизма значений (Meaning Holism)[282]. Впрочем, эти попытки оспариваются[283] и дискуссии продолжаются, так что вряд ли можно говорить, что современным философам удалось убедительно показать, что (Н) не выполняется для тех систем, которые обычно признаются холистическими – например, для системы убеждений агента.

---

[278] Esfeld M. Holism in Philosophy of Mind and Philosophy of Physics. Dordrecht: Springer Science+Business Media, 2001. (Synthese Library. Studies in Epistemology, Logic, Methodology, and Philosophy of Science; vol. 298). P. 26; 49–50.

[279] См., например: «никто не понимает слово “кошка” так, как его понимаю я, если он или она не разделяет все мои убеждений» – Heal J. Semantic Holism: Still a Good Buy // Proceedings of the Aristotelian Society (New Series). 1994. Vol. 94. P. 330.

[280] См. обзор *Тезиса о нестабильности* и других следствий (Н) в Jackman H. Moderate Holism and the Instability Thesis // American Philosophical Quarterly. 1999. Vol. 36, no. 4. P. 361–362.

[281] См., например, критику холизма в монографии: Fodor J. A., Lepore E. Holism: A Shopper’s Guide. Oxford: Basil Blackwell, 1991. xiv, 274 p.

[282] См., например, статью: Lormand E. How to Be a Meaning Holist // The Journal of Philosophy. 1996. Vol. 93, is. 2. P 51–73.

[283] Подход из статьи Lormand E. How to Be… оспаривается в статье: Becker K. On the Perfectly General Nature of Instability in Meaning Holism // The Journal of Philosophy. 1998. Vol. 95, is. 12. P. 635–640.

Положение (Н) связано с другими широко известными формулировками холистического подхода к соотношению целого и его частей или конституент. В качестве примера приведём следующую формулировку:

($Н^1$) *Любая конституента целого соотнесена с каждой из конституент этого целого и определяется (характеризуется, идентифицируется) через её собственные свойства, а также через её отношения с каждой из конституент этого целого*.

В ($Н^1$) принимается следующее: «определяется чем-то» = «получает некоторую определённость, некоторые характеристики от чего-то»; т. е. речь идёт о *determinatio*, а не о *definitio*.

Положение ($Н^1$) в качестве фундаментальных свойств, задающих холистическую систему, признаёт, например, такой известный исследователь холистических систем, как М. Эсфельд. Он утверждает «взаимозависимость» конституент холистического целого, а также говорит, что свойства, которые являются характеристиками таких конституент, являются «относительными», т. е. конституента целого обязательно задаётся через её отношения с другими конституентами[284]. Часто отмечается, что взаимная соотнесённость или взаимообусловленность конституент целого сопровождается невозможностью для конституенты целого существовать без всего этого целого и всех его конституент[285].

Положение ($Н^1$) допускает множество различных трактовок. Оно может трактоваться как утверждающее, что предложения, описывающие холистическую систему, истинны только все вместе. Одно предложение или несколько предложений (но не все) могут полагаться говорящими не о рассматриваемой

[284] Esfeld M. Holism in Philosophy of Mind… . P. 2–5. См. также формулировку ($Н^1$) для такой холистической системы, как научная теория: «Любое положение в некоторой теории частично определяет значение каждого другого положения (в этой теории)» – Harrell M. Confirmation Holism and Semantic Holism // Synthese. 1996. Vol. 109, no. 1. P. 87.

[285] «Система является холистической если и только если вещи, которые являются её частями, имеют некоторые свойства, которые являются её характеристиками только внутри целого. Касательно инстанциации этих свойств, каждая из этих вещей зависит от наличия других вещей, вместе с которыми она конституирует целое» – Esfeld M. Holism and Analytic Philosophy // Mind (New Series). 1998. Vol. 107, no. 426. P. 367.

холистической системе, а о чём-то другом, и на этом основании трактоваться как ложные или как вообще лишённые истинностного значения. Эта версия холизма блокирует любые логические операции с предложениями, входящими в полное описание холистической системы. Другие версии могут допускать истинность предложений, конъюнкция которых составляет полное описание холистической системы. Например, в соответствии с подходом, анализируемым Н. Блоком, семантическое значение предложения есть упорядоченная пара, первый член которой есть множество выводов (inferences) *к* этому предложению, а второй её член есть множество выводов *из* этого предложения. Семантическое значение слова при этом есть множество семантических значений предложений, содержащих это слово[286].

Положение (Н) можно рассматривать как следствие ($Н^1$) и версии *Закона Лейбница* с учётом отношений любой «местности» (при условии, что отдельные предложения, описывающие целое, истинны, если истинна конъюнкция их всех, и другие обычные логические законы также действуют).

Впрочем, в некоторых версиях холизма содержание ($Н^1$) может трактоваться как совпадающее с содержанием (Н):

> «Значение, которым обладает индивидуальная мысль, зависит от всей совокупности (т. е. от теории или множества способностей), в которой эта мысль присутствует таким способом, что любое изменение во всей совокупности (добавление или изъятие элемента или замена одного элемента другим) изменяет содержание каждой мысли в этой совокупности»[287].

Положению (Н) эквивалентно положение:

---

[286] Block N. Holism, Hyper-Analyticity and Hyper-Compositionality // Philosophical Issues. 1993. Vol. 3 (Science and Knowledge). P. 44.

[287] Положение (3) в Heal J. Semantic Holism: Still a Good Buy // Proceedings of the Aristotelian Society (New Series). 1994. Vol. 94. P. 327.

(H^2) *Некоторая конституента первого целого тождественна некоторой конституенте второго целого если и только если каждая конституента первого целого тождественна соответствующей конституенте второго целого*.

Частным случаем (H) является положение:

(CW) *Одна и та же конституента не может содержаться в различных целых*.

Положение (H) можно формализовать в виде:

(H_f) $(\forall W_1)(\forall W_2)[(\exists c)(c \in W_1 \,\&\, c \bar{\in} W_2) \leftrightarrow (\forall c)(c \in W_1 \rightarrow c \bar{\in} W_2)]$.

В (H_f) и ниже «$\bar{\in}$» – отношение «не принадлежит целому», т. е. «$c \bar{\in} W_2$» читается как «конституента c не принадлежит целому W_2». В (H_f) переменные W_1, W_2 пробегают по целым, а переменная c – по конституентам целых.

Допустим, что (CW) неверно. Отрицание (CW) можно формализовать в виде:

($\neg CW_f$) $(\exists W_1)(\exists W_2)(\exists W_3)(\exists c_1)(\exists c_2)[(c_1 \in W_1 \,\&\, c_2 \in W_2 \,\&\, c_1 \bar{\in} W_2 \,\&\, c_1 \in W_3 \,\&\, c_2 \in W_3)]$.

В ($\neg CW_f$) и в последующих формулах подразумевается, что переменные W_1, W_2, W_3 пробегают по целым, а переменные c_1 и c_2 – по конституентам целых.

Из (H_f), следует:

(H_f^1) $(\exists W_1)(\exists W_2)(\exists c_1)(\exists c_2)[c_1 \in W_3 \,\&\, c_1 \bar{\in} W_2 \rightarrow \{c_2 \in W_3 \rightarrow c_2 \bar{\in} W_2\}]$.

Из ($\neg CW_f$), с помощью (H_f^1), можно вывести:

(Contr) $(\exists W_1)(\exists W_2)(\exists W_3)(\exists c_1)(\exists c_2)[(c_1 \circledcirc W_1 \;\&\; c_2 \circledcirc W_2 \;\&\; c_1 \overline{\circledcirc} W_2 \;\&\; c_1 \circledcirc W_3 \;\&\; c_2 \circledcirc W_3 \;\&\; c_2 \overline{\circledcirc} W_2)]$.

Противоречивость (Contr) является основанием для отбрасывания допущения ($\neg \mathrm{CW_f}$), т. е. для признания истинным его отрицания, ($\mathrm{CW_f}$):

($\mathrm{CW_f}$) $\neg(\exists W_1)(\exists W_2)(\exists W_3)(\exists c_1)(\exists c_2)[(c_1 \circledcirc W_1 \;\&\; c_2 \circledcirc W_2 \;\&\; c_1 \overline{\circledcirc} W_2 \;\&\; c_1 \circledcirc w_3 \;\&\; c_2 \circledcirc W_3)]$.

Положение ($\mathrm{CW_f}$) можно рассматривать как одну из возможных формализаций положения (CW).

Положение ($\mathrm{CW_f}$) эквивалентно положению:

($\mathrm{CW_f}^1$) $(\forall W_1)(\forall W_2)(\forall W_3)(\forall c_1)(\forall c_2)[\neg(c_1 \circledcirc W_1 \;\&\; c_2 \circledcirc W_2 \;\&\; c_1 \overline{\circledcirc} W_2 \;\&\; c_1 \circledcirc w_3 \;\&\; c_2 \circledcirc W_3)]$.

Из ($\mathrm{CW_f}^1$) следует:

($\mathrm{CW_f}^2$) $(\forall W_1)(\forall W_2)(\forall W_3)(\forall c_1)(\forall c_2)[c_1 \circledcirc W_1 \;\&\; c_2 \circledcirc W_2 \;\&\; c_1 \overline{\circledcirc} W_2 \;\&\; c_1 \circledcirc W_3 \rightarrow c_2 \overline{\circledcirc} W_3]$.

Неформально сформулировать ($\mathrm{CW_f}^2$) можно следующим образом:

Если наборы конституент, которые содержат два целых, различаются хотя бы одной конституентой, то ни одно целое не содержит какую-либо конституенту первого целого вместе с какой-либо конституентой второго целого.

Также ($\mathrm{CW_f}^2$) можно считать формализацией (HPr^3).

Теперь рассмотрим целое, совпадающее с мыслящейся некоторым актом мышления пропозицией, или содержащее её. Так, если $\mathbf{T}_{\mu}(a)P$, то это целое будет либо совпадать с $[\![(a)P]\!]$, либо содержать $[\![(a)P]\!]$. Среди (несобственных) конституент этого целого будут присутствовать (возможно, помимо других

конституент) a, P, $[\![(a)P]\!]$.[288] Для двух целых, таких, что первое либо содержит $[\![(a)P]\!]$, либо совпадает с $[\![(a)P]\!]$, а второе либо содержит $[\![(b)Q]\!]$, либо совпадает с $[\![(b)Q]\!]$, положение (CW_f^2) можно записать в следующем виде:

(HPr^3) $[\mathbf{T}_\mu(a)P \,\&\, \mathbf{T}_\nu(b)Q \rightarrow \{[\![(a)P]\!] \neq [\![(b)Q]\!] \vee P \neq Q \vee a \neq b\}] \rightarrow [\neg\mathbf{T}_\nu(a)Q \,\&\, \neg\mathbf{T}_\nu(b)P \,\&\, \neg\mathbf{T}_\nu(b)Q]$.

Из (HPr^3) следуют уже введённые нами выше при формализации 28 B 2 DK два положения:

(B2.5) $[\mathbf{T}_\mu(a)P \,\&\, \mathbf{T}_\nu(b)Q \,\&\, P \neq Q] \rightarrow \neg\mathbf{T}_\nu(a)Q$;

(B2.5´) $\{\mathbf{T}_\mu(a)P \,\&\, \mathbf{T}_\nu(b)Q \,\&\, [\![(a)P]\!] \neq [\![(b)Q]\!]\} \rightarrow \neg\mathbf{T}_\nu(a)Q$.

Кроме того, можно заметить, что из (H_f) для целых указанного типа следует уже введённое нами выше положение:

(HPr^2) $[\mathbf{T}_\mu(a)P \,\&\, \mathbf{T}_\nu(b)Q] \rightarrow [\{[\![(a)P]\!] \neq [\![(b)Q]\!] \vee P \neq Q \vee a \neq b\} \leftrightarrow \{[\![(a)P]\!] \neq [\![(b)Q]\!] \,\&\, P \neq Q \,\&\, a \neq b\}]$.

Положение (HPr^2) эквивалентно уже обсуждавшемуся нами выше положению:

(HPr^1) $[\mathbf{T}_\mu(a)P \,\&\, \mathbf{T}_\nu(b)Q] \rightarrow [\{[\![(a)P]\!] = [\![(b)Q]\!] \vee P = Q \vee a = b\} \leftrightarrow \{[\![(a)P]\!] = [\![(b)Q]\!] \,\&\, P = Q \,\&\, a = b\}]$.

Выше мы ввели (HPr^1) как формализацию для (T2*c*). Теперь же мы показали, что (HPr^1) следует из (H_f) для целых, конституентами которых являются

[288] Мы здесь принимаем следующее допущение: пропозиция есть целое, состоящее из её (собственных) конституент. Это соответствует многочисленным современным трактовкам пропозиции, в которой пропозиция представляется как кортеж из её (собственных) конституент.

пропозиции о ментальных абстрактных объектах, на которые направлены некоторые интенциональные акты, и конституенты этих пропозиций.

Из (HPr^1) для целых указанного типа следуют уже введённые нами выше при формализации 28 B 2 DK два положения:

(B2.3) $[\mathbf{T}_{\mu}(a)P \,\&\, \mathbf{T}_{\nu}(a)Q] \rightarrow P{=}Q$;

(B2.3´) $[\mathbf{T}_{\mu}(a)P \,\&\, \mathbf{T}_{\nu}(a)Q] \rightarrow [\![(a)P]\!]{=}[\![(a)Q]\!]$.

Таким образом, мы показали, что формализация (T2*c*) в виде (HPr^1) может быть выведена из (H_f), в котором рассматриваемыми целыми являются пропозиции о ментальных абстрактных объектах, мыслящиеся посредством соответствующих интенциональных актов. Кроме того, из (HPr^1) могут быть выведены положения (B2.3) и (B2.3´). Также из (H_f) для указанных целых может быть выведено (HPr^3), из которого, в свою очередь, могут быть выведены положения (B2.5) и (B2.5´). Положение (H_f) было предложено нами как формализация положения (H), последнее можно рассматривать как следствие (H^1) и версии *Закона Лейбница* с учётом отношений любой «местности». Напомним, что положения (B2.3), (B2.3´), (B2.5) и (B2.5´) являются обсуждавшимися нами выше формализациями ключевых положений из 28 B 2 DK.

Можно показать, что, аналогично выводу формализации (T2*c*) в виде (HPr^1) из (H_f), из (H_f) могут быть выведены также и формализации (T2*a*) и (T2*b*) – при условии их надлежащей формализации. Однако делать это сейчас нет необходимости, поскольку возможность такого вывода достаточно ясна из неформальных формулировок: понятно, что обобщением (T2*a*), (T2*b*) и (T2*c*) является (T2), которое выводится из (CW) для целых, которыми являются ментальные содержания актов мышления, а (CW) является частным случаем (H).

§ III.12 Заключение к главе III

В настоящей главе решалась первая часть третьей задачи диссертации – а именно, мы стремились *построить доброжелательную и философски значимую интерпретацию аргументов Парменида против множественности сущего, пригодную для того, чтобы встроить её в современные философские дискуссии* (тогда как само связывание этой интерпретации с современными дискуссиями будет осуществлено в четвёртой главе).

Указанную интерпретацию мы назвали *Первой линией аргументации против множественности сущего* (ПЛ), которую мы обнаруживаем в 28 B 2–8.48 DK поэмы Парменида. В ПЛ используется версия *Холистического допущения*. *Холистическое допущение* может быть записано в нескольких формулировках: одна часть целого обладает любой из своих характеристик тогда и только тогда, когда каждая часть этого целого обладает всеми своими характеристиками; части целого существуют тогда и только тогда, когда существуют это целое и все его части; пропозиции о двух любых частях некоторого целого *a* и *b* имеют истинностное значение только *все вместе*, и не имеют его по отдельности. В той версии ПЛ, которую мы связали с поэмой Парменида, рассматриваемым «сущим» является внутренний объект акта мышления (ВОМ), являющийся сложным ментальным объектом, и именно ВОМ является тем целым, для которого записывается используемая версия *Холистического допущения*. В нашей интерпретации Парменида, для получения вывода о неразличимости конституент сложного объекта (целого), являющегося ВОМ, используется версия *Холистического допущения* – вариант положения (Н) для ВОМ – вместе с версией *Критерия неразличимости конституент ВОМ*, в которой утверждается, что конституенты ВОМ неразличимы, если и только если они могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления лишь все вместе. Положение (Н) можно рассматривать как следствие ($Н^1$) и версии *Закона Лейбница* с учётом отношений любой «местности». В качестве *Холистического допущения для ВОМ* мы использовали варианты положения (Т2), а в качестве *Критерием неразличимости конституент ВОМ* мы использовали варианты положения (Т3), в качестве же

вывода о неразличимости конституент ВОМ мы использовали варианты положения (Т4).

Мы показали, что возможна интерпретация Парменида, при которой его доказательство «неделимости (неразличимости) сущего» является весьма убедительным: оно исходит из посылок, которые трудно отбросить «с ходу» и допускает формализацию, в которой оно является логически корректным. Для того чтобы показать это, мы проинтерпретировали «сущее» (τὸ ἐόν) у Парменида как ВОМ, являющийся ментальным объектом, полностью задаваемым каждым актом мышления, посредством которого он мыслится. Такая интерпретация может быть подтверждена некоторыми фрагментами поэмы и её придерживается Дж. Баррингтон.

Далее мы проинтерпретировали доказываемый Парменидом тезис о «неделимости (неразличимости) сущего» как утверждение о том, что внутренние интенциональные объекты, которые могут быть заданы только совместно, неразличимы. Формализация этого доказательства была выполнена тремя способами. Во всех случаях доказывается, что если мышление, посредством которого мыслится *ноэма* как сложный (целый) ВОМ, вообще возможно, то конституенты этого сложного ВОМ неразличимы друг с другом. При этом в первом случае конституентами являются пропозиции, задающие целый ВОМ, а во втором случае – индивиды, являющиеся аргументами насыщенных пропозициональных функций, которые задают сложный ВОМ. В третьем случае конституентами могут быть и указанные пропозиции, и индивиды, и отношения между индивидами. В нашей формализации использовался оператор мышления из доксастической логики. Кроме того, наш способ записи опирался на способ записи в *Теории абстрактных объектов* Б. Лински и Э. Залты.

При формализации ПЛ – т. е. обоснования того, что внутренние интенциональные объекты, задаваемые только совместно, неразличимы, – мы использовали положения (Т2), (Т3) и (Т4) и три их варианта. Так мы получили три варианта ПЛ: (Т2*a*)&(Т3*a*) ⇒ (Т4*a*); (Т2*b*)&(Т3*b*) ⇒ (Т4*b*); (Т2*c*)&(Т3*c*) ⇒ (Т4*c*). Каждый из этих рассуждений был записан на формальном языке, использующем

эпистемические операторы. Мы связали ключевые фрагменты ПЛ с различными строками поэмы Парменида, наиболее развёрнутыми из привлечённых нами рассуждений были свидетельства в пользу (Т4) из 28 B 8.22–25; 8.45–48 DK. Мы показали, что положение (Т2*c*), являющееся вариантом положения (Т2), может быть получено из холистической трактовки целого или сложного объекта, распространённой на мыслящиеся пропозиции. Мы продемонстрировали, как 28 B 2.3; 2.5 DK можно истолковать в виде следствий последней трактовки сложного ВОМ.

Наиболее дискуссионными допущениями в приведённых формальных доказательствах являются (CrIdPr), (CrIdInd) и (CrIdIO), соответствующие (Т3*a*), (Т3*b*) и (Т3*c*), в которых утверждается, что внутренние объекты мышления совпадают, если они не могут мыслиться независимо. Можно сказать, что в качестве критерия различия внутренних интенциональных объектов мышления здесь признаётся их способность к независимому существованию (в мышлении), т. е. возможность для одного объекта мыслиться, когда другой объект не мыслится.

Тем не менее, нельзя сказать, что эти допущения могут быть легко отвергнуты. Каким образом можно было бы различить внутренние объекты мышления, если они действительно *внутренние для мышления*, т. е. на них нельзя указать ни жестом, ни знаком? Вообще, их нельзя различить с помощью какой-либо другой познавательной способности, скажем, какого-нибудь вида чувственного восприятия, помимо «чистого» мышления.

Нельзя сказать также, что такой подход настолько неестественен, что не приходил никому в голову и не использовался ранее. Помимо рассуждений Г. Фреге, можно указать на выделение Иоанном Дунсом Скотом трёх видов различий, среди которых имеется реальное различие. По А. В. Апполонову, у Дунса Скота реальное различие (*distinctio realis*) между двумя вещами (*res*) имеет место, если по крайней мере одна из них может существовать без другой. Реально

различны, например, субстанция и акциденция, а также тело и душа[289]. Представленный подход можно понять как экстраполяцию определения реального различия Дунса Скота на внутренние объекты мышления, единственный способ существовать для которых – мыслиться. Впрочем, сопоставление указанных подходов выходит за рамки темы настоящей диссертации и требует отдельного изучения.

Итак, в третьей главе была решена первая часть третьей задачи диссертации и, тем самым, было обоснован третье положение, выносимое на защиту. А именно, было показано, что *строки поэмы Парменида B 2.3–5; 8.4–48 могут быть проинтерпретированы в виде корректной и исходящей из достаточно здравых посылок ПЛ (где сущее трактуется как ВОМ, являющийся абстрактным объектом в смысле Э. Залты), и в которой используются: (a) допущение о холистическом характере ВОМ, и (b) критерий различия конституент ВОМ.*

Кроме того, принятый нами способ формализации ПЛ создаёт условия для сопоставления рассуждения Парменида с современными обсуждениями абстрактных объектов, объектов пропозициональных установок и ментального холизма. Тем самым мы начали обрисовывать один из способов построения *производного значения* для указанных строк поэмы Парменида. Представленный в настоящей главе способ построения *производного значения*, как было указано в первой главе, не претендует на выявление того, что Парменид думал «на самом деле», когда писал свою поэму. Связь ПЛ в принятой нами формализации с современными философскими дискуссиями будет показана в четвёртой главе, что позволит нам, наконец, очертить процедуру построения *производного значения* для рассмотренных в настоящей главе текстов Парменида.

[289] Апполонов А. В. Иоанн Дунс Скот и его философская теология // Иоанн Дунс Скот. Трактат о Первоначале / Перевод, вступительная статья и комментарии А. В. Апполонова. М.: Издательство Францисканцев, 2001. С. XVII. Схожую позицию в вопросе критерия реального различия занимал позднее и Франсиско де Суарес: «Суарес отрицает реальное различие сущности и существования, поскольку тогда приходится принять, что они могут существовать отдельно друг от друга» – Доманов О.А. Форма и формальные подходы в истории философии и современности // Respublica Literaria. 2020. Т. 1, вып. 2. С. 54.

Глава IV Холистическое допущение из ПЛ у Протагора, Горгия, Платона, Секста Эмпирика и Плотина

§ IV.1 Введение к главе IV

В четвёртой главе мы будем решать вторую часть третьей задачи диссертации – *встроить доброжелательную и философски значимую интерпретацию аргументов Парменида против множественности сущего* (эта интерпретация была построена в третьей главе в ходе решения первой части третьей задачи) *в современные философские дискуссии*. Также в четвёртой главе мы будем решать четвёртую задачу диссертации – *разработать такие интерпретации ряда текстов древнегреческих философов после Парменида, в которых можно проследить случаи использования холистического допущения из нашей интерпретации аргументации Парменида против множественности сущего*.

Мы намерены предложить трактовку некоторых тезисов Протагора, Горгия, Платона и Секста Эмпирика, в соответствии с которой разновидности или следствия холистических допущений – применявшихся в ПЛ, являющейся нашей интерпретацией рассуждения Парменида – использовались также и этими философами, но уже не для обоснования немножественности сущего, а для своих собственных целей.

В настоящей главе мы намерены показать, что использование холистического понимания целого можно обнаружить не только у Платона[290], но также у Протагора, Горгия, Секста Эмпирика и Плотина[291].

---

[290] Как показано в монографии: Harte V. Plato on Parts and Wholes: The Metaphysics of Structure. Oxford, New York: Clarendon Press, 2002. vii, 311 p.

[291] В настоящей главе используются ранее опубликованные статьи: Берестов И. В. Аргументы Горгия Леонтийского как свидетельство философской значимости проблемы интенционального тождества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2(34). С. 259–268; Берестов И. В. Холистические предпосылки в третьем аргументе трактата Горгия «О не-сущем» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. №4(36). С. 28–38; Берестов И. В. Парменидовские предпосылки в *homo mensura* Протагора // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Т. 10, вып. 2. С. 659–670; Берестов И. В., Тихонов А. В. Логическая структура эпикурейского возражения скептикам из *Adv. math.* VIII, 337. ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское

Используемая в настоящей главе трактовка сущего у Парменида была разработана в предыдущей – третьей – главе для того, чтобы очертить процедуру построения *производного значения* для некоторых текстов Парменида. Как было показано в первой главе, *производное значение* не претендует на то, чтобы раскрыть то содержание аргументов философа, которое сам этот философ им придавал. *Производное значение* текстов Парменида зависит от текстов других философов, которые полагаются «раскрывающими» содержание исходных текстов. Как мы уже отметили, в настоящей главе в качестве таких текстов будут использованы тексты Протагора, Горгия, Платона, Секста Эмпирика и Плотина. В соответствии с подходом, изложенном в первой главе, объекты, являющиеся значениями термов или формул из текстов указанных философов от Протагора до Плотина, переписанных на языке L_1 из § I.4, если эти объекты связаны со значениями термов или формул из текстов Парменида (также переписанных на L_1) так, как это было описано в § I.10, вносят вклад в *производное значение* текстов Парменида.

Как мы намерены показать, холистическое понимание целого является ключевым для построения гипотетического обоснования знаменитого тезиса Протагора (далее – *HM*), см. Plato, *Theaet*. 152a2–4 = 80 B 1 DK[292]:

> ‘πάντων χρημάτων μέτρον’ ἄνθρωπον εἶναι, ‘τῶν μὲν ὄντων ὡς ἔστι, τῶν δὲ μὴ ὄντων ὡς οὐκ ἔστιν’
>
> Человек есть мера всех вещей, существующих – что [/как] они существуют, несуществующих – что [/как] они не существуют.

антиковедение и классическая традиция. 2018. Т. 12, вып. 2. С. 659–668 (в настоящей главе используется анализ аргумента из *Adv. math.* VIII, 337, проведённый совместно с А. В. Тихоновым); Берестов И. В. Эпистемический холизм: Протагор, Горгий и Платон // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2016. Т. 2, вып. 1–2. С. 22–38.

[292] См. также Sextus Empiricus, *Adv. math.* VII 60; Diogenes Laertius, *Vitae philosophorum* IX, 51. Фрагмент включён под номером III.1 в новое издание: Афонасин Е. В. Протагор из Абдер. Фрагменты и свидетельства // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2020. Т. 14, вып. 1. С. 317. Историко-философские комментарии к *HM* см. в недавних исследования: Волкова Н. П. «Мера вещей» Протагора как критерий истины // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. Т. 13, вып. 2. С. 695–704; Волкова Н. П. Аристотелевская интерпретация тезиса Протагора и «Теэтет» Платона // Платоновские исследования. 2020. Т. 13, вып. 2. С. 56–68.

Также мы намерены показать, что холистическое понимание целого используется Горгием в трактате *О не-сущем* (*MXG* VI, §§23–26). Таким образом, мы полагаем, что замечание А. Мурелатоса[293] о том, что Г. Калоджеро[294] ошибается, когда приписывает Горгию использование здесь «протагоровского релятивизма», провозглашаемого в *HM*, следует скорректировать.

Далее мы укажем на связь холистических допущений Платона с эпистемологическими проблемами, порождаемыми *HM*[295]. Затем мы перейдём к обсуждению текстов, которые могут быть истолкованы как свидетельствующие о наличии холистических допущений у Секста Эмпирика и Плотина. Всё это поможет нам продолжить обрисовывать процедуру построения *производного значения* для тех текстов Парменида, которые были очерчены в третьей главе.

§ IV.2 Формализация холизма

Ниже мы будем использовать положение (Н), его формализацию и выводимые из него положения, рассмотренные в предыдущей главе, в § III.11.2. Для удобства мы повторим некоторые положения и запишем несколько ещё не обсуждавшихся положений. Затем мы перейдём к обсуждению свидетельств в пользу их наличия в текстах античных философов.

Напомним одно из введённых нами выше условий, которым удовлетворяют холистические сложные объекты или холистические целые:

(Н) *Какая-либо конституента первого целого отличается от каждой конституенты второго целого если и только если каждая конституента первого целого отличается от каждой конституенты второго целого*.

---

[293] Mourelatos A. P. D. Gorgias on the Function of Language // Philosophical Topics. 1987. Vol. XV, no. 2. P. 164, note 2; P. 166, note 31.

[294] Calogero G. Studi sull’ eleatismo. La seconda edizione. Florence: La nuova Italia, 1977. P. 262.

[295] Этот аспект платоновского холизма остался за рамками прекрасной работы Harte V. Plato on Parts and Wholes: The Metaphysics of Structure. Oxford, New York: Clarendon Press, 2002. vii, 311 p.

Для целого, удовлетворяющего (H), выполнено также и следующее условие:

(Rel→W) *Если какие-либо объекты соотнесены каким-либо отношением, то имеется некоторое целое (например, положение дел), содержащее все эти объекты, соотнесённые этим отношением, или целое, тождественное одному из соотнесённых объектов и содержащее все остальные*.

(H^1) *Любая конституента целого соотнесена с каждой из конституент этого целого и определяется (характеризуется, идентифицируется) через её собственные свойства, а также через её отношения с каждой из конституент этого целого*.

Как было сказано выше, положение (H) можно рассматривать как следствие (H^1) и версии *Закона Лейбница* с учётом отношений любой «местности».

Положение (H) было выше формализовано нами в виде:

(H_f) $(\forall W_1)(\forall W_2)[(\exists c)(c \in W_1 \,\&\, c\,\overline{\in}\,W_2) \leftrightarrow (\forall c)(c \in W_1 \rightarrow c\,\overline{\in}\,W_2)]$.

Рассмотрим следующее допущение:

(IndepIA) *Если некоторый интенциональный акт некоторого субъекта направлен на внутренний интенциональный объект этого акта, то все характеристики этого объекта, учитываемые при его идентификации, задаются этим актом*.

Положение (IndepIA) говорит о том, что любой интенциональный акт задаёт характеристики всех своих интенциональных объектов *независимо* от других интенциональных актов – т. е. самостоятельно, без их помощи. Положение (IndepIA) может быть возведено к следующему принципу, которого, по

М. Текстору, придерживался Фр. Брентано: «“осознавать *a*” и “осознавать *b*” не тождественно “осознанию *a* и *b*”, если нет одного (single) [акта] осознания *a* и *b*»[296]. Формулировка у М. Текстора показывает, что (IndepIA) можно считать одной из формулировок *Принципа единства сознания*.

Далее мы будем полагать, что интенциональный акт направлен на свои интенциональные объекты посредством пропозиции. Положение (IndepIA) является необходимым условием для критериев тождества внутренних интенциональных объектов вроде ($Id \leftrightarrow In_I$) и ($Id \leftrightarrow In_I'$).

Из допущения

(Re) *Некоторые характеристики реального объекта, учитываемые при его идентификации, не задаются какими-либо интенциональными актами*,

и положения (IndepIA) при предположении, что внутренний интенциональный объект совпадает с реальным объектом, выводится противоречие. Таким образом, мы получили положение

(¬ReI) *Внутренний интенциональный объект интенционального акта не может быть каким-либо реальным объектом*.

Более сильным положением, чем (IndepIA), является следующее положение (Id):

(Id) *Интенциональный акт и внутренний интенциональный объект этого акта тождественны друг другу*.

Из (Id) следует, что два различных интенциональных акта не могут быть направлены на один и тот же внутренний интенциональный объект. Из этого следует (IndepIA). Но из (IndepIA) не следует, что два различных

[296] Textor M. From Mental Holism to the Soul and Back // The Monist. 2017. Vol. 100. P. 140.

интенциональных акта не могут быть направлены на один и тот же внутренний интенциональный объект, и не следует (Id). Положение (Id) является одной из рассматриваемых современными исследователями трактовок 28 B 3 DK Парменида – довольно сильной и дискуссионной (впрочем, все трактовки этого фрагмента небесспорны[297]). В нашей интерпретации Парменида в третьей главе 28 B 3 DK получил более слабые трактовки, не выходящие за рамки принципа интенциональности мышления, так что (Id) нами в третьей главе не использовалось.

Из положения (Id) следует:

(UnIA) *На любой внутренний интенциональный объект, на который направлен какой-либо интенциональный акт, направлен этот и только этот интенциональный акт*.

Положение (UnIA) также можно вывести при условии (IndepIA) из (H) или из (H_f) для двух целых, среди конституент каждого из которых обязательно присутствуют (1) *интенциональный акт*, и (2) хотя бы один *внутренний интенциональный объект* этого акта.

Для двух целых, среди конституент каждого из которых обязательно присутствуют (1) *интенциональный акт*, и (2) *пропозиция*, посредством которой этот интенциональный акт направлен на свои внутренние интенциональные

[297] М. Уидин (Wedin M. V. Parmenides' Grand Deduction… . P. 202–229) называет тезис о тождестве мышления и бытия, являющийся интерпретацией 28 B 3 DK многими исследователями, *Тезисом о тождестве*, и выявляет несколько различных формулировок этого тезиса, обсуждаемых в современной литературе. Среди исследователей, придерживающихся какой-либо вариации *Тезиса о тождестве* – Ч. Кан (Kahn Ch. H. The Thesis of Parmenides // Review of Metaphysics. 1969. Vol. 22. P. 721–724), А. Коксон (Coxon A. H. The Fragments of Parmenides. A Critical Text with Introduction, Translation, the Ancient *Testimonia* and Commentary. Assen: Van Gorcum, 1986. P. 179–181), Э. Лонг (Long A. A. Parmenides on Thinking Being // Proceedings of the Boston Area Colloquium in Ancient Philosophy. 1996. Vol. 12. P. 125–51), Д. Сидли (Sedley D. Parmenides and Melissus // The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy / A. A. Long, ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 113–133). Например, Д. Сидли утверждает *Тезис о тождестве*, говоря о неразделимости мыслящего субъекта с мыслимым им объектом, так что «'*то, что мыслит*' есть, и '*то, что есть*' мыслит» (Sedley D. Parmenides and Melissus. P. 120). Наиболее близкой к (Id) формулировкой *Тезиса о тождестве* является антецедент из формализации М. Уидином (Wedin M. V. Parmenides' Grand Deduction… . P. 212) интерпретации 28 B 3 DK Э. Лонга (Long A. A. Parmenides on Thinking Being. P. 135). Пусть '*I*' обозначает сущее (what is), '*T*' обозначает действие мышления (activity of thinking), и '*O*' обозначает мыслящийся объект (object of thought). Тогда: (*I*=*T*=*O* & *I* мыслит *O*) → (*T* мыслит *I*).

объекты, из (H) или из (H_f) при условии (IndepIA) выводится следующее положение:

(≠Pr) *Пропозиции, посредством которых различные интенциональные акты направлены на свои внутренние интенциональные объекты, различны*.

Положение (≠Pr) можно формализовать в виде:

(≠Pr_f) $(\forall\mu)(\forall\nu)(\forall p)(\forall q)(\forall \mathbf{A}^1)\,(\forall \mathbf{A}^2)[(\mathbf{A}^1{}_\mu p \,\&\, \mathbf{A}^2{}_\nu q) \rightarrow (\mu{\neq}\nu \rightarrow [\![p]\!]{\neq}[\![q]\!])]$.

В (≠Pr_f) и ниже переменные p и q пробегают по предложениям. Выражение $[\![p]\!]$ обозначает пропозицию, выраженную предложением p, аналогично для q. Выражение «$\mathbf{A}^1{}_\mu p$» можно прочитать как «посредством интенционального акта μ типа $\mathbf{A}^1$ мыслится, что p», или как «посредством интенционального акта μ типа $\mathbf{A}^1$ мыслится пропозиция *что* p», или как «интенциональный акт μ типа $\mathbf{A}^1$, направлен на свои внутренние интенциональные объекты (являющиеся конституентами пропозиции $[\![p]\!]$) посредством пропозиции $[\![p]\!]$». Аналогично читается выражение «$\mathbf{A}^2{}_\nu q$». $\mathbf{A}^1$ и $\mathbf{A}^2$ здесь – произвольные эпистемические (доксастические, булетические и проч.) операторы, соответствующие типу пропозициональной установки. Вместо $\mathbf{A}^1$ и $\mathbf{A}^2$ могут подставляться: оператор мышления **T**, знания **K**, интеллектуального схватывания, или постижения, или понимания **G**, веры **B** и проч.

Положение (≠Pr_f) следует из положения (H_f) для целого указанного типа.

Положение (≠Pr) выполнено, если выполнено положение (Id).

Положение (Id) можно формализовать в виде:

(Id_f) $(\forall\mu)(\forall p)(\forall \mathbf{A})\{(\mathbf{A}_\mu p) \leftrightarrow \mu{=}[\![p]\!]\}$.

Из (H) или из (H_f) для двух целых, среди конституент каждого из которых обязательно присутствуют (1) *интенциональный акт*, (2) хотя бы один *внутренний интенциональный объект* этого акта, (3) *свойство*, кодируемое таким внутренним интенциональным объектом, и (4) *атомарная пропозиция*, посредством которой этот интенциональный акт направлен на свои объекты, при условии (IndepIA) следует положение, являющееся базовым для рассматриваемых в настоящей главе его последующих вариаций. Поскольку в этом положении (и рассматриваемых ниже родственных ему положениях) говорится о *холистическом* характере *пропозиции*, и, кроме того, это положение является базовым для последующих его вариаций, мы будем обозначать его через (HPr^b):

(HPr^b) $[\mathbf{A}^1_\mu(a)P \;\&\; \mathbf{A}^2_\nu(b)Q] \rightarrow [\{[\![(a)P]\!]=[\![(b)Q]\!] \vee \mu=\nu \vee P=Q \vee a=b\} \rightarrow \{[\![(a)P]\!]=[\![(b)Q]\!] \;\&\; \mu=\nu \;\&\; P=Q \;\&\; a=b\}]$.

Положение (HPr^b) является обобщением ($\neq Pr_f$) для случая атомарных предложений с одноместными предикатами, кодируемыми абстрактными объектами. В (HPr^b) и далее мы подразумеваем возможность универсальной квантификации перед всей формулой по каждому терму, но не будем записывать кванторы, чтобы облегчить понимание формул.

Если Парменид всё-таки признавал в 28 B 3 DK положение (Id), которое мы формализовали как (Id_f), то, если признаётся интерпретация 28 B 2.3; 2.5 DK из § III.11.2 выше, в соответствии с которой формальные варианты этих положений выводятся из (HPr^1), то есть основания считать, что Парменид признавал и частный случай (HPr^b) для $\mathbf{A}^1=\mathbf{T}$ и $\mathbf{A}^2=\mathbf{T}$, выводимое из (HPr^1) и (Id_f). В этом случае для Парменида внутренние объекты разных актов мышления могут быть только различными.

Теперь заметим, что интенциональный акт есть интенциональный акт некоторого познающего субъекта. Обозначим интенциональный акт субъекта s через $\mu(s)$. Положения ($\neq Pr_f$), (Id_f) и (HPr^b) можно переписать с учётом этого. Переписанные положения будут следовать из (H) или из (H_f) для двух целых,

среди конституент которых присутствуют все указанные выше, при указании способа получения (HPr^b), и, кроме того, познающий субъект.

По аналогии с этими случаями, для двух целых, конституентами которых являются субъекты s_1 и s_2, их интенциональные акты $\mu(s_1)$ и $\nu(s_2)$, а также пропозиции $[\![(a)P]\!]$ и $[\![(b)Q]\!]$ для пропозициональных установок, принадлежащих этим интенциональным актам, из (H) или из (H_f) при условии (IndepIA) следует положение:

(≠S) *Если субъекты различны, то их интенциональные акты различны* –
$[\mathbf{A}^1{}_{\mu(s1)}(a)P \,\&\, \mathbf{A}^2{}_{\nu(s2)}(b)Q] \rightarrow [s_1 \neq s_2 \rightarrow \mu(s_1) \neq \nu(s_2)]$.

В (≠S) и далее выражение «$\mathbf{A}^1{}_{\mu(s1)}(a)P$» читается как «субъект s_1 обладает интенциональным актом μ типа $\mathbf{A}^1$, направленным на пропозицию $[\![(a)P]\!]$».

Наконец, для двух целых, конституентами которых являются субъекты s_1 и s_2, их интенциональные акты $\mu(s_1)$ и $\nu(s_2)$, а также пропозиции $[\![(a)P]\!]$ и $[\![(b)Q]\!]$ для пропозициональных установок, принадлежащих этим интенциональным актам, и типы этих пропозициональных установок (или типы интенциональных актов) из (H) или из (H_f) при условии (IndepIA) следует положение:

(≠A) *Если типы интенциональных актов различны, то интенциональные акты различны*[298] –
$[\mathbf{A}^1{}_{\mu(s1)}(a)P \,\&\, \mathbf{A}^2{}_{\nu(s2)}(b)Q] \rightarrow [\mathbf{A}^1 \neq \mathbf{A}^2 \rightarrow \mu(s_1) \neq \nu(s_2)]$.

Из (H) или (H_f) для двух целых, содержащих субъекты, их интенциональные акты, интенциональные объекты этих актов, можно получить следующее положение:

[298] К интенциональным актам, имеющим различные типы, относятся, например, акты мышления, акты понимания, акты восприятия, акты веры, акты надежды, акты желания и проч. На то, что типы интенциональных актов различны, указывают различные пропозициональные установки, или различные эпистемические операторы $\mathbf{A}^1$ и $\mathbf{A}^2$ в представленной ниже формальной записи.

(≠SO) *Если имеются два различных субъекта, интенциональные акты которых направлены на их внутренние интенциональные объекты, то внутренние интенциональные объекты этих интенциональных актов этих субъектов различны.*

Теперь мы можем записать положение, являющееся обобщением положений (≠Pr_f), (HPr^b), (≠S) и (≠A).

Для двух целых, конституентами которых являются субъекты s_1 и s_2, их интенциональные акты $\mu(s_1)$ и $\nu(s_2)$, пропозиции $[\![(a)P]\!]$ и $[\![(b)Q]\!]$ для пропозициональных установок, принадлежащих этим интенциональным актам, конституенты этих пропозиций a, P и b, Q, и, наконец, типы указанных пропозициональных установок (или типы интенциональных актов), из (H) или из (H_f) при условии (IndepIA) следует положение:

(HPr) $[\mathbf{A}^1{}_{\mu(s1)}(a)P \;\&\; \mathbf{A}^2{}_{\nu(s2)}(b)Q] \rightarrow [\{[\![(a)P]\!] \neq [\![(b)Q]\!] \vee \mu(s_1) \neq \nu(s_2) \vee s_1 \neq s_2 \vee P \neq Q \vee a \neq b \vee \mathbf{A}^1 \neq \mathbf{A}^2\} \rightarrow \{[\![(a)P]\!] \neq [\![(b)Q]\!] \;\&\; \mu(s_1) \neq \nu(s_2) \;\&\; P \neq Q \;\&\; a \neq b\}]$.

Положение (HPr) можно рассматривать как вариацию положения (HPr^b). Более точно, положения (≠Pr_f), (HPr^b), (≠S) и (≠A) следуют из положения (HPr).

Положение (HPr) можно считать критерием *ментального холизма*, как он понимается у М. Эсфельда и Дж. Хил: удовлетворяющие ему ментальные системы являются холистическими системами[299].

Неформально, в (HPr) говорится следующее:

Если хотя бы одна конституента одной пропозиции отличается от соответствующей конституенты другой пропозиции (причём среди конституент пропозиции присутствует сама пропозиция) или тип

[299] См. Esfeld M. Holism in Philosophy of Mind… . P. 26; 49–50; Heal J. Semantic Holism… P. 326–330. При этом следует заметить, что недопустимо, чтобы агент имел только одну мысль, т. е. чтобы он обладал только одной пропозициональной установкой, содержанием которой была бы только одна пропозиция. См. положение (1a), обсуждаемое в Heal J. Semantic Holism… P. 326: «Невозможно придать смысл тому, что существует только одна мысль. Если имеется какая-либо мысль, то должен иметься ряд различных мыслей, атрибутируемых одному и тому же агенту».

интенциональных актов, направленных на эти пропозиции, различен, или различны субъекты этих актов или сами эти акты, то все конституенты этих пропозиций различны и направленные на эти пропозиции интенциональные акты тоже различны.

Теперь мы можем сказать, как соотносятся введённые нами выше эквивалентные друг другу положения (HPr^1) и (HPr^2), с одной стороны, и положения (HPr^b) и (HPr), с другой стороны. Положения (HPr^1) и (HPr^2) выводимы $P/(HPr^b)$, ($\neq S$), ($\neq A$), (HPr), (HPr^1), (HPr^2), (HPr^3) следует из положения (H_f) для целых с определённым набором конституент при условии (IndepIA).

Заметим, что, в соответствии с некоторыми современными концепциями *ментального холизма*[300], ментальная система субъекта является холистической. В эту систему, помимо содержания пропозициональной установки субъекта (т. е. пропозиции), было бы разумно включить: интенциональный акт, направленный на пропозицию и/или её конституенты; тип интенционального акта или пропозициональной установки (желание, убеждённость, надежда, мышление, понимание, …); субъекта интенционального акта (который может обладать несколькими интенциональными актами). Это именно те допущения, которые принимались нами при получении положений ($\neq Pr_f$), (HPr^b), ($\neq S$), ($\neq A$), (HPr), (HPr^1), (HPr^2), (HPr^3) из положения (H_f) при условии (IndepIA).

Ниже в настоящей главе мы рассмотрим, в каком виде (H), (HPr^b) и (HPr) используются Протагором, Горгием, Платоном, Секстом Эмпириком и Плотином.

§ IV.3 (HPr) в тезисе *homo mensura* Протагора

Начнём с анализа приведённого выше тезиса Протагора *HM*. Отношение «*s* является мерой для *p*» будем понимать как «пропозиция *p* (или внутренний

[300] Обсуждение сильных и слабых сторон различных видов холизма можно найти в статьях: Block N. Holism, Hyper-Analyticity and Hyper-Compositionality // Philosophical Issues. 1993. Vol. 3 (Science and Knowledge). P. 37–72; Esfeld M. Holism and Analytic Philosophy // Mind (New Series). 1998. Vol. 107, no. 426. P. 365–380; Harrell M. Confirmation Holism and Semantic Holism // Synthese. 1996. Vol. 109, no. 1. P. 63–101; Heal J. Semantic Holism: Still a Good Buy // Proceedings of the Aristotelian Society (New Series). 1994. Vol. 94. P. 325–339.

интенциональный объект a), которую понимает субъект s, зависит от s, в том смысле, что если бы s был другим, то p (или внутренний интенциональный объект a тоже был бы другим) тоже была бы другой (или внутренний интенциональный объект a тоже был бы другим)». Пусть $\mu(s_1)$ означает акт мышления μ, зависящий от s_1, $\nu(s_2)$ означает акт мышления ν, зависящий от s_2. В этом случае *НМ* можно записать в следующих двух вариантах:

(Pr) $[\mathbf{G}_{\mu(s1)}(a)P \,\&\, \mathbf{G}_{\nu(s2)}(b)Q \,\&\, s_1 \neq s_2] \rightarrow [\![(a)P]\!] \neq [\![(b)Q]\!]$.

(Pr′) $[\mathbf{G}_{\mu(s1)}(a)P \,\&\, \mathbf{G}_{\nu(s2)}(b)Q \,\&\, s_1 \neq s_2] \rightarrow a \neq b$.

Неформально:

Если два субъекта, постигающие две пропозиции, различны, то и сами эти пропозиции, и объекты, о которых идёт речь в этих пропозициях, тоже различны.

Положения (Pr) и (Pr′) являются частными случаями (HPr).

В современной литературе позиция Протагора часто характеризуется как такая разновидность «релятивизма истины», в которой истинность пропозиции релятивизирована к субъекту. Эту релятивизацию можно выразить так: любая пропозиция (истинная для кого-то) истинна *только* для него. Положение (Pr) истинно при замене **G** на произвольные эпистемические операторы, так что мы можем записать (Pr) для эпистемического оператора $\mathbf{B}^{\mathbf{T}}$, «$\mathbf{B}^{\mathbf{T}}_{\mu(s1)}(a)P$» читается как «субъект s_1, в своём интенциональном акте μ, считает истинной пропозицию $(a)P$». В этом случае (Pr) переписывается в виде:

(PrT) $[\mathbf{B}^{\mathbf{T}}_{\mu(s1)}(a)P \,\&\, \mathbf{B}^{\mathbf{T}}_{\nu(s2)}(b)Q \,\&\, s_1 \neq s_2] \rightarrow [\![(a)P]\!] \neq [\![(b)Q]\!]$.

Неформально:

Если два субъекта, считающие истинными две пропозиции, различны, то эти пропозиции также различны.

Положение (PrT) является частным случаем положения (HPr). В (PrT) подразумевается, что об истинности пропозиции нельзя говорить без указания на тот интенциональный акт (принадлежащий некоторому субъекту), в котором эта пропозиция признаётся истинной (нет свойства «быть истинной», есть только неанализируемое двуместное отношение *_считает истинным, что_*), так что пропозиция истинна тогда и только тогда, когда она присутствует в системе убеждений субъекта. Таким образом, в (PrT) подразумевается положение:

(RT) *Любая пропозиция p истинна для субъекта s если и только если p присутствует в системе убеждений субъекта s.*

В (RT) подразумевается, что можно сказать «*p* истинно для s_1», «*p* истинно для s_2». Но нельзя сказать «*p* истинно для s_1 и для s_2». Язык, в котором «_является истинным» заменено на «_является истинным для *s*» этого не позволяет. Позиция, выраженная в (RT), именуется «релятивизмом истины»[301].

Следствием представленной в (RT) трактовки релятивизма истины является то, что объекты каждого субъекта оказываются изолированными в мире этого субъекта, так что каждый живёт в своём собственном мире[302]. Именно такова первая из четырёх интерпретаций Протагора, разбираемая в Д. К. Глидденом[303]. Такая интерпретация Протагора имеет весьма почтенную историю[304].

---

[301] Именно так определяется «релятивизм истины» в Edelberg W. Intentional Identity and Attitudes // Linguistics and Philosophy. 1992. Vol. 15. P. 568; см. также Lee M.-K. Epistemology after Protagoras: Responses to Relativism in Plato, Aristotle, and Democritus. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 32.

[302] В современной философии похожих взглядов придерживался Нельсон Гудмэн – Goodman N. The Ways of Worldmaking. Hassocks: Harvester Press, 1978. Об оценке позиции Протагора как весьма интересной, респектабельной, непротиворечивой и способной постоять за себя даже в современных философских дебатах, см.: Zilioli U. Protagoras and the Challenge of Relativism: Plato's Subtlest Enemy. Aldershot: Ashgate, 2007.

[303] Glidden D. K. Protagorean Obliquity // History of Philosophy Quarterly. 1988. Vol. 5, No. 4. P. 321–340.

[304] Taylor A. E. Plato: The Man and his Work. London: Methuen, 1926. P. 326; Burnyeat M. Protagoras and self-refutation in later Greek philosophy // Philosophical Review. 1976. Vol. 85. P. 39; Chappell T. D. J. Reading the περιτροπή: *Theaetetus* 170c–171c // Phronesis. 2006. Vol. 51, no. 2. P. 111–120.

Эта интерпретация использует не только формулировку *НМ*, но также основывается и на платоновской *трактовке* тезиса *НМ* в *Theaet*. 160c4–9. Как известно, Платон *цитирует НМ* в *Theaet*. 152a2–4, и мы привели эту цитату выше. Помимо этого, Платон предлагает *трактовку НМ*, в которой существующие вещи, мерой которых является человек, оказываются существующими именно *для этого человека – Theaet*. 160c4–9[305]:

Σ. οὐκοῦν ὅτε δὴ τὸ ἐμὲ ποιοῦν ἐμοί ἐστιν καὶ οὐκ ἄλλῳ, ἐγὼ καὶ αἰσθάνομαι αὐτοῦ, ἄλλος δ᾽ οὔ;

Θ. πῶς γὰρ οὔ;

Σ. ἀληθὴς ἄρα ἐμοὶ ἡ ἐμη, αἴσθησις – τῆς γὰρ ἐμῆς οὐσίας ἀεί ἐστιν – καὶ ἐγὼ κριτὴς κατὰ τὸν Πρωταγόραν τῶν τε ὄντων ἐμοὶ ὡς ἔστι, καὶ τῶν μὴ ὄντων ὡς οὐκ ἔστιν.

Сократ. Таким образом, поскольку действующее на меня есть для меня, а не для [кого-либо] другого, именно мной оно и воспринимается (αἰσθάνομαι), другим же – нет.

Теэтет. А как же иначе?

Сократ. Следовательно, моё восприятие истинно для меня [и только для меня] – ведь оно всегда принадлежит моей [и только моей] сущности – и, в согласии с Протагором, я являюсь судьёй всем сущим для меня [вещам], что они существуют, и не-сущим, что они не существуют.

Положение (RT) можно считать обычной трактовкой «релятивизма истины».

Из (RT) следует, что разные субъекты *могут* не *считать истинной* одну и ту же пропозицию. Помимо этого, в (PrT) присутствует также и более сильное требование: разные субъекты *не могут считать истинной* одну и ту же пропозицию. Поэтому вариант релятивизма истины, описываемый в (PrT) и

[305] Ср. *Theaet*. 170a3.

рассматриваемый нами как одна из возможных формализаций *НМ*, можно назвать ***радикальным релятивизмом истины***.

Можно сказать, что в «релятивизме истины» (RT) истинность пропозиции есть функция T, зависящая от пропозиции p и от субъекта s – $T = T(p, s)$: пропозиция истинна если и только если субъект считает её истинной. В (PrT) тоже утверждается, что истинность пропозиции есть функция, зависящая от пропозиции и от субъекта, такая, что пропозиция истинна если и только если субъект считает её истинной, но при этом добавляется, что при различных вторых аргументах (т. е. при различных субъектах) первые аргументы (т. е. пропозиции) различны (таким образом, пропозиции более не являются независимыми переменными – $p=p(s)$), так что функция T не определена для совпадающих пропозиций разных субъектов – $T=T(p(s), s)$: $s_1 \neq s_2 \rightarrow p(s_1) \neq p(s_2)$.

Используемая нами формализация *НМ* помогает рассмотреть различные варианты холистических допущений, приписывание которых Протагору помогает предложить новое обоснование *НМ*, которое, возможно, подразумевалось Протагором и, во всяком случае, было доступно для него. Это обоснование, на наш взгляд, имеет преимущество перед обоснованием Уго Цилиоли[306], поскольку мы не пытаемся, как это делает Уго Цилиоли, доказать «сравнимость (comparability)» объектов и миров различных субъектов или интенциональных актов, признавая, тем не менее, их «несоизмеримость (incommensurability)»[307].

Уго Цилиоли полагает, что отрицание сравнимости между мирами, или, как мы могли бы изложить это в соответствии с терминологией настоящей статьи, между пропозициями и их констиитуентами, относящимися к различным субъектам или интенциональным актам, ведёт к невозможности коммуникации между субъектами. Это он полагает иррационалистическим следствием[308], характерным для недостаточно продуманного релятивизма. Предлагаемая им самим версия релятивизма, являющаяся интерпретацией *НМ* Протагора, призвана избежать этого. У. Цилиоли полагает, что один субъект не может оценивать

[306] Zilioli U. Protagoras and the Challenge of Relativism… .
[307] Zilioli U. Protagoras… . P. 139.
[308] *Ibid*. P. 77.

убеждения другого на истинность – их истинность и ложность определены для системы убеждений того и только того субъекта, который этих убеждений придерживается, и не определены для другого, в том числе «оценивающего», субъекта[309]. При этом мудрец, например, сам Протагор, способен «частично постичь» внутренний мир своего «пациента», уточнять своё представление по мере поступления новой информации в беседе с «пациентом», в результате мудрец оказывается способным изменить картину мира «пациента», его «диспозиции», желания и оценки, его восприятия[310]. Тем самым, с точки зрения У. Цилиоли, обеспечивается возможность коммуникации и удаётся избежать иррационализма.

У. Цилиоли полагает, что невозможно объективно, нейтрально, безотносительно к субъекту оценивать убеждения на истинность и ложность, но вполне допустимо оценивать их на «полезность», «приемлемость», «приятность». Почему же одни оценки допустимы, а другие – нет? Протагор, действительно, стремился (за немалые деньги) изменить взгляды и оценки «пациентов» на более выгодные для них самих (*Theaet.* 166d), но из этого не следует, что оценки и вся система убеждений «пациента» доступна для мудреца, хотя бы «частично». Мудрец может выполнять свою работу, вообще не строя гипотез о системе убеждений «пациента». Как вообще может оказаться так, что истинностное значение пропозиции *диспозиция Д хороша для субъекта С1* имеет истинностное значение только для убеждённого в ней субъекта С1, и всё-таки мудрец (т. е. субъект С2, причём С2≠С1) убеждён, что *диспозиция Д хороша для субъекта С1*? Как вообще какой-либо субъект может иметь какую-либо пропозициональную установку по отношению к пропозиции, которая не имеет для этого субъекта истинностного значения?

На наш взгляд, указанная странность в интерпретации У. Цилиоли *НМ* возникла из-за того, что он полагает, что невозможность коммуникации следует заблокировать «любой ценой», и ради этого можно использовать даже метод П. Фейерабенда, который, как признаёт сам У. Цилиоли, «трудно определим в

[309] *Ibid*. P. 79.
[310] *Ibid*. P. 80–81.

научно точных терминах»[311]. Однако этот подход сталкивается с весьма серьёзными недостатками в аргументации и с непониманием со стороны читателя, что же именно всё-таки здесь имеется в виду. С нашей же точки зрения нет никакой необходимости в отбрасывании тезиса о невозможности коммуникации «любой ценой». Как мы увидим ниже, в следующем § IV.4, Горгий весьма явно сформулировал и ясно обосновал этот тезис; тем самым он поставил весьма серьёзную проблему для последующих поколений философов. Поскольку эта проблема так и не была решена за более, чем две тысячи лет, прошедших после обоснования Горгием своего тезиса, поспешность при попытках её решения сейчас вряд ли уместна.

§ IV.4 Аргументы Горгия из *MXG* VI, §§ 23, 25, 26

§ IV.4.1 Введение к § IV.4

В настоящем параграфе мы намерены выявить некоторые посылки из третьего аргумента Горгия – даже если вещи познаваемы, о них невозможно сообщить другому – как этот аргумент представлен у Псевдо-Аристотеля, в трактате «О Мелиссе, Ксенофане, Горгии» (*De Melisso Xenophane Gorgia*, далее – *MXG*) VI, §§ 21–26[312]. Мы покажем, какие преимущества может дать предположение о неявном использовании Горгием холистического понимания целого для интерпретации этого аргумента, в котором обосновывается непередаваемость того, что один человек мыслит о сущем, другому человеку (§ 26). Мы предлагаем интерпретацию рассуждения Горгия в §§ 23–26, в котором он доказывает тезис[313]:

---

[311] Zilioli U. Protagoras… . P. 79.

[312] См. Aristoteles. De Xenophane, de Zenone, de Gorgia // Aristotelis opera / Bekker, I., ed. Vol. 2. P. 202–206.

[313] Ниже мы будем рассматривать интенциональные акты, направленные на «внутренние» (исключительно ментальные) объекты, и направленные на реальные объекты. В последнем случае реальный объект задаётся посредством внутреннего.

Различные субъекты не могут постигать один и тот же внутренний интенциональный объект (§§ 23, 25, 26).

При доказательстве этого тезиса используется допущение: целое или сложный объект имеет холистический характер, конституенты которого определяются друг через друга, а значит, не могут существовать друг без друга.

Наша интерпретация помогает утверждать существенную связь рассуждения Горгия в *MXG* VI, §§ 23–26 с проанализированными выше положениями поэмы Парменида и с тезисом Протагора о человеке как мере всех вещей. В этом наша интерпретация отличается от интерпретации А. Мурелатоса[314], отвергающего опору Горгия на тезис Протагора. Кроме того, наша интерпретация §§ 23–26 делает рассуждение Горгия во всём третьем аргументе единообразным и исходящим из одинаковых принципов – в отличие от подхода А. Мурелатоса.

А именно, по А. Мурелатосу[315], Горгий использует как в *MXG* VI, §§ 21–22, 980a21–980b8, так и в *MXG* VI, § 25, 980b14–17 «категориальный аргумент», независимый от двух аргументов из *MXG* VI, §§ 23–24, 980b 8–17. В §§ 23–24, по А. Мурелатосу, используется допущение о зависимости интенционального объекта от субъекта[316], а в §§ 21–22 и в § 25 оно не используется. «Категориальный аргумент» в §§ 21–22 и в § 25, по А. Мурелатосу, сводится к запрету на тождество интенциональных объектов интенциональных актов, относящихся к различным познавательным способностям[317]. При этом из трактовки А. Мурелатоса непонятно, на каких основаниях провозглашается этот запрет. Мы намерены показать, что этот запрет является следствием (HPr), или следует из (H) для целых, содержащих интенциональные акты, их типы и интенциональные объекты этих актов. Мы намерены предложить однотипную трактовку аргументов из §§ 23, 25: в каждом из них присутствует обоснование различных следствий (HPr).

---

[314] Mourelatos A. P. D. Gorgias on the Function of Language… P. 164, note 2; P. 166, note 31.
[315] См. Mourelatos A. P. D. Gorgias on the Function of Language. P. 138, 147–148.
[316] Это допущение является следствием (H).
[317] Похожий запрет используется в скептической аргументации Секста Эмпирика – *Adv. math.* VII, 83–84.

Ниже мы кратко укажем на наиболее ясные свидетельства того, что в трактате Горгия *О не-сущем* утверждаются некоторые частные случаи (HPr).

§ IV.4.2 *MXG* VI, § 23

До нас дошло два изложения трактата Горгия *‘О не-сущем’, или ‘О природе’*: Секст Эмпирик, «Против учёных» – *Adv. math.* VII, 65–87[318] и Псевдо-Аристотель, «О Мелиссе, Ксенофане, Горгии» – *De Melisso Xenophane Gorgia* (далее – *MXG*), гл. V–VI, 980a 19–980b 21[319]. Интерес для нас сейчас представляет только последняя, третья, часть трактата (*MXG* VI, §§ 20–26, 979a12–980b21; *Adv. math.* VII, 83–87), представляющая собой обоснование несообщаемости ментального содержания одного субъекта другому субъекту. Наш анализ сосредоточится на версии из *MXG*[320].

В *MXG* VI, §23, 980b8–11 говорится следующее:

> «Если же предположить, что возможно [для говорящего] познать [нечто], и даже сказать о том, что ему удалось познать, то мыслит ли при этом слушающий то же самое? Ибо одно и то же не может совместно

[318] Греч. текст цитируется по: Sextus Empiricus. Adversus mathematicos / H. Mutschmann, ed. // Sexti Empirici opera. Vols. 2–3. Leipzig: Teubner, 1914. См. греч. текст также в работе: Вольф М. Н. Софистика. Горгий Леонтийский: трактат «О не-сущем, или О природе» в современных интерпретациях (учебное пособие). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. С. 226–228. Философский анализ аргументации Горгия в версии Секста Эмпирика см. в: Вольф М. Н. Формальная структура трактата Горгия «О не-сущем» по изложению Секста Эмпирика (*Adv. math.* vii. 66–87) // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. Т. 13, вып. 1. С. 208–225.

[319] Греч. текст цитируется по: Aristoteles. De Xenophane, de Zenone, de Gorgia // Aristotelis opera / Bekker, I., ed. Vol. 2. Berlin: Reimer, 1831. P. 202–206. Исправленное издание греч. текста см. в: Вольф М. Н. Софистика. Горгий Леонтийский… С. 232–234. Перевод на русс. яз. и необходимые комментарии приведены в статье: Вольф М. Н. Трактат *О не-сущем*, или *О природе* Горгия в De Melisso Xenophane Gorgia, V–VI: Условно-формальная структура и перевод // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8, вып. 2. С. 152–169. Мы будем использовать этот перевод, с незначительными изменениями. В указанных работах М. Н. Вольф также приведён детальный анализ весьма сложной аргументации трактата и её философский анализ. Обсуждение трактата с использованием подходов современной философии см. в статье: Вольф М. Н. Может ли дескриптивная эпистемология спасти Горгия от философской несостоятельности? // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17. № 4. С. 170–183. Другие сохранившиеся фрагменты и речи Горгия см. в новейшем комментированном переводе: Афонасин Е. В. Горгий Леонтийский. Фрагменты и свидетельства // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2020. Т. 14, вып. 2. С. 756–811.

[320] Сравнение аргументации в двух версиях трактата см. в исследовании: Вольф М. Н. Порядок аргументов и их философское содержание в эпистемических разделах речи Горгия «О не-сущем» по двум версиям её пересказа // Философский журнал. 2019. Т. 12, вып. 4. С. 112–127.

присутствовать во многих и отдельных [целых]. Ибо в этом случае одно стало бы двумя (οὐ γὰρ οἷον τε τὸ αὐτὸ ἅμα ἐν πλείοσι καὶ χωρὶς οὖσιν εἶναι· δύο γὰρ ἂν εἴη τὸ ἕν)»[321].

Это рассуждение составляет так называемый «третий аргумент» Горгия из трактата: «даже если сущее познаваемо, знание о нём непередаваемо другому». Первые два аргумента (их мы не будем касаться): «сущее не существует» и «даже если сущее существует, то оно непознаваемо»[322]. Мы полагаем, что в этой цитате содержится положение, которое можно формализовать следующим способом:

(G23′) *ВИО мышления слушателя может не совпадать с оригинальным ВИО мышления, который имел в виду говорящий*.

Основанием для (G23′), приводимым Горгием, является (PW):

(PW) *Одна и та же часть не может присутствовать в «отдельных», а значит, различных, целых, ведь часть в первом целом не тождественна части во втором целом*.

Горгий имеет право ссылаться на (PW), если он (неявно) признаёт (H). Действительно, положения (H) достаточно для получения вывода о возможности

[321] А. Мурелатос (Mourelatos A. P. D. Gorgias on the Function of Language… P. 141–143) полагает, что здесь вместо «целых» следует подставить «познающих субъектов», а также обращает внимание на сходство этой мысли Горгия с аргументом «Парусина» у Платона в *Parm.* 131b1–2. У Платона здесь из того, что эйдос симультанно (ἅμα) присутствует в каждой отдельной вещи, ему причастной, выводится, что эйдос существует отдельно (χωρὶς) от самого себя. Терминологическое сходство двух текстов очень велико, тем не менее, Горгий всё-таки мог иметь в виду что-то другое, и ему нет необходимости допускать *ошибку деления*, которая, как кажется на первый взгляд, содержится в выводе из *Parm.* 131b 1–2. Третье предложение в *MXG* VI, § 23, 980b8–11 («Ибо в этом случае…») можно трактовать просто как эквивалентное второму («Ибо одно и то же…»), и оба – как эквивалентные (PW) или (H), и тогда в тексте Горгия нет некорректного умозаключения. О *признании* Платоном в другом месте «Парменида», в *Parm.* 135a третьего аргумента Горгия из трактата «О не-сущем» (ср. особенно *MXG* VI, § 21, 980a19–20) см. Hays S. On the Skeptical Influence of Gorgias *On Non-Being* // Journal of the History of Philosophy. 1990. Vol. 28, no. 3. P. 335–337. О *критике* Платоном третьего аргумента в «Софисте» см. Вольф М. Н. Тезис Горгия «не-сущее существует» и свидетельства о нём у Платона // Платоновский сборник. Т. I. Приложение к Вестнику Русской христианской гуманитарной академии / Ред. И. А. Протопопова, О. В. Алиева, А. В. Гараджа, А. А. Глухов, А. В. Михайловский, Р. В. Светлов. М.–СПб.: РГГУ–РХГА, 2013. Том 14. С. 262–264.

[322] Возможны различные трактовки этих аргументов, мы здесь привели только одну из обсуждаемых трактовок. Филологический и логический анализ всех трёх аргументах см. в монографии: Вольф М. Н. Трактат *О не-сущем*, или *О природе* Горгия… .

несовпадения ВИО-ов говорящего и его слушателя, если признаётся, что говорящий и слушающий, содержащие свои ВИО-ы, являются *различными* целыми.

Заметим, что посредством (H) можно доказать более сильное заключение, чем (G23′): внутренние интенциональные объекты двух различных субъектов не просто могут не совпадать, но не совпадают. Это заключение является более сильным также и потому, что для его получения нам нет нужды допускать, что один внутренний интенциональный акт принадлежит именно говорящему, а другой – его слушателю. Это заключение формализуется следующим образом:

(G23) $[\mathbf{G}_{\mu(s1)}(a)P \,\&\, \mathbf{G}_{\nu(s2)}(b)Q(b) \,\&\, s_1 \neq s_2] \rightarrow a \neq b$.

Если два субъекта, постигающие две пропозиции, различны, то ВИО-ы, о которых идёт речь в этих пропозициях, также различны.

Здесь **G** – эпистемический оператор, соответствующий пропозициональной установке «постигать, что …». Постижение некоторой пропозиции не влечёт согласие с ней или убеждённость в ней.

Основанием для (G23) также является (PW). Положение (G23) следует из (HPr), и может быть выведено непосредственно из (H) или из (H_f) для целых, содержащих субъекта, его интенциональный акт, внутренний интенциональный объект этого акта, пропозицию, посредством которой этот акт направлен на объект. Положение (G23′) следует из (G23), если сначала s_1 интерпретировать как говорящего, s_2 – как его слушателя, а затем применить принцип $p \Rightarrow \Diamond p$. Таким образом, (G23′) также следует из (HPr) при некоторых условиях. Также видно, что (Pr′)=(G23).

Внешние или реальные интенциональные объекты в § 23 не рассматриваются. Доказательство того, что различные интенциональные акты не могут быть направлены на реальный объект, Горгий приводит ниже, в § 24, но мы

не будем касаться этого доказательства, поскольку, вероятно, оно не принадлежит к рассуждениям на основе (HPr), анализируемым нами сейчас.

§ IV.4.3 *MXG*, VI, § 25

Рассмотрим *MXG*, VI, § 25, 980b14–17:

> «Но кажется, что даже одни и те же [реальные] объекты [даже один] человек воспринимает (φαίνεται ὅμοια αἰσθανόμενος) в одно и то же время несходным образом, но различное слыша и видя, и различая их теперь и прежде. Поэтому едва ли один [человек] воспринимает всё так же, как другой».

В первой части первого предложения (заканчивающейся словами «… различное слыша и видя») утверждается, что интенциональные акты различных видов даже одного субъекта в одно и то же время направлены на различные ВИО-ы, вне зависимости от того, направлены они на разные реальные объекты или на один и тот же реальный объект. Таким образом, здесь утверждается, что $s_1{=}s_2$ & $io_rs_1{=}io_rs_2$ & $\mathbf{P^v}{\neq}\mathbf{P^a}$ → $io_is_1{\neq}io_is_2$. Здесь io_rs – реальный объект, на который направлен интенциональный акт субъекта s; io_is – ВИО, на который направлен интенциональный акт субъекта s; можно сказать, что ВИО io_is представляет реальный объект io_rs для субъекта s, или является «способом представления» io_rs для субъекта s, или ментальный объект io_is является «маской» реального объекта io_rs для субъекта s; эпистемический оператор $\mathbf{P^v}$ соответствует пропозициональной установке «видеть, что …»; эпистемический оператор $\mathbf{P^a}$ соответствует пропозициональной установке «слышать, что …».

Записать это более точно можно через следующие две формулы, вероятно, они обе в равной мере могут рассматриваться как формализация первой части первого предложения § 25:

(G25s1.1) $[\mathbf{P}^{\mathbf{v}}{}_{\mu(s)}(a_r)P \,\&\, \mathbf{P}^{\mathbf{a}}{}_{\nu(s)}(b_r)Q \,\&\, \mathbf{P}^{\mathbf{v}} \neq \mathbf{P}^{\mathbf{a}}] \rightarrow [\![(a_r)P]\!] \neq [\![(b_r)Q]\!]$.

(G25s1.1^1) $[\mathbf{P}^{\mathbf{v}}{}_{\mu(s)}(a_r)P \,\&\, \mathbf{P}^{\mathbf{a}}{}_{\nu(s)}(b_r)Q \,\&\, \mathbf{P}^{\mathbf{v}} \neq \mathbf{P}^{\mathbf{a}}] \rightarrow a_r \neq b_r$.

Здесь a_r/b_r обозначает представление (или «маску») о реальном объекте r (или способ представления реального объекта r, или «маску», за которой стоит реальный объект r); a_r/b_r обязательно является ВИО некоторого интенционального акта.

Каждая из формул (G25s1.1) и (G25s1.1^1) выводится из (H) или из (H_f) для целых, содержащих субъектов, их интенциональные акты, типы этих актов, пропозиции, посредством которых интенциональные акты направлены на их внутренние интенциональные объекты, эти объекты. Кроме того, каждая из формул (G25s1.1) и (G25s1.1^1) следует из (HPr).

Во второй части первого предложения из § 25 «…и различая их [воспринимаемые объекты, т. е. ВИО-ы] теперь и прежде» утверждается, что один и тот же субъект в разное время воспринимает один и тот же реальный объект в виде различных ВИО-ов[323], вне зависимости от того, направлены ли его интенциональные акты на разные реальные объекты или на один и тот же реальный объект. Вероятно, здесь подразумевается, что субъект изменяется с течением времени, так что, строго говоря, мы имеем здесь дело не с одним субъектом, а с двумя различными субъектами. Мы можем допустить также, что Горгий подразумевает здесь (≠S). По (≠S), различие субъектов влечёт различие их интенциональных актов. Кажется, Горгий здесь уже не ограничивается только «ви́дением» и «слышанием», вероятно, говоря о произвольных способах восприятия (которые мы будем изображать в виде эпистемических операторов $\mathbf{P}^1$ и $\mathbf{P}^2$):

[323] С первого взгляда кажется, что в тексте второй части первого предложения из § 25 речь идёт о том, что субъект сам различает ВИО-ы, т. е. постигает, что они различны: $[\mathbf{P}^{\mathbf{v}}{}_{\mu(s)}(a_r)P \,\&\, \mathbf{P}^{\mathbf{a}}{}_{\nu(s)}(b_r)Q \,\&\, \mathbf{P}^{\mathbf{v}} \neq \mathbf{P}^{\mathbf{a}}] \rightarrow \mathbf{G}_{\lambda(s)} \neq (a_r, b_r)$. Но в $\mathbf{G}_{\lambda(s)} \neq (a_r, b_r)$ не подразумевается несовпадения *simpliciter* (а не по чьему-то мнению и проч.) внутренних интенциональных объектов различных интенциональных актов (иначе говоря, у нас нет оснований для того, чтобы из положения $\mathbf{G}_{\lambda(s)} \neq (a_r, b_r)$ вывести положение $\mathbf{G}_{\lambda(s)} a_r \neq b_r$), обоснование чего является общей целью §§ 23–26.

(G25s1.2) $[\mathbf{P}^1{}_{\mu(s1)}(a_r)P \,\&\, \mathbf{P}^2{}_{\nu(s2)}(b_r)Q \,\&\, s_1 \neq s_2] \rightarrow a_r \neq b_r$.

Положение (G25s1.2) следует из (HPr).

Во втором предложении § 25 Горгий делает вывод, что ни один субъект не воспринимает реальный объект в том же виде (т. е. под теми же «масками»), что другой субъект, вне зависимости от того, направлены ли интенциональные акты этих субъектов на разные реальные объекты или на один и тот же реальный объект. В действительности этот вывод совпадает с тезисом из второй части первого предложения § 25, где из различия субъектов выводится различие их *внутренних* интенциональных объектов. В обоих случаях этот вывод формализуется как (G25s1.2).

§ IV.4.4 Заключение аргумента Горгия: *MXG* VI, § 26

Горгий подводит итог третьему аргументу[324], говоря, что знание одного субъекта не может быть сообщено другому субъекту, отличному от первого, поскольку:

"…οὐδεὶς ἕτερον ἑτέρῳ ταὐτὸν ἐννοεῖ"[325].

«…никто не мыслит то же самое, что и кто-то другой».

Иначе говоря, передать то, что знаешь, думаешь и проч. о фиксированном внутреннем интенциональном объекте невозможно (помимо прочих оснований, которые нами не рассматриваются) просто потому, что успешная передача подразумевает, что субъекты понимают *один и тот же* ВИО, а это невозможно в силу предположительно признаваемого Горгием (HPr).

[324] *MXG* VI, §§20–26, 979a12–980b21; см. также итог третьего аргумента в ещё одном сохранившемся изложении трактата Горгия в *Adv. math.* VII, 83–87 Секста Эмпирика.

[325] *MXG* VI, § 26, 980b19.

Иначе говоря, передать то, что знаешь, думаешь и проч. о фиксированном внутреннем интенциональном объекте невозможно (помимо прочих оснований, не рассматривавшихся в настоящей диссертации[326]) просто потому, что успешная передача подразумевает, что оба субъекта имеют в виду *один и тот же* ВИО, а это невозможно в силу следующего положения: *различные субъекты не могут постигать один и тот же ВИО*. Это положение можно формализовать следующими способами:

(G26) $[\mathbf{G}_{\mu}(a)P \,\&\, \mathbf{G}_{\nu}(b)Q \,\&\, \mu{\neq}\nu] \rightarrow [\![(a)P]\!]{\neq}[\![(b)Q]\!]$.

(G26^1) $[\mathbf{G}_{\mu}(a)P \,\&\, \mathbf{G}_{\nu}(b)Q \,\&\, \mu{\neq}\nu] \rightarrow a{\neq}b$.

В (G26) «то же самое» трактуется как «мысль» или «пропозиция», а в (G26^1) «то же самое» трактуется как «ВИО»; (G26) и (G26^1) следуют из (HPr^b), а значит, и из (HPr)[327].

Заметим, что выше мы предлагали такую интерпретацию тезиса Протагора о человеке как мере всех вещей и некоторых фрагментов поэмы Парменида, в которой используются различные частные случаи (HPr), так что можно предположить, что Протагор и Парменид были предшественниками Горгия в использовании (H).

---

[326] Подробный анализ третьего аргумента см. в статье: Mourelatos A. P. D. Gorgias on the Function of Language // Philosophical Topics. 1987. Vol. XV, no. 2. P. 135–170.

[327] Положения (G26) и (G26^1) являются формализациями положения «никто не постигает то же самое, что и кто-то другой», поскольку «постижение» можно считать более общим термином, чем «мышление», или полагать, что постижение чего-то, *x*, подразумевается при убеждённости в *x*, знании *x*, мышлении *x*, чувственном восприятии *x*, воображении *x* и пр. Судя по предыдущим параграфам *MXG*, Горгий не ограничивается анализом какой-либо конкретной пропозициональной установки, так что Горгий, вероятно, согласился бы с обобщением его тезиса в виде (G26) и (G26^1), а также с тем, что (G26) и (G26^1) могут быть записаны не только для **G**, постижения, но для произвольной пропозициональной установки. В этом случае переписанные положения (G26) и (G26^1) тоже будут выводиться из (HPr). О том, что Секст Эмпирик, возможно, признаёт (HPr) для воображения и многих других пропозициональных установок, само (HPr) и даже некоторое обобщение (HPr), см. ниже, § IV.6 настоящей диссертации. Также о связи (HPr) с современными дискуссиями о допустимости ментального холизма см. ниже, § IV.8. Можно обнаружить и другие связи (G26) и (G26^1) с современной философией. Например, можно заметить, что «субъективность» представления (Vorstellung) у Г. Фреге выражается в том, что «два человека не могут обладать одним и тем же представлением» – Фреге Г. Логические исследования // Фреге Г. Логико-философские труды / Пер. с англ., нем., франц. В. А. Суровцева. Новосибирск: Сибирское Университетское издательство, 2008. С. 41. Тогда как «мысль (Gedanke) не относится ни к моему внутреннему миру как представление (Vorstellung), ни к внешнему миру чувственно воспринимаемых вещей» (там же. С. 51). Как кажется, Горгий более радикален, чем Г. Фреге: для Горгия, вероятно, и представление (т. е. то, что воображается), и чувственные восприятия, и мыслимое одинаково «субъективны» – в том смысле, что они не могут разделяться различными людьми.

Также в связи с представленной интерпретацией Горгия следует обратить внимание на то, что киренаики[328] (*apud* Sextus Empiricus, *Adv. math.* VII, 195–198) и Феодосий (Theodosius, скептик нео-пирронистской направленности, *apud* Diogenes Laertius, *Vitae philosophorum* IX, 70) тоже доказывали тезис о непостижимости содержания других сознаний. В этом доказательстве[329] используется тезис о приватности внутренних интенциональных объектов.

Этот тезис[330] признаётся также и Платоном в *Theaet.* 154a2. Здесь Платон провозглашает приватность объекта восприятия для каждого воспринимающего субъекта (ἑκάστῳ ἴδιον), т. е. доступность его для одного и только одного воспринимающего субъекта. Платон выдвигает этот тезис как довод в пользу позиции Протагора, и сам Платон ни разу не пытается отвергнуть это утверждение. Этот тезис может быть формализован как (Pr′).

Работа, проделанная в статье Tsouna V. Remarks About Other Minds in Greek Philosophy весьма убедительна, хотя мы хотели бы внести одну поправку: мы не можем согласиться с тем, что киренаики и Феодосий были «единственными античными философами», которые доказывали тезис о непостижимости содержания других сознаний[331]. Действительно, *MXG* VI, § 26, 980b19 ясно показывает, что Горгий также был среди таких философов. Приведённая нами цитата из *MXG* VI, § 26, 980b19 свидетельствует о признании Горгием (Pr) или (Pr′), являющихся весьма естественными и одинаково допустимыми её интерпретациями. Для Горгия в нашей интерпретации объекты каждого интенционального акта оказываются изолированными в мире субъекта этого акта.

§ IV.5 (HPr^{b}) и (HPr) у Платона

§ IV.5.1 (HPr) в «Теэтете»

Положения (Pr) и (Pr′) можно обнаружить во многих текстах у Платона. Рассмотрим один фрагмент из «Теэтета» (*Thaet.* 154a):

---

[328] По Tsouna V. Remarks About Other Minds in Greek Philosophy // Phronesis. 1998. Vol. 43, is. 3. P. 247.
[329] *Ibid.* P. 251.
[330] В соответствии с трактовкой из *Ibid.* P. 254.
[331] *Ibid.* P. 257.

«Сократ. А другому человеку что бы то ни было разве представляется таким же (ὅμοιον), как и тебе? Будешь ли ты настаивать на этом или скорее признаешь, что и для тебя самого это не будет всегда одним и тем же (ταὐτό), поскольку сам ты не всегда чувствуешь себя одинаково?

Теэтет. Я скорее склоняюсь ко второму, чем к первому».

Здесь мы видим утверждение, что при изменении субъекта меняются и их «представления», т. е. что различие в субъектах влечёт различие в объектах их внутренних интенциональных актов. Формализовать это положение можно так же, как и *НМ* – через (Pr) & (Pr′).

У Платона можно обнаружить и другие частные случаи (HPr). Если рассматривать объект чувственного восприятия как интенциональный объект, то Платон утверждает, что субъект восприятия и его объект образуют холистическое целое, части которого характеризуются друг через друга. См. *Theaet*. 159e–160a[332]:

«*Сократ*. И, воспринимая так, я уже стану чем-то иным: ибо от различных [воспринимаемых] вещей – различные [акты] восприятий, делающие отличным и другим самого воспринимающего; равно как и действующее на меня, сойдясь с другим и произведя другое, никогда не сможет остаться таким же, поскольку, производя от другого другое, оно станет другим.

Теэтет. Это так.

Сократ. И я не остаюсь таким же, как был, и вино не будет таким, как было».

[332] Если не оговорено особо, перевод «Теэтета» цитируется по: Платон. Теэтет / пер. Т. В. Васильевой // Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. М.: Мысль, 1994. Т. 2. С. 192–274. Пагинация всех диалогов Платона осуществляется по: Plato. Platonis opera, vols. I–IV / Burnet, J., ed. Oxford: Clarendon Press, 1901–1902.

Получается, что Сократ в первом состоянии, который ещё не изменился под влиянием воспринимаемого вкуса вина, отличается от Сократа во втором состоянии, который уже изменился под влиянием воспринимаемого вкуса вина. Здесь подразумевается, что различные акты восприятия принадлежат разным субъектам: $\mu \neq \nu \rightarrow s_1 \neq s_2$. В свою очередь, вкус вина, после изменения Сократа (или сократовского акта восприятия), также изменяется. Если считать, что объекты воспринимаются посредством пропозиций, т. е. что восприятие является одной из пропозициональных установок, и, как и раньше, пропозициональные установки имеют дело с абстрактными объектами, то получаем:

(Th1) $\{\mathbf{P}_{\mu(s1)}(a)P \,\&\, \mathbf{P}_{\nu(s2)}(b)Q \,\&\, a \neq b\} \rightarrow \{\mu \neq \nu \,\&\, s_1 \neq s_2 \,\&\, [\![(a)P]\!] \neq [\![(b)Q]\!]\}$.

Видно, что (Th1) выводится из (HPr) и описывающего рассматриваемую Платоном ситуацию тезиса $\mu \neq \nu \rightarrow s_1 \neq s_2$.

Использование частных случаев (HPr) мы видим также и в подразумеваемой взаимозависимости субъекта и его внутреннего интенционального объекта в «речи Протагора» из платоновского диалога «Теэтет». С одной стороны, персонаж Протагор здесь утверждает, что мнение человека с «дурным» состоянием души «соответствует» этому состоянию – *Theaet*. 167b 1–2. Таким образом, мнение (т. е. пропозиция, в которой субъект убеждён) зависит от субъекта или от интенционального акта, так, что для различных актов пропозиции также различны:

(Th2) $\{\mathbf{B}_{\mu(s1)}(a)P \,\&\, \mathbf{B}_{\nu(s2)}(b)Q \,\&\, s_1 \neq s_2\} \rightarrow [\![(a)P]\!] \neq [\![(b)Q]\!]$.

Положение (Th2) следует из (HPr).

С другой стороны, «тысячу раз отличается один от другого, потому что для одного существует и ему кажется одно, а для другого – другое» – *Theaet*. 166d. Таким образом, субъект, или интенциональный акт, зависит от своего мнения (т. е. пропозиции, в которой субъект убеждён):

(Th3) $\{\mathbf{B}_{\mu(s1)}(a)P \,\&\, \mathbf{B}_{\nu(s2)}(b)Q \,\&\, [\![(a)P]\!] \neq [\![(b)Q]\!]\} \rightarrow s_1 \neq s_2$.

Положение (Th3) выводятся из (HPr) и описывающего рассматриваемую Платоном ситуацию тезиса $\mu \neq \nu \rightarrow s_1 \neq s_2$.

Кроме того, у Платона имеется чёткая формулировка тезиса, неоднократно встречающегося у Горгия и Секста Эмпирика, о недостижимости для одной познавательной способности ВИО-а другой познавательной способности – см. *Theaet.* 185a:

> «Сократ. А не пожелаешь ли ты согласиться, что ощутимое посредством одних способностей невозможно ощущать посредством других, например, ощутимое для слуха – посредством зрения, а ощутимое для зрения – посредством слуха?».

Здесь утверждается, что различие в пропозициональных установках ($\mathbf{P}^{\mathbf{a}}$ – доксастический оператор восприятия слухом, $\mathbf{P}^{\mathbf{v}}$ – восприятия зрением) влечёт различие в ВИО-ах:

(Th4) $\{\mathbf{P}^{\mathbf{a}}{}_{\mu}(a)P \,\&\, \mathbf{P}^{\mathbf{v}}{}_{\nu}(b)Q \,\&\, \mathbf{P}^{\mathbf{a}} \neq \mathbf{P}^{\mathbf{v}}\} \rightarrow a \neq b$.

Положение (Th4) также выводится из (HPr) и является частным случаем последнего.

§ IV.5.2 (HPr) в «Пармениде»

Разберём другие тексты Платона, которые могут интерпретироваться как свидетельствующие о признании им некоторых частных случаев (HPr). В *Parm.* 134d–e боги соотносят свои объекты исключительно со своими объектами, тогда как люди соотносят свои объекты исключительно со своими объектами. Из этого

следует, что ни люди не знают божественных объектов, ни боги – человеческих. Таким образом, Платон утверждает, что $a \neq b$, если a и b задаются характеристиками, приписываемыми им разными субъектами. Мы будем трактовать объекты богов и людей как ВИО-ы. «Субъекты» здесь можно заменить на «интенциональные акты»: интенциональные акты богов и людей принципиально различны, поскольку у богов они «совершенны», а у людей – нет (*Parm*. 134d–e[333]):

> «Итак, если у бога есть упомянутое совершеннейшее господство и совершеннейшее знание, то господство богов никогда не будет распространяться на нас, и их знание никогда не познает ни нас, ни вообще ничего относящегося к нашему миру: как мы нашей властью не властвуем над богами и нашим знанием ничего божественного не познаём, так на том же самом основании и они, хоть и боги, над нами не господа и дел человеческих не знают».

Это значит, что Платон утверждает следующее положение (**K** – эпистемический оператор знания):

(PlParm) $\{\mathbf{K}_{\mu(s1)}(a)P \,\&\, \mathbf{K}_{\nu(s2)}(b)Q \,\&\, s_1 \neq s_2\} \rightarrow a \neq b$.

Видно, что (PlParm) близко к (Pr′) и является частным случаем (HPr).

§ IV.5.3 (HPr) в «Софисте»

В *Soph*. 263a5–b8 присутствует развёрнутое доказательство немыслимости субъектно-предикатной пропозиции, являющейся отрицанием другой пропозиции. Платон здесь утверждает: если принимается первая пропозиция, *что*

[333] Если не оговорено особо, перевод «Парменида» цит. по: Платон. Парменид / Пер. Н. Н. Томасова // Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 346–412. См. также новейший перевод «Парменида»: Платон. Парменид / Перевод, введение, комментарии, приложение, указатель имён Ю. А. Шичалина. СПб.: Издательство РХГА, 2017. 264 с.

Теэтет сидит, то вторая пропозиция, *что Теэтет летит* (подразумевающая пропозицию, *что ¬(Теэтет сидит)*) высказывает о Теэтете «то, что не должно быть высказано о нём», а значит, если вторая пропозиция высказывается о ком-то или чём-то, то точно не о Теэтете из первой пропозиции. В обоих случаях, «Теэтет» указывает на некоторые (различные) ВИО-ы. Формализовать это можно следующим образом:

(Soph1) $\{\mathbf{G}_{\mu}(a)P \,\&\, \mathbf{G}_{\nu}(\neg(a)P)\} \rightarrow a{\neq}b$.

Положение (Soph1) выводится из (HPr). Действительно, следующую формулу можно считать тождественно истинной:

(¬p) $[\![(a)P]\!]{\neq}[\![\neg(a)P]\!]$ для любых a и P.

Из (HPr), с использованием *Закона упрощения основания* и *Закона поглощения* $\{(p{\vee}q) \,\&\, p\} \leftrightarrow p$, следует положение:

(Soph2) $\{\mathbf{G}_{\mu}(a)P \,\&\, \mathbf{G}_{\nu}(\neg(a)P) \,\&\, [\![(a)P]\!]{\neq}[\![\neg(a)P]\!]\} \rightarrow a{\neq}b$.

Из (Soph2), на основании (¬p) и *Закона исключения тавтологии из конъюнкции* $(p\&\mathrm{T}) \leftrightarrow p$, следует (Soph1).

§ IV.5.4 ($\mathbf{HPr^b}$) в «Евтидеме»

Мы разобрали возможность присутствия различных частных случаев (HPr) в трёх «элеатовских» диалогах Платона. Но у читателя не должно сложиться впечатление, что (HPr) связано исключительно с этими диалогами. В платоновских диалогах, более ранних, чем «Теэтет», «Парменид» и «Софист», также можно обнаружить признание различных вариаций ($\mathrm{HPr^b}$). Сначала рассмотрим два положения из «Евтидема» (ниже «Евтидем» цитируется в нашем

переводе). Первое положение Платон выражает следующим образом (*Euthydemus* 286a 5–7):

> «Тогда, сказал он [Дионисидор], что из двух: противоречили бы мы друг другу, когда оба высказывали бы *логос* [словесное описание] об одной и той же вещи? Или, как я полагаю, мы в этом случае говорили бы о ней одни и те же [слова]?
>
> [Ктесипп] соглашается».

Мы полагаем, что здесь Платон утверждает следующее: если две пропозиции являются пропозициями об одном и том же ВИО (хотя бы одном), то эти пропозиции совпадают. Это положение можно формализовать следующим образом:

(Euth1) $\{\mathbf{G}_{\mu}(a)P \,\&\, \mathbf{G}_{\nu}(a)Q\} \rightarrow [\![(a)P]\!]=[\![(a)Q]\!]$.

Видно, что (Euth1) выводится из (HPr^{b}).

При формализации приведённой цитаты из *Euthydemus* 286 a 5–7 в виде (Euth1) мы заменили «высказывать» на «мыслить», или, точнее, на «схватывать» или «понимать (пропозицию)». Эта замена, вероятно, допустима при трактовке некоторых текстов Платона, поскольку является весьма традиционной. Её традиционность видна из того, что в поэме Парменида есть множество свидетельств взаимозаменяемости «мышления», «знания» и «высказывания», см., например, 28 B 2.7–8 DK.

Второе интересующее нас положение из «Евтидема» находится несколькими строчками ниже (*Euthydemus* 286b 4–7):

> «[Дионисидор:] – Ну а когда я высказываю *логос* [словесное описание] об этой вещи, ты же – иной [*логос*] о [чём-то] ином, то противоречим ли мы друг другу в этом случае? Или же я говорю об этой

вещи, а ты не говоришь о ней вообще? Каким же образом противоречит тот, кто не говорит [об этой вещи] говорящему [о ней]?

Тут Ктесипп умолк».

Мы полагаем, что здесь Платон утверждает следующее: если два «логоса», которые мы здесь трактуем как две пропозиции, совпадают, то они являются пропозициями об одном и том же внутреннем интенциональном объекте. Это можно формализовать следующим образом:

(Euth2) $\{\mathbf{G}_{\mu}(a)P \,\&\, \mathbf{G}_{\nu}(a)P\} \rightarrow a{=}b$.

Видно, что положение (Euth2), как и (Euth1), выводится из (HPr^{b}).

§ IV.5.5 (HPr^{b}) от «Лахета» до «Филеба»

Свидетельства признания Платоном вариаций (HPr^{b}) можно обнаружить и в других диалогах. Например, в «Лахете» (*Laches* 198d 1–199a 4) утверждается, что какое-либо знание (ἐπιστήμη) о вещи есть «не иное» (οὐκ ἄλλη) по отношению к знаниям об этой вещи, характеризующим её различными способами, в различном окружении и в различных обстоятельствах. Получается, что если вещь известна, то она известна «вся сразу», со всеми её частями и характеристиками: известно её происхождение, её будущее, её использование в конкретных ситуациях. Из этого следует, что все знания о вещи совпадают друг с другом. Это можно сформулировать так: если известны две пропозиции об одной и той же вещи, то эти пропозиции совпадают друг с другом. Формализовать это можно следующим образом:

(Lach) $\{\mathbf{K}_{\mu}(a)P \,\&\, \mathbf{K}_{\nu}(a)Q\} \rightarrow [\![(a)P]\!]=[\![(a)Q]\!]$.

Если два ВИО, о которых идёт речь в двух пропозициях, о которых имеется знание, тождественны друг другу, то эти пропозиции также тождественны друг другу.

Положение (Lach) выводится из (HPr^b).

Также можно предположить, что в *Meno* 79c Платон, утверждая невозможность знать часть некоторого целого (а именно, понятие «мужество», являющееся «частью» понятия «добродетель»), не зная этого целого, признаёт то же положение, что и в «Лахете»: нечто может быть известно только «всё сразу», так что «знание вещи» есть знание её во всех контекстах, во всех «целых», в которые вещь включена. Так что если известны две пропозиции о чём-то одном, то они совпадают друг с другом – что и утверждается в (Lach). Это рассуждение можно рассматривать как стоящее за некоторыми положениями в формулировке *Парадокса Менона* ниже в диалоге «Менон», в *Meno* 80d6–e5.

Детальный разбор самого *Парадокса Менона* увёл бы нас в сторону от задач настоящего параграфа. Заметим лишь, что *Парадокс Менона* является весьма серьёзным парадоксом, широко обсуждаемым в современных историко-философских исследованиях, в которых уделяется внимание также и интерпретациям, содержащим положения, сходные с (Lach)[334]. Значимость *Парадокса Менона* связана ещё и с тем, что наиболее широко известное его решение, принадлежащее Аристотелю[335], так же как и исходная его

[334] О *Парадоксе Менона* см.: Вольф М. Н. Эпистемический поиск в диалоге Платона «Менон» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 4(16). С. 146–159; Вольф М. Н. «Менон» и парадокс поиска: интерпретации метода познания // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14, вып. 3. С. 53–60; Scott D. Plato's Meno. Cambridge: Cambridge University Press, 2006; McCabe M. M. Escaping One's Own Notice Knowing: Meno's Paradox Again // Proceedings of the Aristotelian Society. 2009. Vol. 59, Part 3. P. 233–256. О *Парадоксе Менона* и схожих парадоксах у Платона и во всей Античной философии см.: Fine G. The Possibility of Inquiry: Meno's Paradox from Socrates to Sextus. Oxford University Press: Oxford, 2014.

[335] См. *An. post.* I 1.71a17–71b8. Ссылка на трактат Аристотеля «Вторая Аналитика» даётся по: Aristotle. Aristotle's Prior and Posterior Analytics: A Revised Text with Introduction and Commentary / Ed. by W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1957. x, 690 p. Комментарии к решению Аристотеля см. в переводе «Второй Аналитики» на английский язык: Aristotle. Posterior Analytics / Tr. and comm. by J. Barnes. Second Edition. Oxford: Clarendon Press, 2002, *ad locum*. Имеется русский перевод «Второй Аналитики»: Аристотель. Вторая аналитика / Пер. З. Н. Микеладзе // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 255–346. Изложение решения Аристотеля и его трактовку, включая разбор современных подходов, см. в монографии: Орлов Е. В. Аристотель о началах человеческого разумения. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. С. 275–293.

формулировка, вызывает дискуссии[336]. Наш подход к *Парадоксу Менона* отдаёт должное глубине этого парадокса, поскольку, как мы пытались показать, в аристотелевском решении *Парадокса Менона* имеются серьёзные упущения, ставящие это решение под сомнение[337].

Возвращаясь к «Лахету», заметим следующее. То, что знание вещи должно быть «полным», как о том говорится в «Лахете», т. е. включает в себя и знание вещи «в её окружении», говорится и в «Теэтете». Здесь разбирается допущение, что знать – значит уметь объяснять вещь через какой-либо её собственный признак, «по которому искомую вещь можно отличить от *всего* остального» (*Theaet.* 208c). См. также ниже: «… отличительный признак вещи – чем она отличается от *прочих* вещей – …» (*Theaet.* 208d), курсив наш. Получается, что знание любой пропозиции о фиксированной вещи невозможно без знания об этой вещи *всего*; таким образом, если двумя интенциональными актами познаётся нечто о вещи – т. е. познаются некоторые пропозиции о ней, – то познаваемое одним актом совпадает с познаваемым другим актом (иначе говоря, познаваемые посредством этих актов пропозиции совпадают). Именно это и отражено в (Lach).

Другим местом у Платона, где признаётся принцип «знать вещь = знать о ней *всё*», который мы формализовали как (Lach), является *Philebus* 18c. Здесь Платон пишет:

> «Видя, что никто из нас не может научиться ни одной букве, взятой в отдельности, помимо *всех* остальных, Тевт понял, что между буквами существует единая связь, приводящая *все* к некоторому единству. Эту связь Тевт назвал грамматикой – единой наукой о многих буквах»[338].

---

[336] Оценку достоинств и недостатков попытки Аристотеля совладать с *Парадоксом Менона An. post.* см. в исследовании: Bronstein D. Aristotle on Knowledge and Learning: The Posterior Analytics. New York: Oxford University Press, 2016. xii, 272 p. См. также: Ferejohn M. Meno’s Paradox and *De Re* Knowledge in Aristotle’s Theory of Demonstration // History of Philosophy Quarterly. 1988. Vol. 5. P. 99–117.

[337] См.: Берестов И. В. Может ли Аристотель решить Парадокс Менона для случая поиска вида? // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33, вып. 4. С. 446–455; Берестов И. В. Почему Парадокс Менона более упорен, чем это предполагает решение Аристотеля? // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2017. Т. 11, вып. 2. С. 505–514.

[338] Если не оговорено особо, перевод «Филеба» цитируется по: Платон. Филеб / Пер. Н. В. Самсонова // Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 275–345.

§ IV.6 (HPr) и другие частные случаи (H) у Секста Эмпирика

В **первой интересующей нас группе аргументов** Секста речь идёт о недостижимости объекта когнитивного акта одной познавательной способности для когнитивного акта другой познавательной способности.

В общем виде такие рассуждения можно представить в следующем виде. Если один когнитивный акт одного вида был направлен на внутренний интенциональный объект *A*, и второй когнитивный акт другого вида направлен на *B*, то эти акты приписывают своим объектам *A* и *B* различные характеристики, так что *A* не может совпадать с *B*.

Секст принимает, что объекты когнитивных актов разных видов имеют каждый свою собственную совокупность идентифицирующих характеристик, так что эти объекты *не могут* совпадать. Так что объекты когнитивных актов каждой познавательной способности оказываются как бы «запечатанными внутри себя». Например, видимое невозможно услышать, и, кроме того, видимое невозможно помыслить: слух нельзя охватить с помощью зрения как слух – *Adv. math.* VII, 302, 1–2. Как и ранее, мы будем трактовать объекты когнитивных актов познавательных способностей как абстрактные ВИО-ты.

Теперь мы перейдём к анализу некоторых текстов Секста Эмпирика и попытаемся усмотреть обосновывающие их тезисы.

Секст Эмпирик в *Adversus mathematicos,* VIII, 337, 6–9[339] приводит эпикурейское возражение скептикам, перевод А. Ф. Лосева, изменённый[340]:

> “ἤτοι νοεῖτε, τί ἐστιν ἡ ἀπόδειξις, ἢ οὐ νοεῖτε.
> καὶ εἰ μὲν νοεῖτε καὶ ἔχετε ἔννοιαν αὐτῆς, ἔστιν ἀπόδειξις·
> εἰ δὲ οὐ νοεῖτε, πῶς ζητεῖτε τὸ μηδ᾽ ἀρχὴν νοούμενον ὑμῖν”

[339] Пагинация *Adversus mathematicos* Секста Эмпирика даётся по: Sextus Empiricus. Adversus mathematicos / H. Mutschmann, ed. // Sexti Empirici opera. Vols. 2–3. Leipzig: Teubner, 1914; пагинация *Pyrrhoniae hypotyposes* Секста Эмпирика даётся по: Sextus Empiricus. Pyrrhoniae hypotyposes // Sexti Empirici opera. Vol. 1 / H. Mutschmann, ed. Leipzig: Teubner, 1912. P. 3 – 209.

[340] Русский перевод трактата «Против учёных» Секста Эмпирика см. в: Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах / Вступит. статья и пер. с древнегреч. А.Ф. Лосева. М.: «Мысль», 1976. Т. 1. С. 61–376; Т.2. С. 7–206.

> «Или вы мыслите [*или* понимаете: νοεῖτε], что именно есть [рассматриваемое] доказательство, или не мыслите; и если мыслите и имеете мысль [*или*: понятие] [именно] о нём (ἔχετε ἔννοιαν αὐτῆς), то доказательство существует [т. е. имеет силу: ἔστιν ἀπόδειξις]; если же не мыслите [рассматриваемое доказательство], то каким образом исследуете (ζητεῖτε) то, что ни в малейшей степени вами не мыслится [*или* не понимается: τὸ μηδ᾽ ἀρχὴν νοούμενον ὑμῖν]?»

Если скептик исследует определённое доказательство эпикурейца – т. е., например, оценивает истинность его посылок и/или корректность его умозаключений, – то скептик должен, для начала, помыслить, постичь или понять именно то доказательство, которого придерживается эпикуреец. Рассмотрим теперь, что же именно скептик постигает, т. е. что именно является предметом его исследования. Здесь возможно два варианта.

Пусть скептик оценивает доказательство эпикурейца как некорректное, или его посылки как ложные, неправдоподобные и проч. В этом случае скептик наделяет доказательство эпикурейца *вторичными* характеристиками, которыми эпикуреец своё доказательство не наделял. Таким образом, одно и то же доказательство (как внутренний интенциональный объект) и обладает вторичными характеристиками, и не обладает ими. Поскольку это недопустимо, скептик оказывается оценивающим некое своё собственное доказательство, а не доказательство своего оппонента[341].

Однако совершенно не обязательно, чтобы скептик, исследуя доказательство, ещё не закончив исследование столь негативно оценивал доказательство. Он может, *после* исследования, оценить доказательство негативно, но не исключена возможность того, что скептик оценит это

[341] Похожий аргумент из *Pyrr*. II, 4–6 будет разобран нами ниже. Секст Эмпирик пытается опровергнуть эти два аргумента догматиков, соответственно, в *Adv. math.* VIII, 331a–336a и в *Pyrr*. II, 3–11, о чём см. Маслов Д. К. Скептическая способность мышления // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 157–163; Grgic F. Sextus Empiricus on the Possibility of Inquiry // Pacific Philosophical Quarterly. Vol. 89, 2008. P. 436–459. Однако, на наш взгляд, эти опровержения не слишком хороши и вообще-то не очень нужны: для достижения бесстрастия достаточно осознать, что мы не можем обсуждать чувственные восприятия, концепции и теории друг друга. Нет нужды показывать, что подход скептика чем-то лучше подхода догматика, достаточно показать, что никакую теорию в принципе невозможно предпочесть другой.

доказательство так же, как и убеждённый в его валидности эпикуреец. В любом случае, пока исследование не завершено, скептик может воздерживаться от оценок доказательства. В этом случае мы получаем второй вариант того, что является предметом постижения скептика. Этот вариант нам кажется весьма убедительным, и далее формализовывать мы будем второй вариант.

Пусть эпикуреец убеждён посредством интенционального акта $\mu(e)$ в некоторой своей теории. Скептик же пытается исследовать его теорию. Это значит, что интенциональный акт скептика $\nu(s)$ направлен на некоторый исследуемый объект, который также является некоторой теорией. Основной вопрос, на который нам надо ответить, заключается в том, может ли теория скептика совпадать с теорией эпикурейца.

Пусть **a** – теория эпикурейца. Теория **a** есть абстрактный объект, кодирующий все те характеристики вида P_1 = «быть такой, что p_1», P_2 = «быть такой, что p_2» и т. д., для предложений p_1, p_2, …, которые истинны в теории эпикурейца, и только их. Аналогично, теория **b** есть абстрактный объект, кодирующий все те характеристики вида Q_1 = «быть такой, что q_1», Q_2 = «быть такой, что q_2» и т. д., для предложений q_1, q_2, …, которые истинны в теории скептика, и только их.

В рассматриваемой нами ситуации попытки скептика «исследовать» теорию эпикурейца, можно показать, что теории эпикурейца и скептика кодируют различные характеристики. Действительно, эпикуреец убеждён, что некоторая посылка, скажем, p_n, истинна (приемлема, достоверна, …), а некоторое доказательство, скажем, p_m, корректно (убедительно, …). Но скептик пытается «исследовать» теорию эпикурейца, а значит, интенциональным актом скептика истинность не приписывается посылкам теории эпикурейца, а доказательствам из теории эпикурейца не приписывается корректность. Получается, что эпикуреец, в отличие от скептика, *приписывает* своей теории *хотя бы что-то одно* из того, что скептик *не приписывает* ей. Таким образом, теория эпикурейца **a** и теория скептика **b** кодируют различные характеристики – $(\exists F)(\mathbf{B}_{\mu(e)}(\mathbf{a})F \,\&\, \neg\mathbf{I}_{\nu(s)}(\mathbf{b})F)$.

Если же $(\exists F)(\mathbf{B}_{\mu(e)}(\mathbf{a})F \;\&\; \neg\mathbf{I}_{\nu(s)}(\mathbf{b})F)$, то из этого выводится $\mathbf{a}\neq\mathbf{b}$. Действительно, приведённое выше *Условие тождества для ВИО-ов* ($\mathrm{Id}\leftrightarrow\mathrm{In_I}$) можно обобщить для произвольных пропозициональных установок $\mathbf{A}^1$ и $\mathbf{A}^2$ следующим образом:

> *Если один интенциональный акт приписывает своему абстрактному ВИО те и только те характеристики, которые приписывает своему абстрактному ВИО второй интенциональный акт, то эти два объекта тождественны друг другу –*

($\mathrm{Id}\leftrightarrow\mathrm{In_I}^2$) $(\forall x)(\forall y)(\forall\mu)(\forall\nu)[(I(x,\mu)\;\&\;I(y,\nu))\rightarrow\{(x=y)\leftrightarrow(\forall F)(\mathbf{A}^1{}_{\mu}xF\leftrightarrow\mathbf{A}^2{}_{\nu}yF)\}]$.

Приведённое *Условие тождества для абстрактных ВИО-ов* восходит к признанию того, что внутренними интенциональными объектами являются не «обычные», а абстрактные объекты, идентифицирующиеся иначе, чем идентифицируются реальные объекты, что позволяет преодолеть известную проблему нарушения подставимости тождественных в доксастических контекстах, породившую многочисленные дискуссии[342]. Кроме того, оно восходит к одному из условий тождества идей (как субъективных представлений), анализируемых В. Эдельбергом[343].

Обозначим пропозициональную установку «убеждён, что…» с помощью эпистемического оператора **B** (от belief), так что «$\mathbf{B}_{\mu(e)}(\mathbf{a})P$» читается как «*e* посредством μ убеждён, что $(\mathbf{a})P$». Также пропозициональную установку «исследует, что…» обозначим с помощью эпистемического оператора **I** (от inquire), так что «$\mathbf{I}_{\nu(s)}(\mathbf{b})Q$» читается как «*s* посредством *v* исследует, что $(\mathbf{b})Q$». В этом случае приведённую цитату можно проинтерпретировать как заключающую в себе следующее умозаключение, выводом которого является различие теорий эпикурейца и скептика **a** и **b**:

---

[342] Начало этим дискуссиям положила статья: Quine W. V. O. Quantifiers and Propositional Attitudes // The Journal of Philosophy. 1956. Vol. 53, No. 5. P. 177–187.

[343] См. формулу (8) в: Edelberg W. Intentional Identity and Attitudes // Linguistics and Philosophy. 1992. Vol. 15. P. 566.

(Sk1) $[\mathbf{B}_{\mu(e)}(\mathbf{a})P \,\&\, \mathbf{I}_{\nu(s)}(\mathbf{b})Q] \rightarrow [\mathbf{B}{\neq}\mathbf{I} \rightarrow \{(\exists F)(\mathbf{B}_{\mu(e)}(\mathbf{a})F \,\&\, \neg\mathbf{I}_{\nu(s)}(\mathbf{b})F)\}]$.

Из *Условия тождества для абстрактных ВИО-ов* непосредственно следует:

(Sk2) $\{(\exists F)(\mathbf{B}_{\mu(e)}(\mathbf{a})F \,\&\, \neg\mathbf{I}_{\nu(s)}(\mathbf{b})F)\} \rightarrow \mathbf{a}{\neq}\mathbf{b}$.

Из (Sk1) & (Sk2) следует:

(Sk3) $[\mathbf{B}_{\mu(e)}(\mathbf{a})P \,\&\, \mathbf{I}_{\nu(s)}(\mathbf{b})] \rightarrow [\mathbf{B}{\neq}\mathbf{I} \rightarrow \mathbf{a}{\neq}\mathbf{b}]$.

О положениях (Sk1) и (Sk3) можно сказать, что они некоторым образом отражены в приведённом тексте Секста Эмпирика, тогда как (Sk2) приходится считать скрытой посылкой.

Положение (Sk3) является частным случаем (HPr). Но, как мы видели, (Sk3) может быть получено и без использования (H), только на основании понимания внутренних интенциональных объектов как абстрактных. Однако заметим, что для получения (Sk2) мы выше использовали *Условие тождества для абстрактных ВИО-ов*. Но (Sk2) можно также вывести из (H) или (H_f), ведь его можно трактовать как ослабление (H), как утверждение, что, если некоторые конституенты двух целых (а именно, конституенты, которые являются кодируемыми абстрактными ВИО-ми характеристиками) различны, то *некоторые другие* конституенты этих целых[344] (а именно, конституенты, которые являются абстрактными ВИО-ами, кодирующими эти характеристики) также различны.

Кроме того, можно заметить, что (Sk1) – как и (HPr) – при условии (IndepIA) следует из (H) или (H_f), записанных для случая двух целых, конституентами которых являются субъекты s_1 и s_2, их интенциональные акты $\mu(s_1)$ и $\nu(s_2)$, пропозиции $[\![\mathbf{a}P]\!]$ и $[\![\mathbf{b}Q]\!]$ для пропозициональных установок,

[344] А не все конституенты обоих целых, как утверждается в (H) или (H_f).

относящихся к этим интенциональным актам, конституенты этих пропозиций **a**, *P* и **b**, *Q*, и, наконец, типы указанных пропозициональных установок (или типы интенциональных актов) **B** и **I**. Действительно, положение $\mathbf{B}\neq\mathbf{I} \rightarrow \{(\exists F)(\mathbf{B}_{\mu(e)}(\mathbf{a})F \ \& \ \neg\mathbf{I}_{\nu(s)}(\mathbf{b})F)\}$ при условии $\mathbf{B}_{\mu(e)}(\mathbf{a})P \ \& \ \mathbf{I}_{\nu(s)}(\mathbf{b})$ следует и положения з $\mathbf{B}\neq\mathbf{I} \rightarrow P\neq Q$ при этом же условии, но последнее при условии (IndepIA) непосредственно следует из (H) или (H_f) для целых указанного типа.

Самому Сексту Эмпирику приведённое рассуждение не нравится. Ведь невозможность вести исследование теорий догматиков, которое выявляет слабые места этих теорий, в результате чего достигается цель скептика (ищущего, «дзэтетика») – «воздержание от суждений», подрывает этот метод скептика. Разумеется, подрывается также и любое исследование догматика, так что эпикуреец, выдвигающий такое рассуждение, противоречит сам себе, «путается» (*Adv. math.* VIII, 331a1–333a1):

> «Говорящие это сами скоро запутываются, поскольку бесспорно, что предварительно надо иметь предвосхищение (πρόληψιν) и понятие (ἔννοιαν) о всяком исследуемом (ζητουμένου) предмете. Ведь каким же образом можно было исследовать предмет, не имея о нём никакого понятия? Ни удачник не узнает, что ему удалось, ни промахнувшийся – что он промахнулся. Поэтому мы такую точку зрения допускаем; и мы во всяком случае настолько далеки от утверждения, будто мы совсем не имеем понятия о предмете, так что, наоборот, мы считаем, что имеем много понятий и предвосхищений искомого, и [только] из-за невозможности их распознать и найти самое веское из них предвосхищение мы остаёмся при воздержании от суждения и в нерешительности»[345].

Здесь Секст Эмпирик, как кажется, отказывается признать невозможность интеллектуального поиска, исследования, анализа и критики какого-либо

[345] Пер. А. Ф. Лосева, изменённый, по: Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах / Вступит. статья и пер. с древнегреч. А. Ф. Лосева. М.: «Мысль», 1976. Т. 1. С. 215–216.

понятия, определения, концепции. Заметим, что обоснование такой невозможности содержится в знаменитом платоновском *Парадоксе Менона* (*Meno* 80d6–e5)[346], который мы уже упоминали выше, когда демонстрировали, что положение (Lach), которое можно считать частью формулировки *Парадокса Менона*, выводится из (HPr^b), а значит, и из (HPr). Также из (HPr), как мы видели, выводится (Sk3), отвергаемое Секстом. Таким образом, Секст отвергает аргументацию из *Парадокса Менона*, обосновывающую невозможность интеллектуального поиска. Но в приведённой цитате из *Adv. math.* VIII, 331a1–333a1 не содержится оснований для позиции Секста. При этом *Парадокс Менона* является весьма серьёзным парадоксом, сформулированным Платоном в *Meno* 80d6–e5[347], у него нет решения, не порождающего проблем[348]. Поэтому неудивителен интерес Ф. Гргича и других авторов к поиску приемлемой интерпретации ответа Секста, однако ведущиеся споры показывают, что пока такой интерпретации у нас нет[349].

Но, если исследование возможно, то представленному обоснованию эпикурейца в пользу невозможности исследования нужно противопоставить обоснование возможности исследования. И Секст Эмпирик, кажется, видит последнее обоснование в следующем рассуждении из *Adv. math.* VIII, 334a1–335a1:

> «Но мы имеем предвосхищения предметов по указанному выше способу. И вследствие этого если бы предвосхищение было постижением, то мы, пожалуй, согласились бы: в том факте, что мы имеем предвосхищение

[346] На связь *Парадокса Менона* с рассматриваемыми рассуждениями Секста обратил внимание Филипп Гргич в статье: Grgic F. Sextus Empiricus on the Possibility of Inquiry // Pacific Philosophical Quarterly. Vol. 89, 2008. P. 436. Также об этом см.: Маслов Д. К. Скептическая способность мышления // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 159.

[347] Прослеживанию способов использования *Парадокса Менона* до Секста посвящено уже упоминавшееся выше фундаментальное исследование: Fine G. The Possibility of Inquiry: Meno's Paradox from Socrates to Sextus.

[348] Сомнительность решения *Парадокса Менона*, предлагаемого Аристотелем, как упоминалось выше, обосновывалась в статьях: Берестов И. В. Может ли Аристотель…; Берестов И. В. Почему Парадокс Менона… .

[349] Интерпретации рассматриваемых текстов Секста обсуждаются в следующих работах: Frede M. The Sceptic's Two Kinds of Assent and the Question of the Possibility of Knowledge // Frede M. Essays in Ancient Philosophy. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. P. 201–222; Striker G. The Problem of the Criterion // Striker G. Essays on Hellenistic Epistemology and Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 150–165; Vogt K. Appearances and Assent: Sceptical Belief Reconsidered // The Classical Quarterly. 2012. Vol. 62, is. 2. P. 660–663.

> предмета, уже содержится и постижение предмета. Но при настоящем положении дела, поскольку предвосхищение и понятие предмета не есть его реальное существование, мы утверждаем, что, хотя мы и мыслим этот последний, но ни в коем случае его не постигаем по вышесказанным причинам, …»[350].

Насколько мы можем судить, Секст здесь говорит, что можно предвосхищать, мыслить и исследовать некоторый внутренний интенциональный объект – скажем, теорию эпикурейца, – но не схватывать его так, чтобы сразу же быть убеждённым в *той же самой* теории. Можно предположить, что это означает: различие установок по отношению к теории (убеждённость и исследование) не влечёт, что теория, в которой один субъект убеждён, имеет характеристики, отличные от характеристик теории, которую другой субъект исследует. Тогда, пытаясь опровергнуть (Sk3), Секст пытается отбросить (Sk1) из умозаключения (Sk1)&(Sk2) $\Rightarrow$ (Sk3). Однако он не указывает оснований, на которых (Sk1) можно было бы отбросить – например, показав, что при убеждённости в теории последняя не наделяется некоторыми характеристиками, которыми при исследовании теории она не наделяется.

Разумеется, ещё одним легитимным способом опровергнуть (Sk3) является опровержение (Sk2). Но в тексте нет намёков, что Секст желает избрать этот вариант. Если же мы допустим, что Секст действует именно так, то в этом случае аргумент Секста не менее уязвим. Действительно, отбрасывание (Sk2) проблематично, поскольку оно представляет собой утверждение, что тождество друг другу двух объектов влечёт совпадение их характеристик, что является весьма здравым положением. Так что «эпикурейские» доводы в пользу того, что теории в этих двух случаях наделяются различными характеристиками, на наш взгляд, не опровергаются только что приведённым рассуждением Секста.

Кроме того, не очень понятно, действительно ли Секст хочет отбросить (Sk3), ведь в других местах он, как кажется, признаёт различные частные случаи

---

[350] Пер. А. Ф. Лосева, изменённый, по: Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т.1. С. 216.

(H). Например, (H) используется при обосновании невозможности постичь по раздельности знак и обозначаемое им, посылки доказательства и его заключение (*Adv. math.* VII, 272–277; *Pyrr*. II, 117.1–120.5), причину и её следствие (*Pyrr*. II, 144)[351]. Но положение (Sk3) является частным случаем положения (HPr), которое, в свою очередь, является частным случаем (H) для целого, включающего субъекта, его интенциональный акт, пропозициональную установку, пропозицию для этой установки и конституенты этой пропозиции.

***

У Секста Эмпирика можно обнаружить ещё один пример рассуждения, напоминающего рассмотренное выше рассуждение из *Adv. math.* VIII, 337, 6–9 – в *Pyrr*. II, 4.5–6.1[352]:

> «Если они [стоики] говорят в своём рассуждении, что “постигать” – значит соглашаться с “постигающим представлением” …, [то, когда] стоик занимается исследованием против эпикурейца, говорящего, что “сущность разложима” (διῄρηται ἡ οὐσία)…, [возникает вопрос:] постиг ли он [стоик] это или не постиг? Если постиг, то, утверждая действительную истину этого [эпикурейского положения “сущность разложима”], он [стоик] совершенно уничтожает Стою; если же не постиг, то он не может ничего сказать против [эпикурейца]. … Вследствие этого, они [стоик и эпикуреец] совершенно не могут говорить [что-либо] друг против друга»[353].

Для облегчения анализа аргументации в тексте, мы несколько сократили перевод, ограничившись только одним примером из учения эпикурейцев.

---

[351] О причине и следствии см. подробнее в Hankinson R. J. Cause and Explanation in Ancient Greek Thought. Oxford: Clarendon Press, 1998. P. 277–285.

[352] *Pyrr.* II, 4.5–6.1.

[353] Русский перевод «Трёх книг Пирроновых положений» см. в: Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах / Вступит. статья и пер. с древнегреч. А. Ф. Лосева. М.: «Мысль», 1976. Т. 2. С. 207–380. Мы следуем здесь переводу А. Ф. Лосева из Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т. 2. С. 259–260, с изменениями.

Заметим, что приведённое рассуждение из *Pyrr.* II, 4.5–6.1 приводится Секстом от своего имени, и он нигде не пытается его опровергнуть – в отличие от разбиравшегося выше рассуждения из *Adv. math.* VIII, 337, 6–9.

При формализации приведённого текста Секста Эмпирика из *Pyrr.* II, 4.5–6.1 мы будем использовать те же обозначения, что и в предыдущем случае, за исключением того, что вместо обозначения *s* для скептика будет использоваться обозначение *st* для стоика, вместо эпистемического оператора исследования **I** будет использоваться эпистемический оператор **C** для критики (мы полагаем, что вывод рассуждения Секста Эмпирика – «[стоик и эпикуреец] совершенно не могут говорить [что-либо] друг против друга» – можно трактовать как «стоик и эпикуреец совершенно не могут критиковать друг друга»).

С точки зрения самого стоика, пытающегося критиковать эпикурейца, «“постигать” – значит соглашаться с “постигающим представлением”», т. е. быть убеждённым, что (**a**)*P*. Это значит, что невозможно постичь некоторую теорию и не быть убеждённым в ней. Но можем ли предложить хорошие основания в пользу этой точки зрения стоика? Стоик мог бы обосновать свою позицию в духе представленного выше рассуждения, комментирующего приведённую выше цитату из *Adv. math.* VIII, 337, 6–9. Убеждённость в теории означает приписывание её объектам некоторых характеристик, тогда как критическое отношение к теории подразумевает, что её объектам *не* приписываются некоторые из тех характеристик, которые приписываются при убеждённости. Например, посылкам теории *не* приписывается достоверность, её выводам *не* приписывается корректность. Так что, как и в приведённом выше рассуждении, теория эпикурейца **a** и теория стоика **b** кодируют различные характеристики – $(\exists F)(\mathbf{B}_{\mu(e)}(\mathbf{a})F \,\&\, \neg\mathbf{C}_{\nu(st)}(\mathbf{b})F)$.

Как и в предыдущем случае, в нашей трактовке приведённой цитаты из $(\exists F)(\mathbf{B}_{\mu(e)}(\mathbf{a})F \,\&\, \neg\mathbf{C}_{\nu(st)}(\mathbf{b})F)$ выводится, что теория **a** эпикурейца отлична от теории **b** стоика. Таким образом, приведённую цитату можно проинтерпретировать как заключающую в себе следующее умозаключение:

(Sk4) $[\mathbf{B}_{\mu(e)}(\mathbf{a})P \,\&\, \mathbf{C}_{\nu(st)}(\mathbf{b})Q] \rightarrow [\mathbf{B}{\neq}\mathbf{C} \rightarrow \{(\exists F)(\mathbf{B}_{\mu(e)}(\mathbf{a})F \,\&\, \neg\mathbf{C}_{\nu(st)}(\mathbf{b})F)\}]$.

Из *Условия тождества для абстрактных ВИО-ов* непосредственно следует:

(Sk5) $\{(\exists F)(\mathbf{B}_{\mu(e)}(\mathbf{a})F \,\&\, \neg\mathbf{C}_{\nu(st)}(\mathbf{b})F)\} \rightarrow \mathbf{a}{\neq}\mathbf{b}$.

Из (Sk4) & (Sk5) следует:

(Sk6) $[\mathbf{B}_{\mu(e)}(\mathbf{a})P \,\&\, \mathbf{C}_{\nu(st)}(\mathbf{b})Q] \rightarrow [\mathbf{B}{\neq}\mathbf{C} \rightarrow \mathbf{a}{\neq}\mathbf{b}]$.

Положение (Sk6), как и (Sk3), является частным случаем (HPr), и о способах получения (Sk4), (Sk5) и (Sk6) можно сказать то же, что было сказано выше о способах получения (Sk1), (Sk2) и (Sk3).

В других положениях Секста также можно увидеть признание положений, схожих с (Sk3) и (Sk6). Например, Секст пишет, что видимое и слышимое невозможно рассудочно помыслить, т. е. признаёт, что внутренние объекты интенциональных актов различных познавательных способностей различны – *Adv. math.* VII, 305.1–307.1:

> «(305.1) Но также он [рассудок, ἡ διάνοια] не может распознать и ощущения. Ведь как тело не может схватить ощущений ввиду того, что последние причастны смысловой способности, а тело алогично, так в свою очередь рассудок не в состоянии воспринимать ощущения, поскольку они алогичны и в силу этого действуют алогично на то, что их воспринимает. Затем, если он [рассудок] воспринимает ощущения, он и сам должен во всех отношениях становиться ощущением. Именно, чтобы воспринять ощущения, т. е. как ощущающие, он и сам должен стать одного с ними рода. Если он постигает видящее зрение, то он гораздо раньше этого должен стать зрением, и если он судит о слышащем слухе, то он должен стать не

отличным от слуха. То же рассуждение и относительно обоняния, вкуса и осязания.

(306.1) Но если в самом деле рассудок, познающий ощущения, оказывается перешедшим в их природу, то уже перестанет существовать и то, что исследует ощущения, потому что то, что мы предположим исследующим, оказалось тождественным с исследуемым, а потому и нуждающимся в постигающем (307.1)»[354].

Анализ этого текста аналогичен предыдущим двум случаям. Мы трактуем этот текст как содержащий несколько однотипных силлогизмов вида (значения **P** и **R**, а также s, $\mu(s)$ и $\nu(s)$ будут объяснены ниже):

(Sk7) $[\mathbf{P}_{\mu(s)}(\mathbf{a})P \,\&\, \mathbf{R}_{\nu(s)}(\mathbf{b})Q] \rightarrow [\mathbf{P}{\neq}\mathbf{R} \rightarrow \{(\exists F)(\mathbf{P}_{\mu(s)}(\mathbf{a})F \,\&\, \neg\mathbf{R}_{\nu(s)}(\mathbf{b})F)\}]$.

Из *Условия тождества для абстрактных ВИО-ов* непосредственно следует:

(Sk8) $\{(\exists F)(\mathbf{P}_{\mu(s)}(\mathbf{a})F \,\&\, \neg\mathbf{R}_{\nu(s)}(\mathbf{b})F)\} \rightarrow \mathbf{a}{\neq}\mathbf{b}$.

Из (Sk7) & (Sk8) следует:

(Sk9) $[\mathbf{P}_{\mu(s)}(\mathbf{a})P \,\&\, \mathbf{R}_{\nu(s)}(\mathbf{b})Q] \rightarrow [\mathbf{P}{\neq}\mathbf{R} \rightarrow \mathbf{a}{\neq}\mathbf{b}]$.

В (Sk7), (Sk8) и (Sk9) $\mu(s)$, $\nu(s)$ – интенциональные акты одного и того же субъекта s, $\mu(s)$ – акт чувственного восприятия, его тип обозначается эпистемическим оператором **P** (в анализируемом тексте рассматриваются случаи просто восприятия, зрения и слуха), $\nu(s)$ – акт рассудка, его тип обозначается эпистемическим оператором **R**. В (Sk7) Секст настаивает, что акт чувственного восприятия и рассудочный акт одного и того же субъекта наделяют свои объекты

[354] Пер. А. Ф. Лосева по: Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т.1. С. 121.

различными характеристиками, из чего в (Sk9) выводится, что чувственно воспринимаемый объект не может быть объектом рассудка.

Положение (Sk9), как (Sk3) и (Sk6), является частным случаем (HPr), и о способах получения (Sk7) – (Sk9) можно сказать то же, что было сказано выше о (Sk1) – (Sk3) и (Sk4) – (Sk6).

Последнее предложение приведённой выше цитаты из *Adv. math.* VII, 306.1–307.1 можно истолковать аналогично в виде положения (Sk9´), которое отличается от (Sk9) только тем, что в нём оператор **R** заменён на уже использованный нами выше оператор **I** (от inquire, исследовать). Тогда (Sk9´) является тезисом о невозможности исследования когнитивным актом мета-способности (а именно, рассудком) исходного внутреннего интенционального объекта некоторой исходной способности (а именно, чувственного восприятия).

Некоторые другие высказывания Секста можно трактовать как аналоги (Sk9) (или (Sk3), или (Sk6)), в которых заменены операторы, обозначающие когнитивные способности. К такого рода высказываниям относится положение «представление (φαντασία) немыслимо» из *Pyrr.* II, 70, а также утверждение, что суждения, как объекты рассудка, невозможно схватить чувственными восприятиями (*Adv. math.* VII, 344–345). Все эти положения являются следствиями или частными случаями (HPr).

Это позволяет увидеть логическую связь между положениями Секста Эмпирика и Парменида: ведь, мы уже показали выше, фрагмент поэмы Парменида 28 B 2 DK можно интерпретировать как содержащий положения (B2.3), (B2.3´), (B2.5) и (B2.5´), являющиеся следствиями (HPr). То же было сказано выше о рассмотренных выше положениях Протагора, Горгия и Платона.

Во **второй интересующей нас группе аргументов** Секста речь идёт о недостижимости объекта первого когнитивного акта некоторой познавательной способности для второго когнитивного акта *этой же* познавательной способности при условии, что объект первого акта является частью объекта второго акта.

В рассматриваемую группу рассуждений Секста, входят аргументы о невозможности помыслить сложную пропозицию, например, состоящую из антецедента и консеквента и связывающей их материальной импликации, поскольку (в общем случае) при мышлении антецедента консеквент может не мыслиться. См. об этом *Pyrr*. II, 109, пер. А. Ф. Лосева:

> «…всё-таки суждение оказывается несуществующим, так как оно состоит из несосуществующего друг с другом высказываемого. Так, например, в выражении “если существует день, то существует свет”, когда я говорю “существует день”, ещё не заключается “существует свет”, и, когда я говорю “существует свет”, не заключается уже “существует день”. Поэтому раз составленное из чего-нибудь не может существовать, если не сосуществуют друг с другом его части, а те части, из которых состоит суждение, не сосуществуют друг с другом, то суждение не будет существовать».

Аналогично обосновывается немыслимость доказательства, поскольку при мышлении посылок их следствия могут не мыслиться. См. об этом *Pyrr*. II, 144, пер. А. Ф. Лосева:

> «Но то, что доказательство не существует, возможно вывести из самих их [догматиков, предположительно – стоиков. – *И.Б.*] слов, опрокинув по отдельности всё то, что объемлется в понятии. Так, например, рассуждение состоит из суждений, а соединённые вещи не могут существовать, если то, из чего они состоят, не сосуществует друг с другом, что вполне очевидно на примере ложа и тому подобного; части же рассуждения не сосуществуют друг с другом. В самом деле, когда мы высказываем первую посылку, то ещё не существует ни второй, ни заключения; когда же говорим вторую, уже не существует первой посылки, и нет ещё заключения; когда же мы высказываем заключение, то уже не существует его посылок».

О том, что заключение доказательства вместе с его посылками непостижимо, если посылки мыслятся независимо от заключения, см. также *Adv. math.* VIII, 272–277.

Во всех этих рассуждениях (*Pyrr.* II, 109; *Pyrr.* II, 144; *Adv. math.* VIII, 272–277) речь идёт о следующем: если посредством некоторого интенционального акта постигается / мыслится некоторая пропозиция, то ни посредством этого, ни посредством какого-либо другого интенционального акта не постигается / не мыслится сложная пропозиция, одной из конституент которой является исходная пропозиция. Это положение можно формально записать несколькими способами (ниже через p и q обозначаются предложения, а через $[\![p]\!]$ и $[\![q]\!]$ – выражаемые этими предложениями пропозиции; вторая формула в каждой из приведённых ниже трёх пар формул является частным случаем первой формулы, если эти предложения являются атомарными предложениями с одноместными предикатами, и если эти предикаты обозначают кодируемые абстрактными ВИО-ми a и b свойства):

(Sk10) $[(\mathbf{G}_\mu p \,\&\, \mathbf{G}_\nu q) \rightarrow ([\![p]\!] \neq [\![q]\!] \rightarrow [\![q]\!] \neq [\![R(\ldots, p, \ldots)]\!])]$.

(Sk10´) $[(\mathbf{G}_\mu (a)P \,\&\, \mathbf{G}_\nu (b)Q) \rightarrow [\![(a)P]\!] \neq [\![(b)Q]\!] \rightarrow [\![(b)Q]\!] \neq [\![R(\ldots, (a)P, \ldots)]\!])]$.

(Sk11) $[(\mathbf{G}_\mu p \,\&\, \mathbf{G}_\nu q) \rightarrow ([\![p]\!] \neq [\![q]\!] \rightarrow \neg\mathbf{G}_\nu [\![R(\ldots, p, \ldots)]\!])]$.

(Sk11´) $[(\mathbf{G}_\mu (a)P \,\&\, \mathbf{G}_\nu (b)Q) \rightarrow ([\![(a)P]\!] \neq [\![(b)Q]\!] \rightarrow \neg\mathbf{G}_\nu [\![R(\ldots, (a)P, \ldots)]\!])]$.

(Sk12) $\mathbf{G}_\mu p \rightarrow \neg\mathbf{G}_\nu [\![R(\ldots, p, \ldots)]\!])]$.

(Sk12´) $\mathbf{G}_\mu [\![(a)P]\!] \rightarrow \neg\mathbf{G}_\nu [\![R(\ldots, (a)P, \ldots)]\!])]$.

Здесь $[\![R(\ldots, p, \ldots)]\!]$ означает сложную пропозицию, в выражающую которую предложение входит предложение p. Например, $[\![p \rightarrow q]\!]$. В этом случае R есть отношение материальной импликации между предложениями p и q. В этом случае $[\![R(\ldots, p, \ldots)]\!] = [\![p \rightarrow q]\!]$. Этот случай описывается в *Pyrr.* II, 109. Другой

пример сложного предложения, содержащего p – $(p\&q) \Rightarrow r$, где «⇒» отношение логической выводимости, понимаемой в широком смысле. В этом случае $[\![R(\ldots, p, \ldots)]\!] = [\![R(p, q, r)]\!] = [\![(p\&q) \Rightarrow r]\!]$. Этот случай описывается в *Pyrr*. II, 144 и *Adv. math*. VIII, 272–277.

Приведённые положения являются частными случаями (H) для такого целого, как сложная пропозиция. Также они могут рассматриваться как частные случаи положений (H_f), (CW), (CW_f) для целого указанного типа.

В **третьей интересующей нас группе аргументов Секста** используется термин «знак», который указывает на некоторый первично постигаемый первым когнитивным актом произвольного вида объект. Этим первым актом знак не постигается как указывающий на то, что обозначается им, не постигается как конституента или характеристика некоторого целого. Вторым же когнитивным актом произвольного вида постигается сам знак и то, что обозначается им, т. е. знаку приписываются некоторые характеристики, которые не приписывались ему в первом акте. Значит, как можно предположить, по *Принципу неразличимости тождественных* и *modus tollens*, знак во втором случае не совпадает со знаком в первом случае. Таким образом, если некоторый когнитивный акт постигает *только* знак, то никакой когнитивный акт не постигает *тот же самый* знак вместе с тем, что обозначается этим знаком. См. *Pyrr*. II, 117.1 – 120.5, пер. А. Ф. Лосева:

> «Но если мы оставим и это в стороне, всё-таки знак не может быть обнаруживающим заключение, если только означенное существует по отношению к знаку и поэтому должно воспринимается вместе с ним. Ибо вещи, находящиеся в отношении к чему-нибудь, воспринимаются одна с другой. И как не может быть воспринято правое раньше левого как правое по отношению к левому и наоборот (и что точно так же в других вещах по отношению к чему-нибудь), так же невозможно воспринять знак раньше означенного как знак означенного. Если же знак не воспринимается раньше означенного, то он не может быть открывающим то, что воспринимается

вместе с ним, а не после него. Но и судя по тому, что часто говорится разномыслящими с нами, знак немыслим. Ибо они говорят, что он существует по отношению к чему-либо и открывает означенное, по отношению к которому, как они утверждают, он существует. Поэтому если он существует по отношению к чему-либо и по отношению к означенному, то он непременно должен быть воспринят вместе с означенным, как левое с правым, и верхнее с нижним и остальное соотносительное. Если же он может открыть означенное, то он непременно должен быть воспринятым перед тем для того, чтобы, познанный раньше, он привёл нас к пониманию познаваемой из него вещи. А невозможно понять вещь, которая не может быть познана перед тем, перед чем ей необходимо быть воспринятой; поэтому невозможно понять что-либо существующее по отношению к чему-нибудь и способное открыть то, по отношению к чему оно мыслится. Про знак же они говорят, что он и существует по отношению к чему-нибудь, и открывает означенное. Поэтому невозможно понять знак».

Мы полагаем, что этот аргумент Секста основывается на признании положения, являющегося частным случаем (H) для целого, среди конституент которого присутствуют: постигаемая субъектом посредством интенционального акта пропозиция; набор знаков или внутренний язык, на котором эта пропозиция выражается для интенционального акта субъекта; конституенты этой пропозиции. Также это положение Секста может рассматриваться как частный случай положений (H_f), (CW) и (CW_f) для целого указанного типа.

Обсуждаемое сейчас положение Секста можно записать в виде положения, более общего, чем (HPr). Для целого указанного типа из (H) – так же как из (CW) или из (CW_f) – следует:

(≠L) *Если знаки (языки), используемые для описания внутренних интенциональных объектов интенционального акта различны, то интенциональные акты, использующие знаки (языки), различны*:

$$[\mathbf{A}^1{}_{L1(\mu(s1))}p \;\&\; \mathbf{A}^2{}_{L2(\nu(s2))}q] \rightarrow [L_1(\mu(s_1))\neq L_2(\nu(s_2)) \rightarrow \mu(s_1)\neq\nu(s_2)].$$

Для пропозиций p и q, рассматриваемых в виде $(a)P$ и $(b)Q$, формализация (≠L) перепишется в виде:

$$[\mathbf{A}^1{}_{L1(\mu(s1))}(a)P \;\&\; \mathbf{A}^2{}_{L2(\nu(s2))}(b)Q] \rightarrow [L_1(\mu(s_1))\neq L_2(\nu(s_2)) \rightarrow \mu(s_1)\neq\nu(s_2)].$$

Из (HPr) & (≠L) следует (HPr^L):

(HPr^L) $[\mathbf{A}^1{}_{L1(\mu(s1))}(a)P \;\&\; \mathbf{A}^2{}_{L2(\nu(s2))}(b)Q] \rightarrow [\{[\![(a)P]\!]\neq[\![(b)Q]\!] \vee L_1(\mu(s_1))\neq L_2(\nu(s_2)) \vee \mu(s_1)\neq\nu(s_2) \vee s_1\neq s_2 \vee P\neq Q \vee a\neq b \vee \mathbf{A}^1\neq\mathbf{A}^2\} \rightarrow \{[\![(a)P]\!]\neq[\![(b)Q]\!] \;\&\; \mu(s_1)\neq\nu(s_2) \;\&\; P\neq Q \;\&\; a\neq b\}]$.

Положение (HPr^L) является частным случаем (H) для целого, среди конституент которого присутствуют: субъект, использующий интенциональные акты; интенциональные акты этого субъекта; тип каждого интенционального акта, принадлежащего субъекту, или тип пропозициональной установки субъекта; постигаемая субъектом посредством интенционального акта пропозиция; набор знаков или внутренний язык, на котором эта пропозиция выражается для интенционального акта субъекта; конституенты этой пропозиции.

О положении (HPr^L) также можно сказать, что оно является частным случаем положения (H_f), или (CW), или (CW_f) для целого указанного типа.

§ IV.7 Признание Плотином частного случая (H^1) для мира Ума

Плотиновское учение о мире Ума весьма легко интерпретировать как теорию холистического целого, или холистической системы[355]. О том, что весь

[355] При изложении холистической трактовки плотиновского мира Ума мы используем ранее опубликованную статью: Берестов И. В. Элеатовские аргументы против множественности сущего в концепции мира Ума Плотина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10, вып. 4. С. 123–133. Также была использована ранее опубликованная монография Берестов И. В. Свобода в философии Плотина. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 175–179; 188–194.

мир Ума, как целое, понимаемое холистически, удовлетворяет (H^1), см., например, V.9.5, 9–10[356]:

> «Итак, [в Уме] ни одно не отделяется от другого (οὐ χωριστέον οὖν οὐδέτερον ἀπὸ θατέρου)».

Для описания симультанного сосуществования эйдосов Ума Плотин находит применение знаменитому тезису «все вместе» Анаксагора, ср. 59 B 1 DK. Однако Плотин оговаривает, что эйдосы, хотя и сосуществуют «все вместе», всё-таки «различимы», т. е. должны мыслится как различные. Используя терминологию Дунса Скота, мы могли бы сказать, что эйдосы не имеют «реального различия» (*distinctio realis*), но имеют «формальное различие» (*distinctio formalis*):

> «“Все вместе” [сущие присутствуют] там [в Уме], и, тем не менее, различённые (“πάντα δὲ ὁμοῦ” ἐκεῖ καὶ οὐδὲν ἧττον διακεκριμένα)» – V.9.6, 3–4.

Понятно, что конституенты холистической системы должны быть различными объектами: в противном случае холистическая система не будет системой, т. е. тем, что содержит различные объекты. Целый мир Ума, аналогично, перестанет быть чем-то целым, состоящим из различных конституент, и станет неотличим от Единого, что для Плотина неприемлемо. Однако Плотин не показывает, какой *Критерий различия* эйдосов Ума может быть использован, чтобы это различие обосновать.

Также о том, что в Уме взаимообусловленность эйдосов влечёт невозможность помыслить что-либо, не мысля при этом всё, см. вывод Е. Эмильссона, полученный на основании VI.4.2, 17–25:

---

[356] Мы используем греческий текст *Эннеад* в редакции из: Plotinus. Enneads. In 7 volumes / With an English translation by A. H. Armstrong. Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press, St. Edmmudsbury Press Ltd., 1966–1988 (The Loeb Classical Library).

«То, что причастно умному миру, должно быть причастно всему ему»[357].

Естественным основанием для этого тезиса является частный случай (H^1) для такого целого, как мир Ума.

Ситуация с каждым отдельным эйдосом аналогична ситуации со всем миром Ума в целом. Эйдосы Ума не могут быть абсолютно простыми (иначе они совпадали бы с Единым), но все суть некие целые, все суть сложные:

> «Ведь ни Ум не прост, ни Душа, что из него, но все [они] разнообразны (ποικίλα) настолько же, насколько просты, т. е. настолько, насколько [они] не сложены вместе (σύνθετα), и настолько, насколько [они суть] действия (ἐνέργειαι)» – VI.7.13, 1–3.

Каждая часть, или, лучше сказать, мыслящееся содержание каждого эйдоса содержит свои собственные части, являющиеся эйдосами, также содержащими части, и т. д. до бесконечности:

> «Так как и ‘*то, что в части*’ опять не едино, но и само [есть] бесконечно разделяемое (ἄπειρον διαιρούμενον)» – VI.7.13, 6–7.

Однако Плотин не указывает *Критерия различия* для частей эйдосов Ума, частей их частей, и т. д.

Признание Плотином бесконечного числа эйдосов в Уме видно также и из следующих его положений:

---

[357] Emilsson E. K. Plotinus’ Ontology in Ennead VI.4 and 5 // Hermathena. 1994, no. 157. P. 88.

> «И, таким образом, бесконечность (τὸ ἄπειρον) [пребывает] в Уме – потому, что [Ум есть] как бы ‘*единое многое*’ (ἓν πολλά), не как единая груда (ὄγκος εἷς)» – VI.7.14, 11–12.

> «Ведь Всё [мыслимое Умом] есть ‘*возможность всего*’ (δύναμις πᾶσα), с одной стороны, до бесконечности [эйдосов Ума] дошедшая, с другой стороны, до бесконечности способная [охватывать содержание каждого эйдоса]. И столь велик тот [т. е. Бог, которому уподобляется Ум, Бог = Единое], что его части стали бесконечными [по своему мыслимому содержанию] (τὸ δέ ἐστι τὸ πᾶν δύναμις πᾶσα, εἰς ἄπειρον μὲν ἰοῦσα, εἰς ἄπειρον δὲ δυναμένη· καὶ οὕτως ἐστὶν ἐκεῖνος μέγας, ὡς καὶ τὰ μέρη αὐτοῦ ἄπειρα γεγονέναι)» – V.8.9, 25–27.

Помимо названных выше причин, бесконечное число эйдосов в Уме необходимо Плотину также и для обоснования возможности наличия в Уме эйдосов единичных вещей (τὰ καθέκαστα), что является темой трактата V.7:

> «Того же, что тогда в Уме [будет] бесконечность (ἀπειρίαν), не до́лжно бояться; ведь [в Уме] всё в нераздельности (ἐν ἀμερεῖ), и как бы ‘*выступает вовне*’, когда бы [Ум] ни действовал (οἷον πρόεισιν, ὅταν ἐνεργῇ)» – V.7.1, 25–27.

Здесь Плотин использует глагол πρόειμι – продвигаться, идти вперёд; ср. с идиомой τὸ ἄπειρον πρόειμι – уходить в бесконечность. Можно предположить, что в последней фразе Плотин хочет сказать, что (*a*) количество эйдосов в Уме всегда превосходит любое определённое (конечное) количество, либо (*b*) что их количество всегда превосходит самого себя, так что это количество есть оно же

плюс некоторая добавка[358]. В любом случае, мы имеем указание на бесконечное число эйдосов в Уме[359].

В смысле отсутствия в Уме лишённости чего-либо и присутствия в нём всего возможного, Ум «*полон*», «*совершенен*», «*завершён*», так что отсутствие в Уме чего-либо *возможного* означало бы несовершенство Ума:

> «Но как там стало [чего-то] недоставать (ἐνέλειπε)? Зачем же там рога для защиты? Или для [его] самоначальности (τὸ αὔταρκες) как животного и [его] совершенства (τὸ τέλεον)? Но из-за того, что животному следовало бы быть совершенным (τέλεον), и Уму – совершенному, и жизни совершенной. Так что, если этого [защищающего] нет, то это [следовало приобрести]» – VI.7.10, 1–5.

На основании этой цитаты можно предположить, что *в Уме симультанно существует всё то, что может быть помыслено*. Здесь имеется в виду недискурсивное (или ноэтическое) мышление, поскольку дискурсивное (или дианоэтическое) мышление *последовательно* (ср. V.3.17, 24: ἄλλο καὶ ἄλλο λαβεῖν)[360]: понятия логически первичны, суждения – вторичны, умозаключения – третичны.

Как совершенный, Ум *уже* обладает всем, чем только можно обладать, и поэтому ничего не ищет:

> «Поэтому и все ‘*те [сущие], что при нём*’ [т. е. те сущие, которые мыслятся Умом] совершенны (πάντα τέλεια), чтобы [Ум] был ‘*полностью совершенен*’ (πάντη ᾖ τέλειος), не имея ничего, что не таково [т. е. не

[358] Если Плотин действительно имел в виду что-то вроде (*b*), то он здесь пытается убедить нас, что не следует бояться, если число *N* эйдосов в Уме обладает таким свойством, что $N = N+1$ (из чего следует, что число *N* является бесконечным). В одной из интерпретаций аргумента Зенона Элейского против множественности из 29 B 3 DK Зенон полагает такое число *N* немыслимым, см.: Peterson S. Zeno’s Second Argument against Plurality // Journal of the History of Philosophy. 1978. Vol. 16. P. 261–270. Если эта интерпретация верна, то Плотин здесь непосредственно оппонирует Зенону.

[359] О бесконечности эйдосов в Уме Плотин пишет также и в V.8.4, 34–35; VI.2.22, 13–19.

[360] Эта последовательность дискурсивного мышления или «мышление посредством перехода (ἐν διεξόδῳ) от одного к другому» является основанием для противопоставления ему симультанности мышления Ума – VI.2.21, 24–29; VI.7.13, 37–38.

полностью совершенно], не имея в себе ничего, что не мыслит; мыслит же [Ум] не ища (ζητῶν), но обладая» – V.1.4, 14–17.

Та же мысль отражена в V.3.5, 22; V.9.7, 10–11, где Плотин настаивает, что Ум не вовлечён в какой-либо поиск (ζήτησις) чего-либо – того, чем он актуально не обладает.

О том, что сущие в Уме сосуществуют симультанно, «совместно завершая или осуществляя» друг друга, что является ещё одним свидетельством признания Плотином (H^1) для мира Ума как целого, см.:

«… и не существует ни одного [сущего где бы то ни было], которое не созавершало / соисполняло / составляло бы [совместно с другими сущими] все [сущие в Уме] (καὶ οὐδέν ἐστιν, ὅ τι μὴ συντελεῖ εἰς τὰ πάντα), …» – VI.7.13, 54–55.

Когда Плотин приписывает Уму «совершенство», он, помимо прочего, подразумевает существование в Уме ‘*всего того, что может быть помыслено*’. Текстом, наиболее близким к такому пониманию совершенства Ума, является следующий:

«И вплоть до образов [мира Ума простирается] мыслимый космос, весь [*или*: всеми способами] исполненный (*или*: доведённый до совершенства) из всех мыслимых, поэтому вот-этот [чувственно-воспринимаемый космос] есть подобие тому [мыслимому космосу] (καὶ μέχρι τοῦ πρὸ τοῦ εἰδώλου ὁ νοητὸς κόσμος ἅπας τέλεος ἐκ πάντων νοητῶν, ὥσπερ ὅδε μίμημα ὢν ἐκείνου)» – VI.2.22, 36–37.

Также о совершенстве Ума см. VI.7.3, 20–25; VI.7.8, 21–23; 26–31; VI.7.10, 3–4[361].

Описание Ума как совершенного хорошо представлено у Е. Эмильссона:

«Мы можем описать его [Ум. – *И.Б.*] как некоторого идеального знающего (an ideal knower), того, кто знает и понимает то, что можно знать и понимать в настольно полном смысле, насколько можно было бы допустить»[362].

Помимо совершенства, законченности, завершённости деятельности Ума[363] это означает, что мышление Ума не подпадает под *Парадокс Менона*[364].

С «совершенством» и «полнотой» Ума, описывающих мышление в нём всего возможного, связано, что Ум, также, «вечно деятелен» и ноэтическое мышление в Уме «вечно» или «безостановочно». При этом каждое сущее в Уме конституируется как отличающееся от каждого. Каждое сущее, мыслящееся

---

[361] Как мы видели выше, «совершенство» является одним из «знаков сущего» у Парменида: οὖλον μουνογενές τε καὶ ἀτρεμὲς ἠδὲ τέλειον – 28 B 8.4 DK; ἢ πάμπαν πελέναι χρεών ἐστιν ἢ οὐχί – 28 B 8.11 DK; οὕνεκεν οὐκ ἀτελεύτησον τὸ ἐὸν θέμις εἶναι· / ἔστι γὰρ οὐκ ἐπιδευές· ἐὸν δ᾽ ἂν παντὸς ἐδεῖτο – 28 B 8.32–33 DK; τετελεσμένον ἐστί – 28 B 8.42 DK. Греческий текст поэмы приводится в редакции из Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides. P. 279–284. О «совершенстве» сущего у Парменида см.: *ibid*. P. 122–123.

[362] Emilsson E. K. Plotinus on Intellect. Oxford: Clarendon Press, 2007. P. 3.

[363] Ср. с Аристотелем: действия в строгом смысле или совершенные действия суть действия, начало осуществления которых уже означает их полное осуществление. Аристотелевские примеры – ви́дение и мышление, см. *Phys*. III, 201b 31–2; *Met*. XI, 1066a 20–1; *De an*. III, 431a 6–7; *Eth. Nic*. X, 1174a 14–23; см. интерпретации в: Emilsson E. K. Plotinus on Intellect. Oxford: Clarendon Press, 2007. P. 34–35; Ackrill J. L. Aristotle's Distinction between *Energeia* and *Kinesis* // Ackrill J. L. Essays on Plato and Aristotle. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 142–162. Совершенное действие у Аристотеля *в этих текстах* характеризуется *отсутствием последовательности* при его выполнении: оно, если вообще существует или выполняется, *уже* выполнено. Такую же черту имеют действия мышления Ума у Плотина: они симультанны и как не допускающие последовательности в каждом действии, и как не допускающие последовательного выполнения многих действий. Ссылки на трактаты Аристотеля «О душе» и «Никомахова этика» приведены по: Aristotle. De Anima / With Translation, Introduction and Notes by R. D. Hicks. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. 712 p.; Aristoteles. Aristotelis Ethica Nicomachea / ab Immanuele Bekkero. Tetrium edita. Berolini: G. Reimer, 1861. 229 p.

[364] Мы уже упоминали *Парадокс Менона* из платоновского диалога «Менон» (*Meno* 71b–81a) в § IV.5.5 и § IV.6 выше, там же была приведена релевантная литература. Огрубляя, *Парадокс Менона* можно изложить следующим образом. Невозможно найти ни (*a*) '*то, что уже полностью известно*' (ибо нельзя стремиться обладать тем, чем уже полностью обладаешь), ни (*b*) '*то, что полностью или частично ещё не известно*' (ибо частично неизвестное есть частично известное, но чтобы нечто могло быть признано частично известным, необходимо уже знать его целиком, что возвращает нас к (*a*), тогда как то, что полностью неизвестно, невозможно найти из-за отсутствия критерия, на основании которого мы могли бы сказать, является или нет некое *x* тем, что мы ищем). Поскольку Плотин отвергает наличие какого-либо «интеллектуального поиска» для Ума, так что деятельность Ума описывается им как не подразумевающая «интеллектуальный поиск», то его описание Ума не подпадает под *Парадокс Менона*.

каждым актом мышления Ума, есть объект акта мышления, связывающего *различные* сущие:

> «Итак, [то, что из ‘*того же самого*’ и ‘*другого*’] имеет природу во всё изменяться (*или*: становиться другими всеми [возможными] способами) (ἑτεροιοῦσθαι)» – VI.7,13,25–26.

> «[Для] подействовавшего же – вечно иное после иного; и как бы блуждающий (πλανηθέντος) всеми способами странник и в себе блуждающий, как если бы истинный Ум по природе [должен] блуждать в себе» – VI.7.13, 28–31;

> «И [в Уме] после иного вечно иное, и [всё в Уме есть] нечто, которое [есть и] то же самое, и иное, и через различаемое (διαιροῦντι) вечно иное появляется» – VI.7.13, 42–44[365].

Можно предположить, что Плотин здесь исходит из того, что все эйдосы связаны друг с другом, в том числе – отношением различия, и могут мыслиться совершенным мышлением Ума, т. е. осуществляться в Уме, только при учёте этих связей. На этом основании утверждается, что для мышления *каждого* эйдоса нужно помыслить *каждую* его связь, а значит, нужно различить его с *каждым* эйдосом, который можно было бы помыслить. Но при различении первого эйдоса от второго второй эйдос тоже должен мыслиться, а значит, должен различаться с каждым эйдосом, и т. д. Вероятно, Плотин имеет в виду именно это, когда пишет, что в Уме «вечно иное после иного». Утверждение, что всё в Уме есть «и то же самое, и иное», вероятно, указывает на то, что эйдосы не являются реально различными (в смысле *distinctio realis* Дунса Скота), не могут существовать друг без друга. Каждый эйдос конституируется каждым *иным* эйдосом, существуя тогда и только тогда, когда существует *иное по отношению к нему*:

[365] См. также VI.7.39, 5–9.

«Ведь, с одной стороны, рождены [идеи] тем, что [каждая] имеет причину, с другой стороны, [они суть] нерождённые (ἀγένητα) – ведь [идея] не во времени имеет причину, но вечно [существует] от иного» – II.4.5, 26–27.

Если под «иным» здесь Плотин понимает «все возможные эйдосы, иные по отношению к данному», то здесь мы видим утверждение о взаимоопределении эйдосов Ума друг через друга, т. е. признание частного случая положения (H^1).

§ IV.8 Востребованность (H) и (H^1) в современных семантиках для модальной логики и для пропозициональных установок

Если следовать методологическому подходу к историко-философским исследованиям, очерченному выше, в главе I, то некоторые типы значений текстов рассмотренных в настоящей главе философов (Протагора, Горгия, Платона, Секста Эмпирика и Плотина), в которых утверждаются положения (H), (H^1), (HPr^b), (HPr) и другие их следствия и частные случаи для целых различных видов включают в себя современные аргументы, в которых используются интерпретации современными философами этих положений. Выше мы уже упоминали о *ментальном холизме* – подходе, в котором утверждается зависимость значений слов в предложении, истинном в системе убеждений субъекта, от других предложений, истинных в его системе убеждений. Различные вариации такого утверждения признаются в *Inferential Role Semantics* (IRS) и/или *Conceptual Role Semantics* (CRS)[366]. Некоторые вариации (H) и (H^1), с бóльшими или меньшими ограничениями, как кажется, признаются как в этих подходах, так и в других видах холизма[367]. Широко известен *Confirmation Holism*, или утверждение о том, что все предложения научной теории получают

[366] Сторонником IRS является, например, Н. Блок, см. упоминавшуюся выше в связи с *ментальным холизмом* его статью: Block N. Holism, Hyper-Analyticity and Hyper-Compositionality. При этом Н. Блок пытается ограничить холистические следствия своего подхода. О IRS и CRS, а также проблемах, стоящих перед CRS, и предлагаемых решениях, см. статью: Моисеева А. Ю. Что нам даёт концептуально-ролевая семантика?. С. 105–108.

[367] См. уже упоминавшиеся выше статьи: Esfeld M. Holism and Analytic Philosophy; Harrell M. Confirmation Holism and Semantic Holism; Heal J. Semantic Holism: Still a Good Buy.

подтверждение только все вместе, включая предложения, описывающие «факты» (оказывающиеся «теоретически нагруженными»), теоретические положения, математические и логические положения. Такой подход к подтверждению научных теорий отстаивал У. Куайн[368].

Принятие вариаций и частных случаев положений (Н) и ($Н^1$) можно назвать вынужденным. Эти положения делают невозможным идентификацию объектов в двух различных научных теориях или в двух различных системах убеждений, что делает невозможным для сторонника одной из позиций представить свою позицию в виде, доступном для обсуждения со сторонником другой позиции. Обычно философы, если они не скептики, не испытывают удовлетворения от такого положения дел. Но что же вынуждает некоторых философов признавать вариации (Н) или ($Н^1$)? Ниже мы схематически обрисуем те рассуждения, которые приводят к признанию (Н) и ($Н^1$), тем самым делая их вполне респектабельными положениями, от которых невозможно отмахнуться.

В последние десятилетия происходит активная разработка семантики для научных теорий и семантики для систем убеждений субъектов (ниже мы будем говорить только о системах убеждений)[369]. Несмотря на множество дискуссий, в настоящее время разработано множество более или менее приемлемых теоретико-модельных семантик для сообщений об убеждениях субъекта[370]. При достаточно

---

[368] Куайн У. В. О. Преследуя истину / Пер. с англ. В. А. Суровцева и Н. А. Тарабанова под общ. ред. В. А. Суровцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 32–36.

[369] Обсуждение семантики для систем убеждений связано с обширной дискуссией о семантике для пропозициональных установок. Начало последней дискуссии было положено статьёй Quine W. V. O. Quantifiers and Propositional Attitudes // The Journal of Philosophy. 1956. Vol. 53, no. 5. P. 177–187. Эта дискуссия также связана с обсуждением *Загадки Фреге* (*Frege's Puzzle*), т. е. с обсуждением допустимости того, что в различных контекстах (прямом и косвенном) различные термины (такие, как *Hesperus* и *Phosphorus* у Г. Фреге) обладают значениями различных типов – *Sinn* и *Bedeutung* у Г. Фреге. Это породило несколько конкурирующих способов решения *Загадки Фреге*, о чём см. Salmon N. Frege's Puzzle. Cambridge (USA, Mass.): MIT Press, 1986. xi, 104 p. О том, что ни у одного из двух основных конкурирующих лагерей («фрегеанцы» и «миллианцы») нет решающего преимущества, см.: Sainsbury R. M. Paderewski Variations // Dialectica. 2010. Vol. 64, no. 4. P. 483–502. Более полную классификацию, описание и критику существующих подходов к решению *Загадки Фреге* и к построению семантики для сообщений об убеждениях, при том, что эта критика является основанием для принятия позиции, близкой к холистической, см. в Bach K. Do Belief Reports Report Beliefs? // Pacific Philosophical Quarterly. 1997. Vol. 78. P. 215–241. Детальное обсуждение того, в каком отношении некоторые античные семантические теории предвосхищают семантическую теорию Г. Фреге (включающую, помимо разведения *Sinn* и *Bedeutung*, также и разведение субъективного представления (Vorstellung) и объективной мысли (Gedanke), выражаемой предложением), а в каком – нет, см. статью: Суровцев В. А. О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *Sinn* в семантической теории Г. Фреге: Вопрос об их онтологическом статусе // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Т. 10, № 2. С. 452–470.

[370] Пионерскими в этом направлении были работы Я. Хинтикки по эпистемической логике: Hintikka J. Knowledge and Belief: An Introduction to the Logic of the Two Notions. Ithaka, New York: Cornell University Press,

формализованном теоретико-модельном подходе утверждение о тождестве объектов из разных систем убеждений должно сопровождаться условием, при котором это утверждение истинно. Для определения истинностного значения этого условия должно быть достаточно заданной модели. Таким образом, при теоретико-модельном подходе невозможно ответить на вопрос: *Какая модель соответствует или лучше всего соответствует такому-то описанию системы убеждений субъекта* (т. е. множеству предложений, каждое из которых истинно с точки зрения субъекта)? При теоретико-модельном подходе можно получить ответ не на этот, а на совсем другой вопрос: *истинно ли вот-это предложение в вот-этой модели*?

Как и на первый вопрос, на третий вопрос *Какая модель (лучше) соответствует системам убеждений двух субъектов – модель, в соответствии с которой в двух системах имеются совпадающие объекты или модель, в соответствии с которой такие объекты отсутствуют*? невозможно получить теоретико-модельный ответ. Обсуждение последнего вопроса является частью длительной дискуссии о возможности совпадения объектов убеждений, желаний и проч. нескольких субъектов (интерсубъектовное интенциональное тождество) или одного субъекта (интрасубъективное интенциональное тождество), при том, что эти объекты не обязательно реальны или как-то связаны с реальностью или друг с другом. Многие предложения обыденного языка, как кажется, подразумевают тождество таких объектов, но создание формальной и универсально применимой семантики для таких предложений столкнулось с многочисленными трудностями. Поскольку эти объекты не обязательно реальны, их называют интенциональными объектами, а обсуждаемая проблема получила название *Проблемы интенционального тождества*.

Проблема интенционального тождества была впервые поставлена в статье Питера Гича[371]. Упоминаемое ниже «предложение Гича (Geach’s sentence)» состоит в следующем:

1962. x, 179 p.; Hintikka J. Intentions of Intentionality and Other New Models for Modalities. Dordrecht, Holland: D. Reidel Publishing Company, Springer 1975. XVII, 268 p. (Synthese Library, Vol. 90)

[371] Geach P. T. Intentional Identity // The Journal of Philosophy. 1967. Vol. 64, no. 20. P. 627–632.

(GS) *Хоб думает, что некоторая ведьма наслала порчу на кобылу Боба, и Ноб интересуется, не она ли (та же самая ведьма) убила свинью Коба*[372].

Дискуссии по *Проблеме интенционального тождества* весьма обширны, и делать их обзор здесь было бы неуместным. Заметим лишь, что, поскольку авторы этих подходов предлагают модели, в которых (GS) или другие парадигмальные предложения истинны, они не пытаются ответить на третий вопрос, они просто строят модели. Критерием успешности построения модели при таком подходе является истинность (GS) или других парадигмальных предложений. Среди критериев при этом подходе отсутствует, например, правдоподобность того, что (в моделях со строгим интенциональным тожеством[373]) ведьма из системы убеждений Хоба совпадает с ведьмой из системы убеждений Ноба (для чего нужно привести некоторое основание), или того, что Хоб признаёт свою ведьму тождественной ведьме Ноба, или согласится признать их тождество при полном знакомстве с системой убеждений Ноба[374].

Естественно предположить, что основанием в пользу тождества ведьмы Хоба с ведьмой Ноба является релевантная для объектов из систем убеждений версия *Закона Лейбница*, такая, как (Id↔In_I´). Также (Id↔In_I´) может быть основанием для согласия или несогласия Хоба с тождеством своей ведьмы с ведьмой Ноба.

---

[372] «Предложение Гича» приведено в Geach P. T. Intentional Identity. P. 628, где оно фигурирует под номером (3).

[373] Большинство авторов, предлагающих семантики для сообщений об убеждениях, признают возможность строгого интенционального тождества для некоторых видов интенциональных объектов. См.: Saarinen E. Intentional Identity Interpreted: A Case Study of the Relations Among Quantifiers, Pronouns, and Propositional Attitudes // Linguistics and Philosophy. 1978. Vol. 2. P. 151–213; Cumming S. Indefinites and intentional identity // Philosophical Studies. 2014. Vol. 168, is. 2. P. 371–395; Jespersen B. An Intensional Solution to the Bike Puzzle of Intentional Identity // Philosophia. 2011. Vol. 39. P. 297–307; Драгалина-Чёрная Е. Г. Интенциональное тождество: *case-study* для аналитической феноменологии // Субъективность и идентичность / отв. ред. А. В. Михайловский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 231–248.

[374] Не все авторы признают строгое интенциональное тождество. Наиболее известная теоретико-модельная семантика для сообщений об убеждениях, в которой интенциональное тождество не признаётся, разработана В. Эдельбергом, см. подробно анализировавшуюся выше, в главе I, его статью: Edelberg W. A Perspectivalist Semantics for Attitudes // Noûs. 1995. Vol. 29, no. 3. P. 316–342. Ниже мы проанализируем подход В. Эдельберга из других его работ.

Признание (Id↔In_I') ещё не запрещает тождество объектов из разных систем убеждений (или, точнее говоря, объектов разных интенциональных актов одного и того же или разных субъектов). Однако можно показать, что (Id↔In_I') как формализация *Закона Лейбница* является недостаточно точной. И можно привести довод в пользу того, что более точная трактовка *Закона Лейбница*, чем (Id↔In_I'), запрещает интенциональное тождество.

Недостаточную точность (Id↔In_I') можно показать, приведя примеры характеристик интенциональных объектов, существенных для их идентификации, которые обычные формализации *Закона Лейбница* вроде (Id↔In_I') не учитывают. В (Id↔In_I') имеет место квантификация по предикатам. Таким образом, в (Id↔In_I') учитываются выражаемые предикатами свойства тестируемых на тождественность объектов и отношения между тестируемыми объектами с другими объектами. Но объекты могут иметь и другие характеристики, не схватываемые такой формализацией. Мы проиллюстрируем это с помощью следующего рассуждения.

Допустим, что в системе убеждений субъекта s_1 истинны два предложения (*a*)*P* и (*b*)*Q*, а в системе убеждений субъекта s_1 истинно только одно предложение (*c*)*P*. Из *Закона Лейбница* в релевантной формулировке – такого, как (Id↔In_I') – следует, что *a*=*c*. Однако возможна такая ситуация, что s_1 не согласится с *a*=*c*, в качестве основания своего несогласия он может сказать, например, следующее:

> «Объект *a* не тождественен объекту *c*, поскольку в моей системе убеждений *a* кодирует характеристику: (*a*)*P* влечёт (*b*)*Q*. При этом в системе убеждений субъекта s_2 такая характеристика отсутствует. Поэтому, по *Закону Лейбница* в *неформальной* формулировке, Вы должны признать, что *a* не тождественно *b*».

Если коснуться реальных систем убеждений, то они, конечно, выражаются очень многими предложениями. При этом кажется естественным предположить, что для каждого субъекта каждое предложение из его системы убеждений влечёт

хотя бы одно предложение из его системы убеждений. Более того, анализ реальных систем убеждений склонил многих философов к более сильному утверждению: система убеждения устроена наподобие словаря, где одно слово определяется через другое, то – через третье, и т. д., так что понимание одной словарной статьи влечёт понимание каждой словарной статьи. Аналогично обстоят дела и с системами убеждений: каждое описывающее её предложение влечёт каждое. В соответствии с приведённым выше рассуждением, ссылающимся на неформальный *Закон Лейбница*, при указанном допущении о системах убеждений, оказывается, что ни один объект из одной системы убеждений не тождественен какому-либо объекту из другой системы убеждений.

Основываясь на рассуждениях такого рода, сторонники IRS и/или CRS могут приходить к признанию с теми или иными ограничениями (Н) и/или ($Н^1$), где «целыми» являются системы убеждений субъектов (ссылки?).

Семантики для сообщений об убеждениях позволяют, в принципе, учесть только что полученный вывод о необходимости признать (Н) для систем убеждений субъектов. В качестве примера приведём положение, различные вариации которого признаются В. Эдельбергом:

(≠IO) *Строгое (нумерическое) тождество интенциональных объектов различных субъектов или различных интенциональных актов невозможно*[375].

Положение (≠IO) следует из (Н) при весьма правдоподобном допущении, что нет субъектов с полностью совпадающими системами убеждений.

В главе I выше мы уже анализировали и использовали «перспективалистскую семантику» (perspectivalist semantics) В. Эдельберга. В. Эдельберг предложил «перспективалистскую семантику», противопоставляя её «реалистской»[376], после подробного анализа неудач с разработкой критериев

[375] Edelberg W. Intentional Identity and Attitudes // Linguistics and Philosophy. 1992. Vol. 15. P. 667; note 20, P. 581.

[376] Edelberg W. A Perspectivalist Semantics for the Attitudes // Noûs. 1995. Vol. 29, no. 3. P. 316.

тождества интенциональных объектов[377]. Выход из создавшейся ситуации В. Эдельберг нашёл в признании вариантов положения (≠IO).

Признание (≠IO) не означает невозможности соотнесения объектов из систем убеждений разных субъектов. Не объявляя объекты тождественными друг другу, их можно всё-таки можно объявить «сходными». Как мы уже видели в главе I, В. Эдельберг вводит отношение «*a* является двойником *b*», обозначается $a \approx b$, которое может иметь место, если *a* и *b* принадлежат различным теориям, различным системам убеждений различных субъектов[378]. Предполагается, что $a \approx b$ при выполнении некоторых условий, скажем, если набор характеристик C_1 (ментальное досье, ментальный файл – mental file), которым субъект (или интенциональный акт – если экстраполировать то, что В. Эдельберг говорит о субъектах, на интенциональные акты) μ задаёт интенциональный объект *a*, либо полностью совпадает с набором характеристик C_2 (ментальным файлом), которым субъект или интенциональный акт ν задаёт интенциональный объект *b*, либо C_2 содержит C_1 целиком. Кроме того, *a* должно играть для μ ту же самую или сходную «объяснительную» роль, что и *b* играет для ν[379]. Признание того, что объекты из системы убеждений одного субъекта могут быть сходными с объектами из системы убеждений другого субъекта, позволяет всё-таки как-то соотносить убеждения субъектов, не впадая в указанные выше затруднения, возникающие при объявлении таких объектов тождественными друг другу.

Какими бы ни были критерии совпадения или сходства объяснительных ролей, В. Эдельберг признаёт, что

> «ни один объект не существует более, чем в одной теории»[380].

Таким образом, В. Эдельберг признаёт (≠IO) и делает это из-за того, что другие подходы, не признающие (≠IO), потерпели неудачу[381].

---

[377] См. Edelberg W. A New Puzzle about Intentional Identity // Journal of Philosophical Logic. 1986. Vol. 15. P. 1–25.

[378] Edelberg W. A Perspectivalist Semantics for the Attitudes. P. 322.

[379] *Ibid*. P. 326.

[380] *Ibid*. P. 320. Здесь «теория» выражает систему убеждений субъекта. Ср. также: *ibid*. P. 316. См. обсуждение этого тезиса выше, в § I.5.

Другим примером холистических систем, для которых признаётся (H), являются возможные миры в трактовке Г. В. Лейбница[382]. Г. В. Лейбниц признавал следующий тезис об уникальности объектов каждого возможного мира:

(U) *Каждый объект, присутствующий в каком-либо возможном мире, присутствует в одном и только одном возможном мире*[383].

Видно, что (U) следует из (H) для таких целых, как возможные миры. Строгое обоснование (U) у Лейбница отсутствует, мы можем лишь предполагать, что он считал (U) следствием применения *Закона Лейбница*[384] и признания полноты каждого возможного мира (любое предложение либо истинно, либо ложно в каждом возможном мире). *Закон Лейбница* допускается в настоящее время многими философами – несмотря на проблемы, которые он может

---

[381] См. также его аргументы (e) и (g) против «реалистской» семантики для интенциональных объектов в Edelberg W. Intrasubjective Intentional Identity // The Journal of Philosophy. 2006. Vol. 103, no. 10. P. 483.

[382] Холистическая трактовка возможного мира у Г. В. Лейбница излагается по ранее опубликованной статье: Берестов И. В. Уникальность объектов в возможных мирах Г. В. Лейбница // Идеи и идеалы. 2017. № 2(32), т. 1. С. 61–74.

[383] Признание Г. В. Лейбницем (U), как кажется, подразумевается в нескольких текстах: Leibniz G. W. Textes inédits / éd. Gaston Grua. Paris: Presses Universitaires de France, 1948. P. 327; *Теодицея*, § 414 и § 416 – Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла / Пер. с фр. под ред. В. В. Соколова // Лейбниц Г. В. Сочинения в четырёх томах. Т. 4. М.: Мысль, 1989. С. 399, 401. Имеются современные интерпретаторы, особо подчёркивающие признание Лейбницем (U): Адамс Р. М. Существование, личный интерес и проблема зла // Адамс Р. М. Добродетель веры. Очерки по философскому богословию / Пер. с англ. Алексея Васильева. М.: Издательство ББИ, 2013. С. 84. (Впервые опубликовано на англ. яз. в 1987 г.); Hintikka J. Leibniz, Plentitude, Relations and the “Reign of Law” // Reforging the Great Chain of Being: Studies of the History of Modal Theories / Ed. by Simo Knuuttila. Dordrecht: D. Reidel, 1981. P. 259–289. (*Synthese* Historical Library; vol. 20; Originally published in 1969).

[384] *Закон Лейбница*, как мы указывали выше, представляет из себя конъюнкцию *Принципа неразличимости тождественных* и *Принципа тождества неразличимых*. *Принцип неразличимости тождественных* утверждается Лейбницем в *Рассуждении о метафизике*, § 9 – Лейбниц Г. В. Рассуждение о метафизике / Пер. с франц. В. П. Преображенского // Лейбниц Г. В. Сочинения в четырёх томах. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 132. *Принцип тождества неразличимых* утверждается Лейбницем в *Новых опытах о человеческом разумении*, кн. вторая, гл. XXVII – Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии / Пер. с франц. П. С. Юшкевича // Лейбниц Г. В. Сочинения в четырёх томах. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 47–545. С. 231–232. *Принцип взаимной подставимости тождественных*, связанный с *Законом Лейбница*, утверждается в *Scientia Generalis. Characteristica*, Cap. XX, *Defin*. 1 – Leibniz G. W. Scientia Generalis. Characteristica // Leibniz G. W. Die philosophischen Schriften von Gottfried Wilhelm Leibniz / Herausgegeben von K. I. Gerhardt. Siebenter Band. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1890. S. 236; см. также Лейбниц Г. В. Абсолютно первые истины / Пер. с лат. Г. Г. Майорова // Лейбниц Г. В. Сочинения в четырёх томах. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 125.

вызывать[385]. Вариант семантики возможных миров, в которой истинно (U), был предложен Я. Хинтиккой[386].

Приведённые рассуждения показывают, что предложенный нами выше, в главе I, подход к типам значений философских аргументирующих текстов действительно «работает»: значение фрагментов текста поэмы Парменида, в которых излагаются аргументы в пользу единства сущего (рассмотренные в предыдущей главе), может быть сконструировано с использованием современных философских аргументов. Это показывает, с одной стороны, значимость философского вклада Парменида, и, с другой стороны, значимость рассмотренных нами современных работ – как продолжающих исследование классических и фундаментальных проблем философии. То же можно сказать и о текстах Протагора, Горгия, Платона, Секста Эмпирика и Плотина, рассмотренных в настоящей главе.

§ IV.9 ПЛ в контексте аргументации против множественности сущего у Зенона Элейского

Выше в настоящей главе мы проследили связь ПЛ с аргументами некоторых античных и современных философов. Эта связь заключается в том, что рассматриваемые нами философы обсуждали одну из посылок ПЛ – *Холистическое допущение*. Теперь, в конце четвёртой главы и всей диссертации, мы кратко отметим, что имеется ещё один – не рассматривавшийся нами до сих пор – значимый аргумент против множественности сущего. Этот аргумент отсутствует в нашей интерпретации Парменида, но сохранившиеся фрагменты

---

[385] См., например, Mates B. The Philosophy of Leibniz: Metaphysics and Language. New York: Oxford University Press, 1986. P. 132–136; Wiggins D. Sameness and Substance. Oxford: Blackwell, 1980. P. 18–23. Здесь же можно найти несколько формализаций *Закона Лейбница* и их обсуждение с использованием современной логической техники. О значении *Закона Лейбница* для логики см. также: Ishiguro H. Leibniz's Philosophy of Logic and Language (2-nd edition). Cambridge: Cambridge University Press, 1990. x, 251 p. *Принцип тождества неразличимых* после выхода в свет статьи Black M. The Identity of Indiscernibles // Mind. 1952. Vol. 61. P. 153–164, вызвавшей широкое обсуждение, стал казаться более спорным, чем *Принцип неразличимости тождественных*. О *Принципе тождества неразличимых* см. также: Крючкова С. Е. Идентичность и принцип «тождества неразличимых» Лейбница // Субъективность и идентичность / отв. ред. А. В. Михайловский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 128–153.

[386] Hintikka J. Leibniz, Plentitude, Relations and the "Reign of Law". P. 259–289. См. также: Целищев В. В. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск: «Наука», 1977. С. 144–145.

сочинений Зенона Элейского могут быть проинтерпретированы как содержащие этот аргумент. Хотя эти два аргумента различны, в настоящей диссертации целесообразно кратко очертить аргумент «от Зенона», поскольку (как мы намерены показать ниже) для обоснования некоторых посылок аргумента «от Зенона» может использоваться положение (H^1), которое может использоваться также и в самом аргументе «от Парменида», или для обоснования версии *Холистического допущения*, используемой в последнем аргументе.

Как мы показали в ранее опубликованных статьях (см. ниже), аргументы Зенона Элейского из 29 B 3 DK = Симпликий, *Комментарий на* Физику *Аристотеля*, 140.27 и далее[387] = 11.16–17 Lee[388], а также из 29 B 1 DK = Симпликий, *Комментарий на* Физику *Аристотеля,* 140.34 и далее = 10 Lee отличны от аргументации в ПЛ и представимы в виде вариантов *Второй линии аргументации против множественности сущего* (ВЛ). Иначе говоря, можно показать, что в указанных фрагментах Зенона Элейского содержится философски интересное и трудноопровержимое доказательство невозможности существования множественного сущего, т. е. сложного объекта, который содержит различные конституенты[389]. В ВЛ в её исходной версии у Зенона Элейского речь идёт о том, что если мы допускаем существование целого объекта с некоторым числом конституент, то возникает бесконечный регресс конституент целого, такой, что

[387] Ссылки на эту работу Симпликия даются по: Simplicius. Simplicii in Aristotelis *Physicorum* libros quattuor priores (1–4) commentaria // Commentaria in Aristotelem Graeca. Vol. 9 / Edidit Hermannus Diels. Berlin: Reimer, 1882. 842 p. Ссылка «140.27» означает, что приводимый текст начинается на странице 140, строка 27.

[388] Ссылка «Lee» после номера фрагмента Зенона Элейского означает, что его фрагменты нумеруются и цитируются по изданию: Lee H. P. D. Zeno of Elea. Cambridge: Cambridge University Press, 1936. vi, 125 p.

[389] Мы традиционно трактуем Зенона Элейского как аргументирующего в пользу тезиса Парменида о немножественности сущего. В этом смысле мы следуем работе: Комарова В. Я. Учение Зенона Элейского. Л.: Издательство ЛГУ, 1988. С. 5–7, и многочисленным другим исследованиям. В указанном отношении наша трактовка Зенона отличается от трактовки В. П. Горана, в соответствии с которой Парменид рассматривал сущее как «целостность», не интересуясь его «наполнением», а Зенон стал интересоваться именно «наполнением», тем самым «отступив» от позиции Парменида (Горан В. П. Зенон Элейский… С. 101; см. также: Горан В. П. Масштаб вклада элеатов в развитие философии // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 141–149; Горан В. П. Предыстория атомистики: Парменид и Зенон // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, вып. 1. С. 206–220). Хотя Парменид и Зенон, в нашей интерпретации, и пытаются обосновать один и тот же тезис, наша трактовка доказательства Зенона отличается от нашей трактовки доказательства Парменида. Аргумент Парменида в нашей интерпретации (см. § III.3 выше) доказывает немножественность ВОМ, а аргумент Зенона (нашу трактовку которого мы очертим ниже) – объекта произвольного типа. Далее, аргумент Парменида в нашей трактовке является прямым доказательством, а Зенона – доказательством *a contrario*, использующим *regressus ad infinitum*. При этом мы признаём, что имеется множество интерпретаций поэмы Парменида – возможно, лучше подтверждаемых текстом поэмы, чем наша интерпретация – в соответствии с которыми Парменид в своей поэме использует несколько доказательств *a contrario,* в том числе при обосновании тезиса о единстве или немножественности сущего.

части целого оказываются не способными образовывать нечто *одно*, некое единое целое. ВЛ исходит из допущения, что множественное сущее является чем-то *одним*, хотя и множественным. Это трактуется как признание того, что все конституенты целого связаны друг с другом некоторой связью. Таким образом, все изначально признаваемые элементы или части множественного сущего связаны друг с другом *некоторой* связью, которая, так же как и исходные элементы, является одной из конституент целого, хотя, возможно, и другого типа, чем исходные части. Эти элементы и эта связь, в свою очередь, связаны друг с другом ещё одной связью. Элементы, первая связь и вторая связь связаны друг с другом третьей связью, и т. д. до бесконечности[390]. Таким образом, исходная версия ВЛ у Зенона использует аргумент от бесконечного регресса[391]. Также можно показать, что это доказательство через регресс можно сформулировать как гораздо более строгий и мощный аргумент, не содержащий явно неприемлемые или легко отбрасываемые посылки, в котором доказывается, что целое, содержащее все свои конституенты, не может существовать, при том, что кажется невозможным говорить о чём-нибудь как о чём-то едином или целом, о некотором сложном объекте, если оно не содержит все свои конституенты[392].

Представленное описание ВЛ показывает, что во всех её вариантах используется следующее ключевое положение:

---

[390] Приведённое рассуждение предвосхищает несколько рассуждений, которые позднее стали известны как «парадокс Брэдли» – см. Bradley F. H. Appearance and Reality: A Metaphysical Essay. 6-th rev. ed. London: George Allen & Unwin Ltd., 1916 (Originally published in 1893). P. 31–33, 178. Цель рассуждений Ф. Г. Брэдли состоит в доказательстве тезиса, что допущение существования сложного объекта ведёт к бесконечному регрессу связей, получаемому только что описанным способом. На основании этого Ф. Г. Брэдли делает вывод, что множественность мира является лишь иллюзией, «видимостью», тогда как реальность абсолютно едина. На предвосхищение Зеноном Элейским рассуждений Ф. Г. Брэдли обратил внимание Г. Оуэн: Owen G. E. L. Zeno and the Mathematicians // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / M. Nussbaum, ed. Ithaca: Cornell University Press, 1986. (Originally published in 1957–1958). P. 53.

[391] Анализ аргументов через бесконечный регресс у Зенона Элейского в виде исходной версии ВЛ, использующей бесконечный регресс, был представлен нами в статьях: Берестов И. В. *Regressus ad infinitum* в обосновании Зеноном Элейским немножественности сущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. Вып. 4(32). С. 131–145; Берестов И. В. Довод *regressus ad infinitum* в обосновании немножественности сущего у Парменида и Зенона Элейского // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10, вып. 1. С. 82–111; Берестов И. В. Способы представления некоторых аргументов Зенона Элейского «против множественности» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. №4(28). С. 219–233; Берестов И. В. Новый элеатизм: можно ли придать вес аргументам «против множественности» Зенона Элейского? // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 33–43.

[392] Подробнее об этой версии ВЛ см.: Берестов И. В. Связь аргумента Зенона Элейского из 29 B 3 DK с современной семантикой и платоновским περιτροπή // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 54–62.

(NN) *Если вещи* a, b, …, *являющиеся конституентами одного целого*[393], *связаны*[394] *друг с другом связью* N_1[395], *являющейся одной из конституент этого целого, то имеется связь* N_2, *также являющаяся одной из конституент этого целого, такая, что все эти вещи* a, b, … *и связь* N_1 *связываются друг с другом связью* N_2, *причём* N_2 *является одной из конституент этого целого*, $N_2 \neq a$, $N_2 \neq b$, …, $N_2 \neq N_1$.

Аргументы, имеющие структуру ВЛ, помимо Зенона Элейского, можно обнаружить также и у других древнегреческих философов. Как мы показали в ранее опубликованных исследованиях, такими аргументами являются «Аргумент третьего человека» (АТЧ) из платоновского «Парменида»[396] и обоснование наличия того, что объединяет элементы «составного» или сложного объекта из *Met*. Z, 17 Аристотеля[397]. Отличительной чертой этих аргументов является то, что они являются доказательствами *a contrario* и в их исходных формулировках используется бесконечный регресс (хотя, при достижении достаточной степени формализации, аргументы могут быть переформулированы и без бесконечного регресса). Впрочем, аргументы Зенона Элейского против множественности сущего и против движения нашли своё продолжение не только в античных, но

[393] «Конституенты» здесь рассматриваются в несобственном смысле, так что одной из конституент целого является само это целое. Также конституентами целого являются его (собственные) части, свойства конституент и отношения между конституентами.

[394] Здесь и далее в (NN) и ниже в настоящем § IV.9 мы используем следующие выражения как взаимозаменимые: «вещи связаны (некоторой связью)», «вещи соотнесены (некоторым отношением)», «вещи соединены (некоторым объединителем)». Соответственно, «связь», «отношение», «объединитель» также взаимозаменимы.

[395] В (NN) выражения вида «вещи *A, B, C,* … связаны друг с другом связью *N*» не обязательно подразумевают, что имеется *одна и та же* связь *N*, связывающая *все* вещи *A, B, C,* …, но могут трактоваться также и как сокращения для выражений вида «каждая вещь *A, B, C,* … связана с каждой вещью из *A, B, C,* … (за возможным исключением самой себя) хотя бы одним отношением – двухместным отношением или каким-либо отношением большей “местности”».

[396] См. ранее опубликованную статью: Берестов И. В. Эпистемологические основания «аргумента третьего человека» в «Парменида» Платона // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Том 15, вып. 3. С. 27–41.

[397] См. ранее опубликованную работу: Берестов И. В. Бесконечный регресс в *Met.* Z, 17 и проблематичность единства составного объекта // Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности. Материалы Московской международной конференции по Аристотелю. Институт философии РАН, 17–19 октября 2016 г. / Под общ. ред. В. В. Петрова. М.: Аквалон, 2017. С. 121–137.

также и в современных дискуссиях – о континууме, теориях размерностей и о «машинах бесконечности»[398].

Для лучшего понимания значения ПЛ, которой посвящена настоящая диссертация, представляет интерес вопрос: имеется ли какая-либо логическая связь между ПЛ и ВЛ? Мы признаём, что доказываемый в ВЛ тезис совпадает с тезисом, доказываемым в ПЛ: сложного объекта не существует. Однако набор посылок, используемый для доказательства этого тезиса в ПЛ и ВЛ, различен. Выше мы уже отмечали, что возможны различные версии ПЛ, в каждой из которых используется версия (или частный случай) положения (H) для сложных объектов (целых) определённых типов, причём (H) можно рассматривать как следствие из (H^1), и версии *Закона Лейбница* с учётом отношений любой «местности» для конституент целого принятого типа. Единственным философом, с текстом которого нам удалось связать ПЛ, был Парменид, а рассматриваемым сложным объектом или целым был ментальный объект. У других философов, рассмотренных в предыдущих параграфах настоящей главы, ПЛ в полном виде отсутствовала, поскольку они принимали лишь версии (H) или (H^1).

Что же касается ВЛ, то, как мы отметили выше, в ВЛ обязательно используется (NN). Можно предположить, что (NN) можно вывести из (H^1) и ряда дополнительных положений. Хотя проверка этого предположения требует дополнительных исследований, ниже мы предварительно сформулируем эти положения, а также положение, которое, как и (NN), необходимо для ВЛ, в следующем виде.

Рассмотрим требование полноты (**Comp**leteness) набора характеристик объекта:

(Comp) *Любой сложный объект конституируется всеми своими конституентами*.

[398] Представление о таких дискуссиях можно получить из сборника: Zeno’s Paradoxes / Salmon W. C., ed. Indianapolis: Hacklett, 2001. xiv, 317 p. (Originally published in 1970)

В (Comp) предполагается, что любой объект, имеющий более одной конституенты, является сложным. Конституентами сложного объекта являются: (1) сам этот объект; (2) (собственные) части этого объекта, части его частей и т. д.; (3) свойства этого объекта (или его конституент), так и (4) отношения этого объекта или его конституент с этим объектом и его конституентами (в случае (4) конституентами являются связи между конституентами или объединители конституент – то, что объединяет, соотносит или связывает конституенты сложного объекта в единый объект). Также подразумевается, что в (Comp) высказывание о «всех конституентах объекта» есть высказывание о «совокупности, содержащей все конституенты объекта».

Требование (Comp) не зависит от конкретного вида подразумеваемой концепции сложного объекта (по крайней мере, если речь идёт о двух классических теориях объекта[399], во всех их многочисленных модификациях), поэтому принимающий (Comp) не подвергается риску быть оспоренным приверженцами альтернативной концепции. Требование (Comp) можно интерпретировать как подразумевающее, что целое может называться «целым» только если оно является «целым, состоящим из частей», т. е. содержит *все* свои части. Вероятно, рассуждение Платона о целом и частях из *Parm.* 137c7–8 и *Theaet.* 205a4–7 можно трактовать как признание чего-то в этом роде. То же самое относится к пояснению Аристотеля в *Met.* Δ, 26, 1023b 26–27. Во всех этих случаях речь идёт о том, что целое (τὸ ὅλον) – то, что не лишено ни одной из своих частей или то, в чём ничто не отсутствует[400].

---

[399] В первой теории, возводимой к Аристотелю, объект понимается как носитель свойств, или субстрат и *все* свойства объекта (*Met.* Z, 3, 1029a 1–25); во второй, возводимой к Д. Юму, Б. Расселу, Э. Дж. Айеру, объект понимается как пучок, содержащий *все* свойства объекта и только их, без какого-либо субстрата. См., например: Loux M. J. Substance and Attribute: A Study in Ontology. Dortrecht (Holland): D. Reidel Publishing Company, 1978. P. 107–115.

[400] См. также обсуждение этого в монографии: Harte V. Plato on Parts and Wholes: The Metaphysics of Structure. Oxford, New York: Clarendon Press, 2002. P. 43. С другой стороны, (Comp) может быть возведён к принципу Лейбница *любое сущее есть нечто одно* (…ce qui n'est pas véritablement *un* être n'est pas non plus véritablement un *être*) – Leibniz G. W. Briefwechsel zwischen Leibnitz, Ernst von Hessen-Rheinfels und Antione Arnauld // Leibniz G. W. Die philosophischen Schriften von Gottfried Wilhelm Leibniz / Herausgegeben von K. I Gerhardt. Zweiter Band. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1874. S. 97. Об этом принципе см. подробнее в статье: Берестов И. В. Уникальность объектов в возможных мирах Г. В. Лейбница. С. 65–66. Справедливости ради следует упомянуть подходы современных философов, в которых, может быть, этот принцип подвергается сомнению – см., например, девиз А. Бадью «единого не существует» (l'un n'est pas), а также теории нефундированных множеств – см. подробнее статью: Доманов О. А. Онтология Бадью и структурная теория множеств // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 2. С. 141–147. Однако может быть, что в этих

Помимо (Comp), рассмотрим ещё одно положение, являющееся условием, налагаемым на сложные объекты:

(U=Con) *Объединитель конституент сложного объекта является одной из конституент сложного объекта*.

В (NN) подразумевается (U=Con). В исходной версии ВЛ, как можно заключить на основании ранее опубликованных наших статей (указанных выше), используются (NN) и (Comp). Однако (NN), как кажется, может быть выведено из (H^1) и (U=Con).

Таким образом, мы предполагаем, что можно построить «расширенный» вариант ВЛ, исходящий из (H^1), (Comp) и (U=Con). Этот «расширенный» вариант ВЛ содержит в качестве посылки положение (H^1) – как и рассмотренные нами выше наиболее «длинные» варианты ПЛ. Получается, что (H^1) является общей посылкой, используемой и в ПЛ, и в ВЛ. Выявление связей между ПЛ и ВЛ является перспективной темой дальнейших исследований, продолжающих настоящее диссертационное исследование.

§ IV.10 Заключение к главе IV

В четвёртой главе была решена вторая часть третьей задачи диссертации – *встроить доброжелательную и философски значимую интерпретацию аргументов Парменида против множественности сущего* (эта интерпретация была построена в третьей главе в ходе решения первой части третьей задачи) *в современные философские дискуссии*. Также в четвёртой главе была решена четвёртая задача диссертации – *предложить такие интерпретации ряда текстов древнегреческих философов после Парменида, в которых можно проследить*

случаях отвергается существование чего-то неделимого, не содержащего частей (т. е. утверждается позиция, прямо противоположная позиции Парменида, если парменидовское «сущее» (τὸ ἐόν) не ограничивать – как в нашей интерпретации в главе III – только ментальными объектами), но принцип *любое сущее есть нечто одно* не отбрасывается.

случаи использования холистического допущения из нашей интерпретации аргументации Парменида против множественности сущего.

Настоящая глава завершает анализ ПЛ, начатый в предыдущей – третьей – главе. В соответствии с нашей трактовкой рассмотренных текстов древнегреческих философов, в различных версиях ПЛ используются версия (или частный случай) положения (Н) для сложных объектов (целых) определённых типов, причём (Н) выводимо из ($Н^1$) и версии *Закона Лейбница* с учётом отношений любой «местности» для конституент целого принятого типа. В той версии ПЛ, которую мы в главе III связали с поэмой Парменида, рассматриваемым сложным объектом или целым является внутренний объект акта мышления (ВОМ), являющийся ментальным объектом, и именно ВОМ является тем целым, для которого записывается используемая версия (Н). Для получения вывода о неразличимости конституент целого версия (Н) для ВОМ используется вместе с версией *Критерия неразличимости конституент ВОМ*, в которой утверждается, что конституенты ВОМ неразличимы, если и только если они могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления лишь все вместе.

В настоящей главе была предложена трактовка некоторых текстов Протагора, Горгия, Платона, Секста Эмпирика и Плотина, в соответствии с которой положения (Н) и ($Н^1$) использовались также и этими философами, но уже не для обоснования немножественности сущего, а для своих собственных целей. При этом *Критерий неразличимости конституент* сложного объекта указанными философами не используется и вывод о неразличимости конституент сложного объекта не делается – за исключением Плотина, для которого эйдосы Ума в некотором отношении «неразличимы». Однако они для Плотина «неразличимы» только как сосуществующие, Плотин против объявления Ума Единым и не использует какой-либо *Критерий неразличимости эйдосов Ума*.

Точнее говоря, предложенная нами в предыдущей главе и в настоящей главе формализация помогает разглядеть, что Протагор, Горгий и Платон привержены определённым вариациям ($НPr^b$) – положения, некоторые частные случаи

которого можно обнаружить в поэме Парменида, о чём мы писали в предыдущей – третьей – главе.

В приведённых в настоящей главе текстах Протагора, Горгия, Платона, Секста Эмпирика и Плотина мы видим, что каждый из них приводит хорошо разработанную аргументацию в пользу своей позиции. В рассмотренных аргументах Протагора, Горгия, Платона, Секста Эмпирика часто используются частные случаи (HPr). Однако обоснование используемых частных случаев (HPr) в рассмотренных текстах отсутствует. Это может говорить о том, что философы принимали положение (HPr), поскольку оно непосредственно следует из других признаваемых ими положений. Поэтому можно предположить, что названные философы признавали важнейшую посылку для получения (HPr^b) и (HPr) – (H), и, вероятно, полагали (H) «очевидным». Признание, например, Платоном (H) можно увидеть в *Parm*. 137c, 142d–e, 157d–e. В некоторых рассмотренных текстах Секста Эмпирика, как мы указали, также признаётся (H). И, разумеется, наиболее явно (H) признаётся в учении Плотина о мире Ума.

В конце четвёртой главы мы показали значимость рассмотренных рассуждений античных философов для современной философии, поскольку обсуждение холизмов различных типов продолжается до сих пор. Мы показали, что одно из следствий (H) для целого, содержащего субъект и соответствующий внутренний (ментальный) интенциональный объект – *строгое (нумерическое) тождество интенциональных объектов различных субъектов или различных интенциональных актов невозможно* – обсуждается в дискуссиях о семантике пропозициональных установок (Г. Фреге, У. Куайн, Я. Хинтикка, С. Крипке, Н. Сэлмон (N. Salmon), Р. М. Сэйнсбери (R. M. Sainsbury), К. Бах (K. Bach)), о *ментальном холизме* при анализе *Inferential Role Semantics* или *Conceptual Role Semantics* (Н. Блок (N. Block), М. Эсфельд (M. Esfeld), М. Харрелл (M. Harrel), Дж. Хил (J. Heal)), о *Проблеме интенционального тождества* (П. Гич (P. T. Geach), Э. Сааринен (E. Saarinen), С. Камминг (S. Cumming), Б. Йесперсен (B. Jespersen), Е. Г. Драгалина-Чёрная, В. Эдельберг). Другое из следствий (H) для такого целого, как возможный мир – *каждый объект, присутствующий в каком-*

либо возможном мире, присутствует в одном и только одном возможном мире – обсуждается при анализе различных вариантов семантики возможных миров. Оно признавалось Г. В. Лейбницем, не использовалось длительное время развития семантики возможных миров в XX веке, но его значимость и выводимость из семантики для достаточно богатого языка, допускающего «бесконечноместные» предикаты, были продемонстрированы Я. Хинтиккой. И, конечно же, в современной философии широко обсуждается *Закон Лейбница* (Г. Фреге, Б. Мейтс (B. Mates), Д. Виггинс (D. Wiggins), Х. Ишигуро (H. Ishiguro) и др.), который, наряду с различными версиями (Н) и ($Н^1$), мы также использовали для интерпретации рассуждений древнегреческих философов в четвёртой и пятой главах.

Проведённое в настоящей главе исследование показывает, что холистические допущения использовались не только Парменидом (что было показано в предыдущей главе), Платоном (что было выявлено В. Хартом)[401], но также и Протагором, Горгием, Секстом Эмпириком и Плотином. Это позволило указать на возможность таких интерпретаций текстов названных философов, в которых положение (Н), его вариации и частные случаи имеют определяющее значение. Также большое значение для получения указанного результата имело использование современных концепций и технических средств для интерпретации античных философских текстов. Их использование помогло выявить такие логические связи между проблемами и тезисами философов, которые трудно обнаружить при других подходах к истории философии и интерпретации текстов.

В четвёртой главе была очерчена процедура построения *производного значения* для тех текстов Парменида, которые были рассмотрены в третьей главе. Объекты, являющиеся значениями термов или формул из текстов указанных философов от Протагора до Плотина, переписанных на языке L_1 из § I.4, если эти объекты связаны со значениями термов или формул из текстов Парменида (также переписанных на L_1) так, как это было описано в § I.10, вносят вклад в *производное значение* текстов Парменида. Как уже неоднократно отмечалось,

[401] Harte V. Plato on Parts and Wholes: The Metaphysics of Structure. Oxford, New York: Clarendon Press, 2002. vii, 311 p.

производное значение текстов Парменида не претендует на установление того, что Парменид думал «на самом деле».

Итак, в четвёртой главе была решена вторая часть третьей задачи диссертации, и, тем самым, обоснован третий тезис, выносимый на защиту. А именно, было показано, что *ПЛ связывает Парменида с современным обсуждением допущения о холистическом характере ВОМ (являющегося абстрактным объектом в смысле Э. Залты) – с дискуссиями о корректной записи сообщений об убеждениях и ментальном холизме (К. Бах, Н. Блок и др.), о проблеме интенционального тождества (П. Гич, В. Эдельберг и др.) и о допустимости присутствия в двух возможных мирах совпадающих объектов (Я. Хинтикка)*.

Также в четвёртой главе была решена четвёртая задача диссертации, и, тем самым, обоснован четвёртый тезис, выносимый на защиту. А именно, было показано, что *возможна интерпретация некоторых текстов Протагора (тезис homo mensura), Горгия (MXG VI, §§ 23, 25, 26), Платона (Euthydemus 286a–b; Laches 198d–199a, Meno 79c; Thaet. 154a, 159e–160a; Parm. 134d–e; Soph. 263a–b), Секста Эмпирика (Pyrr. II, 4–6; 109; 117–120; 144; Adv. math. VII, 305–307; VIII, 337) и Плотина (V.9.5–6), в соответствии с которой положения, используемые в этих текстах, выводимы из вариаций используемого в ПЛ допущения о холистическом характере сложного объекта*.

Заключение

В диссертации мы ставили перед собой следующую цель: *используя методологию историко-философского исследования, устойчивую к доводам, выдвинутым в ходе дискуссии контекстуалистов и апроприационистов, построить доброжелательную и философски значимую интерпретацию аргументов Парменида против множественности сущего, которая (a) не содержит тривиальных ошибок, (b) связывает эти аргументы со структурно схожими рассуждениями последующих древнегреческих философов, а также (c) встраивает эти аргументы в современные философские дискуссии, но (d) не приписывает Пармениду исторически недостоверных убеждений*. Эта цель была достигнута посредством последовательного решения шести задач. В первой главе решалась первая задача, во второй главе – вторая задача, в третьей главе – первая часть третьей задачи, в четвёртой главе – вторая часть третьей задачи и четвёртая задача.

В **первой главе** диссертации **«Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии»** решалась первая из задач диссертации. А именно, в первой главе *разрабатывалась историко-философская методология, устойчивая к взаимной критике контекстуалистов и апропроприационистов, обосновывающая возможность использования современного концептуального аппарата и современных технических средств при интерпретации философских текстов других эпох и указывающая на критерии корректного использования этих средств*.

Предлагаемая в диссертации методология историко-философского исследования основывается на «проблемном подходе к истории философии», разрабатывавшемся М. Н. Вольф совместно с автором диссертации в 2004–2007 г. Также при построении используемой в диссертации методологии мы опирались на подходы к методологии истории философии, разрабатывавшиеся М. Н. Вольф 2016–2019 гг.

Основываясь на логической ветви проблемного подхода, методология настоящего исследования разрабатывалась с учётом противостояния между двумя наиболее известными подходами к методологии истории философии – контекстуализмом и апроприационизмом.

С точки зрения контекстуалистов (к которым можно отнести Р. Рорти, Р. Козелика, Дж. Поккока, Кв. Скиннера, М. Бивира, Дж. Г. Рэнделла (J. H. Randall) и др.), смысл положений философов из написанного ими текста определяются их непосредственным, довольно узким, контекстом, так что объекты древних философов отличаются от объектов, обсуждаемых современными философами.

Стороной, противостоящей историцистам и контекстуалистам, являются апроприационисты (к которым можно отнести Б. Рассела, Дж. Пассмора, Дж. Беннетта (J. Bennett)), предлагающие встраивать древние тексты в обсуждение современных философских проблем, тем самым признавая возможность использования древних объектов в современных дискуссиях, что неприемлемо для контекстуалистов.

Контекстуалисты обвиняют апроприационистов в том, что последние приписывают древним философам модернизированные концепции, которых они не могли придерживаться. Апроприационисты же, в свою очередь, обвиняют контекстуалистов в том, что из-за принимаемых контекстуалистами посылок адекватное понимание и изложение убеждений древних философов – провозглашаемое контекстуалистами целью работы историка философии – становится для контекстуалистов невозможным. Как утверждают апроприационисты, выявление того, что философ минувшей эпохи думал «на самом деле» для контекстуалиста невозможно из-за того, что объект каждого философа – с точки зрения контекстуалистов – определён только в узком историческом, культурном, социальном и проч. контексте. Поскольку контекст современного историка философии, живущего в совсем другую эпоху, совершенно другой, при контекстуалистском подходе «древние» объекты оказываются недостижимыми для современных философов и историков

философии. Предлагаемый же нами подход рекомендует принять семантику, в которой сообщения об убеждениях древних философов не являются проблематичными, но, вместе с тем, объекты из их систем убеждений не подвергаются незаконной модернизации, т. е. не отождествляются с невозможными для древних философов современными объектами, или с объектами, разработанными с использованием современных теорий, подходов и технических средств.

Для обоснования существования семантики сообщений об убеждениях – удовлетворяющей указанным условиям и решающей рассматриваемые проблемы методологии истории философии – нам пришлось точно сформулировать ответ на вопрос: *в каком смысле объекты древних философов, хотя и отличные от объектов современных философов, могут считаться используемыми в современных дискуссиях?* Для ответа на этот вопрос была построена семантика для сообщений об убеждениях, дополняющая перспективалистскую семантику В. Эдельберга. В этой семантике убеждения философов (в рамках создаваемой историком философии модели) представляются как «теории». Каждая теория является множеством «индексов». Индекс является аналогом возможного мира в семантике возможных миров, на индексе могут быть ложны или истинны предложения (формулы), и у каждого индекса имеется домен этого индекса, т. е. множество вещей, существующих на этом индексе. «Объектом» называется частичная функция, ставящая в соответствие (для некоторых индексов) индексу элемент домена этого индекса. Необходимость введения объектов как функций, в дополнение к элементам доменов индексов, была вызвана тем, что в системе убеждений одного и того же философа один и тот же термин или выражение может указывать на разные понятия, концепции, аргументы – в зависимости от разбираемой этим философом ситуации, от контекста употребления термина или выражения. Две теории не содержат одинаковых индексов; элементы доменов двух индексов различны; два объекта не могут быть определены на индексах из различных теорий. Термины, выражения или тексты, выражающие понятия, концепции, аргументы, находящиеся в системе убеждений философа, указывают

для этого философа на объекты из его системы убеждений, т. е. на объекты, определённые на некоторых индексах теории этого философа. Для другого философа они указывают на другие объекты. Объекты систем убеждений (т. е. теорий) двух философов различны, но они могут быть «близнецами» (т. е. могут находиться в отношении «_является близнецом по отношению к_»), если они функционируют в системе убеждений философов сходным образом.

Кроме того, объект, скажем, второго философа является «вторичным» по отношению к объекту первого философа, если, например, значением объектов обоих философов (на конкретных индексах из их теорий) являются аргументы из систем убеждений этих философов, причём второй философ как-то использует, подкрепляет или опровергает аргумент первого. Термин, выражение или текст, с помощью которого описываются убеждения первого философа, может иметь особый тип значения, названный нами *производным значением*. *Производное значение* термина, выражения или текста есть упорядоченное множество объектов, являющихся вторичными по отношению к объекту данного философа. Аналогично строится *генеалогическое значение* термина или выражения: оно есть упорядоченное множество объектов, по отношению к которым объект данного философа является вторичным.

Введение объектов, являющихся «близнецами», и производного значения терминов или выражений позволяет дать точный ответ на поставленный выше вопрос. Объекты современного философа или историка философии не тождественны объектам древнего философа, но они могут быть «близнецами» друг по отношению к другу. Кроме того, «современные» объекты могут быть производными от «древних» объектов. Если такие производные объекты имеются, то «древние» объекты могут быть названы используемыми в современных дискуссиях в том смысле, что у «современных» объектов имеются «древние предки». Представленная семантика позволила ассоциировать некоторые варианты контекстуализма с признанием *единственным* типом значения релевантных языковых выражений *генеалогического значения*, а некоторые варианты апроприационизма – с признанием *единственным* типом значения

релевантных языковых выражений *производного значения*. Отказ от догмы о том, что значение аргументирующего философского текста относится к одному и только одному типу, устраняет противоречие между позициями контекстуализма и апроприационизма, и, тем самым, устраняет основания для их спора, делает их взаимную критику не достигающей цели.

Итак, в первой главе решена первая задача диссертационного исследования, и, тем самым, обосновано первое положение, выносимое на защиту. А именно, *была обоснована возможность использования современного концептуального аппарата при интерпретации философских текстов других эпох без приписывания философам прошедших эпох убеждений, которых они не могли придерживаться. Для обоснования этой возможности построена согласительная методология историко-философского исследования, устойчивая к взаимной критике контекстуалистов (Р. Рорти, Р. Козелик, Дж. Поккок, Кв. Скиннер, М. Бивир, Дж. Г. Рэнделл) и апроприационистов (Б. Рассел, Дж. Пассмор, Дж. Беннетт и др.), а также позволяющая согласовать их кажущиеся трудносочетаемыми требования к историко-философскому исследованию*.

Результаты, полученные в первой главе, использованы в последующих главах. А именно, обоснованная в первой главе возможность построения производного значения позволила нам привести в следующих главах примеры того, как такое значение можно начинать строить. В последующих главах показано, как такая интерпретация позволяет связать различные тексты различных школ, направлений и эпох, выстраивание которых как этапов в одной дискуссии не очевидно без назначения текстам только тех значений, которые признаются контекстуалистами. Однако в последующих главах представлены лишь первые шаги для построения *производного значения* некоторых сохранившихся фрагментов поэмы Парменида. Мы не пытались полностью построить описанную в первой главе модель, но стремились лишь обосновать плодотворность движения применения формальных методов для раскрытия *производных значений* аргументирующих текстов Парменида. *Производные*

значения этих текстов в последующих главах конституируются аргументами Платона, Аристотеля, Секста Эмпирика, Плотина и других древнегреческих философов. Эти аргументы могут быть представлены как обобщение, поддержка или опровержение аргументов Парменида, или как какой-либо аргументированный отклик на них.

Во **второй главе** диссертации **«Интерпретации Парменида, его критика и способы ответить на неё»** решалась вторая задача диссертации. А именно, мы стремились *показать недостаточную обоснованность античных и современных интерпретаций строк поэмы Парменида, приписывающих ему тривиальные ошибки, для чего были предложены такие интерпретации обсуждаемых строк поэмы Парменида и резюмирующих позицию Парменида положений, в которых эти ошибки отсутствуют*.

Во второй главе мы проанализировали критику Парменида современными историками философии. Касаясь критики Л. М. Де Рейком рассуждения Парменида в 28 B 2 DK, мы показали, что в 28 B 2.3 DK нет некорректного вывода положения «*всё то, что актуально мыслится, существует*». Это положение мы, в отличие от Л. М. Де Рейка, полагаем осмысленным и допустимым, поскольку мы не ограничиваем область парменидовского сущего только лишь реальными сущими. Напротив, мы предложили трактовку «сущего» в поэме Парменида как «внутреннего объекта мышления».

Далее мы разобрали обвинение Парменида в «самореферентной непоследовательности». Это обвинение было предъявлено Пармениду Г. Оуэном и А. Мурелатосом. В соответствии с этим обвинением, Парменид часто утверждает в своей поэме, что не-сущее не может быть помыслено. Но как можно придать смысл утверждению «не-сущее не мыслится», если не наделять каким-то значением термин «не-сущее»? Но приписывание значения термину «не-сущее» при мышлении пропозиции *что не-сущее не мыслится* означало бы мышление не-сущего, что, в соответствии с признаваемым Парменидом положением «не-сущее не мыслится», невозможно.

Мы проинтерпретировали *положение Парменида* (или ПП) *не-сущее не мыслится* (подразумевается, что не-сущее не мыслится также и при мышлении пропозиции *что не-сущее не мыслится*) в виде ПП1 *не-сущее для какого-либо акта мышления низшего типа не мыслится им* (здесь «акт мышления низшего типа» есть акт мышления, о котором высказывается ПП1, отличный от акта мышления, которым мыслится пропозиция, выраженная в ПП1; ‘*не-сущее для акта мышления А*’ трактуется как ‘*то, на что А не направлен’, или ‘то, что не является интенциональным объектом акта А’*). Такое приписывание типов актам мышления позволяет избавить того, кто мыслит пропозицию, выражаемую ПП1, от необходимости наделять значением термин «не-сущее», или ‘*то, что не существует для акта мышления ПП1’*. Мыслящий эту пропозицию наделяет значением другой термин – «не-сущее для какого-либо акта мышления низшего типа». Видно, что ПП1 выражает достаточно известный и вполне «невинный» принцип интенциональности мышления.

Мы разобрали ещё несколько «ошибок», которые, по мнению современных исследователей, совершил Парменид. Мы показали, что подозрения в некорректном выводе и в использовании сомнительных положений устраняются, если (*a*) принять отстаиваемую Г. Оуэном экзистенциальную интерпретацию «ἔστι», «есть» в тех высказываниях поэмы Парменида (28 B 2.3; 8.2; 8.9 DK), которые обычно трактуются как ПП, и которые ближе к греческому тексту могут быть записаны как ПП2 ‘*то, что не есть*’ *не мыслится*, и (*b*) признать, что объектом мышления для Парменида является внутренний объект мышления, ментальный объект (как доказывают Г. Оуэн и Дж. Баррингтон), а не реальный объект (такова позиция М. Фёрта, и, по крайней мере, в некоторых отношениях, А. Мурелатоса и П. Кёрд). В случае принятия (*a*) и (*b*) открывается возможность трактовать ПП2 как довольно здравое ПП1.

Признание (*a*) и (*b*) важно потому, что многие недостатки, приписываемые Пармениду современными исследователями, связаны с восходящей к Г. Калоджеро и пользующейся ныне широким признанием благодаря работам А. Мурелатоса копулятивной интерпретации «есть» в ПП2. В этом случае ПП2

трактуется как тезис о немыслимости предложений с «не есть» (т. е. о невозможности помыслить то, что такие предложения выражают), или как тезис *предложения вида «_не есть_» не мыслятся* (НЕНМ), если использовать способ записи А. Мурелатоса.

Копулятивная интерпретация играет важную роль в том, что А. Мурелатос именует «стандартной интерпретацией» (СИ) поэмы Парменида. С точки зрения СИ, то, что несуществующие вещи и положения дел не могут быть помыслены, выводится из НЕНМ. В СИ из НЕНМ выводится также немыслимость различий в сущем, его немножественность или единство – обоснование чего является одной из главных целей рассуждения Парменида. Обоснование НЕНМ в СИ состоит в сведе́нии предложения «*S* не есть *P*» к предложению «не существует такого положения дел, что *S* есть *P*», в котором речь идёт о не-сущем, а помыслить не-сущее невозможно.

Проблема с этим доказательством состоит в том, что, как было показано, ПП в исходном виде проблематично из-за самореферентной непоследовательности, и приемлемой версией ПП является ПП1, но, чтобы предложение «не существует такого положения дел, что Ф» было признано не мыслящимся актом мышления *A* на основании ПП1, его содержание должно быть не-сущим для *A*, или тем, на что *A* не направлен. Но последнее недоказуемо на основании ПП1. Видно, что в обосновании немыслимости предложения «не существует такого положения дел, что Ф» неявно используется посылка о немыслимости *просто* не-сущего, а не не-сущего *для акта мышления* (т. е. ПП), а не ПП1. ПП понятно, если «сущим» признаются реальные объекты и положения дел. Но ПП сомнительно в силу выявленных выше трудностей с самореферентной непоследовательностью, а также в силу возможности мыслить ментальные объекты. Если Парменид признавал ПП, то его рассуждение является сомнительным, но этот недостаток вполне устраним, если принять (*a*), (*b*) и трактовать ПП2 не как НЕНМ, а как ПП1.

Нами были проанализированы и другие доводы, на основании которых, по А. Мурелатосу, Парменид мог признавать различные версии ПП2. Среди этих

доводов – невозможность придать смысл отрицанию имени (например, «не-Итаке») – что, по А. Мурелатосу, связано с неразличением Парменидом функции имён общих и нарицательных, или с тем, что для Парменида мышление, речь и именование были неотделимы друг от друга. Эти доводы могут быть исторически весьма правдоподобны, но не делают обоснование тезиса Парменида философски интересным, поскольку звучат весьма наивно, что признал сам А. Мурелатос, назвавший Парменида сторонником «наивной метафизики вещей». Опять, если принять (*a*), (*b*), и трактовать ПП2 как ПП1, то сомнительные основания в его пользу ПП2, приводимые А. Мурелатосом, оказываются ненужными.

Существует группа современных интерпретаторов Парменида, которые обнаруживают у него «модальную ошибку» – Г. Оуэн, Дж. Барнс, Ф. Э. Льюис. Ошибка, с их точки зрения, совершается при выведении необходимого существования в 28 B 2; 6 DK. Для обоснования своей позиции указанные авторы представляют рассуждения Парменида на формальном языке модальной логики. Однако мы представили такую трактовку этих положений, которая не подразумевала бы вывода из «*x* существует» или «*x* возможно» положения «*x* существует необходимо», но признаёт содержанием рассматриваемых указанными авторами строк поэмы Парменида всего лишь ПП1, и не приписывает Пармениду ни «модальных», ни других ошибок.

Мы разобрали тексты Платона (*Theaet.* 189b; *Soph*. 238c, 239a, 244c8–9, 256e, 260c), в которых Платон, как кажется, критикует Парменида. Было показано, что критика Платона не достигает цели, если принять нашу интерпретацию рассуждения Парменида, которая будет подробно проанализирована в главе III. Платон настаивает на том, что *содержание предложений вида «a≠b» успешно мыслится нами, что бы там ни говорил Парменид*. Таким образом, Платон атакует положение Парменида «***сущее есть единое (внутренне неразличимое и одно-единственное)***». Например, Платон атакует положение Парменида о единстве сущего в *Soph.* 244c8–9, где указывается, что имеется по меньшей мере два различных сущих – имя «сущее» и имя «единое». Однако в нашей трактовке соответствующих строк из поэмы

Парменида (подробно описанной в главе III) положение Парменида о единстве сущего трактуется как *конституенты сложного внутреннего объекта мышления удовлетворяют специфическому критерию тождества*. В такой трактовке вывода Парменида нет запрета на то, чтобы субъект *приписывал* абстрактным объектам отношение различия, или на то, что интенциональные объекты какого-либо акта мышления *кодируют* отношение различия. Более подробно, мы указали способ преодоления критики Платона с использованием концептуального аппарата теории абстрактных объектов Э. Залты. Мы приняли, что каждый ментальный объект того, кто мыслит пропозицию о нём, является абстрактным объектом (по Э. Залте), *кодирующим* характеристики, приписываемые ему тем, кто мыслит эту пропозицию; при этом абстрактный объект может не только *кодировать*, но также и *экземплифицировать* характеристики, но экземплифицируемые абстрактным объектом характеристики не учитываются при решении вопроса о том, совпадают ли друг с другом ментальные объекты.

Применяя подход Э. Залты, мы можем изложить позицию Парменида следующим образом. Пусть имеются абстрактные внутренние объекты некоторого акта мышления. Эти объекты вполне могут быть названы мыслящимися как различные, т. е. кодирующими в акте мышления отношение различия. Так, при мышлении понятий, выражаемых терминами «единое» и «сущее», эти понятия допустимо мыслить как различные (этого требует Платон). Эти объекты могут быть названы парменидовскими сущими (т. е. они экземплифицируют бытие парменидовскими сущими). И эти объекты «едины» в том смысле, что все объекты этого акта мышления экземплифицируют тождественность друг с другом (этого требует положение Парменида о единстве сущего). Таким образом, удовлетворено и требование Парменида об абсолютном единстве сущих как внутренних объектов какого-либо акта мышления, и требование Платона о том, что некоторые сущие должны мыслиться как различные.

Аналогично может быть блокирована атака Аристотеля на положение Парменида о единстве сущего в *Phys*. A, 3, где Аристотель основывает свою

критику на необходимости мыслить как различные значения подлежащего и значении сказуемого при мышлении содержания сингулярного субъектно-предикатного предложения, в частности, предложения «***сущее есть единое***».

Итак, во второй главе мы продемонстрировали, что такая интерпретация Парменида, которая была бы достаточно доброжелательна по отношению к нему, не приписывая ему тривиальных ошибок, до сих пор не предложена, что показывает оправданность работы по созданию такой интерпретации в следующей – третьей – главе. Выполненный во второй главе анализ критики положений Парменида показывает, что вторая задача диссертации решена, и, тем самым, обосновано второе положение, выносимое на защиту. А именно, было установлено, что *использование для формализации аргументов Парменида против множественности сущего современных технических средств (таких, как теория абстрактных объектов Э. Залты) позволяет заблокировать современную (у А. Мурелатоса, Г. Оуэна, Дж. Барнса, Э. Ф. Льюиса) и античную (из Theaet. 189b и Soph. 238c–260c Платона, Phys. A, 3 Аристотеля) критику корректности этих рассуждений Парменида и критику входящих в эти рассуждения положений*.

В **третьей главе** диссертации **«Первая линия аргументации в пользу немножественности сущего в поэме Парменида»** решалась первая часть третьей задачи диссертации. Третья задача диссертации формулируется следующим образом: *построить доброжелательную и философски значимую интерпретацию аргументов Парменида против множественности сущего, встраивающую его рассуждения в современные философские дискуссии*. В настоящей главе мы строили интерпретацию, удовлетворяющую указанным условиям. Место этой интерпретации в современных (как, впрочем, и античных) философских дискуссиях обсуждалось в следующей – четвёртой – главе.

Указанную интерпретацию мы называем *Первой линии аргументации против множественности сущего* (ПЛ), которую мы обнаруживаем в 28 B 2–8.48 DK поэмы Парменида. В ПЛ используется версия *Холистического допущения*. *Холистическое допущение* может быть записано в нескольких формулировках:

одна часть целого обладает любой из своих характеристик тогда и только тогда, когда каждая часть этого целого обладает всеми своими характеристиками; части целого существуют тогда и только тогда, когда существуют это целое и все его части; пропозиции о двух любых частях некоторого целого a и b имеют истинностное значение только *все вместе*, и не имеют его по отдельности. В той версии ПЛ, которую мы ассоциируем с поэмой Парменида, рассматриваемым «сущим» является внутренний объект акта мышления (ВОМ), являющийся ментальным объектом, и именно ВОМ является тем целым, для которого записывается используемая версия *Холистического допущения*. Целью ПЛ является получение вывода *конституенты ВОМ неразличимы* (КН). Для того чтобы обосновать КН, используется версия *Холистического допущения* вместе с версией *Критерия неразличимости конституент ВОМ*, утверждающего, что конституенты ВОМ неразличимы, если и только если они могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления лишь все вместе. Наша трактовка «сущего» (τὸ ἐόν) у Парменида как ВОМ основывается на использовании Парменидом «ноэмы» (νόημα) или ‘*того, что мыслится*’ в 28 B 8.34 DK, и на сходных трактовках у Дж. Баррингтона и Г. Оуэна.

Мы предложили три трактовки ПЛ – т. е. три способа обоснования КН – в 28 B 8.22–25; 8.45–48 DK. Во всех случаях доказывается, что если мышление, направленное на сложный ВОМ, вообще возможно, то конституенты этого ВОМ неразличимы друг с другом. Выделение этих трёх трактовок ПЛ обусловлено тем, что можно предложить три типа конституент ВОМ. В первой трактовке конституентами ВОМ являются пропозиции, задающие целый ментальный объект. Во второй трактовке конституентами ВОМ являются ментальные индивиды, являющиеся аргументами пропозициональных функций, значением которых являются пропозиции, задающие ментальный сложный (целый) объект. В третьей трактовке конституентами ВОМ могут быть и указанные пропозиции, и индивиды, и ментальные отношения между индивидами. В нашей формализации использовалась нотация с оператором мышления, используемая в некоторых доксастических логиках. Кроме того, наш способ записи опирался на способ

записи в *Теории абстрактных объектов* Б. Линski и Э. Залты, поскольку мы трактуем внутренний объект мышления как абстрактный объект.

Как мы уже отметили, в ПЛ обоснование КН, состоит в выведении этого положения из двух положений: (1) *конституенты ВОМ могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе* и (2) *конституенты ВОМ неразличимы, если и только если они могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе*.

Мы указали, что вариант положения (1) эквивалентен частному случаю версии *Холистического допущения* в версии (3) *какая-либо конституента первого целого отличается от каждой конституенты второго целого если и только если каждая конституента первого целого отличается от каждой конституенты второго целого* для целых, являющихся внутренними объектами мышления. В свою очередь, (3) может быть получено из *Холистического допущения* в версии (4) *любая конституента целого соотнесена с каждой из конституент этого целого и определяется (характеризуется, идентифицируется) через её собственные свойства, а также через её отношения с каждой из конституент этого целого* – и *Закона Лейбница* (в версии для ВОМ). Формальное представление положений (1)–(4) и *Закона Лейбница* (два объекта тождественны друг другу, если и только если все их характеристики совпадают) в версии для ВОМ – с использованием аппарата доксастической логики и теории абстрактных объектов Э. Залты – позволило нам показать законность рассуждения о ментальных объектах или ВОМ, поскольку для них удалось явно прописать условие тождества, и тем самым сделать их удовлетворяющими критерию У. Куайна *No entity without identity*.

В результате изучения рассуждения Парменида в поэме и критических работ современных учёных, посвящённых его интерпретации, мы представили такую интерпретацию рассуждения Парменида из 28 B 8.22–25; 8.45–48 DK, в которой для обоснования единства или «неделимости» сущего используется положение (1). «Неделимость» сущего утверждается, например, в οὐδὲ διαιρετόν ἐστιν (28 B 8.22 DK), и трактуется нами как КН.

Также мы показали, что для сложных объектов или «целых» – являющихся внутренними объектами мышления в нашей интерпретации рассуждения Парменида из 28 B 2 DK – положение (3) может рассматриваться в качестве подразумеваемого (и весьма здравого) основания для НЕНМ. Как мы упоминали выше, приписывавший это утверждение Пармениду А. Мурелатос предлагал только весьма спорные основания для НЕНМ. В отличие от А. Мурелатоса, мы трактуем НЕНМ как утверждение о невозможности для одних и тех же конституент присутствовать в сложных внутренних объектах актов мышления, если эти объекты различны. Таким образом, мы предложили интерпретацию НЕНМ в виде вполне приемлемого частного случая положения (3) в версии для ВОМ. Для того чтобы обосновать эту интерпретацию, мы истолковали отказ от «второго пути», описанного в 28 B 2.5 DK (ἡ δ᾽ ὡς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὡς χρεών ἐστι μὴ εἶναι) как частный случай известного из других мест положения Парменида, заключающееся в том, что сущее «совершенно» (τέλειον – 28 B 8.4 DK; οὐκ ἀτελεύτητον – 28 B 8.32 DK; τετελεσμένον ἐστί – 28 B 8.42 DK). Это положение о «совершенстве» сущего мы истолковали в том смысле, что внутренний объект мышления может мыслиться только полностью, целиком, сразу весь. Это позволило нам проинтерпретировать отказ от «второго пути» как признание следующего положения: если один акт мышления наделяет объект мышления *o* характеристикой *P*, то никакой другой акт мышления (того же самого или другого субъекта) не будет наделять *тот же самый* объект *o* характеристикой *Q*, отличной от *P*. Это положение выводится из (3) в версии для ВОМ, и может рассматриваться как его частный случай.

Таким образом, нам удалось представить такую интерпретацию ключевых положений «Пути истины» из поэмы Парменида, в которой отсутствуют неприемлемые посылки и некорректный вывод.

Итак, в третьей главе была решена первая часть третьей задачи диссертации и, тем самым, было обосновано третье положение, выносимое на защиту. А именно, было показано, что *строки поэмы Парменида B 2.3–5; 8.4–48 могут быть проинтерпретированы в виде корректной и исходящей из достаточно*

здравых посылок ПЛ (где сущее трактуется как ВОМ, являющийся абстрактным объектом в смысле Э. Залты), и в которой используются: (a) допущение о холистическом характере ВОМ, и (b) критерий различия конституент ВОМ.

Кроме того, принятый нами способ формализации ПЛ создаёт условия для сопоставления рассуждения Парменида с современными обсуждениями абстрактных объектов, объектов пропозициональных установок и ментального холизма. Связь ПЛ в принятой нами формализации с современными философскими дискуссиями показана в четвёртой главе.

В **четвёртой главе** диссертации **«Аргументы, структурно схожие с ПЛ, у Протагора, Горгия, Платона, Секста Эмпирика и Плотина»** решалась вторая часть третьей задачи диссертации – *встроить доброжелательную и философски значимую интерпретацию аргументов Парменида против множественности сущего* (эта интерпретация была представлена в третьей главе) *в современные философские дискуссии*. Также в четвёртой главе решалась четвёртая задача диссертации – *разработать такие интерпретации ряда текстов древнегреческих философов после Парменида, в которых можно проследить случаи использования холистического допущения из нашей интерпретации аргументации Парменида против множественности сущего*.

В четвёртой главе был завершён анализ *Первой линии аргументации против множественности сущего*, начатый в третьей главе. Как было показано в третьей главе, в исходной, парменидовской версии ПЛ, используется вариант *Холистического допущения* (3) для целых, являющихся внутренними объектами мышления. В четвёртой главе была предложена трактовка некоторых тезисов Протагора, Горгия, Платона и Секста Эмпирика, в соответствии с которой разновидности или следствия (3) использовались также и этими философами, но уже не для обоснования немножественности сущего, а для своих собственных целей, при этом для указанных философов конституентами этих целых, помимо внутренних объектов мышления, являются: типы пропозициональных установок когнитивного субъекта; сам когнитивный субъект; его интенциональные акты;

языки, используемые когнитивным субъектом для описания внутренних интенциональных объектов своих интенциональных актов.

Мы показали, что тезис Протагора о человеке как мере всех вещей может быть истолкован в виде тезиса *если два субъекта, постигающие две пропозиции, различны, то и сами эти пропозиции, и объекты, о которых идёт речь в этих пропозициях, тоже различны*, а эта формулировка является *Холистическим допущением* в версии (3) для холистического целого, содержащего познающего субъекта и всю его систему убеждений. Таким же способом нами был истолкован тезис Горгия «…никто не мыслит то же самое, что и кто-то другой» (*MXG* VI, § 26, 980b19).

Далее мы разобрали некоторые тексты Платона, где используется *Холистическое допущение* в версии (3). Например, в *Thaet.* 154a Платон пишет о том, что разным людям представляется разное (и даже одному и тому же человеку – если он в разное время находится в различных состояниях – *Theaet*. 159e–160a). Холистическим целым здесь также является вся система убеждений субъекта. Также нами было показано, что и в других платоновских текстах речь идёт о различных холистических целых, содержащих ментальные конституенты, удовлетворяющих (3) – *Parm*. 134d–e, *Soph*. 263a5–b8, *Euthydemus* 286a 5–7; 286b 4–7, *Laches* 198d 1–199a 4, *Meno* 79c, *Philebus* 18c.

Наш анализ некоторых рассуждений Секста Эмпирика также позволил предложить такую их интерпретацию, в которой Секст рассматривает частные случаи *Холистического допущения* в версии (3). Например, в *Adv. math.* VII, 305.1–307.1 Секст пишет, что видимое и слышимое невозможно рассудочно помыслить, т. е. признаёт, что внутренние объекты интенциональных актов различных познавательных способностей различны. Холистическое целое, удовлетворяющее (3), в этом случае содержит ментальный объект вместе с типом направленного на него интенционального акта. Также нами было показано, что и в других текстах Секста Эмпирика речь идёт о различных холистических целых, содержащих ментальные конституенты, удовлетворяющих (3) – *Adv. math.* VII, 344–345; VIII, 337, 6–9; *Pyrr*. II, 4.5–6.1; 70; 109; 144; 117.1–120.5.

Последним из античных философов, в аргументах которых мы искали явное или скрытое использование ими холистических допущений, был Плотин. Существует много свидетельств того, что Плотин трактовал мир Ума холистически. В отличие от рассмотренных выше античных философов, Плотин использует частные случаи *Холистического допущения* не в версии (3), а в версии (4). Этому допущению удовлетворяют, например, тезисы «[в Уме] ни одно не отделяется от другого» (V.9.5, 9–10); «“Все вместе” [сущие присутствуют] там [в Уме], но, тем не менее, различённые» (V.9.6, 3–4).

В конце четвёртой главы мы показали значимость рассмотренных рассуждений античных философов для современной философии, поскольку обсуждение холизмов различных типов продолжается до сих пор. Мы показали, что одно из следствий (3), которое можно сформулировать как *строгое (нумерическое) тождество интенциональных объектов различных субъектов или различных интенциональных актов невозможно*, обсуждается в дискуссиях о семантике пропозициональных установок (Г. Фреге, У. Куайн, Я. Хинтикка, С. Крипке, Н. Сэлмон (N. Salmon), Р. М. Сэйнсбери (R. M. Sainsbury), К. Бах (K. Bach)), о *ментальном холизме* при анализе *Inferential Role Semantics* или *Conceptual Role Semantics* (Н. Блок (N. Block), М. Эсфельд (M. Esfeld), М. Харрелл (M. Harrel), Дж. Хил (J. Heal)), о *Проблеме интенционального тождества* (П. Гич (P. T. Geach), Э. Сааринен (E. Saarinen), С. Камминг (S. Cumming), Б. Йесперсен (B. Jespersen), Е. Г. Драгалина-Чёрная, В. Эдельберг). Другое из следствий (3) – *каждый объект, присутствующий в каком-либо возможном мире, присутствует в одном и только одном возможном мире* – обсуждается при анализе различных вариантов семантики возможных миров. Оно признавалось Г. В. Лейбницем, не использовалось длительное время развития семантики возможных миров в XX веке, но его значимость и выводимость из семантики для достаточно богатого языка, допускающего «бесконечноместные» предикаты, были продемонстрированы Я. Хинтиккой. И, конечно же, в современной философии широко обсуждается *Закон Лейбница* (см., например, работы Г. Фреге, Б. Мейтса (B. Mates), Д. Виггинса (D. Wiggins), Х. Ишигуро (H. Ishiguro) и др.), который,

наряду с различными версиями *Холистического допущения*, мы также использовали для интерпретации рассуждений древнегреческих философов в четвёртой главе.

Проведённое в четвёртой главе исследование показало, что холистические допущения использовались не только Платоном (на что обратил внимание уже В. Харт (V. Harte)), но также и его предшественниками и последователями – от Парменида (которому были посвящены предшествующие главы II и III) до Плотина, – а также рядом современных философов. Это позволило указать на возможность таких интерпретаций текстов названных философов, в которых эти допущения, их вариации и частные случаи имеют определяющее значение. Также большое значение для получения указанного результата имело использование современных концепций и технических средств для интерпретации античных философских текстов. Их использование помогло выявить такие логические связи между проблемами и тезисами философов, которые трудно обнаружить при других подходах к истории философии и интерпретации текстов. Тем самым был заложен фундамент для построения описанного в первой главе *производного значения* строк поэмы Парменида, выражающих аргументы против множественности сущего и посылки этих аргументов.

Итак, в четвёртой главе была решена вторая часть третьей задачи диссертации, и, тем самым, обоснован третий тезис, выносимый на защиту. А именно, было показано, что *ПЛ связывает Парменида с современным обсуждением допущения о холистическом характере ВОМ (являющегося абстрактным объектом в смысле Э. Залты) – с дискуссиями о корректной записи сообщений об убеждениях и ментальном холизме (К. Бах, Н. Блок и др.), о проблеме интенционального тождества (П. Гич, В. Эдельберг и др.) и о допустимости присутствия в двух возможных мирах совпадающих объектов (Я. Хинтикка)*.

Также в четвёртой главе была решена четвёртая задача диссертации, и, тем самым, обоснован четвёртый тезис, выносимый на защиту. А именно, было показано, что *возможна интерпретация некоторых текстов Протагора (тезис*

homo mensura), Горгия (MXG VI, §§ 23, 25, 26), Платона (Euthydemus 286a–b; Laches 198d–199a, Meno 79c; Thaet. 154a, 159e–160a; Parm. 134d–e; Soph. 263a–b), Секста Эмпирика (Pyrr. II, 4–6; 109; 117–120; 144; Adv. math. VII, 305–307; VIII, 337) и Плотина (V.9.5–6), в соответствии с которой положения, используемые в этих текстах, выводимы из вариаций используемого в ПЛ допущения о холистическом характере сложного объекта.

В главах III и IV был очерчен способ практического построения того типа значения философских текстов для 28 B 1–8 DK Парменида, который мы назвали «производным значением» в главе I. Этот тип значения, согласно главе I, не претендует на раскрытие того, что Парменид думали «на самом деле», но помогает понять фрагменты Парменида через те философские дискуссии, с которыми интерпретации этих фрагментов логически связаны.

На основании результатов, полученных в четырёх главах диссертации, можно сказать, что все четыре задачи, которые требовалось решить для достижения цели, поставленной в диссертации, решены успешно, так что цель, поставленная в диссертации, достигнута. Тем самым решена *проблема нашего исследования*, которая была сформулирована нами в следующем виде:

можно ли сконструировать методологию историко-философского исследования, которая:

a) была бы устойчива к доводам, выдвигаемым друг против друга апроприационистами и контекстуалистами;

b) была бы способна показать свою работоспособность и преимущества при интерпретациях текстов Парменида, содержащих аргументы против множественности сущего, встраивающая эти аргументы в современные философские дискуссии, но не приписывающая Парменида исторически недостоверных убеждений.

Мы решили эту проблему, сконструировав методологию, удовлетворяющую указанным условиям *a*) и *b*). Тем самым мы подтвердили *гипотезу настоящего исследования*, которая состояла в том, что методология историко-философского исследования, удовлетворяющая условиям *a*) и *b*), может быть построена.

Тема настоящей диссертации имеет значительные **перспективы** для её дальнейшей разработки. В настоящей диссертации мы не анализировали ВЛ, восходящую к Зенону Элейскому, лишь кратко её обрисовали и указали на возможную связь посылок ВЛ с посылками ПЛ. Выявление связей между ПЛ и ВЛ является перспективной темой дальнейших исследований, продолжающих настоящее диссертационное исследование. Поскольку в диссертации были разобраны не все случаи использования ПЛ и ВЛ античными философами, возможным продолжением работы является анализ аргументов, структурно сходных с ПЛ и ВЛ в тех текстах, которые не рассматривались нами сейчас и обычно не привлекаются для выявления содержания аргументов против множественности Парменида и Зенона Элейского. Например, продолжением настоящего диссертационного исследования мог бы быть анализ знаменитых регрессов у Секста Эмпирика, а также регресс в начале трактата *О первых началах* Дамаския с целью выявлениях возможного структурного сходства этих аргументов с ВЛ. Кроме того, осталась неизученной возможность представления многочисленных случаев использования регрессов и холистических допущений в последующей философии – от средневековой до современной – в виде вариантов ПЛ и ВЛ. Изучение этих случаев поможет в понимании значимости рассмотренных в диссертации аргументов античных философов для современной философии, а также позволит обогатить *производное значение* соответствующих античных текстов.

Благодарности

Автор диссертации благодарен Марине Николаевне Вольф за инициирование обсуждения методологии истории философии в 2004 г. и совместную разработку такой методологии на протяжении последующих лет, без чего та авторская версия методологии, которая изложена в главе I, никогда не была бы создана, а также за обсуждение аргументов элеатов, софистов и Платона, что стимулировало написание последующих глав. Автор диссертации благодарен Евгению Васильевичу Борисову, Олегу Анатольевичу Доманову и Анне Юрьевне Моисеевой за многолетнее (начиная с 2012 г.) обсуждение в Томске и

Новосибирске анализируемых в работе аргументов и их формального представления. Автор диссертации благодарен Евгению Викторовичу Орлову за обсуждение и разъяснение некоторых сложных мест у Аристотеля, и Василию Павловичу Горану за научное консультирование. Автор диссертации благодарен всем участникам конференций, на которых состоялась апробация интерпретаций и подходов, изложенных в диссертации. Автор диссертации глубоко признателен Институту философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, а также Институту философии и права Новосибирского государственного университета, РГНФ, РФФИ и РНФ за поддержку исследований, нашедших отражение в диссертации.

Список сокращений

В диссертации используются следующие сокращения произведений античных философов и их изданий:

Античные философы:

Аристотель

An. post. – Вторая Аналитика

De an. – О душе

De gen. et corr. – О происхождении и уничтожении

De interp. – Об истолковании

Eth. Nic. – Никомахова этика

Met. – Метафизика

Phys. – Физика

Платон

Parm. – Парменид

R.P. – Государство

Soph. – Софист

Thaet. – Теэтет

Плотин

I – Эннеада I, …, VI – Эннеада VI

Псевдо-Аристотель

MXG – О Мелиссе, Ксенофане Горгии

Секст Эмпирик

Adv. math. – Против учёных

Pyrr. – Три книги Пирроновых положений

Издания фрагментов:

DK – Die Fragmente der Vorsokratiker / Diels H., Kranz W., Hrsg. (=DK). Griechisch und Deutsch H. Diels. Herausgegeben von W. Kranz. Bd I–II. Die sechste Auflage. Hildesheim: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1951–1952.

Lee – Lee H. P. D. Zeno of Elea: A Text, with Translation and Notes. Cambridge: Cambridge University Press, 1936. vi, 125 p.

Список использованной литературы

1. Адамс Р. М. Существование, личный интерес и проблема зла // Адамс Р. М. Добродетель веры. Очерки по философскому богословию / Пер. с англ. Алексея Васильева. М.: Издательство ББИ, 2013. С. 84–100. (Впервые опубликовано на англ. в 1987)

2. Апполонов А. В. Иоанн Дунс Скот и его философская теология // Иоанн Дунс Скот. Трактат о Первоначале / Перевод, вступительная статья и комментарии А. В. Апполонова. М.: Издательство Францисканцев, 2001. С. V–XXXVI.

3. Аристотель. Вторая аналитика / Пер. З. Н. Микеладзе // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 255–346.

4. Аристотель. Метафизика / Пер. М. И. Иткина; комментарии А. В. Сагадеева // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 63–367.

5. Аристотель. О возникновении и уничтожении / Пер. Т. А. Миллер // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 379–440.

6. Аристотель. Об истолковании / Пер. З. Н. Микеладзе // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 91–116.

7. Аристотель. Физика / Пер. В. П. Карпова, прим. И. Д. Рожанского // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 61–262.

8. Афонасин Е. В. Горгий Леонтийский. Фрагменты и свидетельства // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2020. Т. 14, вып. 2. С. 756–811.

9. Афонасин Е. В. Парменид о человеческом разумении // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2020. Т. 5. С. 9–16.

10. Афонасин Е. В. Поэма Парменида. Докса. Текст, перевод и комментарий // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2020. Т. 5. С. 17–44.

11. Афонасин Е. В. Поэма Парменида: Перевод и комментарий. Новосибирск: Офсет-ТМ, 2021. 99 с. (Сер. Античная философия и классическая традиция. Приложение к журналу ΣΧΟΛΗ. Т. II)

12. Афонасин Е. В. Протагор из Абдер. Фрагменты и свидетельства // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2020. Т. 14, вып. 1. С. 309–338.

13. Афонасин Е. В. Проэмий поэмы Парменида // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, вып. 4. С. 157–169.

14. Берестов И. В. «Единство сущего» у Парменида как неразличимость конституент *ноэмы* // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 240–253.

15. Берестов И. В. *Regressus ad infinitum* в обосновании Зеноном Элейским немножественности сущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 4 (16). С. 131–145.

16. Берестов И. В. Аргументы Горгия Леонтийского как свидетельство философской значимости проблемы интенционального тождества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 259–268.

17. Берестов И. В. Бесконечный регресс в *Met*. Z, 17 и проблематичность единства составного объекта // Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности. Материалы Московской международной конференции по Аристотелю. Институт философии РАН, 17–19 октября 2016 г. / Под общ. ред. В. В. Петрова. М.: Аквалон, 2017. С. 121–137.

18. Берестов И. В. Внутренние объекты мышления у Парменида и Платона // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 4. С. 86–98.

19. Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (1) проблема двух способов существования – интерпретация Л. М. Де Рийком фрагмента B 2.3 DK // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. Т. 6, вып. 2. С. 130–137.

20. Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (2) проблема двух способов существования – принципиальная осмысленность фрагмента B 2.3 DK // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. Т. 6, вып. 3. С. 145–151.

21. Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (3) проблематичность интерпретации сущего у Парменида как того, что существует вне мысли // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 1. С. 129–134.

22. Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (4) проблема двух способов существования – свидетельства из поэмы в пользу «существования в мышлении» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 2. С. 85–95.

23. Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (5) некоторые парадоксы в «непарменидовских» подходах к существованию // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 3. С. 89–102.

24. Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (6) доводы в пользу непреодолимой парадоксальности посылок Парменида // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 4. С. 90–96.

25. Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (7) «два способа мышления» как способ преодоления парадоксальности самореферентных положений у Парменида // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2010. Т. 8, вып. 1. С. 125–139.

26. Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (8) достоинства и недостатки «разведения способов мышления» в интерпретациях фрагментов его поэмы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2010. Т. 8, вып. 2. С. 82–88.

27. Берестов И. В. Возможные посылки Парменида: (9) обоснование немыслимости различий «правильным» мышлением через признание

соотнесённости акта мышления и ‘*того, что мыслится*’ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2010. Т. 8, вып. 4. С. 119–127.

28. Берестов И. В. Дефект в теории передачи форм Аристотеля и Фомы Аквинского // Вестник Томского государственного университета. 2019. Т. 439. С. 73–84.

29. Берестов И. В. Довод *regressus ad infinitum* в обосновании немножественности сущего у Парменида и Зенона Элейского // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10, вып. 1. С. 82–111.

30. Берестов И. В. Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть I: постановка проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2018. Вып. 436. С. 69–81.

31. Берестов И. В. Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть II: Типы значений терминов // Вестник Томского государственного университета. 2019. Вып. 438. С. 62–73.

32. Берестов И. В. Может ли Аристотель решить Парадокс Менона для случая поиска вида? // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33, вып. 4. С. 446–455.

33. Берестов И. В. Новый элеатизм: можно ли придать вес аргументам «против множественности» Зенона Элейского? // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 33–43.

34. Берестов И. В. Парменидовские предпосылки в *homo mensura* Протагора // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Т. 10, вып. 2. С. 659–670.

35. Берестов И. В. Почему Парадокс Менона более упорен, чем это предполагает решение Аристотеля? // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2017. Т. 11, вып. 2. С. 505–514.

36. Берестов И. В. Принцип «неразличимости тождественных» в парменидовском обосновании немыслимости множественности и различий в

сущем // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9, вып. 3. С. 135–144.

37. Берестов И. В. Свобода в философии Плотина. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 382 с.

38. Берестов И. В. Связь аргумента Зенона Элейского из 29 B 3 DK с современной семантикой и платоновским περιτροπή // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 54–62.

39. Берестов И. В. Способы представления некоторых аргументов Зенона Элейского «против множественности» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. №4 (28). С. 219–233.

40. Берестов И. В. Сущее как интенциональный объект мышления и «единство сущего» у Парменида // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2015. № 4. С. 23–36.

41. Берестов И. В. Уникальность объектов в возможных мирах Г.В. Лейбница // Идеи и идеалы. 2017. № 2(32), т. 1. С. 61–74.

42. Берестов И. В. Холистические предпосылки в третьем аргументе трактата Горгия «О не-сущем» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. №4 (36). С. 28–38.

43. Берестов И. В. Элеатовские аргументы против множественности сущего в концепции мира Ума Плотина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10, вып. 4. С. 123–133.

44. Берестов И. В. Эпистемический холизм в 28 B 2 DK Парменида и в «Евтидеме» Платона // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 2. С. 104–114.

45. Берестов И. В. Эпистемический холизм: Протагор, Горгий и Платон // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2016. Т. 2, вып. 1–2. С. 22–38.

46. Берестов И. В. Эпистемологические основания «аргумента третьего человека» в «Парменида» Платона // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Том 15, вып. 3. С. 27–41.

47. Берестов И. В., Вольф М. Н., Доманов О. А. Аналитическая история философии: методы и исследования / Под общ. ред. М. Н. Вольф. Новосибирск: Офсет ТМ, 2019. xviii, 242 с.

48. Берестов И. В., Тихонов А. В. Логическая структура эпикурейского возражения скептикам из *Adv. math.* VIII, 337 // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2018. Т. 12, вып. 2. С. 659–668.

49. Бессонов А. В. Теория объектов в логике. Новосибирск: Наука, 1987. 135 с.

50. Бивир М. Роль контекстов в понимании и объяснении // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сборник статей под редакцией Ханса Эриха Бёдекера. Перевод с немецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 112–152.

51. Борисов Е. В. Об одном дефекте перспективистской семантики Эдельберга // Логико-философские штудии. 2018. Т. 16, вып. 1–2. С. 43–44.

52. Брентано Ф. О многозначности сущего по Аристотелю / предисл. издателя Н. А. Печерской; предисл. к изданию Р. А. Громова; пер. с нем. Н. П. Ильина; коммент. А. Г. Чернякова; науч. ред. и сост. словника А. Ю. Вязьмина. СПб.: Изд-во Института «Высшая религиозно-философская школа», 2012. LXIV, 247 с. (впервые опубл. на нем. яз. в 1862 г.)

53. Брентано Ф. Психология Аристотеля в свете его учения о νοῦς ποιητικός / перевод и комментарии И. В. Макаровой [перевод §§ 30–33, с сокращениями] // Историко-философский ежегодник 2002. М.: «Наука», 2003. С. 308–340 (впервые опубл. на нем. яз. в 1867 г.)

54. Брентано Ф. Психология с эмпирической точки зрения [перевод избранных глав] // Брентано Ф. Избранные работы / Составл., перев. с нем. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. С. 11–94. (впервые опубл. на нем. яз. в 1874 г.)

55. Волкова Н. П. «Мера вещей» Протагора как критерий истины // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. Т. 13, вып. 2. С. 695–704.

56. Волкова Н. П. Аристотелевская интерпретация тезиса Протагора и «Теэтет» Платона // Платоновские исследования. 2020. Т. 13, вып. 2. С. 56–68.

57. Вольф М. Н. «Менон» и парадокс поиска: интерпретации метода познания // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14, вып. 3. С. 53–60.

58. Вольф М. Н. Знаки сущего на пути «есть» Парменида // Идеи и идеалы. 2012. Т. 1, вып. 4. С. 97–110.

59. Вольф М. Н. Историография истории философии как модус аналитической истории философии // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, вып. 2. С. 189–200.

60. Вольф М. Н. М. Мандельбаум и историография философии // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, вып. 3. С. 222–244.

61. Вольф М. Н. Метод гипотез и обоснование знаков сущего у Парменида // Платоновские исследования. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 45–67.

62. Вольф М. Н. Методологические споры вокруг истории философии: контекстуализм или апроприационизм? // Философия и наука: проблемы соотнесения. Материалы международной конференции Алёшинские чтения – 2016. Издание 2-е, исправленное. Москва: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2017. С. 393–400.

63. Вольф М. Н. Может ли дескриптивная эпистемология спасти Горгия от философской несостоятельности? // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17. № 4. С. 170–183.

64. Вольф М. Н. Ранняя греческая философия в поисках объяснительного принципа. Новосибирск: Офсет ТМ, 2021. 191 с.

65. Вольф М. Н. Порядок аргументов и их философское содержание в эпистемических разделах речи Горгия «О не-сущем» по двум версиям её пересказа // Философский журнал. 2019. Т. 12, вып. 4. С. 112–127.

66. Вольф М. Н. Современные дискуссии об истории философии: противостояние текста и контекста // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, вып. 3. С. 237–257.

67. Вольф М. Н. Софистика. Горгий Леонтийский: трактат «О не-сущем, или О природе» в современных интерпретациях (учебное пособие). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. 249 с.

68. Вольф М. Н. Стандартная англоязычная интерпретация Парменида // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 2. С. 96–105.

69. Вольф М. Н. Тезис Горгия «не-сущее существует» и свидетельства о нём у Платона // Платоновский сборник. Т. I. Приложение к Вестнику Русской христианской гуманитарной академии / Ред. И. А. Протопопова, О. В. Алиева, А. В. Гараджа, А. А. Глухов, А. В. Михайловский, Р. В. Светлов. М.–СПб.: РГГУ–РХГА, 2013. Том 14. С. 243–265.

70. Вольф М. Н. Трактат *О не-сущем*, или *О природе* Горгия в De Melisso Xenophane Gorgia, V–VI: Условно-формальная структура и перевод // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8, вып. 2. С. 152–169.

71. Вольф М. Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. СПб: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. 382 с.

72. Вольф М. Н. Формальная структура трактата Горгия «О не-сущем» по изложению Секста Эмпирика (*Adv. math*. vii. 66–87) // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. Т. 13, вып. 1. С. 208–225.

73. Вольф М. Н. Эпистемический поиск в диалоге Платона «Менон» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 4 (16). С. 146–159.

74. Вольф М. Н., Берестов И. В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2007. Том 1, вып. 2. С. 203–246.

75. Вольф М. Н., Бутаков П. А., Берестов И. В. Аналитическая история античной философии // Sententiae. 2013. № 1 (28). С. 96–108.

76. Горан В. П. Зенон Элейский: радикальное преобразование учения Парменида под видом его защиты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 4. С. 99–106.

77. Горан В. П. Масштаб вклада элеатов в развитие философии // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 141–149.

78. Горан В. П. Предыстория атомистики: Парменид и Зенон // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, вып. 1. С. 206–220.

79. Горан В. П. Теоретические и методологические проблемы истории западной философии / отв. ред. В. Н. Карпович. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 269 с.

80. Декарт Р. Начала философии // Декарт Р. Избранные произведения: Рассуждение о методе. Метафизические размышления. Начала философии. Луцк: Вежа, 1998. С. 147–291.

81. Доманов О. А. Онтология Бадью и структурная теория множеств // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 2. С. 141–147.

82. Доманов О.А. Форма и формальные подходы в истории философии и современности // Respublica Literaria. 2020. Т. 1, вып. 2. С. 52–59.

83. Досократики (Доэлеатовский и элеатовский периоды) / Пер. с древнегреческого и комм. А. Маковельского. Минск: Харвест, 1999. 784 с.

84. Драгалина-Чёрная Е. Г. Интенциональное тождество: *case-study* для аналитической феноменологии // Субъективность и идентичность / отв. ред. А. В. Михайловский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 231–248.

85. Звиревич В. Т. Историография истории философии как вспомогательная историко-философская дисциплина. Лекция. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2012. № 4 (109). С. 166–175.

86. История философии: вызовы XXI века / Отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 368 с.

87. Комарова В. Я. Учение Зенона Элейского. Л.: Издательство ЛГУ, 1988. 264 с.

88. Крючкова С. Е. Идентичность и принцип «тождества неразличимых» Лейбница // Субъективность и идентичность / отв. ред. А. В. Михайловский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 128–153.

89. Куайн У. В. О. Преследуя истину / Пер. с англ. В. А. Суровцева и Н. А. Тарабанова под общ. ред. В. А. Суровцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 176 с.

90. Лаврухин А. В. Учение Брентано об «интенциональном внутреннем существовании» объекта и его критическое переосмысление у К. Твардовского и Э. Гуссерля // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 1 (35). С. 5–13.

91. Лейбниц Г. В. Абсолютно первые истины / Пер. с лат. Г. Г. Майорова // Лейбниц Г. В. Сочинения в четырёх томах. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 123–126.

92. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии / Пер. с франц. П. С. Юшкевича // Лейбниц Г. В. Сочинения в четырёх томах. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 47–545.

93. Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла / Пер. с фр. под ред. В. В. Соколова // Лейбниц Г. В. Сочинения в четырёх томах. Т. 4. М.: Мысль, 1989. С. 49–401.

94. Лейбниц Г. В. Рассуждение о метафизике / Пер. с франц. В. П. Преображенского // Лейбниц Г. В. Сочинения в четырёх томах. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 125–163.

95. Львов А. А. Историки философии в поиске оснований своей дисциплины: статус истории философии и историко-философская работа // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Том 3 (69), № 4. С. 84–94.

96. Маслов Д. К. Скептическая способность мышления // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 157–163.

97. Моисеева А. Ю. Что нам даёт концептуально-ролевая семантика? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 104–109.

98. Орлов Е. В. Аристотель о началах человеческого разумения. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 302 с.

99. Орлов Е. В. К вопросу о «двух типах предикации» у Аристотеля // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. вып. 1. С. 41–45.

100. Перлер Д. Теории интенциональности в Средние века / Пер. с нем. Г. В. Вдовиной. М.: Издательский Дом «Дело», 2016. 472 с.

101. Платон. Парменид / Пер. Н. Н. Томасова // Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 346–412.

102. Платон. Парменид / Перевод, введение, комментарии, приложение, указатель имён Ю. А. Шичалина. СПб.: Издательство РХГА, 2017. 264 с.

103. Платон. Софист / Исследование, перевод, комментарий, приложения И. А. Протопоповой. СПб.: Платоновское философское общество, 2019. 261 с.

104. Платон. Софист / Пер. С. А. Ананьина // Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 275–345.

105. Платон. Теэтет / пер. Т. В. Васильевой // Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 7–78.

106. Платон. Филеб / Пер. Н. В. Самсонова // Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 275–345.

107. Протопопова И. А. «Иное»: ноэсис и онтология («Софист 255c8–d7») // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2020. Том 14, вып. 2. С. 693–701.

108. Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // Логика, онтология, язык / Сост., пер. и предисл. В. А. Суровцева. Томск: Издательство Томского Университета, 2006 (Библиотека аналитической философии).

109. Рассел Б. Проблемы философии / Пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск: Наука, 2001. 111 с.

110. Рационализм и иррационализм в античной философии / В. П. Горан, М. Н. Вольф, И. В. Берестов, Е. В. Орлов, Е. В. Афонасин, П. А. Бутаков; отв. ред. В. Н. Карпович. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 386 с.

111. Робинсон Т. Парменид на пути истинного знания бытия (on coming-to-know of the real) / Пер. В. А. Кульматова // Универсум платоновской мысли: Рационализм или философская религия? Эпистемология Платона (Материалы IV-й Платоновской конференции 14 мая 1996 г. и историко-философского семинара 29 марта – 2 апреля 1997 г.). СПб: Издательство СПбГУ, 1997. С. 49–63. (Впервые опубликовано на англ. в 1996 г.)

112. Рокмор Т. Заметки об истории философии и её отношении к философскому «духу времени» (Zeitgeist) // История философии: вызовы XXI века / Под ред. Н. В. Мотрошиловой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 64–79.

113. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра / пер. В. В. Целищева // Рассел. Б. История западной философии: В 2-х тт. Т. 2. Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного университета, 1994. С. 305–330.

114. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра / пер. И. Д. Джохадзе с сокращ. // Джохадзе И. Д. Неопрагматизм Р. Рорти. М., 2001. С. 180–198.

115. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 1997. 320 с.

116. Рохмистров В. Г. Учение Парменида // “AKADEMEIA”: Материалы и исследования по истории платонизма. Вып. 4. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. С. 19–36.

117. Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах / Вступит. статья и пер. с древнегреч. А. Ф. Лосева. М.: «Мысль», 1976.

118. Символическая логика: Учебник / Под ред. Я. А. Слинина, Э. Ф. Караваева, А. И. Мигунова. Спб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. 506 с.

119. Смит Р. История гуманитарных наук. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008.

120. Суровцев В. А. О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *Sinn* в семантической теории Г. Фреге: Вопрос об их онтологическом статусе // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Т. 10, № 2. С. 452–470.

121. Суровцев В. А. Ф. П. Рамсей и программа логицизма. Томск: Издательство Томского Университета, 2012. 258 с.

122. Уайтхед А. Н., Рассел Б. Основания математики: в 3-х тт. / Под ред. Г. П. Ярового, Ю. Н. Радаева. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005–2006. (Впервые опубл. на англ. яз. в 1910–1913)

123. Флаш К. Как писать историю средневековой философии? К дискуссии Клода Паначчио и Алена де Либера о философской ценности историко-философских исследований // Логос. 2009. № 4–5 (72). С. 224–246.

124. Фрагменты ранних греческих философов / Под. ред. А. В. Лебедева. М.: Наука, 1989. Ч. 1. 576 с.

125. Фреге Г. Логические исследования // Фреге Г. Логико-философские труды / Пер. с англ., нем., франц. В. А. Суровцева. Новосибирск: Сибирское Университетское издательство, 2008. С. 27–124.

126. Хайдеггер М. Парменид [Лекции 1942–1943 гг.] / Пер. с нем. А. П. Шурбелева. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2009. 384 с.

127. Целищев В. В. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск: «Наука», 1977. 191 с.

128. Ackrill J. L. Aristotle’s Distinction between *Energeia* and *Kinesis* // Ackrill J. L. Essays on Plato and Aristotle. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 142–162.

129. Aczel P. Non-well-founded sets / With a forew. by J. Barwise. Stanford, CA: Stanford Univ., Center for the Study of Language, Information, 1988. xx, 137 p.

130. Albertazzi L. Immanent Realism: An Introduction to Brentano. Dordrecht: Springer, 2006. xii, 378 p. (Synthese Library, Vol. 333).

131. Anderson C. A. General Intensional Logic // Handbook of Philosophical Logic / Ed. by D. Gabbay and F. Guenthner. Vol. 2. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 355–85.

132. Aristote. De la génération et de la corruption / Éd. par C. Mugler. Paris: Les Belles Lettres, 1966. xix, 101 p.

133. Aristoteles. Aristotelis Ethica Nicomachea / ab Immanuele Bekkero. Tetrium edita. Berolini: G. Reimer, 1861. 229 p.

134. Aristoteles. De Xenophane, de Zenone, de Gorgia // Aristotelis opera / Bekker, I., ed. Vol. 2. P. 202–206. Berlin: Reimer, 1831.

135. Aristotle. Aristotle's Metaphysics / Ed. by W. D. Ross. In 2 Vols. Oxford: Clarendon Press, 1924.

136. Aristotle. Aristotle's Physics: A Revised Text with Introduction and Commentary / Ed. by W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1936. xii, 750 p.

137. Aristotle. Aristotle's Prior and Posterior Analytics: A Revised Text with Introduction and Commentary / Ed. by W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1957. x, 690 p.

138. Aristotle. *Categories* and *De Interpretatione* / Tr. with Notes by J. K. Ackrill. Oxford: Clarenden Press, 1963. viii, 162 p.

139. Aristotle. De Anima / With Translation, Introduction and Notes by R. D. Hicks. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. 712 p.

140. Aristotle. Posterior Analytics / Tr. and Comm. by J. Barnes. Second Edition. Oxford: Clarendon Press, 2002. xxvi, 298 p.

141. Bach K. Do Belief Reports Report Beliefs? // Pacific Philosophical Quarterly. 1997. Vol. 78. P. 215–241.

142. Barnes J. The Presocratic Philosophers. London and New York: Routledge, 1982. xvii, 601 p. (First published in two volumes in 1979 by Routledge & Kegan Paul)

143. Barnes J. The Presocratic Philosophers. London: Routledge & Kegan Paul, 1979. In 2 vols.

144. Barrington J. Parmenides' "The way of Truth" // Journal of the History of Philosophy. 1973. Vol. 11. P. 287–298.

145. Becker K. On the Perfectly General Nature of Instability in Meaning Holism // The Journal of Philosophy. 1998. Vol. 95, is. 12. P. 635–640.

146. Bennett J. Learning from Six Philosophers: Descartes, Spinoza, Leibniz, Locke, Berkeley, Hume. In two vols. Vol. 1. Oxford and New York: Oxford University Press, 2001. 383 p.

147. Black M. The Identity of Indiscernibles // Mind. 1952. Vol. 61. P. 153–164.

148. Block N. Holism, Hyper-Analyticity and Hyper-Compositionality // Philosophical Issues. 1993. Vol. 3 (Science and Knowledge). P. 37–72.

149. Bradley F. H. Appearance and Reality: A Metaphysical Essay. 6-th rev. ed. London: George Allen & Unwin Ltd., 1916. 628 p. (Originally published in 1893)

150. Bronstein D. Aristotle on Knowledge and Learning: The Posterior Analytics. New York: Oxford University Press, 2016. xii, 272 p.

151. Burnyeat M. Protagoras and Self-Refutation in Later Greek Philosophy // Philosophical Review. 1976. Vol. 85. P. 44–69.

152. Calogero G. Studi sull’ eleatismo. La seconda edizione. Florence: La nuova Italia, 1977. xix, 366 p.

153. Calogero G. Studi sull’ eleatismo. La prima edizione. Rome: Tipografia del Senato, 1932. 264 p.

154. Chappell T. D. J. Reading the περιτροπή: *Theaetetus* 170c–171c // Phronesis. 2006. Vol. 51, no. 2. P. 109–139.

155. Collingwood R. G. The Idea of History. Oxford: Clarendon Press, 1946. xxvi, 339 p.

156. Cordero N. L. By Being, It is: The Thesis of Parmenides. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2004. xi, 215 p.

157. Cornford F. M. Plato and Parmenides. Parmenides’ Way of Truth and Plato’s Parmenides / Translated with an Introduction and a Running Commentary. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. LTD, 1939. 251 p.

158. Cottinham J. Why Should Analytic Philosophers Do History of Philosophy? // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G. A. G. Rogers. New York: Oxford University Press, 2005. P. 25–41.

159. Coxon A. H. The Fragments of Parmenides. A Critical Text with Introduction, Translation, the Ancient *Testimonia* and Commentary. Assen: Van Gorcum, 1986. viii, 277 p.

160. Cumming S. Indefinites and Intentional Identity // Philosophical Studies. 2014. Vol. 168, is. 2. P. 371–395.

161. Curd P. The Legacy of Parmenides: Eleatic Monism and Later Presocratic Thought. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2004. xxxix, 280 p. (Originally published in 1998 by Princeton University Press)

162. Dancy R. M. Plato's Introduction of Forms. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2004. xii, 348 p.

163. De Rijk L. M. Did Parmenides Reject the Sensible World? // Graceful Reason: Essays in Ancient and Medieval Philosophy Presented to Joseph Owens, CSSR. Papers in Medieval Studies 4 / Ed. by Lloyd P. Gerson, Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1983. P. 29–53.

164. Die Fragmente der Vorsokratiker / Diels H., Kranz W., Hrsg. (=DK). Griechisch und Deutsch H. Diels. Herausgegeben von W. Kranz. Bd I–II. Die sechste Auflage. Hildesheim: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1951–1952.

165. Diogenes Laertius. Vitae philosophorum. Vols. 1–2 / Long, H.S., ed. Oxford: Clarendon Press, 1964.

166. Early Greek Philosophy. Vol. V. Part 2 / Edited and translated by André Laks and Glenn W. Most in collaboration with Gérard Journeé and assisted by Leopoldo Iribarren. Cambridge (Mass., USA), London (UK): Harvard University Press, 2016. 801 p. (Loeb Classical Library; Vol. 528)

167. Edelberg W. A New Puzzle about Intentional Identity // Journal of Philosophical Logic. 1986. Vol. 15. P. 1–25.

168. Edelberg W. A Perspectivalist Semantics for Attitudes // Noûs. 1995. Vol. 29, no. 3. P. 316–342.

169. Edelberg W. Intentional Identity and Attitudes // Linguistics and Philosophy. 1992. Vol. 15. P. 561–596.

170. Edelberg W. Intrasubjective Intentional Identity // The Journal of Philosophy. 2006. Vol. 103, no. 10. P. 481–502.

171. Emilsson E. K. Plotinus on Intellect. Oxford: Clarendon Press, 2007. viii, 232 p.

172. Emilsson E. K. Plotinus' Ontology in Ennead VI.4 and 5 // Hermathena. 1994, no. 157. P. 87–101.

173. Esfeld M. Holism and Analytic Philosophy // Mind (New Series). 1998. Vol. 107, no. 426. P. 365–380.

174. Esfeld M. Holism in Philosophy of Mind and Philosophy of Physics. Dordrecht: Springer Science+Business Media, 2001. xiv, 366 p. (Synthese Library. Studies in Epistemology, Logic, Methodology, and Philosophy of Science; vol. 298).

175. Eskildsen K. R. Leopold Ranke's Archival Turn: Location and Evidence in Modern Historiography // Modern Intellectual History. 2008. Vol. 5, is. 3. P. 425–453.

176. Ferejohn M. Meno's Paradox and *De Re* Knowledge in Aristotle's Theory of Demonstration // History of Philosophy Quarterly. 1988. Vol. 5. P. 99–117.

177. Field H. Mental Representation // Erkenntnis. 1978. Vol. 13. P. 9–61.

178. Fine G. The Possibility of Inquiry: Meno's Paradox from Socrates to Sextus. Oxford University Press: Oxford, 2014. 399 p.

179. Fodor J. A. The Language of Thought. N. Y.: Crowell, 1975. x, 214 p.

180. Fodor J. A., Lepore E. Holism: A Shopper's Guide. Oxford: Basil Blackwell, 1991. xiv, 274 p.

181. Føllesdall D. Analytic Philosophy: What Is It and Why Should One Engage in It? // Rise of Analytic Philosophy / H.-J. Glock, ed. Oxford: Blackwell, 1997. P. 1–16.

182. Frede M. Essays in Ancient Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1987. xxvii, 382 p.

183. Frede M. The Sceptic's Two Kinds of Assent and the Question of the Possibility of Knowledge // Frede M. Essays in Ancient Philosophy. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. P. 201–222.

184. Fritz K. von. NOOS, NOEIN and Their Derivatives in Presocratic Philosophy (excluding Anaxagoras) I // Classical Philology, 1946. Vol. 41. P. 12–34.

185. Furth M. Elements of Eleatic Ontology // Journal of the History of Philosophy. 1968. Vol. 6. P. 111–132.

186. Gallop D. ‘Is’ or ‘Is not’ // The Monist. 1979. Vol. 62. P. 61–80.

187. Geach P. T. Intentional Identity // The Journal of Philosophy. 1967. Vol. 64, no. 20. P. 627–632.

188. Glidden D. K. Protagorean Obliquity // History of Philosophy Quarterly. 1988. Vol. 5, no. 4. P. 321–340.

189. Goldenbaum U. Understanding the Argument through Then-Current Public Debates or My Detective Method of History of Philosophy // Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy / ed. by Mogens Lærke, Justin E. H. Smith, and Eric Schliesser. New York: Oxford University Press, 2013. P. 71–90.

190. Goodman N. The Ways of Worldmaking. Hassocks: Harvester Press, 1978. xi, 149 p.

191. Grgic F. Sextus Empiricus on the Possibility of Inquiry // Pacific Philosophical Quarterly. Vol. 89, 2008. P. 436–459.

192. Guthrie W. K. C. A History of Greek Philosophy. Vol. II: The Presocratic tradition from Parmenides to Democritus. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. 554 p.

193. Hankinson R. J. Cause and Explanation in Ancient Greek Thought. Oxford: Clarendon Press, 1998. xvi, 499 p.

194. Harrell M. Confirmation Holism and Semantic Holism // Synthese. 1996. Vol. 109, no. 1. P. 63–101.

195. Harte V. Plato on Parts and Wholes: The Metaphysics of Structure. Oxford, New York: Clarendon Press, 2002. vii, 311 p.

196. Hatfield G. The History of Philosophy as Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G. A. G. Rogers. New York: Oxford University Press, 2005. P. 83–128.

197. Hays S. On the Skeptical Influence of Gorgias *On Non-Being* // Journal of the History of Philosophy. 1990. Vol. 28, no. 3. P. 327–337.

198. Heal J. Semantic Holism: Still a Good Buy // Proceedings of the Aristotelian Society (New Series). 1994. Vol. 94. P. 325–339.

199. Hintikka J. Intentions of Intentionality and Other New Models for Modalities. Dordrecht, Holland: D. Reidel Publishing Company, Springer 1975. XVII, 268 p. (Synthese Library; Vol. 90)

200. Hintikka J. Knowledge and Belief: An Introduction to the Logic of the Two Notions. Ithaka, New York: Cornell University Press, 1962. x, 179 p.

201. Hintikka J. Leibniz, Plentitude, Relations and the “Reign of Law” // Reforging the Great Chain of Being: Studies of the History of Modal Theories / Ed. by Simo Knuuttila. Dordrecht: D. Reidel, 1981. P. 259–289. (*Synthese* Historical Library; Vol. 20; Originally published in 1969).

202. Husserl E. Aufsätze und Rezensionen (1890–1910). The Hague, 1979. 486 S.

203. Ishiguro H. Leibniz’s Philosophy of Logic and Language (2-nd edition). Cambridge: Cambridge University Press, 1990. x, 251 p.

204. Jackman H. Moderate Holism and the Instability Thesis // American Philosophical Quarterly. 1999. Vol. 36, no. 4. P. 361–369.

205. Jespersen B. An Intensional Solution to the Bike Puzzle of Intentional Identity // Philosophia. 2011. Vol. 39. P. 297–307.

206. Kahn Ch. H. The Greek Verb ‘To be’ and the Concept of Being // Foundation of Language. 1966. Vol. 2. P. 245–265.

207. Kahn Ch. H. The Thesis of Parmenides // Review of Metaphysics. 1969. Vol. 22. P. 700–724.

208. Kenny A. The Philosopher’s History and the History of Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G. A. G. Rogers. New York: Oxford University Press, 2005. P. 13–24.

209. Ketchum R. A Note on Barnes’ Parmenides // Phronesis. 1993. Vol. 38, no. 1. P. 95–97.

210. King P. Historical Contextualism: The New Historicism? // History of European Ideas. 1995. Vol. 21, no. 2. P. 209–233.

211. Kirk G. S., Raven J. E. The Presocratic Philosophers. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. XII, 487 p. (First edition in 1957)

212. Krüger L. Why Do We Study the History of Philosophy? // Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy / ed. by Richard Rorty, J. B. Schneewind and Quentin Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 77–101.

213. Lee H. P. D. Zeno of Elea: A Text, with Translation and Notes (= Lee). Cambridge: Cambridge University Press, 1936. vi, 125 p.

214. Lee M.-K. Epistemology after Protagoras: Responses to Relativism in Plato, Aristotle, and Democritus. Oxford: Oxford University, 2005. xii, 291 p.

215. Leibniz G. W. Briefwechsel zwischen Leibnitz, Ernst von Hessen-Rheinfels und Antione Arnauld // Leibniz G. W. Die philosophischen Schriften von Gottfried Wilhelm Leibniz / Herausgegeben von K. I Gerhardt. Zweiter Band. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1874. S. 3–138.

216. Leibniz G. W. Scientia Generalis. Characteristica // Leibniz G. W. Die philosophischen Schriften von Gottfried Wilhelm Leibniz / Herausgegeben von K. I. Gerhardt. Siebenter Band. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1890. S. 3–247.

217. Leibniz G. W. Textes inédits / éd. Gaston Grua. Paris: Presses Universitaires de France, 1948. 526 p.

218. Lewis A. F. Parmenides' Modal Fallacy // Phronesis. 2009. Vol. 54. P. 1–8.

219. Linsky B., Zalta E. N. Naturalized Platonism versus Platonized Naturalism // The Journal of Philosophy. 1995. Vol. 92, no. 10. P. 525–555.

220. Long A. A. Parmenides on Thinking Being // Proceedings of the Boston Area Colloquium in Ancient Philosophy. 1996. Vol. 12. P. 125–51.

221. Lormand E. How to Be a Meaning Holist // The Journal of Philosophy. 1996. Vol. 93, is. 2. P 51–73.

222. Loux M. J. Substance and Attribute: A Study in Ontology. Dortrecht (Holland): D. Reidel Publishing Company, 1978. xi, 187 p.

223. MacIntyre A. The Relationship of Philosophy to Its Past // Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy / ed. by Richard Rorty, J. B. Schneewind and Quentin Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 31–48.

224. Manchester P. B. Parmenides and the Need of Eternity // The Monist. 1979. Vol. 62, no. 1. P. 81–106.

225. Mates B. The Philosophy of Leibniz: Metaphysics and Language. New York: Oxford University Press, 1986. ix, 271 p.

226. McCabe M. M. Escaping One's Own Notice Knowing: Meno's Paradox Again // Proceedings of the Aristotelian Society. 2009. Vol. 59, Part 3. P. 233–256.

227. Mourelatos A. P. D. Determinacy and Indeterminacy, Being and Non-Being in the Fragments of Parmenides // Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides: Revised and Expanded Edition; With a New Introduction, Three Supplemental Essays, and an Essay by Gregory Vlastos. Las Vegas, Zürich, Athens: Parmenides Publishing, 2008. (Originally published in 1976). P. 333–349.

228. Mourelatos A. P. D. Gorgias on the Function of Language // Philosophical Topics. 1987. Vol. XV, no. 2. P. 135–170.

229. Mourelatos A. P. D. Heraclites, Parmenides and the Naïve Metaphysics of Things // Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides: Revised and Expanded Edition; With a New Introduction, Three Supplemental Essays, and an Essay by Gregory Vlastos. Las Vegas, Zürich, Athens: Parmenides Publishing, 2008. (Originally published in 1973). P. 299–332.

230. Mourelatos A. P. D. Some Alternatives in Interpreting Parmenides // Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides: Revised and Expanded Edition; With a New Introduction, Three Supplemental Essays, and an Essay by Gregory Vlastos. Las Vegas, Zürich, Athens: Parmenides Publishing, 2008. (Originally published in 1979). P. 350–363.

231. Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides // Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides: Revised and Expanded Edition; With a New Introduction, Three Supplemental Essays, and an Essay by Gregory Vlastos. Las Vegas, Zürich, Athens:

Parmenides Publishing, 2008. (Originally published in 1970 by Yale University Press). I–L, 1–293 p.

232. Nuchelmans G. Theories of Proposition, Ancient and Medieval Conceptions of the Bearers of Truth and Falsity. Amsterdam, London: North-Holland Pub. Co, 1973. IX, 309 p.

233. Owen G. E. L. Eleatic Questions // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. Ithaca: Cornell University Press, 1986. P. 3–26. (Originally published in 1960)

234. Owen G. E. L. Plato and Parmenides on the Timeless Present // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. Ithaca: Cornell University Press, 1986. P. 27–44. (Originally published in 1966)

235. Owen G. E. L. Zeno and the Mathematicians // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / M. Nussbaum, ed. Ithaca: Cornell University Press, 1986. P. 45–61. (Originally published in 1957–1958)

236. Palmer J. Parmenides and Presocratic Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2009. ix, 428 p.

237. Panaccio C. De la reconstruction en histoire de la philosophie // La philosophie et son histoire / Boss G., éditeur. Zürich, 1994. P. 294–312.

238. Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven: Yale University Press, 1980. xiii, 258 p.

239. Passmor J. The Idea of a History of Philosophy // The Historiography of the History of Philosophy, History and Theory / Nadel G. H., ed. The Hague: Mouton, 1965 (Ser. Studies in the Philosophy of History; Vol. 5). P. 1–32.

240. Peterson S. Zeno’s Second Argument against Plurality // Journal of the History of Philosophy. 1978. Vol. 16. P. 261–270.

241. Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy / ed. by Mogens Lærke, Justin E. H. Smith, and Eric Schliesser. New York: Oxford University Press, 2013. 384 p.

242. Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy / ed. by Richard Rorty, J. B. Schneewind and Quentin Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. xii, 493 p. (Ser. Ideas in Context; Vol. 1).

243. Pietersma H. Husserl's Concept of Existence // Synthese, 1986. Vol. 66, is. 2. P. 312–323.

244. Plato. Platonis opera / J. Burnet, ed. Vol. I–IV. Oxford: Clarendon Press, 1901–1902.

245. Plotinus. Enneads. In 7 volumes / With an English translation by A. H. Armstrong. Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press, St. Edmmudsbury Press Ltd., 1966–1988 (The Loeb Classical Library).

246. Pocock J. G. A. The History of Political Thought: A Methodological Enquiry // Philosophy, Pokitics and Society, second series / Ed. by P. Laslett and W. Runciman. Oxford: Clarendon Press, 1962. P. 183–202.

247. Quine W. V. O. Quantifiers and Propositional Attitudes // The Journal of Philosophy. 1956. Vol. 53, no. 5. P. 177–187.

248. Randall J. H. The Career of Philosophy. Vol. I: From the Middle Ages to the Enlightenment. New York: Columbia University Press, 1962.

249. Rist J. M. The *Parmenides* Again // Phoenix. 1962. Vol. 16. P. 1–14.

250. Saarinen E. Intentional Identity Interpreted: A Case Study of the Relations Among Quantifiers, Pronouns, and Propositional Attitudes // Linguistics and Philosophy. 1978. Vol. 2. P. 151–213.

251. Sainsbury R. M. Paderewski Variations // Dialectica. 2010. Vol. 64, no. 4. P. 483–502.

252. Salmon N. Frege's Puzzle. Cambridge (USA, Mass.): MIT Press, 1986. xi, 104 p.

253. Scott D. Plato's Meno. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. x, 238 p.

254. Sedley D. Parmenides and Melissus // The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy / A. A. Long, ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 113–133.

255. Sextus Empiricus. Adversus mathematicos / H. Mutschmann, ed. // Sexti Empirici opera. Vols. 2–3. Leipzig: Teubner, 1914.

256. Sextus Empiricus. Pyrrhoniae hypotyposes // Sexti Empirici opera. Vol. 1 / H. Mutschmann, ed. Leipzig: Teubner, 1912. P. 3 – 209.

257. Simplicius. Simplicii in Aristotelis *De caelo* commentaria // Commentaria in Aristotelem Graeca. Vol. 7 / Edidit I. L. Heiberg. Berlin: Reimer, 1894. 780 p.

258. Simplicius. Simplicii in Aristotelis *Physicorum* libros quattuor priores (1–4) commentaria // Commentaria in Aristotelem Graeca. Vol. 9 / Edidit Hermannus Diels. Berlin: Reimer, 1882. 842 p.

259. Sisko J. E., Weiss Y. A Fourth Alternative in Interpreting Parmenides // Phronesis. 2015. Vol. 60, no. 1. P. 40–59.

260. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // Meaning and Context. Quentin Skinner and His Critics / Ed. by J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 29–67.

261. Sorabji R. Intentionality and Physical Processes // Essays on Aristotle's *De anima* / M. C. Nussbaum & A. O. Rorty, eds. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 195–226.

262. Sorell T. On Saying No to History of Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G. A. G. Rogers. New York: Oxford University Press, 2005. P. 43–59.

263. Stokes M. C. One and Many in Presocratic Philosophy. Washington: Center for Hellenic Studies, 1971. ix, 355 p.

264. Striker G. The Problem of the Criterion // Striker G. Essays on Hellenistic Epistemology and Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 150–165.

265. Tarán L. El significando de NOEIN en Parménides // Anales de filología clássica. 1959. Vol. 7. P. 122–139.

266. Tarán L. Parmenides: A Text with Translation, Commentary and Critical Essays. Princeton: Princeton University Press, 1965. XV, 314 p.

267. Taylor A. E. Plato: The Man and his Work. London: Methuen, 1926. ix, 522 p.

268. Tejera V. Introduction: On the Nature of Philosophic Historioraphy // History and Anti-History in Philosophy / T. Lavine and V. Tejera, eds. Dordrecht: Kluver Academic Publishers, 1989. P. 1–18.

269. Textor M. From Mental Holism to the Soul and Back // The Monist. 2017. Vol. 100. P. 133–154.

270. Tsouna V. Remarks About Other Minds in Greek Philosophy // Phronesis. 1998. Vol. 43, is. 3. P. 245–263.

271. Vermeir K. Philosophy and Genealogy: Ways of Writing History of Philosophy // Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy / ed. by Mogens Lærke, Justin E. H. Smith, and Eric Schliesser. New York: Oxford University Press, 2013. P. 50–69.

272. Vogt K. Appearances and Assent: Sceptical Belief Reconsidered // The Classical Quarterly. 2012. Vol. 62, is. 2. P. 660–663.

273. Wedin M. V. Parmenides' Grand Deduction: A Logical Reconstruction of the Way of Truth. Oxford (UK): Oxford University Press, 2014. x, 275 p.

274. Wiggins D. Sameness and Substance. Oxford: Blackwell, 1980. xi, 238 p.

275. Zalta E. N. Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics. Dordrecht: D. Reidel, 1983. xii, 193 p.

276. Zalta E. N. Twenty-Five Basic Theorems in Situation and World Theory // Journal of Philosophical Logic. 1993. Vol. 22, no. 4. P. 385–428.

277. Zarka Y. Ch. The Ideology of Context: Uses and Abuses of Context in the Historiography of Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G. A. G. Rogers. Oxford, 2005. P. 147–159.

278. Zeno's Paradoxes / Salmon W. C., ed. Indianapolis: Hacklett, 2001. xiv, 317 p. (Originally published in 1970)

279. Zilioli U. Protagoras and the Challenge of Relativism: Plato's Subtlest Enemy. Aldershot: Ashgate, 2007. xii, 160 p.